

**«МЕЖ ПОРТРЕТОМ И ИКОНОЙ».
ДВА ЦАРСКИХ ПОРТРЕТА XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ
ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Едва ли не самым распространенным и востребованным видом портрета в провинции Российской империи был исторический царский портрет. Его популярность обуславливалась конъюнктурным интересом со стороны верховных властных структур, стремившихся увековечить образы монархов, правящих задолго до современности, ибо в этом они видели и свой статус, и своё будущее предназначение. Презентовать образ справедливого правителя – своего рода, идеал для подражания, – эта задача ставилась в основу династических царских портретов в разных российских провинциях, особенно популярных во второй половине XVIII века. Известны целые династические галереи исторических портретов не только правящей династии Романовых, но также династии Рюриковичей и даже Новгородских правителей. Остатки таких портретных галерей сохранились в Архангельске, Костроме и других городах России. Но художник, выполнявший подобный заказ, сталкивался с определенными трудностями. Прежде всего, это иконографические противоречия: нехватка конкретных образцов для копирования. С другой стороны, искаженная информация о той или иной царственной особе, которая больше напоминала миф, рожденный разного рода слухами. В провинции часто такая информация нередко была совершенно далека от реальной действительности. Все это, в свою очередь, рождало почву для крайне приблизительной и противоречивой трактовки исторического портретного образа. Эти противоречия мы видим на конкретных примерах.

Так, в Вологодском государственном музее-заповеднике хранится реставрированный в 1980–82 годах реставратором О. М. Ревиным портрет Ивана Грозного с судебником. До революции портрет входил в экспозицию малого зала домика Петра Великого.⁵³² Холст, масло. 105×82,5. (Инв. ВОКМ 1588)

⁵³² Каталог домика Петра Великого. – Вологда, 1911. – № 8.

Портрет Ивана Грозного с судебником

Внизу справа на портрете сохранилась надпись свинцовыми белилами:

ЦАРЬ ЮАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

РОД: 1530 ГОДЪ. ЦАРЬ ОТЪ 1533 по 1584. КОПИРОВАНЪ ВЪ 1827 ГОДУ ДЕКАБРЯ 21-ГО ДНЯ ПО ПРИКАЗАНІЮ ПРИСУТСТВУЮЩИХЪ МЕЩАНИНОМЪ АНДРЕЕМЪ БЕРЕЗИНЫМЪ.⁵³³

Данный портрет прошел технико-технологическую экспертизу, в результате которой при микроскопическом исследовании эксперт Т. В. Максимова обнаружила, что надпись лежит поверх сильно разрушенного красочного слоя и нанесена

была гораздо позже написания портрета. Свинцовые белила, которыми сделана эта надпись, местами нанесены поверх старого кракелюра, что говорит о позднем происхождении ее.

Технико-технологические исследования свидетельствуют, что «картина написана на шивном холсте, который состоит из трех кусков ткани, шириной 50 см каждый. В формате картины куски ткани расположены горизонтально. Два из них имеют ткацкие кромки, а третий – надставлен сверху на 20 см. Холст картины грубого полотняного переплетения, с плотностью нитей основы и утка: 7×7 на 1 кв. см. Грунт картины, состоящий из животного клея и мела, очень плотный, толстый и неэластичный. Он имеет светло-желтый цвет, который, по мнению исследователя, образовался за счет прохождения масляного связующего из красочных слоев. Рентгенографическая плотность грунта очень слабая».⁵³⁴

⁵³³ Андрей Березин – вологодский художник из рода Березиных, работавших в XVIII и в XIX вв. Упомянут в публикации: М. Е. Даен «Еще одно произведение художника Березина». // Памятники культуры. Новые открытия. 1998.– М.: 1999. С. 339–340.

⁵³⁴ Отчет по результатам технико-технологических исследований Т. В. Максимова за 2013 год. Архив ВГИАХМЗ.

Портрет написан в архаическом стиле, близком к иконописному, соответствующему многим произведениям, вышедшим из монастырских мастерских XVIII века. Иван Грозный одет в далматику рябиново-оранжевого с переливами цвета, на которой произвольно разбросан растительный орнамент в виде веток и цветов. На плечах бармы. В правой руке, с отставленным мизинцем, держит скипетр. В левой согнутой в локте, опирающейся на колонну руке развернутый белый свиток с надписью: «Судебникъ». Той же левой рукой придерживает круглой формы яблоко, увенчанное крестом – символ державной власти. На груди крупный равноконечный крест. На голове шапка, составленная из двух корон с драгоценными камнями и жемчугом, увенчанная крестом. Лицо и руки Ивана Грозного сильно стилизованы, светотень резкая, форма упрощенно-условная. Похоже, что в основе данной иконографии лежит поздний гравированный образец. Композиция достаточно сложная: поворот фигуры контрапостный – корпус и руки обращены в правую сторону, а лицо в левую.

За основу картины художник выбрал дидактический набор образительных средств, которые представляют образ царя Ивана Грозного не как грозного и свирепого кровавого тирана, каким его видели русские историки в XVIII–XIX веках (Карамзин, Ключевский, Соловьев и др.), а как справедливого законодателя и просветителя, своего рода «поборника правды». Об этом свидетельствует также специфический набор аксессуаров: свиток со словами «СУДЕБНИКЪ», на который указывает царь, скипетр в руке и т.д. Техно-технологические исследования показали, что портрет неоднократно поновлялся. Эти поздние поновления видны и на лице, и на фоне, и на одежде, а также на рентгенограмме. Однако изначальная дата портрета, вопреки указанным надписям, намного старше, как полагает Т.В. Максимова. Она не без основания относит его к XVIII веку, т.е. более чем на 50 лет старше указанной в надписи даты.

Данный портрет, как мы предполагаем, мог появиться в эпоху правления Екатерины II и развернувшейся в период ее правления законотворческой деятельности. Обращение к историческим персонам династии Рюриковичей для придания презентации власти, как полагают искусствоведы В. Г. Чубинская и Е. И. Ружникова, для этой эпохи весьма типично⁵³⁵. Эти тенденции проникали в самые

⁵³⁵ Чубинская В. Г. К вопросу о жанровой специфике генеалогической персонографии. // Сборник научных докладов по материалам конференции «Новые открытия портретного искусства Северо-Запада XVII – начала XX века». Вологда / 2008. С. 30–37, Ружникова Е. И.: Династическая портретная галерея Архиепиевского дома в городе Архангельске.– С. 38–45.

глухие уголки Российской империи и были востребованы не только в светской, но и в церковной среде.

Второй памятник той же эпохи – портрет великого князя Павла Петровича. Вторая половина XVIII века. Холст. Масло. 85×69,3. (Инв. ВОКМ 27937). Был вывезен 20 января 1898 года диаконом С. А. Непеиным от священника Ильинской Кубенской церкви Николая Богословского в Древлехранилище. До революции – музей Епархиального Древлехранилища⁵³⁶. Находился в реставрации с 2007 по 2015 год. Реставратор О. В. Карпачёва.

Портрет великого князя Павла Петровича

Иконография поколенного парадного портрета восходит к типу юношеского портрета вел. князя Павла Петровича художника П. Ротари. Однако она сильно модифицирована и отчасти похожа на парадный портрет великого князя Петра Федоровича – тип Г. Гроота, который находится в экспозиции музея (Иосифовский корпус). В нем абсолютно идентичны поза и поворот фигуры, жесты и регалии. Так, в правой руке Павла – императорский жезл, упираемый в постамент с темно-синей подушечкой, а левая – с отставленным указательным пальцем придерживает эфес шпаги. На портрете великого князя мы видим точно такой же набор царских регалий, что и на портрете Петра III: орденскую ленту и цепь ордена св. апостола Андрея Первозванного, звезду ордена на левой груди, на шее орден св. Анны I степени, горностаевую мантию, накинутую на красный кафтанчик, распахнутый впереди. Отсутствует лишь кираса и колет. Портрет почти аналогичен по композиции юношескому портрету Павла Петровича из Вологодского государственного музея-заповедника,

⁵³⁶ См. Фонд Учетной документации ВГИАХМЗ. № 560. Л. 58–59.

ныне входящему в экспозицию парадных залов Иосифовского корпуса⁵³⁷.

Однако, по сравнению с ним художественное решение данного портрета сильно архаизировано, напоминая по приемам исполнения парсуну: лицо плоское, как на иконе, и неподвижное, а композиция отличается строгостью простых лапидарных форм. Об этом свидетельствует также текстура полотна – грубый домотканый холст, имеющий узелки и утолщения, неровные негрунтованные кромки, толстый грунт, давший глубокие грунтовые трещины. Темный, почти безвысветленный, коричневый фон, перекрыт сверху серым цветом. Лицо великого князя, вероятно, пострадало от поздних промывок. На нем хорошо просматриваются нижние прописки: коричневатый (грунт?), сплошь перекрытый слоем свинцовых белил, отчего он приобрел темно-серый оттенок. В теневых частях лица использован этот темно-серый цвет грунта, который воспринимается как зеленоватый, по контрасту с насыщенной красной под румянкой губ и щек. Серый цвет использован также при написании парика и частично глазных яблок. Губы, крылья носа, брови, глаза имеют легкий светло-коричневатый абрис. Переходы от света к тени на лице резкие, возможно, от смытого верхнего красочного слоя и лака.

На портрете изменены индивидуальные черты Павла Петровича: например, нос выглядит удлинненным с легкой горбинкой и нависающим в виде капельки кончиком, с резко очерченными крыльями, а подбородок имеет слегка раздвоенную конфигурацию – все это делает его очень похожим на лицо отца. Обращают внимание большие широко открытые глаза, взгляд которых абсолютно неподвижен. В отличие от многих других аналогичных портретов Павла Петровича, на которых он представлен в меру своего возраста приветливым, сентиментальным и галантным подростком в духе сервильного светского этикета того времени, например, у Ротари, Антропова, Эриксона и других, образ Павла в интерпретации нашего автора наделен чертами строгой, почти сакральной серьезности. Бледное, с яркими красными, как бы растянутыми губами и темными зрачками глаз, словно буравящими зрителя, оно напоминает маску, причем эта маска очень похожа на икону, а вместе с тем на покойного отца. Возможно, такая интерпретация импонировала всякого рода слухам, распространенным

⁵³⁷ ВГИАХМЗ. (Инв. ВОКМ 8770). Х., м. 89×72. Реставрирован в 1978–82 годах О. В. Карпачевой под руководством реставратора Л. И. Яшкиной (ВНИИР).

в 70 годы XVIII века, об ожившей персоне Петра III, реинкарнированной якобы в образе его сына Павла. С именем великого князя, как известно, были связаны популистские надежды некоторых слоёв российского общества на справедливые реформы, на освобождение крестьянства от крепостного ига, на рыцарское правосудие и честь, и, надо полагать, представленный на портрете образ будущего правителя импонировал таким надеждам. Исторически это объяснимо.

Известно, что Вологодский край в XVIII веке был местом ссылки опального оппозиционного дворянства. Достаточно вспомнить, что в течение 20 лет в Вологде в правление императрицы Елизаветы Петровны отбывал ссылку сын полководца Бурхарда Фон Миниха граф Иоганн Эрнст Фон Миних с женой и семейством⁵³⁸. А позднее, после дворцового переворота в июне 1862 года, предок поэта К. Н. Батюшкова – в частности, отставной корнет Конной Гвардии Илья Андреевич Батюшков – родной брат его деда Льва Андреевича, был обвинен в причастности к заговору против императрицы Екатерины. (Точнее, это был не заговор, а просто пьяное хвостовство молодого офицера Опочинина на вечеринке, объявившего себя сыном английского короля и русской императрицы Елизаветы Петровны). Вскоре оба офицера по učinённому доносу были арестованы. Молодой корнет Илья Батюшков был сослан в отдаленную Мангазею (Сибирь), где он пропал без вести⁵³⁹. Эта опала не могла не повлиять на весь клан Батюшковых, она косвенно касалась всех его представителей, в том числе и отца поэта Николая Львовича Батюшкова, племянника Ильи Андреевича⁵⁴⁰. Невольно вспоминается стихотворение А. С. Пушкина: «Моя родословная»:

*Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался,
Паденью третьего Петра.*

⁵³⁸ Суворов Н. И. К истории города Вологды. О пребывании в Вологде царственных особ и других замечательных исторических лиц. Граф Иоганн Эрнст Миних в Вологде. // Вологодские епархиальные ведомости. 1867.– № 13.– С. 494–495.

⁵³⁹ Барсуков Александр. Батюшков и Опочинин. (Попытки дворянской оппозиции в царствование Екатерины II). // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1878 год. Т. III, № 12. С. 287–309.

⁵⁴⁰ Кошелев В. А. Странствия и страсти.– М., 1987. «Современник». С. 9–12., Лазарчук Р. М. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий.– Череповец: Порт – Апрель. 2007. С. 60–61.

*Попали в честь тогда Орловы.
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый.
И я родился мещанин*⁵⁴¹.

Руинированное состояние сохранности не позволяет полностью представить изначальный вид портрета. Многие детали сильно помыты или утрачены вследствие осыпей. Однако уцелевшие фрагменты говорят об оригинальном профессионализме художника. Например, заслуживает внимания интересная манера передачи муаровых переливов на сине-голубой Андреевской ленте в виде фактурных извилистых мазочков, нанесенных белилами кистью, которые выглядят прозрачными как водяные струйки. Также необычно в виде рельефных мазков выстроены фактуры кружевной отделки с помощью только белил различной плотности, или позумент отделки кафтана, нанесенный рельефными мазками густой коричневой краской с примесью охр. Интересен также абрис левой стороны корпуса фигуры и плеча, усиленный коричневатой лессировкой, который плавно переходит в предплечье, плечо и шею, не нарушая анатомического строения фигуры в целом. При этом колонна слева от фигуры великого князя предельно геометризирована и упрощена. Она решена почти в два тона: коричневым и темно-серо-зеленым цветом с небольшими вкраплениями точечных светлых мазков, имитирующих структуру серо-зеленого камня. Эксперт, исследовавший портрет великого князя Павла, в частности Т.В. Максимова, отмечает высокий профессионализм в написании деталей костюма: *«Конструктивно и живописно (фактурным мазком) решены белые кружева. Алмазы изображены настолько умело, что создается впечатление яркого сияния света на их гранях. Красиво написана горностаевая мантия. Черные хвостики изображены мазком, а сверху нажимом кисти нанесены белила»*⁵⁴².

Вместе с тем портрет великого князя представляет значительный интерес как интереснейший памятник XVIII века, находящийся на грани портрета и иконы. В этой связи уместно упомянуть вышедшую в 2009 году книгу Я.Э. Зелениной о памятниках по-

⁵⁴¹ Пушкин А.С. Моя родословная. // А.С. Пушкин об искусстве. Составление, предисловие и комментарии А.А. Вишневого. Т. 2. – М.: Искусство, 1990. С. 182.

⁵⁴² Цитирую отчет по результатам технико-технологических исследований портрета Т.В. Максимовой (РНИИК и ПН. им. Д.С. Лихачева) от 2013 года. Архив ВГИАХМЗ.

добного пограничного происхождения: «От портрета к иконе», в которой подробно исследуется феномен перехода от конкретного физического образа человека на портрете к его духовному двойнику⁵⁴³. В таких случаях образ портретируемого постепенно сакрализуется, освобождаясь от конкретных возрастных рамок. В итоге художник отступает от реального понимания образа человека в созданном им портрете и тем самым переходит к внеличному, вневременному его трактованию, которое имеет место в иконе. Отчасти, именно с таким явлением мы сталкиваемся на примере портрета неизвестного автора с изображением великого князя Павла Петровича из Вологодского музея-заповедника, который можно отнести к редким памятникам русского провинциального искусства XVIII века.

*Лескова Ольга Владимировна,
ВОО «Клуб делового общения», г. Вологда*

ХРОНОТОП ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕМУАРАХ П. В. ЗАСОДИМСКОГО

В работе представлены результаты исследования мемуаров вологодского писателя и публициста П. В. Засодимского. Хронотоп Вологодской губернии является доминирующим в воспоминаниях писателя. В частности, и в ранних, и в поздних его мемуарах нашли отражение главные достопримечательности центра губернии. Автор-рассказчик является созерцателем вологодской жизни 1843–1892 гг. Описания культуры и быта Вологодской губернии наполнены историческими анекдотами, местными легендами и преданиями.

Имя Павла Владимировича Засодимского тесно связано с вологодской землёй. 1 ноября 1843 года будущий писатель и публицист родился в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Затем он с родителями и няней переехал в Никольск, «маленький, глухой городок, затерявшийся посреди лесов»⁵⁴⁴, где и прожил девять лет. Несмотря на дворянское происхождение, Засодимский

⁵⁴³ Зеленина Я. Э. От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII - начала XIX века.- М: Индрик, 2009.

⁵⁴⁴ Засодимский, П. В. Из воспоминаний.- М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 2.

был вольным ребёнком, дружил с крестьянскими детьми. С ранних лет Павел пристрастился к чтению. Он пишет в своих воспоминаниях: «Я очень скоро справился с азбукой, может быть, потому, что мне самому хотелось поскорее читать. Я любил рассматривать картинки в книгах, но для того, чтобы понимать их смысл, мне нужно было уметь читать. И я быстро научился читать, – и чтение сделалось с малых лет моим любимым занятием. Я читал много и без разбора, что попадалось под руку»⁵⁴⁵. В 12 лет юного Павла зачислили в дворянский пансион при Вологодской гимназии, откуда он иногда на каникулы ездил в Фоминское под Вологдой, родовое имение своего деда П. М. Засецкого.

Мемуары П. В. Засодимского состоят из двух частей, озаглавленных «Мои скитальчества» и «Из воспоминаний». Обе части вышли в свет в типографии Т-ва Сытина в Москве в 1908 году. В заглавии мемуаров слово «скитальчества» присутствует не случайно. Для автора – это не столько перемещение в пространстве, сколько поиски внутреннего «я». При этом само пространство, безусловно, занимает одно из главных мест в системе художественных координат его мемуаров.

Главный литературный топос, который возникает в системе художественных координат, – топос Вологодской губернии, представленный несколькими местностями: частично Великим Устюгом, более полно Никольском, Вологдой и Фоминским. В определении литературного топоса мы будем опираться на точку зрения М. М. Бахтина, который рассматривает топос как составную часть хронотопа, который в свою очередь понимается как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»⁵⁴⁶. Говоря о художественном пространстве, Бахтин отмечает, что в произведении оно тесно связано с движениями времени, сюжета, истории. Действительно, эта закономерность прослеживается и в мемуарах Засодимского: конкретное место будет всегда связано для автора с событиями, которые там происходили, с судьбами людей, живших там.

Эпическим произведениям присуща фрагментарность описываемого пространства, все перемещения в рамках места про-

⁵⁴⁵ Засодимский, П. В. Из воспоминаний. – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 2.

⁵⁴⁶ Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 234 с.

исходят посредством образа повествователя, который является посредником между описываемыми событиями и читателем. Художественное пространство всегда условно, поэтому его делят на «абстрактное и конкретное»⁵⁴⁷. Мемуары, в силу своего художественно-документального жанра, первоначально выстраиваются с опорой на конкретное пространство, которое не просто позволяет определить конкретное изображаемое место, но и активно влияет на смысл описываемых событий. В мемуарах Засодимского идет речь о Вологде и губернии, о её конкретных локациях (гостиница «Золотой Якорь», Соборная Горка, Дворянское собрание, Прилуцкий монастырь, вологодская гимназия, Заоникиевская пустынь, Фоминское, Никольск, Великий Устюг, Грязовец, реки Юг, Двинаца, Вологда и др.). Эти локации являются своеобразными декорациями для губернской жизни.

В части «Из воспоминаний» Засодимский достаточно подробно рассказывает о центре Вологды. Такое внимание объясняется двумя фактами: во-первых, тем, что вологодская мужская гимназия находилась практически в самом центре губернской столицы (современное здание второго корпуса ВоГУ на пересечении улиц Зосимовская, Ленина – бывш. Кирилловская, Галкинская); во-вторых, П. В. Засодимский приехал в Вологду в 1856 году уже в сознательном возрасте (12 лет) и пробыл здесь 7 лет. Здесь прошли его юность и ранняя молодость: «В феврале 1856 г. я поступил своекоштным воспитанником в так называемый дворянский пансион, находившийся при вологодской гимназии, и оставил его в июне 1863 г., по окончании гимназического курса. Таким образом, мое пребывание в этом пансионе охватывает период времени немного более семи лет»⁵⁴⁸.

Переезд в Вологду в подростковом возрасте Засодимский воспринимает как новый, поначалу показавшийся трагическим, виток своей жизни: «Когда отец был в ополчении, на нашем семейном совете порешили, что меня пора отдать в гимназию (мне тогда было уже 12 лет), и мама отправилась со мною в Вологду. В гимназии при расставаньи я горько-горько плакал, повиснув на шее матери. Плакала и мама. Это была первая разлука и мои первые горькие слезы, горячие слезы, от которых надрывалась моя

⁵⁴⁷ Есин, А. Б. *Время и пространство // Введение в литературоведение: Учебное пособие / Под ред. Л. В. Чернец.* – М.: Высшая школа, 2004. 285 с.

⁵⁴⁸ Засодимский П. В. *Указ. соч.* С. 61.

детская грудь...»⁵⁴⁹. Автор мемуаров подробно рассказывает о своей гимназической жизни, акцентируя внимание на здании учебного заведения и прилегающей к нему территории – это можно объяснить относительной закрытостью городского пространства для воспитанников. Центр Вологды у Засодимского – это подробный художественный образ, основанный на описаниях, построенных через призму авторского видения. Это губернская столица 50–60-х гг. XIX века. В воспоминаниях автора прослеживаются портреты дворянства и мещанства Вологды этого периода.

Воспоминания как жанр помогают Засодимскому субъективно оценить события, а автор-рассказчик, чья фигура является объединяющей для произведения, ведет активный диалог с читателем, дополняя его описаниями и развернутыми портретами горожан и исторических деятелей. Повествование о Вологде напоминает экскурсию, в течение которой рассказчик подробно останавливается на внешнем виде зданий, на облике людей, при этом иногда это полная панорама местности. К примеру, развернутым описанием в мемуарах обладает место, где располагалась вологодская гимназия: «Строители гимназии, говорят, хотели первоначально придать зданию вид буквы П, но, по недостатку денежных средств или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны здания, и поэтому вместо П получилась несколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназия наша выходила на улицу, а фасадом – на площадь, так называемый “плац-парад”, или “парадное место”, где происходили солдатские ученья и куда заходили иногда соблазненные зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной стороне площади, <...> стоял (да стоит и поныне) губернаторский дом и рядом с ним духовная семинария. С третьей стороны площади некогда находилась гауптвахта, но в 60-х годах она за ненадобностью была уничтожена, и на ее месте воздвигнут деревянный сарай для городского театра. Высота здания, большие окна и фасад с колоннами придавали нашей гимназии весьма внушительный вид. При гимназии находился довольно большой, густой сад, бывший во владении директора, который, впрочем, им почти не пользовался»⁵⁵⁰. Засодимский раскрывает читателю виды Вологды – и простые, без прикрас, и торжественные, как, например, накануне приезда императора Александра II в середине июня 1858 года, но тоже пропитанные субъективизмом и иногда даже

⁵⁴⁹ Засодимский П. В. Указ. соч. С. 60.

⁵⁵⁰ Там же. С. 61.

сарказмом автора-рассказчика: «Город был великолепно иллюминирован; на фасаде гимназии горел громадный транспарант с буквами А и М; вокруг плац-парада пылали смоляные бочки. Но иллюминация сгорела напрасно: государь не приехал в тот вечер».⁵⁵¹

В описании Вологды, в особенности уже после окончания гимназии, после путешествий, автор любовно называет известные места столицы, снабжая их эпитетами или развёрнутыми описаниями, следовательно, изображённое пространство можно представить в схеме реального города.

В мемуарах, описывающих детство и отрочество, присутствует динамика описаний, читатель следует за автором-рассказчиком и видит окружающий мир через индивидуальные впечатления и переживания повествующего: «Я обошел поля, луга и долго бродил по лесу. Наш лес назывался Аникиевским, по имени разбойника Аники. В пяти верстах от нашей усадьбы находилась Зааникиевская пустынь, и в тихую погоду или при западном ветре до нас глухо доносился звон монастырских колоколов»⁵⁵².

Позднее, в дни приездов в Вологду после гимназии, характер описаний у Засодимского в основном статичен, событийен, описателен. Складывается впечатление, что автор-рассказчик застывает на месте и подробно описывает город, попутно вспоминая о событиях с разной отсылкой во времени. К примеру, в тексте «Моих скитальчеств» есть история о вологодской гостинице «Золотой якорь» и пожаре вблизи неё в середине октября 1891 года. Во многих описаниях присутствует элемент метафоричности, мифологичности, легендарности, однако он подкрепляется конкретными приметами и деталями, позволяющими узнать место или территорию.

С каждой описываемой местностью у автора-рассказчика ассоциируется определенный тип людей, при этом иногда говорится о социальной группе в целом, иногда – конкретно о человеке. Глава «В гимназии» посвящена не только описанию учебного процесса, территории и здания мужской гимназии, но и знакомству с личностями, имевшими вес в обществе – как вологодском, так и российском – в 50–60-х гг. XIX века. Подробную характеристику Засодимский даёт преподавателям гимназии, среди которых либеральный директор Аникита Семенович Власов, мелочно-взыскательный

⁵⁵¹ Засодимский П. В. Указ. соч. С. 84.

⁵⁵² Там же. С. 9.

инспектор Дмитрий Алексеевич Зяблов, учитель французского языка Карл Антонович Блез, учитель русского языка Михаил Николаевич Николенко и другие. Особое место в галерее личностей занимает Александр II. В тексте мемуаров подробно описано отношение к императору: «Личность покойного императора Александра II произвела на меня хорошее впечатление. Ни в его наружности, ни в обращении, ни в словах не чувствовалось ничего такого, чтобы внушало хотя бы малейший страх. Он говорил в то утро несколько охрипшим голосом, но в этом голосе слышались мягкие ноты. Скорби и разочарования, ожидавшие его в будущем, еще не успели в ту нору омрачить его молодого лица, и лицо его в то далекое июньское утро было так же ясно и светло, как светло было голубое небо, сиявшее в большие окна нашей залы...»⁵⁵³. В целом отношение к царской династии в семье Засодимского отличалось трепетом и теплотой: «В наших семейных воспоминаниях личности Александра I и цесаревича Константина Павловича всегда были окружены каким-то сияющим ореолом»⁵⁵⁴.

Из сословий Вологодской губернии в своих мемуарах 1843–1892 гг. П. В. Засодимский обращает внимание на крестьянство (догимназический период), мещанство и дворянство (гимназический и поздний периоды). В семейной жизни вологжан существовали исключительно патриархальные нравы. За пределами губернской столицы преобладало крестьянство с характерным для Русского Севера укладом деревенской жизни.

В облике Вологодской губернии П. В. Засодимский видит искренность и чистоту традиций, он пишет о личностях в большинстве случаев с особой мягкостью и теплотой. Автор мемуаров «Из воспоминаний» и «Мои скитальчества», прожив на вологодской земле детские и юношеские годы, считает себя её частью, идентифицирует себя с этой территорией. Образ Вологодской губернии для П. В. Засодимского является ностальгическим и искренним.

⁵⁵³ Засодимский П. В. Указ. соч. С. 85.

⁵⁵⁴ Там же. С. 17.

*Дубровская Елена Юрьевна,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Республика Карелия*

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В ВОСПРИЯТИИ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ СОБЫТИЙ*

Изучение периода революции 1917 года и Гражданской войны на Европейском Севере России принадлежит сегодня к числу наиболее актуальных проблем научных исследований. Особый интерес представляет изучение революции и Гражданской войны в отдельных регионах страны, в частности, анализ радикальных форм противостояния общественно-политических сил в среде горожан и в деревне с учетом специфики происходившего в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях в 1917–1920 гг., их причин, хода и последствий⁵⁵⁵.

Важнейшей задачей историков становится изучение Гражданской войны в России как во многом уникального феномена не только отечественной, но и мировой истории во всей сложности и многогранности как общественно-политических, так и экономических, социально-психологических, социо-культурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, этнических процессов, конфликтов и расколов. Все это накладывало своеобразный «колоритный отпечаток» на вооруженное противодействие и многообразие его форм и участников.⁵⁵⁶ В дискуссиях историков звучат призывы и предпринимались попытки раскрыть Гражданскую войну во всем многообразии ее связей с Первой мировой войной и предшествующим революционным процессом.⁵⁵⁷ Это дает возможность взглянуть на события в северном крае сквозь призму «системного кризиса», формировавшегося на протяжении

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

⁵⁵⁵ См. новейшее монографическое исследование по этой проблематике: Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918.– Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

⁵⁵⁶ Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России. (Историографический очерк).– Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. С. 54–74.

⁵⁵⁷ Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы).– Архангельск: изд-во «БОРГЕС», 2000. С. 37–39.

предшествующих четырех лет мировой войны и десяти революционных месяцев 1917 года, кризиса, разрешить который мирными средствами оказалось невозможно⁵⁵⁸.

Появившиеся в последние десятилетия публикации источников и монографические работы позволяют выделить новые сюжеты, подходы и оценки событий этого времени. Нельзя не согласиться с челябинским исследователем И. В. Нарским, отметившим среди результатов «принудительно-модернизационного опыта 1914–1916 годов» то обстоятельство, что русская армия воспитала множество врагов «устаревшего» сельского образа жизни. Фронтовики, мечтавшие в окопах отомстить тыловым «предателям» и «трусам», уже к началу 1917-го понимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение «необстрелянных» соотечественников к дисциплине на военный лад. Инициированное ими превращение тыла во фронт вскоре отозвалось беспримерной жестокостью в отношении крестьянства в годы Гражданской войны и «военного коммунизма».⁵⁵⁹

Перспективным видится исследование комплекса аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого», мифов об этнической, региональной или национальной исключительности. Представляется интересным проследить, как шел процесс революционного мифотворчества и конструирования новой идентичности жителей Российской Карелии в раннесоветский период, в какой степени этот процесс носил характер «децентрализованного», исходящего «снизу», а также как создавался у авторов воспоминаний – участников и очевидцев событий революции и Гражданской войны – образ беспощадного противника, в том числе образ

⁵⁵⁸ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) СПб: Нестор-История, 2017. 432 с.; Егоров А. Н. Вологодские кадеты в 1917 году // Вологда. Вып. 1.– Вологда: ВГПИ, 1994. С. 160–168; Наумова О. А. Крестьянство Вологодской губернии в послеоктябрьский период (1918–1921) // Великая российская революция 1917 г. в контексте региональной истории XX в.: матер. межрег. науч. конф. 27–28 октября 2016 г.– Вологда: «Вологодская типография», 2017. С. 116–127; Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920.– М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.; Старостин С. И. «Красный террор» в г. Кириллове в 1918 г. // Великая российская революция... С. 138–150; Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны.– Архангельск: САФУ, 2014; *Она же*. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века).– Архангельск, 2011. С. 92–95, и др.

⁵⁵⁹ Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: «Каменный пояс», 2007.– С. 488–502.

враждебной Финляндии. Изучение таких источников личного происхождения, создававшихся в 1930-е – 1950-е гг. по инициативе активистов истпарта или же записанных экспедициями собирателей фольклора в качестве «Рассказов о гражданской войне», целесообразно сопоставить с уникальными дневниковыми записями тотемского крестьянина А. А. Замараева за 1917–1920 гг.⁵⁶⁰

В переломные для Российского государства годы революции и Гражданской войны Север России оказался вовлечен в орбиту международной политики. Прежде всего, в сферу интересов Германии и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников России по антигерманской коалиции. С заключением в начале марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора между Германией и советской Россией последняя все же не осталась в стороне от продолжавшейся мировой войны. Поменялся ее противник, преследовавший свои интересы на Северо-западе бывшей российской империи – Великобритания, и вчерашние союзницы – страны Антанты – оказались врагами.

Для истории Карелии XX в. военная тематика остается одной из самых актуальных в силу геополитического фактора, поскольку пограничное положение края создавало предпосылки для вольного, а чаще – невольного участия населения в вооруженных конфликтах России с иностранными государствами. Это очевидно и для 1918–1920 гг., когда территория Карелии, как российский-финляндское приграничье, так и Карельское Поморье, перестала быть окраиной государства в прямом смысле слова, приобретая все более осознаваемое важное стратегическое значение для всей страны. Наряду с внутрirosсийскими боевыми конфликтами различного характера и направленности (Красная Армия / белогвардейские войска Временного правительства Северной области в Архангельске или национальные формирования карелов / русские «красные» или «белые» части) Поморье, Обонежье и приграничные волости Карелии стали ареной внешней, союзнической и финской интервенции.

⁵⁶⁰ Замараев А. А. Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева (1906–1922) / публикация В. В. Морозова, Н. И. Решетникова. М.: ИЭиА РАН, 1995. 260 с.; Коренева Н. И. Революционные события 1917–18 гг. в Тотемском уезде по материалам краеведческих периодических изданий и мемуарным источникам // Великая российская революция... С. 73–84; Морозов В. В., Решетников Н. И. Тотемский крестьянин А. А. Замараев и его дневниковые записи // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2.– Вологда, Русь, 1997. С. 247–250.

Региональный подход, применимый к изучению этих процессов на русском Севере, позволяет показать происходившее здесь как сложное переплетение различных вооруженных конфликтов и войн, которое способствовало резкому расширению масштабов, ожесточенности и продолжительности российской Гражданской войны.

В начале июня 1918 г. Верховный военный совет Антанты принял решение об интервенции на Севере, однако военные действия союзников на Мурмане летом 1918 г. знаменовали собой начало перехода от интервенции, формально объясняемой военно-стратегическими мотивами, которые проистекали из Первой мировой войны, «к антибольшевистским действиям, направленным на свержение советской власти», что «потребовало осуществления в северных губерниях комплекса мер, направленных на укрепление обороны и подготовку к отражению иностранного вторжения»⁵⁶¹. Так, согласно дневниковой записи А.А. Замараева, от 24 июня (ст.ст.) Тотемский уезд был объявлен на военном положении, 26 июля (8 августа по н.ст.) он отметил: «город Тотьма и Устюг на осадном положении»⁵⁶². Эта мера была принята в связи с высадкой англо-французскими интервентами десантных войск на севере России.⁵⁶³

Весной – летом 1918 г., на завершающем этапе мировой войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны. В вооруженных столкновениях лета – осени 1918 г. прослеживается переплетение противоборствовавших интересов сторон – комбатантов продолжавшегося мирового конфликта, участников ожесточенных социальных битв и отягощенных опытом четырех лет войны карельских крестьян, которые по-разному решали вопрос о судьбе Российской Карелии⁵⁶⁴.

⁵⁶¹ Голдин В.И. Север России... С. 554–555.

⁵⁶² Замараев А.А. Указ. соч. С. 448, 451.

⁵⁶³ Край наш Вологодский.– Архангельск, 1982. С. 192.

⁵⁶⁴ Подробнее об этом: Витухновская-Кауппала М.А. Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Сб. статей.– Петрозаводск, 2014. С. 299–314; *Она же*. «Карелия для карел!»; Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*.– 2010.– № 4.– С. 245–282; *Она же*. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелии как фактор национальной политики // *Ab Imperio*.– 2003.– № 1.– С. 113–148.

В годы Гражданской войны у руководителей преобразований всех сторон жизни северной глубинки возникало немало иллюзий относительно скорого успеха будущего коммунистического переустройства планеты. Романтические мечты о мировой революции и всемирной «заре социализма», ставшие приметой времени, не обошли как большевистских губернских лидеров, так и простых горожан и сельских жителей. Однако в российском обществе, непоправимо расколотом революцией, вынашивались и другие идеи насчет будущего родины и способов восстановления утраченного прежнего порядка. Выражаясь образно, возвратившиеся из окопов солдаты Первой мировой приносили в родные места «войну на сапогах».

Так в эпоху, последовавшую за российской революцией 1917 года, часть Олонецкой губ. и западных волостей Кемского уезда Архангельской губ. (Беломорская Карелия и Карельское Поморье) оказались театром военных действий Первой мировой. Первая мировая и Гражданская войны, как и российская революция 1917 г., сыграли особую роль в становлении советской идентичности. Вот почему изучение представлений участников и очевидцев этих трагических событий о «Своих», «Чужих» и «Других» является весьма перспективным направлением в исследовании как границ Российской империи / советской России, так и механизмов конструирования общей памяти в многонациональном государстве.

Сегодня все чаще обнаруживается стремление исследователей, изучающих раннесоветский период российской истории, опираться на «живые свидетельства» прошлого, которые, конечно, уже не могут «представлять» видение времени из 1920–1930-х, но все же позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в «антропологическом ракурсе». Примечательны в этом отношении воспоминания жителя г. Олонца Петрова о военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии, поблизости от российско-финляндской границы. Спустя многие десятилетия, в 1970-х гг., он рассказал, как семилетним мальчиком оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя. Тот отлучался вместе с односельчанином-соседом и брал с собой ружье. После того как однажды отец привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения таких постоянных отлучек: «Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т.д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т.е. рожь,

которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим 12-ти калиберным, ... вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей...»⁵⁶⁵

Воспоминания, которые условно можно сопоставить с материалами по «устной истории», свидетельствуют, что в обстановке катастрофической нехватки продовольствия в уездах Олонецкой губ., когда еще с 1917 г. здесь действовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию, такие самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же оказывались поступками сомнительного свойства, и крестьяне это осознавали. Не случайно упоминание мемуариста о том, что «отец долго не хотел говорить» о характере своих поездок и уступил лишь тогда, когда сын «настойчиво не давал ему покоя».⁵⁶⁶ Однако в дальнейшем подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получали совершенно иную интерпретацию.

Дневниковые записи А. А. Замараева свидетельствуют о негативном отношении тотемских крестьян ко все чаще вторгавшемуся в их жизнь «человеку с ружьем». 4 (17) октября 1918 г. он отметил в дневнике: «Ездил с красноармейцами в Медведеву. Ездят с ружьями, как башибузуки»⁵⁶⁷. Незадолго до этого, в записи, сделанной в день Рождества Богородицы 8 сентября по старому стилю, которым автор дневника пользовался и после реформы календаря 1918 г., читаем: «издан декрет: убрать все иконы и религиозные украшения из всех казенных мест и не служить молебнов в учебных заведениях. Сюда, в Тотьму, дожидают 1½ тысячи латышских красноармейцев. Все сожрут»⁵⁶⁸.

В начале 1919 года А. А. Замараев сделал запись о бедственном продовольственном положении в городе. «Сегодня ходил в город. Давали табаку в крестьянской потребилке по осьмухе на человека 1 руб. 25 коп., но народу много, не получил. Мясо все отправляют в Вологду. Здесь выдают только по фунту на человека в неделю, 2 руб. 10 коп. фунт. Крестьянам дают только головы, и то надо брать удостоверение в продовольственной управе, 1 руб. 50 коп.

⁵⁶⁵ Петров. О двух дядях Петях // Научный архив Карельского научного центра РАН. (НА КарНЦ РАН). Фольклорная коллекция.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Замараев А. А. Указ. соч. С. 458.

⁵⁶⁸ Там же. С. 453.

фунт. Не мог даже нигде купить спичек. Горожанам дают муки 15 фунтов в месяц на человека, и то три раза в месяц по 5 фунтов на дачку. Да надо стоять два дня в очереди». На другой день он записал в дневнике: «Ушел утром рано, еще при огне, в свою потребилку. Там уже народу полная лавка, дают табак по осьмухе. Потом был в продовольственной управе, дали доверенность купить голову и хоть ног... Рыбы нет. У лавок очереди и хвосты. Привозного товара – дровни, кадочки и горшки»⁵⁶⁹.

Стоимость осьмушки табака, так поразившая его в эти дни, в июне 1919 года поднимется до 40 руб., а через год до 300 руб. 30 января (12 февраля) 1920 г. автор дневника записал: «На заработки никто не ездит, денег никому не надо. Да за них ничего решительно не купить. Ничего в городе не стало. За февраль дали только спичек, на двух человек один коробок, а больше ничего. Сотни и даже тысячи рублей потеряли всякое значение. Картежники проигрывают и выигрывают по двадцать тысяч и по сороку, и не жалеют. Осьмуха табаку – 300 руб., соль – 400 руб. фунт»⁵⁷⁰. В ноябре 1919 г. Замараеву пришлось обменять воз дров за осьмушку табака и коробок спичек⁵⁷¹.

Разумеется, экспедиции собирателей фольклора и воспоминаний о происходившем в Карелии в 1917–1920-х гг. обращались к памяти лишь одной из сторон – к победителям, участвовавшим в революционных событиях и сражениях Гражданской войны. Среди них бывшие красные партизаны, красноармейцы и те из жителей приграничья, кто поддерживал советскую власть. Однако в их свидетельствах встречаются подробности, позволяющие обнаружить проявления не только идеологической памяти населения, но и памяти неотредактированной, иногда наивной, порой рефлексивной, рассудочной, нередко той, которую можно назвать «памятью сердца». Актуализировалось желание остаться в памяти «своих» соратников хотя бы даже ценой мученической гибели, сблизившей предвидение человеком собственной судьбы с традиционными представлениями о «святых» и «страстотерпцах». Судьба «маленького человека» оказывалась, таким образом, возвышенной до аналогий с главными святынями христианства, хотя декларируемый отказ от христианских ценностей вел к демонстрации «вседозволенности».

⁵⁶⁹ Замараев А. А. Указ. соч. С. 458–459.

⁵⁷⁰ Там же. С. 481.

⁵⁷¹ Там же. 476.

Семилетний Петров оказался свидетелем того, как в канун праздника Пасхи 1919 г., за день до вторжения в Южную Карелию финских добровольческих отрядов, в одной из деревень красноармейцы-пограничники шумно веселились. Они составили оркестр из всего, что попало под руку: гармошки, гитары, балалайки, «даже от печки взяли заслонку и начали играть, и такую шумную затеяли игру, что наш деревянный домик ходуном заходил, а я от радости кружился по полу как волчок». В ответ на увещевания бабушки, которая попыталась прекратить эту потеху, затеянную в Страстную Субботу, приятель автора воспоминаний – «дядя Петя» – парировал следующими словами: «Знаете что, старуха, у вас завтра Пасха, Иисус Христос воскреснется, а нас наоборот, если что, мы никогда не воскреснемся, а люди, вот как твой внук, будут вспоминать, какие мы Иисусы Христы».⁵⁷²

Неудивительно, что нарочитая демонстрация безразличия к отвергаемым духовным ценностям и неуважения к религиозным чувствам населения не добавляли авторитета сторонникам переустройства деревенской жизни в глазах взрослых. Как пишет Петров, «тут бабушка рассердилась, хватъ меня за ухо», потащила «на второй этаж и бурчит: ты тоже хочешь быть такими антихристами, как эти?»⁵⁷³. Разделение земляков на «нас» и «этих», «своих» и «чужих» в условиях острейшего общественного противостояния было типично для обеих сторон. В воспоминаниях А. П. Поповой, матери расстрелянного в д. Нюхча председателя местного сельсовета Ивана Васильевича Попова, обращает на себя внимание рассказ о том, как она предостерегала сына от недовольства зажиточных односельчан его деятельностью: «Вот и дает мужицку записку, што пойдешь к богатому мужику, он даст жито тебе поле засеять, а я рассчитаюсь ему пшонкой. А им казалось мало пуд на пуд, дешево. Вот на него бранились и ворчали. Я ему и говорю: “Вот, Ваня, ты с бедным связался, а тебя богатые расстреляют”. А он: “Э, мама! Ты не дело говоришь. Полдела – кабы за бедных расстреляли, только бы не за богатых. Тогда бы был я памятником”. А я не спросила: “Ваня, каким бы ты был памятником?”. Вот теперь памятником и стал. Товарищи три раза в год ходят и поминают»⁵⁷⁴. Источник зафиксировал пример одновременного конструирования и последующей демонстрации как социальной

⁵⁷² Петров. О двух дядях Петях // НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 232.

идентичности, которая, по наблюдениям Ш. Фицпатрик, означает отождествление себя с некоей группой или категорией, так и идентичности персональной, с целью «установить степень своей личности внутри категории»⁵⁷⁵.

А.А. Замараев, отразивший, в отличие от авторов воспоминаний, настроения северного крестьянина непосредственно в момент написания дневника, свидетельствует о чувстве безысходности, общем для его земляков в период Гражданской войны и интервенции. В канун 1919 года он подвел горестные итоги года ушедшего: «В этом году много неурядицы, большой голод и полная разруха во всем. Вольной торговли нет, купцы все нарушены в городах, а в деревнях у крестьян отобран хлеб и скот и взыскана контрибуция»⁵⁷⁶. Понятием «контрибуция», применимым к населению страны побежденного противника, тотемский крестьянин называет налоги на крестьянство, введенные советской властью. «К весне надо ожидать больше голода, хотя этот страшней непрощенный гость давно уже свирепствует сильно в больших городах, также и у нас»⁵⁷⁷.

Последствия политики «военного коммунизма» для исторического развития северных губерний, как и всей России, не могут оцениваться лишь как результат исключительно вынужденных обстановкой военного времени введения большевистским правительством экономических элементов этой системы (продразверстка, централизация управления национализированной промышленностью, насильственная кооперация, уравнительное распределение, натурализация заработной платы, милитаризация труда и т.д.).⁵⁷⁸ Политика и практика «военно-коммунистического» руководства деревней, исходившая из центра и осуществлявшаяся, главным образом, при помощи военного аппарата, порой приобретала в северной глубинке специфические проявления. Во многом они были обусловлены геополитическим положением и национальным составом населения Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний. Однако повсюду «военный коммунизм» был неотделим от характерного для всего общества особого психологического состояния, о чем свидетельствуют и многочисленные источники личного происхождения.

⁵⁷⁵ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России. – М., 2011. С. 4.

⁵⁷⁶ Замараев А.А. Указ. соч. С. 459.

⁵⁷⁷ Там же. С. 460.

⁵⁷⁸ Шумилов М.И., Шумилов М.М. История России. 1917–2000. – Петрозаводск, 2000. С. 115–116.

*Синицына Джесси Петровна,
МБУК «Бабушкинский районный исторический музей»,
село им. Бабушкина, Вологодская область*

**СКВОЗЬ ВЕКА: ОТ ЗЕМСКОЙ К СОВРЕМЕННОЙ
БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.
(на примере Леденгской районной библиотеки)**

*Культура стоит на трех китах.
Это библиотеки, архивы, музеи.
Нельзя допустить, чтобы они исчезли.
Д. Лихачев*

Моё исследование посвящено развитию библиотечного дела в Бабушкинском районе. История библиотечного дела в районе имеет вековой путь. От маленьких разрозненных изб-читален в начале века до нынешней централизованной библиотечной системы пройдено немало. Каждое время накладывает свой отпечаток на состояние фондов, интересы читателей, содержание работы.

Источниковую базу данного исследования составили воспоминания ветеранов библиотечного дела, архивные документы, фотографии из семейных архивов, краеведческие сборники, периодика, Интернет-ресурсы.

Сегодня, говоря о судьбе отечественной культуры и библиотечной науки, нельзя не вспомнить историю, традиции, которые складывались не одно столетие, условия, в которых формировались различные типы библиотек.

Широкое развитие библиотечного дела в России неразрывно связано с деятельностью земства. Первые более или менее систематические заботы земства об открытии народных библиотек совпадают с началом 1880-х годов, когда благодаря деятельности земской школы в селах и деревнях образовался достаточный контингент грамотных людей. Земство возлагало большие надежды на бесплатные библиотеки-читальни как на один из просветительных очагов в деревне. В ведении земства находились именно сельские библиотеки-читальни, т.к. все городские бесплатные библиотеки были открыты и действовали под эгидой просветительных обществ⁵⁷⁹.

⁵⁷⁹ Бесплатная народная библиотека в Вологде // Образование.– 1893.– № 7/8.– С. 76–77 (2-я паг.). О развитии библиотечного дела в губернии.

Еще в 1890-х годах XIX века земства Вологодской губернии приступили к устройству народных бесплатных библиотек и были, по словам вологодского чиновника А. А. Локтина, в числе передовых в направлении народного просвещения. В 1893 году губернское земское собрание постановило отпускать пособие в размере 50 руб. на каждый уезд губернии по представлениям губернских управ об открытии бесплатных библиотек⁵⁸⁰.

Великий мыслитель и демократ А. И. Герцен писал, что библиотека – это «открытый стол идей, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет»⁵⁸¹.

В краеведческом сборнике «Развитие системы образования Бабушкинского района с начала XIX в. на начало XXI в.»⁵⁸² имеются сведения о том, что в 1871 г. 14 марта горнозаводская школа в селе Леденгском была преобразована в Министерское двухклассное училище. Содержалось оно на средства Министерства Народного Просвещения и располагалось в центре села на улице Церковной, позднее Садовой.

Небольшое одноэтажное деревянное здание на каменном фундаменте, крытое тесом, наверху – мезонин. В здании помещались 6 классов: 4 класса внизу, 2 класса вверху. А еще там были маленькая учительская, квартира учителя, библиотека, гимнастическая комната.

Публичная библиотека при земском училище предназначалась для всего местного населения. Фонд был невелик и состоял в основном из книг священного писания и духовно-нравственного содержания, художественной и познавательной литературы. Однако уже тогда библиотека не только служила подспорьем для учащихся, но и выдавала книги грамотным крестьянам, которых, вопреки устоявшемуся мнению, было немало в Вологодской губернии.

Начало создания библиотеки (решение земства об учреждении, работа по комплектованию, открытие для читателей) надо

⁵⁸⁰ Локтин А. А. Народные библиотеки Вологодской губернии / А. Локтин // Рус. школа. – 1907. – № 9. – С. 137–150.

⁵⁸¹ Официальный сайт Муниципального бюджетного учреждения культуры ЦБС для взрослых муниципального образования городской округ Симферополь Библиотека – филиал № 7 им. Т. Г. Шевченко. Афоризмы, цитаты, высказывания о библиотеке. [Электронный ресурс]. / URL: <https://libsevchenko.nethouse.ru/page/193991/> (дата обращения: 18.12.2018).

⁵⁸² Развитие системы образования Бабушкинского района с начала XIX в. на начало XXI в. / совм. исл. работа А. Зайцевой, Е. Поляшовой, Е. Н. Зайцевой. – с. им. Бабушкина. – 2011. – с. 11.

Леденгское училище

считать, как предлагает профессор М. Я. Дворкина – от даты открытия⁵⁸³.

5 октября 1892 г. «с покорнейшим прошением» в Тотемское уездное земское собрание обратился заведующий Леденгской бесплатной народной библиотекой, заведующий учитель Леденгского двухклассного мужского училища В. Пономарев. В нём он писал, что «4 сего октября согласно приговора крестьян Леденгской волости от 29 июня 1891 года и воспоследовавшего на то разрешения Его Превосходительства, господина Начальника губернии, 12 мая 1892 года открыта в селе Леденгск после совершения молебствия при многолюдном собрании обывателей бесплатная народная библиотека при местном волостном правлении, под моим заведыванием.

Из отрадного этого факта видно, что у народа проявляется желание не забывать, а пополнять знания, приобретенные им в училище...

...А потому осмеливаюсь всепокорнейше просить почтенное земское собрание обратить внимание на начинающееся весьма полезное дело – открытие народной бесплатной библиотеки в селе Леденгск и

⁵⁸³ Дворкина М. Я. Периодизация – это отражение сущностных изменений... / Библиотекосведение. 2000.- № 3.- С. 96-100.

оказать материальную поддержку назначением какого либо пособия на приобретение книг для новой библиотеки, так как назначенная по приговору крестьян на библиотеку сумма 12 р. каждогодно, слишком ничтожна»⁵⁸⁴.

Данное ходатайство было одобрено земским уездным собранием: *«Заявление учителя Леденгского училища Пономарева о назначении пособия на открытую в с. Леденгск при волостном правлении народную библиотеку. Собрание признавая устройство подобных библиотек делом крайне полезным для местного населения Постановили: отпустить в пособие Леденгской народной библиотеки на приобретение книг пятнадцать рублей»⁵⁸⁵.*

Леденгская земская народная библиотека прошла сложный исторический путь развития. История развития библиотечного обслуживания населения в Леденгском (затем Бабушкинском) районе начинается с 4 октября 1892 г. Именно тогда в Тотемской уездной земской Управе возникла мысль об открытии земской народной библиотеки, которая стала первым учреждением культуры в районе. Первые 898 книг стали тем прочным фундаментом, на котором впоследствии появились многие тысячи новых книг, которыми сейчас обладает библиотека села и района. Без преувеличения можно сказать, что на протяжении многих лет районная Леденгская библиотека была «лучом света» в жизни тогдашнего села.

В 1902 году открывается Миньковская библиотека на средства умершего книгоиздателя Ф.Ф. Павленкова, при пособии от земства⁵⁸⁶, а через три года – в 1905 г. открываются Харинская и Юркинская библиотеки⁵⁸⁷.

К сожалению, начавшаяся Первая мировая война и последовавшая за ней революция неблагоприятно сказались на судьбе библиотек. Они перестали систематически финансироваться и пополняться новой литературой.

Народные библиотеки, помимо земств, могли открываться сельскими обществами, городскими думами, просветительными обществами, частными лицами и др. Народная библиотека не имела точного определения. Исходя из того, как земства устраивали такие библиотеки, народную библиотеку можно определить как

⁵⁸⁴ Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1892 г. (далее – ЖТУЗС). – Устюг: типогр. П.Н. Лагирева, 1893. – С. 40–41.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ ЖТУЗС за 1904 г. Тотьма: типогр. И.Я. Львова, 1905. – С. 561–563.

⁵⁸⁷ ЖТУЗС за 1905 г. Вологда, 1906. С. 153.

библиотеку, предназначенную для крестьян, рабочих и мелких ремесленников. По мнению выдающегося русского библиотековеда Л. Б. Хавкиной, народные библиотеки – это «библиотеки с особой литературой, библиотеки для простонародья»⁵⁸⁸. Испытывая финансовые трудности и в то же время, стремясь собрать «под одной крышей» различные формы внешкольного образования, земства стали открывать народные дома. В 1910-х гг. получили распространение и избы-читальни. В отличие от обычных народных библиотек они имели в своих фондах преимущественно периодические издания⁵⁸⁹.

В 1920-х гг. библиотеки перешли в ведение органов народного образования. Датой образования Леденгской (Бабушкинской) районной библиотеки считается 1922 год, когда в селе Леденгском было открыто культурно-просветительное общество «Народный Дом» и библиотека. Об этом пишет Н. Ильинский в сборнике «Леденгский курорт, его состояние и областное значение»: «просветительной деятельности на курорте, к сожалению, не видно. Газет и даже библиотеки до последних дней не было. В селе Леденгском имеется «Народный дом», где местными любителями устраиваются изредка спектакли и при котором имеется сносная библиотека»⁵⁹⁰. Книжный фонд в первый год существования библиотеки составлял 670 экземпляров.

В 1930 г. библиотека была переведена в здание церкви. В 1936–1938 гг. на библиотекарей была возложена ответственность за ликвидацию неграмотности. К середине 1930-х гг. улучшается общее состояние библиотечного дела в районе: выделяются деньги на покупку новых книг, увеличивается финансирование.

На основании Постановления ВЦИК от 30 июля 1931 года произошли административно – территориальные изменения в районе. В состав Леденгского района вошел Рослятинский район в составе Березниковского, Жубрининского, Подболотного, Рослятинского, Суминского сельсоветов. В 1935 году все вышеперечисленные сельсоветы вошли в состав вновь образованного Рослятинского

⁵⁸⁸ Официальный сайт Российской национальной библиотеки. Земство и библиотечное дело: по материалам общероссийской печати 1864–1917 гг. [Электронный ресурс]. / URL: <http://nlr.ru/res/epubl/zemstvo/preface.htm> (дата обращения: 10.12.2018).

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Н. Ильинский. Леденгский курорт, его состояние и областное значение.– Вологда, 1923.– С. 10.

района. Соответственно библиотеки стали принадлежать Рослятинскому району⁵⁹¹.

В 1938 г. Леденгская библиотека разместилась в старом здании райпотребсоюза и обслуживала взрослое и детское население села.

В 1941 г. в Вологодской области происходят административно-территориальные изменения, затронувшие в том числе и наш район. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 марта 1941 г. Леденгский район переименован в Бабушкинский, а центр района с. Леденгское – в с. им. Бабушкина⁵⁹².

В 1945 г. появляется отдел культурно-просветительской работы, который занимался работой клубов и деятельностью библиотек района. Ранее при отделах народного образования работали инспекторы по культпросветработе. Многие изменилось к лучшему в работе Бабушкинской районной библиотеки в послевоенное время. С каждым годом увеличивался фонд литературы, росло число читателей.

С 1 сентября 1946 г. заведующей библиотекой была назначена Таисия Степановна Юркина (Бабушкина)⁵⁹³. Из воспоминаний ветерана библиотечного дела: *«На первых порах работать было трудно, так как не имела специального образования (училась заочно в Великоустюгском библиотечном училище). Работа в основном сводилась к выдаче книг. Книжный фонд был очень маленький, но читателей шло много: взрослых и детей. Хорошим подспорьем в работе были периодические издания, их выписывали в достаточном количестве. Райком партии и райисполком оказывали необходимую помощь. Много времени отнимали командировки (в то время в штате библиотеки были два работника), но спрашивали строго за все: за количество читателей, за книговыдачу, за проведение мероприятий. Выдача общественно-политической и сельскохозяйственной литературы была на особом контроле»*⁵⁹⁴.

Большая была текучесть кадров в избах-читальнях. В основном увольняли за недостаточный образовательный уровень (у многих

⁵⁹¹ Книга Памяти Вологодской области: в 30 т./ В.В. Судаков [и др.]. Вологда: Вологод. ИПКИППК, 1989–1995. Бабушкинский район.– 1995.– С. 393–394.

⁵⁹² Там же.

⁵⁹³ Приказ № 20 по Культпросветотделу Бабушкинского райполкома от 1 сентября 1946 г.

⁵⁹⁴ Бабушкина Т.С. Воспоминания о библиотечной работе: Интервью с ветераном библиотечного дела Т.С. Бабушкиной / записала Д.П. Синицына, с. им. Бабушкина.– 2010.– 08 сент. Архив автора.

Выписка из Приказа № 14 48
По отделу культ-просвет работы райсполкома
от 11 июня 1947 года.
§ 1.
Зав. Таринской Изд.-читальни Шахову
Елизавету Александровну за допущенный ею
самовольный уход с работы зав. читальни
и Таринской по произволу без членства 250
находился но ее ответственности
На основании Указа Президиума Верховного
Света СССР от 26 июня 1940 года
Шахову Е.А. передать суду, дело для привлек-
дения к ответственности передать в
Батуминский Народный Суд.
Зав. Отдела Батуминского
райсполкома [подпись] /Жозлов/

Выписка из Приказа № 14 от 11 июня 1947 г.

не было среднего образования). Очень строгой была дисциплина. Так, например, за самовольный уход с работы дело передано в народный суд для привлечения к уголовной ответственности⁵⁹⁵.

В 1950-е гг. растет количество клубов и библиотек. На базе изб-читален стали открываться государственные массовые библиотеки в каждом крупном населенном пункте района. Библиотечная система совершенствовалась, расширялись штаты, пополнялись книжные фонды.

В середине 1950-х гг. районная библиотека, наконец, получила свое здание, хоть и не типовое, но светлое и уютное.

5 августа 1955 г. в райцентре по решению райисполкома открыта детская библиотека, которую возглавила М. А. Митюкова. Мария Александровна рассказывает, что в библиотеке было очень

⁵⁹⁵ Выписка из приказа № 14 по отделу Культпросветработы райсполкома от 11 июня 1947 г.

холодно, чернила замерзали. Выданную литературу в формуляры приходилось записывать карандашом, а новую литературу для работы возили на саночках домой. Оборудование библиотеки было самое скромное. Печки топить было нечем: не было дров. Приходилось самим (мне и техничке) ездить в лес на лошади и заготавливать дрова. Но, несмотря на холод, старалась работать хорошо⁵⁹⁶.

Из воспоминаний ветерана библиотечного дела Галины Николаевны Мезеневой: «...В те далёкие пятидесятые годы в селе им. Бабушкина была одна районная библиотека по обслуживанию взрослого населения и детей, занимая две комнаты в старом здании Дома культуры на берегу реки Леденъги. В одной из комнат размещался восемнадцатитысячный книжный фонд библиотеки. Другая являлась отделом выдачи книг и читальным залом, где читатели имели возможность познакомиться с новыми журналами, газетами. Условия работы были сложные. Зимой в библиотеке был ужасный холод, замерзали чернила. Работали в пальто. Несмотря на тесноту, холод библиотека гостеприимно встречала своих читателей. Читателей было много. В библиотеке не было каталогов и картотек. Всё пришлось создавать самим. Это большая, трудоемкая работа, требующая профессиональных знаний, времени. Составляя каталоги, мы приходили на работу и в выходные»⁵⁹⁷.

В 1960-е гг. произошли в Вологодской области очередные административно-территориальные изменения, затронувшие в том числе и наш район. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 ноября 1960 г. в связи с ликвидацией Рослятинского района часть его территории вошла в состав Бабушкинского района.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1962 г. Бабушкинский район был упразднен с передачей его территории в состав Тотемского района, а, значит, библиотеки стали принадлежать Тотемскому району.

4 марта 1965 г. был вновь организован Бабушкинский район. Кроме того, в его состав были зачислены Крутецкий и Подболотный сельсоветы из Никольского района⁵⁹⁸. В шестидесятые годы

⁵⁹⁶ Митюкова М.А. Воспоминания о библиотечной работе: Интервью с ветераном библиотечного дела М.А. Митюковой / записала Д.П. Синецына, с. им. Бабушкина.- 2018.- 02 дек. Архив автора.

⁵⁹⁷ Официальный сайт Бабушкинской межпоселенческой централизованной библиотечной системы [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://babush-biblio.vlg.muzkult.ru/> (дата обращения: 10.12.2018).

⁵⁹⁸ Книга Памяти Вологодской области: в 30 т./ В.В. Судаков [и др.].- Вологда: Вологод. ИПКИППК, 1989-1995. Бабушкинский район.- 1995.- С. 393-394.

Слева направо: В. Шипицына, Т.С. Бабушкина, М.А. Митюкова

библиотекари проводили большую работу по пропаганде книги среди населения. Работали под девизом: «Книгу – в каждый дом», «Книгу до каждого грамотного».

Постепенно библиотечное дело в районе развивалось, поднималось на более высокий уровень. Благодаря трудолюбию, самоотверженности, преданности своему делу работников районной библиотеки, ныне ветеранов библиотечного дела (некоторых из них, к сожалению, уже нет среди нас) библиотека стала для населения центром досуга и отдыха, а работники – неизменными помощниками учащимся школ, студентов, всех читателей библиотеки в получении нужной информации и необходимых знаний.

В 1975 г. в селе открылся новый Дом культуры, и библиотека заняла помещения второго этажа: абонемент, читальный зал, отдел комплектования и обработки, методико-библиографический отдел.

Одна из важных вех в истории библиотечного дела – централизация библиотек. **20 марта 1979 г.** в районе создается единая централизованная библиотечная система (далее – ЦБС). На момент объединения в ЦБС в районе действовали 20 сельских библиотек. Районная библиотека получила статус центральной. Цель этого объединения – улучшение обслуживания населения книгой, которое позволило любому читателю из любой деревни или села пользоваться книгами из фондов любой библиотеки района,

рациональное использование отпускаемых средств, проведение единой систематизации, комплектования и обработки фондов. В результате централизации было утверждено типовое штатное расписание ЦБС. Впервые в номенклатуру должностей были введены должности специалистов: библиографа, методиста, редактора, установлены новые формы нагрузки на одного работника для отделов обслуживания, для отдела комплектования и обработки литературы, методико-библиографического отдела.

1980-е гг. Перевод фондов и каталогов библиотек на новые таблицы ББК⁵⁹⁹. Работа очень кропотливая и трудоемкая, поэтому для выездов в сельские филиалы по оказанию практической помощи сельским библиотекарям привлекались работники всех отделов. Работали, не считаясь с личным временем, хотя у многих были семьи, личное хозяйство. Ввиду плохих дорог и большой отдаленности от райцентра выезжали рано утром, а домой возвращались порой ночью. В маленьких отдаленных деревнях в филиалах наблюдалась большая текучесть кадров. Работники районной библиотеки выезжали на попутном транспорте на несколько дней с ночлегом на проверки – передачи книжных фондов.

В 1983 г. был закрыт Тереховский сельский филиал из-за непроезжей дороги. Летом туда можно добраться только на гусеничном тракторе, а зимой на лыжах. Жители стали выезжать на центральные усадьбы, сельский совет был ликвидирован.

В период с 1983 по 2005 год ликвидировано 5 сельских библиотек по той же причине, что и Тереховский филиал. Жители деревень обслуживаются посредством передвижек, пунктов выдачи и книгонош.

1990-е гг. – тяжелые годы перестройки. Создание нового государства. Финансирование библиотек находилось на очень низком уровне. Закрывались библиотеки, но надо отметить, что в 1990-е гг. в состав ЦБС вошли также и бывшие профсоюзные библиотеки: Зайчиковская и Берёзовская.

ЦБС не выделяли финансирование для комплектования фондов, не было средств на хозяйственные, канцелярские расходы. Для привлечения дополнительных средств в библиотеках стали открываться платные абонементы, начало было положено работниками центральной районной библиотеки. Ходили по всем организациям села и просили оказать спонсорскую помощь для оплаты подписки периодических изданий, проводили акции

⁵⁹⁹ Библиотечно-библиографическая классификация (далее – ББК).

«Подари книгу библиотеке» практически во всех филиалах. Работники библиотек – народ неунывающий, всегда живут и работают с верой в будущее.

2000-е гг. В рамках областной целевой программы «Развитие библиотечного дела в Вологодской области» кроме комплектования и обновления компьютерного парка было предусмотрено приобретение автомашины «Газель» для поддержки службы внутрисистемного книгообмена.

На момент вступления в силу ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» в 2006 г. в районе отмечена слаженная работа коллектива библиотечной системы. Главы вновь образованных поселений приняли решение о передаче полномочий по библиотечному обслуживанию населения на районный уровень. Усилиями районной администрации, управления культуры и директора ЦБС единая библиотечная сеть была сохранена.

В рамках реализации федерального закона от **08 мая 2010 г. № 83** на местном уровне в отношении МУК «Бабушкинская МЦБС» был принят новый тип библиотечного учреждения – **казённые**⁶⁰⁰ (муниципальным казенным учреждением культуры стала Бабушкинская МЦБС)⁶⁰¹.

Большим событием для Бабушкинского района стало проведение на базе МУК «Бабушкинская МЦБС» 14–19 февраля 2011 г. межрегиональной первой Зимней школы «Усолжье: зимняя обучающая школа сельских библиотекарей», организованной Вологодской областной универсальной научной библиотекой им. И. В. Бабушкина и Областным научно-методическим центром культуры и повышения квалификации. В ней приняли участие 30 специалистов сельских библиотек из Вологодской, Мурманской и Московской областей.

В связи с тридцатилетием создания централизованной библиотечной системы в Бабушкинской районной библиотеке в августе 2009 г. прошла праздничная встреча библиотекарей и друзей библиотеки. Тогда все библиотекари объединились в единый коллектив.

К сожалению, в период **с 2007 по 2015 год** ликвидировано ещё 6 сельских библиотек-филиалов. Они были сокращены в связи с уменьшением числа жителей на территории данных населенных

⁶⁰⁰ Постановление администрации Бабушкинского муниципального района от 16 декабря 2011 г. – коллекция № 658.

⁶⁰¹ Межпоселенческая централизованная библиотечная система (далее – МЦБС).

30 лет ЦБС. 2009 г.

пунктов. В райцентре произошло объединение детской и взрослой библиотек. Сейчас при Бабушкинской районной библиотеке находится детский отдел. В настоящее время в библиотечную сеть района входят Бабушкинская центральная районная библиотека и 8 сельских филиалов.

Отрадный факт: впервые за последние два-три года ни один работник не был уволен по сокращению штата, но вызывает тревогу и то, что с целью увеличения показателя среднемесячной заработной платы библиотечные работники переведены на неполный рабочий день (0,25, 0,75; 0,5 ставки), что не может положительно сказаться на показателях и качестве работы.

В процессе исследования была изучена только часть истории возникновения и развития районной библиотеки: от избы-читальни до современной библиотеки с её неисчерпаемым информационным потенциалом и доступом в Интернет.

Несмотря на большую популярность электронных книг, человек всегда будет нуждаться в печатном издании. А тот, кто любит книги, тот всегда будет любить и библиотеку. Поэтому я уверена в том, что библиотекарям есть к чему стремиться.

Я считаю, что будущее библиотеки невозможно без её прошлого. Сохраняя память о её истоках, используя традиционные формы обслуживания читателей, внедряя инновации, мы никогда не забываем, что наши библиотеки уникальны не только своими фондами, но и особой духовной средой, атмосферой, которая формировалась на заре века и поддерживается в настоящее время.

История Бабушкинской районной библиотеки не прервалась, она продолжается.

Выражаю искреннюю признательность историку Д. А. Пшеницыну за предоставленную информацию для моей работы.

*Якушева Людмила Алентиновна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ВОЛОГДЫ И ЯРОСЛАВЛЯ

Данная статья посвящена рассмотрению современного литературного процесса в провинции. Речь идет об условиях, в которых находится провинциальный писатель, проблемных зонах современной социокультурной среды, а также об успешных литературных проектах, осуществленных в Вологде и Ярославле за последние три года: «Том писателей», литературная резиденция «Дом Дяди Гиляя», «Кит умер».

Жизнь в провинции априори предполагает удаленность, ослабленную пассионарность, историческое и временное запаздывание. В силу этих объективных «исходных данных» провинциальный художник вынужден все время преодолевать, догонять, соответствовать, а в итоге – в качестве доказательства своей состоятельности и успешности – перемещается в столицу либо становится узнаваемым «лицом» местной элиты. Сами обстоятельства жизни на окраине создают для творческой личности дополнительную мотивацию и стимулы, пробуждая «право на биографию» (Ю. Лотман) и, одновременно, формируя предубеждения и комплексы. Социокультурные и психологические провинциальные координаты, отдельные феномены, провинциальный «фон и фигура» неоднократно становились поводом научного и художественного осмысления, в том числе научной культурологической школой Т. С. Злотниковой (Ярославль). И, тем не менее,

провинциальная культура продолжает оставаться, в определенном смысле, terra incognita. В данном случае хотелось бы обратиться к современным реалиям бытования и актуализации литературного творчества в Вологде и Ярославле.

Прежде всего, тезисно определим проблемное поле, которое определяет условия существования литературного процесса в провинции:

- отсутствие консолидированной профессиональной творческой среды. Многолетнее противостояние двух основных писательских союзов (союза писателей России и союза Российских писателей) привело к формированию такой общественной репутации, которая отрицательно сказывается не только на взаимоотношениях с властными структурами, но и на имидже писательских организаций в общественном сознании в целом;

- интеллектуальная прослойка в провинции малочисленна, разобщена, существует по «цеховому» принципу. Писатели, достигшие профессионального уровня, следуют определенной конъюнктуре столичных журналов, сообществ, конкурсов;

- общественное мнение в провинции формируется стихийно. Провинциалы больше, чем следовало, ориентированы на известное, устоявшееся, зарекомендовавшее себя;

- личный опыт, миссионерский посыл и служение, как правило, остаются в провинции не востребованными; писатели, библиотекари, культуртрегеры оказываются маргиналами, чья деятельность не имеет ни идеологической, ни финансовой поддержки, а кроме того, лишена этического оправдания своего существования в современном сообществе;

- тем, кто отвечает за культурную политику и массовые мероприятия (чиновники департаментов и отделов культуры), «проще» обращаться к творчеству почитаемых, а не читаемых авторов (основу календарного планирования составляют «датские» мероприятия). Культ классиков – имена, произведения, юбилейные традиции советского времени – продолжает свое существование. На Вологодчине – это культ «мертвых» писателей;

- конкурсные экспертные комиссии, рассматривающие литературные проекты, оказываются в прямой зависимости от внутренней политики государственных организационных структур. На примере конкурса проектов, осуществленных в сфере культуры за последние 2 года, «Звездное кружево Севера – 2018» становится очевидным, что в тренде оказываются малобюджетные проекты-трансформеры, чей опыт можно варьировать и распространять

в качестве отдельных «пазлов», а сам конкурс можно рассматривать как адресную поддержку, премиальный ресурс для собственных структурных подразделений отдельно взятого департамента культуры. Так, в номинации «культурная среда» в 2018 году победителем стал проект ВОУНБ им. Бабушкина «Россия читает Рубцова».⁶⁰² Добавим, что он был единственным «от литературы» среди 12 других проектов-победителей;

– на творческую среду оказывает влияние разобщенность действий социальных институций: отсутствует согласованность – календарная, ситуативная, тематическая, пространственная. В провинции, в частности, Вологде существует проблема аудитории, для которой проводятся все эти мероприятия, сейшены, хепенинги и более традиционное – встречи, обсуждения, лекции (как правило, одна и та же зрительская прослойка «кочует» от одного мероприятия к другому);

– деятельность современных писателей приравнена к деятельности предпринимателей. Литобъединения и вовсе лишены официальной поддержки (за исключением юридической регистрации). Все они существуют на общественных началах, за редким исключением (в Вологде – это студия Инги Чурбановой-Никитиной при муниципальном театре «Сонет»), а значит, литературные организации лишены финансовой поддержки, помощи в организации мероприятий, похорон и прочих востребованных акций;

– на областном уровне отсутствует книгоиздательская политика, не изучается конъюнктура издательского рынка в провинции на региональном и более высоком уровне;

– отсутствуют формы поддержки творческой немолодежи (тех, кто стал писать в возрасте «начинающего» Л. Толстого – после 36 лет).

Таким образом, наблюдая описанную ситуацию, исходя из тойнбианской модели вызовов-ответов, можно утверждать, что современный провинциальный литератор оказывается в специфически жестких условиях. Он занимается не только и не столько творчеством, сколько осознанно и вынужденно занят формированием вокруг себя среды – писательской, читательской, литературно-критической и шире – общественной. В Вологде таким примером может быть культуртрегерство Галины Щекиной, в Ярославле – Любовь Новиковой.

⁶⁰² Названы победители областного конкурса «Звездное кружево Севера»// Cultinfo.ru: Культура Вологодской области. [сайт]. Режим доступа: <http://cultinfo.ru/news/2018/3/results-of-starry-lace-of-the-north-in-2017> (дата обращения: 15.12.2018).

В качестве примера кратко представим «послужной список» Г. А. Щекиной (р. 1952). Галина Александровна явилась инициатором создания Вологодского отделения союза Российских писателей (1998), организатор литературных объединений, семинаров, составитель ежегодных литературных альманахов, сборников молодых поэтов и прозаиков, меценат региональной премии на лучшее критическое эссе «Эхо» (с 2017 года). Автор 6 романов и 5 поэтических сборников (роман «Графоманка» в 2008 году вошел в шерт-лист Букера). Прозу Щекиной отличает и сопровождает явно выраженное гендерное начало. По тематике и жанру – это женская проза, в которой доминируют: особый интонационный строй (исповедальность, эмоциональность), специфическая логика построения текста (алогичность, парадоксальность), экспрессивные средства художественной выразительности и «вещные» метафоры. Мир женщины представлен в произведениях писательницы в целом и в частности – все, что происходит с героями, составляет сюжетную основу произведений, дается через призму восприятия женщины. В «случае Щекиной» сложно определить, какая из сторон ее творческой природы «плодоносит» больше, но фактически – все пишущие вологжане прошли через ее «повивальные» руки.

Одним из лучших фундаментов для частных инициатив, объединения творческих одиночек являются локальные литературные площадки. Традиционно – это библиотеки, клубы по интересам, литературные студии. Но вслед за частными инициативами по созданию новых музейных, театральных и арт институций (в Вологде – это галерея «Красный мост», камерный театр, МАУК «Резной палисад», фестиваль «Город мастеров», бюро нестандартных экскурсий «Вокруг да около». В Ярославле – музей «Музыка и время», культурный центр «ТЕХТІL») стали успешно возникать и реализовываться проекты, направленные на консолидацию читающей и пишущей аудитории.

Три года назад в Вологде была открыта «Литературная резиденция Дом Дяди Гиляя» (при содействии регионального отделения Союза Российских писателей и меценатстве Елены Волковой). Это место исторически связано с книгой – здесь была детская библиотека, но сейчас Дом предлагает посетителям более широкий спектр удовлетворения потребностей: от образовательных, коммуникативных до рекреационных (есть две комнаты, оборудованные для приезжающих гостей – поэтов, писателей, критиков). Выставки, лекции, встречи, семинары, показы, презентации, фестивали – любая творческая инициатива здесь рассматривается

и поддерживается. Одним из самых успешных литературных проектов 2016 года СРП стало издание «Том писателей: антология новейшей вологодской литературы». Авторы проекта, с одной стороны, откликнулись на актуальный запрос читающей публики: «Есть ли хорошая современная литература в Вологде»? С другой – стремились удовлетворить потребность читающей публики в актуальной прозе (4 тома), поэзии (7 томов) и критике (1). По замыслу авторов особенность издания в том, что каждый участник серии представлен «соло», в отличие от сборников-альманахов, которые в писательской среде получили иронический маркер – «братских могил». В течение года были выпущены книги 12 авторов, изданных в едином дизайнерском стиле. С каждым автором проводилась индивидуальная работа (автор идеи и редактор проекта Ната Сучкова), после выхода издания состоялись презентации книг, прошли профессиональные обсуждения книг,⁶⁰³ были получены отзывы в сети Интернет. Приведу в пример свой первый беглый пост-отзыв о книге С. Фаустова «Гуманитарные эксперименты» от 04.09.16: *«Можно идти в критике от автора, от эпохи, от конкретного времени и субъективного совпадения. Фаустов идет иначе – от вневременного и общечеловеческого... Так в нем, как представляется, происходит преодоление, изживание советского (в себе? окружении? среде?). 90-е изменили экономический путь, забыв о более важном – о соблюдении закона, о равенстве прав, об общечеловеческих ценностях. Его, Фаустова, идея – предложить матрицу, порожденную в недрах Европейской культуры (отсюда трансавангард, зарубежные авторы, терминология, исследовательская отстраненность) для прочтения современных авторов (провинциальных, малоизвестных, но талантливых). Доверие к читателю у критика особое. Ровный тон, неспешность и обстоятельность разговора подкупает. Он не заискивает, рассчитывает на образованность читателя и/или... хотя бы на его стремление двигаться с автором в одном направлении. Сергей Михайлович – за диалог и полилог. Без лицемерия и предубеждений. Вот эта свобода мне в тексте очень импонирует».*

В Ярославле в 2017 году также был осуществлен нестандартный литературный проект. Группа молодых людей (И. Коновалов, Д. Христовская, А. Клещев и Е. Меркулов) переосмыслили идею

⁶⁰³ Красильников Р. Л. Рецензия на книгу С. Фаустова «Гуманитарные эксперименты» // Вестник ВоГУ, 2017.– № 4.– С. 103–104. [электронный журнал.] Режим доступа: https://vestnik.vogu35.ru/docs/2017/4/vestnik_vogu_4_2017_str103-104.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

толстого литературного журнала, издав собственный «тонкий» литературный журнал (журнал – игру, журнал-пьесу) «Кит умер». Изначально был заявлен эсхатологический характер издания (имеющий конечность), отказ от периодичности и метасюжетное сцепление каждого номера (всего 4). Из высказываний главного редактора издания Ивана Коновалова во время интервью радиостанции «Эхо Москвы»: «Мы никогда не ставили себе задачу сделать собрание всех ярославских авторов, выпустить какую-то антологию. Это журнал, который представляет собой наш, такой междусобойчик людей Ярославля, которые нам нравятся, и журнал пытается их напечатать <...> объединить авторов по направлению не возможно <...> мы ползем в разные стороны <...> стихи должны быть внятные».⁶⁰⁴

Таким образом, можно утверждать, что литературный процесс в провинции «прирастает» за счет самодеятельности отдельных авторов, способности литобъединений к переосмыслению старых форм организационной и творческой работы, активности писательских союзов. А главное, наблюдение за происходящим позволяет сделать вывод: искусство требует рефлексии – обсуждения, диалога, живого участия, что и осуществляется в той или иной мере интенсивности (временной, дистанционной, пространственной), внушая сдержанный исторический оптимизм по отношению к литературным процессам в провинции.

*Ванеева Светлана Михайловна,
Иванова Ольга Александровна,
ГПОУ «Сыктывкарский политехнический техникум»,
г. Сыктывкар*

САМОРОДОК ЗЕМЛИ КОМИ В. А. САВИН

У каждого народа есть земляки, оставившие глубокий след в истории и культуре своей малой родины, приобретшие общероссийскую и мировую известность в различных областях жизни.

Мы хотим рассказать о Викторе Алексеевиче Савине, коми поэте, драматурге, композиторе, партийном деятеле. Разносторонность личности этого человека поражает. Инесса Викторовна

⁶⁰⁴ Болтянская Н. Авторская песня. // Альманах «Кит умер». – 16 декабря 2016. [электронный журнал] – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/autor/2111468-echo/> (дата обращения: 16.12.2018).

Савина, дочь поэта, так сказала о своём отце: «В нём удивительным образом уживались два человека: один – чекист, другой – художник, или как было написано в его учётно-статистической карточке – «лицо свободной профессии»».⁶⁰⁵

Виктор Алексеевич Савин родился 21 ноября 1888 года в селе Нёбдино в многодетной крестьянской семье. Всего в семье было восемь детей, Виктор был самым старшим ребёнком. На его долю выпало много трудностей и лишений. Часто ему приходилось нянчить младших братьев. О своём детстве поэт вспоминал в одном из стихотворений:

*Вырос я в глухой стороне
Среди лесов суровых.
В полосатой рубашонке
И в штанах холщовых.
Только на ноги поднялся –
Мне по горло дела.
В люльке брат мой разрыдался.
Нянчить надоело!..
Дверь толкнёшь – и ходу.
Под черёмухой зелёной
Игры, хороводы...*

В 1895 году Виктор Савин поступил в земское начальное училище в Нёбдино, которое успешно закончил в 1899 году. Затем будущий поэт продолжил учёбу во второклассной школе в селе Деревянске. Он был первым учеником и по всем предметам имел отличные оценки.

По окончании учёбы В.А. Савин работал писарем у земского начальника в Усть-Куломе, служил помощником усть-куломского волостного писаря.

Зимой 1907 года Виктор Алексеевич вместе с отцом отправился на Урал на заготовку дров. Здесь он познакомился со своей будущей женой Усовой Лидией Ивановной. В браке у них родилось семеро детей: два сына и пять дочерей. В автобиографии Савин писал о тяжёлой жизни семьи: «Жалованье было маленькое, большой семье жить было трудно. Часто даже хлеба не было...»

Весной 1911 года Савин уехал на заработки в Украину, трудился в конторе сначала Ракмановского рудника, затем работал в конторе Червонного рудника.

⁶⁰⁵ Удоратина М. «Дети врага народа» / М. Удоратина // Трибуна.- 2018.- 16 ноября.- С. 9.

В 1918 году Савин с семьёй вернулся на родину, в село Нёбдино. О возвращении на родную землю поэт написал проникновенные строки:

*Долго странствовал по свету,
И теперь я знаю:
Ни за что сторону эту
Я не променяю.
Я уже давно женатый,
И детишек куча.
Пусть чужбина и богата,
Всё же дома лучше.*

Вскоре Виктор Савин переехал в Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар), где вступил в Коммунистическую партию. Его партийная карьера развивалась стремительно. Сначала он был секретарём Чрезвычайной комиссии г. Усть-Сысольска, затем стал председателем уездной ЧК. С июня 1919 года Савин работал секретарём уездного комитета РКП (б), заведующим уездным отделением «Центропечать», был редактором газет «Зырянская жизнь» и «Югид туй» («Светлый путь»).

В августе 1918 года в газете «Зырянская жизнь» было опубликовано первое стихотворение В. А. Савина «Красный звон» под псевдонимом Нёбдинса Виттор:

*Товарищ! Ты слышишь тревожный звон,
Зовущий к грядущей славе?
Слышишь в нём голос разбуженный свой,
Всех тех голоса, кто с нами?
Вставай же не медля, сонливость стряхнув,
И заслони собою
От стаи звериной родную страну –
Нашу с тобой свободу.*

С этого стихотворения, посвящённого Великой Октябрьской революции, началась литературная деятельность Виктора Савина. Его творческое наследие составляют более 150 стихотворений, 15 поэм, 15 рассказов и очерков, около 30 пьес. Произведения Савина получили широкую известность и стали поистине народными. Сам поэт высоко оценил свой вклад в коми поэзию:

*Свой народ я радую коми песнею.
Ум с ней проясняется,
Все мечты сбываются...*

*Видно, не напрасно я
Слаблю жизнь прекрасную коми песнею!*⁶⁰⁶

Виктор Савин – основатель коми национального театра. В грозной 1919 год он организует труппу из любителей сцены, создает для нее репертуар: пьесы, песни, литературные композиции. В 1921 году создает театральный коллектив «Сыкомтевчук», в 1930 году – профессиональный Коми инструктивно-передвижной театр. В созданной им театральной труппе он был и режиссёром, и актёром, и сценаристом. Он не только сам писал оригинальные пьесы, но и переводил на коми язык пьесы А. С. Пушкина, А. Н. Островского, М. Горького. Самыми известными его драматическими произведениями являются пьесы «В раю», «Бунт в Усть-Куломе», «На восходе солнца цветков увял».⁶⁰⁷

Прозаик, поэт, драматург, публицист, он все свои силы отдавал созданию и развитию коми советской литературы. Виктор Савин был организатором Коми ассоциации пролетарских поэтов, входил в состав правления ассоциации, был её секретарём. В. А. Савина справедливо считают основоположником коми литературы.

Виктор Савин внёс большой вклад и в музыкальную сокровищницу коми народа. Он не был профессиональным композитором, с нотной грамотой познакомился в годы учёбы в Деревянской школе. Тем не менее, Савина называют первым коми композитором. Многие его стихотворения были положены на музыку. Виктор Алексеевич – автор слов и музыки гимна Республики Коми:

*Север, наш родимый край,
Глубоки твои снега,
Холодны твои ветра,
Высока твоя тайга!
Нас несут через века
Соколиные крыла.
Коми край, твоя судьба
Благодатна и светла!*

В. А. Савин писал песни не только на свои стихи, но и других поэтов. Занимался он и собиранием народных песен. При его

⁶⁰⁶ Савин В. А. (Нёбдинса Виттор) // Коми советские писатели. – Сыктывкар, 1968. С. 20–65.

⁶⁰⁷ Лыткин В. И. (Илля Вась) Поэт йылысь казьтылём / В. И. Лыткин // Войвыв кодзув. 1958. – № 11. – Л. Б, 61–62. Пер. загл.: Воспоминания о поэте.

активном участии в республике был создан первый профессиональный хор.

Также Виктор Алексеевич Савин проводил активную общественную и просветительскую работу. Его творчество было всегда злободневно. Не было ни одного более или менее крупного общественного и политического события в жизни коми народа и в жизни всей страны, на которое не откликнулся бы Виктор Савин стихотворением, фельетоном, пьесой или публицистической статьёй.⁶⁰⁸

Каждому делу Виктор Савин отдавал себя без остатка, он был честным в жизни и творчестве, жил для коми народа и успел много сделать для своей малой родины. В стихотворении «Завещание» Виктор Алексеевич писал, что не мечтает о другой судьбе:

*Для чего мне судьба другая?
Сколько б в жизни я ни успел,
Я любил тебя, дорогая,
Всей душой за тебя болел...*

Судьба Виктора Алексеевича Савина сложилась трагически. В 1937 году его арестовали по ложному обвинению и приговорили к пяти годам заключения в лагерях «за контрреволюционную деятельность». Сам Савин обвинений не признал и не дал лжесвидетельские показания, которые от него требовали. Умер Виктор Алексеевич голодной смертью в 1943 году в лагерном лазарете, похоронен на старом кладбище в селе Итатка в Томской области.

Долгое время было неизвестно место захоронения Виктора Савина (до 1996 года). В октябре 2018 года представители Коми писательской организации Елена Козлова и Елена Афанасьева, заведующий Литературным музеем И. Куратова Диана Холопова, защитник по правам человека в РК Надежда Быковская побывали в Томской области, чтобы поклониться могиле В. А. Савина.⁶⁰⁹

Коми народ бережно хранит память о талантливом земляке. В его честь названы улицы в городе Сыктывкаре, в селе Вьльгорт Сыктывдинского района, в посёлке Логинъяг Усть-Куломского района. Улица имени В. А. Савина есть и в Ухте, моём родном городе. Оказывается, Савин один раз приезжал в Ухту. Итогом этой

⁶⁰⁸ Лыткин В. И. (Илля Вась) Поэт йылысь казьтылым / В. И. Лыткин // Войвыв кодзув. – 1958. – № 11. – Л. б. 61–62. Пер. загл.: Воспоминания о поэте.

⁶⁰⁹ Симпелев П. Нёбдіна Витторлөн чужомсянь – 130 во / П. Симпелев // Коми му. – 2018. – 18 октября. – С. 13.

поездки стали очерк «Ухта – северный Баку» и поэма «Чибью» (это прежнее название Ухты). К сожалению, эта поэма осталась незаконченной. Памятники В.А. Савину установлены в его родном селе Нёбдино и в городе Сыктывкаре. Его имя носят музей и школа в Нёбдино, Государственный академический театр драмы Республики Коми.

*Слепцова (Кызласова) Ирина Семёновна,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва*

СИМВОЛИКА И СЕМАНТИКА МАСЛЕНИЧНЫХ КОСТРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)⁶¹⁰

Масленице как одному из наиболее ярких обрядовых периодов, который часто рассматривается как воплощение русскости, в этнографии и фольклористике издавна уделялось большое внимание. Ее описанию и исследованию посвящено значительное количество работ. Тем не менее, остается еще немало нерешенных вопросов, связанных с выявлением региональных и локальных форм обряда, происхождением его отдельных элементов, их символикой и семантикой.

В данной статье мы ставим перед собой задачу охарактеризовать символические и семантические представления, которыми в народном сознании наделялись масленичные огни. Исследуемым материалом послужили разновидности масленичных костров, бытовавшие на Русском Севере. При этом нами использованы как полевые материалы, так и опубликованные источники.

Масленичный обрядовый комплекс включал в себя множество акций, среди которых особое значение придавалось разведению огней, повсеместно называвшемуся «сжиганием масленицы». Огни маркировали окончание одного периода и начало другого (зима – весна, мясоед – пост), что обусловило их основную символическую и семантическую нагрузку. Это действие было известно практически на всей Вологодчине, за исключением Северного Белозерья (Вашк., Вытег) и территории проживания этнической группы вепсов⁶¹¹. Реже этот обычай встречался в Присухонье (южная часть

⁶¹⁰ Работа выполнена в рамках плана НИР ИЭА РАН № 0177-2018-001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие».

⁶¹¹ Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. С. 54.

Тотемского, Нюксеницкий и Великоустюгский районы), а также в Тарногском и Верховажском районах. Таким образом, масленичные костры более характерны для западных, центральных и южных районов Вологодчины, то есть там, где было больше развито земледелие⁶¹².

С масленичным костром связан сложный семантический комплекс, в котором исследователи выделяют очистительный, апотропеический, продуцирующий и другие смыслы⁶¹³. При общерусской (и в некоторых случаях общеславянской) семантике масленичных костров, характерной для всего исследуемого региона, некоторые локальные традиции демонстрируют определенную специфику. Рассмотрим их особенности.

Символика завершения и обновления

Основная и достаточно ясная символика масленичного костра – окончание календарного периода, что отразилось в устойчивом выражении «проводить масленицу», относящемуся как ко всему комплексу акций, выполняемых на последней неделе мяседа, так и собственно к масленичному костру. Синонимом «проводить масленицу» было «жгать масленицу» или «масленку». Завершение периода, когда разрешалось употребление скоромной пищи, демонстрировали действия, в которых эта пища уничтожалась. Так, часто в масленичный костер ставили шест с привязанной к нему кринкой молока, плескали в костер молоком, бросали в него остатки скоромной пищи и т.п. Этот обычай был наиболее распространен в Грязовецком районе, хотя встречался и в западных районах (Череп., Устюж.). Сжигание шеста с укрепленной наверху кринкой молока отмечено в Семеновской волости Грязовецкого уезда в начале XX века⁶¹⁴. Но если молоко в костре реально и не жгли, то это подразумевалось, так как горение костра сопровождалось выкриками «Молоко горит!», «Молоко и мясо горит!».

⁶¹² Более подробно о масленичных кострах на Вологодчине см.: Слепцова И.С. Отличительные признаки локальных традиций: Обрядовые костры // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике: проблемы и перспективы. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 62–71.

⁶¹³ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, 1995; Соколова В.К. Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978. С. 48–70; Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.

⁶¹⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. С. 31–32.

В д. Михалково «сделают ево [=чучело] на батоге, на реке у пролубли. “Молоко горит! Молоко горит!”» (Михалково Гряз.)⁶¹⁵. Детям, объясняя наступление поста, говорили у костра: «Молоко сгорает, молока не простите!» (д. Печенниково Гряз.)⁶¹⁶. В д. Острецово (Межд.), чтобы продемонстрировать детям, что наступил пост и молока больше нет, хозяин «ребят поставит, лапоть у дома сожжет: “Вот, глядите, робята, молоко сгорело!”»⁶¹⁷. Считалось, что с дымом и искрами молоко улетело на небо («Искры летят, а детям говорят, что это молоко полетело» – с. Пленишник Череп.⁶¹⁸).

Символическим действием, которое должно было продемонстрировать наступление поста и завершение развлечений, было сжигание санок, корежек и других предметов, на которых катались с гор. Их часто бросали в костер после того, как свозили на них разный горючий материал для «масленицы» или когда возили их по деревне с горящими на них небольшими костерками. Иногда санки не сжигали, а складывали около костра пирамидой. Могли сжечь или испортить сами горки для катания, разведя на них костер.

Еще одной символической акцией, говорящей о наступлении поста, было порицание (осмеивание) девушек, не вышедших замуж в прошедший брачный период. В д. Ефаново (Гряз.) у масленичного костра пожилые женщины кричали девушкам, не вышедшим замуж во время зимнего мясоеда: «“Оставайся жопа на год, оставайся жопа год!” Год нельзя выходить-то, масленица последняя, надо до промёжговинья [выходить]»⁶¹⁹.

С акциями, символизирующими завершение календарного периода, неразрывно связаны действия, подчеркивающие наступление нового. Об исключительном значении, которое придавалось масленичному огню в народном сознании, говорит тот факт, что его зажигали от «деревянного огня», то есть огня, добытого трением друг об друга двух деревянных палочек. По сведениям из некоторых деревень Городищенского с/с (Нюкс.), этот огонь обладал «лечебной, очищающей силой»⁶²⁰. Такое качество приобретал

⁶¹⁵ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1997 г.

⁶¹⁶ ПМА. Зап. С. Н. Смольниковым в 1997 г.

⁶¹⁷ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1995 г.

⁶¹⁸ Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда, 2000. URL: http://cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_pohoron_sodergan.htm.

⁶¹⁹ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1997 г.

⁶²⁰ Народная традиционная культура Вологодской области / Сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. Т. 1. Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Вологда, 2005. С. 42.

«НОВЫЙ» огонь, возжигаемый в некоторые календарные праздники, что связано с представлениями о ежегодном обновлении огня⁶²¹.

Очистительная и апотропеическая символика

Как и любой другой переходный, пограничный период масленица была наполнена различными акциями, имеющими очистительный характер. К их числу можно отнести действия, символически направленные на избавление от всего отжившего, отслужившего свой срок, от того, чему народным сознанием приписывались вредоносные свойства. Все эти предметы уничтожались в масленичном костре, который, собственно, и становился символом всего «старого». Эти представления отразились и на терминологическом уровне. Можно отметить локальную специфику, которая отражается в специальных языковых выражениях и клише, описывающих те или иные акции с разжиганием огня и отсылающие к определенным смыслам, хорошо известным представителям данной локальной традиции. Например, в Пунеме (Хар.) говорили, что в масленицу «охарáтки собирали», то есть все самое негодное⁶²². «Охаратками» называли остатки, рухлядь⁶²³. В д. Енино (Белоз.) в Чистый понедельник «косточки жгли» – венники, солому, лапник, дрова. Хотя семантика костей достаточно сложна и многоаспектна⁶²⁴, в данном случае, вероятно, актуализируется представление о костях как о ненужных остатках (ср. поговорку: «Пришли гости глодать кости») или как об объектах, связанных с потусторонним миром, контакт с которым мог быть опасен для людей. Тот же смысл имел обычай сжигать в масленичном костре вещи, оставшиеся от покойного. В д. Огибалово (Хар.) «после покойника вещи сжигали, на “масленицу” всякую одежду вешали»⁶²⁵.

Представление о вредоносности сжигаемого в костре хлама выразилось в обобщенном понятии «нечистой силы», которая якобы

⁶²¹ Плотникова А. А. Огонь «живой» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 519–521.

⁶²² Полевые материалы автора (далее – ПМА). Зап. О. В. Кириченко в 1991 г.

⁶²³ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 25. Л., 1990. С. 26, 46; Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX в.). М.: Индрик, 2004. С. 294–299.

⁶²⁴ Белова О. В., Толстая С. М. Кости // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 627–631.

⁶²⁵ ПМА. Зап. О. В. Кириченко в 1991 г.

обитала в нем, и чьим визуальным воплощением было чучело. Так, в д. Волохтома (Кирил.) «большую куклу из соломы, одетую в старое женское платье» называли «кикиморой»⁶²⁶. Для избавления от нечистой силы чучело сжигали. В д. Пичиха (Хар.) «жгли чучело из соломы в поле. Прогоняли нечистую силу, чтобы год хороший был. Кричали, чтобы он уходил, уносил худые дела, чтобы было скотине хорошо, чтобы Бог за людей молился»⁶²⁷.

В д. Лентьево (Устюж.) в костре сжигали небольших кукол, изготовленных из тряпья. «Все поленья наберут – жгут масленицу. Наберут веников набирают, сходят просят оне. <...> В поле всё жгли. Да это: “Бабка горит!” Да вот разно, прибаутки тоже. Бабку [=костер] вот и жгли, это самое. Туды бросали разны куклы вот таии, самодельныи, в костер. “Гори, бабка!” [Кукол] сами вот наделали из рукава: да ваты кусок, да там голову такую да. Платок какой-нибудь абвяжут. Куклы да и всё, “бабкой” и называли большинство. Вот так. Рукав отрежут, запехнёт, забьёт там сена или соломы, боже мой. Голову тут приделает тоже с этой, тряпку тут какую-нибудь, онучу завяжет да и платок привяжет. Вот те положе голова да туловище, да и всё. Десяток-другой бросают – кому не лень. Приходят, прибегают и: “Гори-гори, масленица! Гори, не погасни!” Вот таии прибаутки»⁶²⁸.

Вероятно, в поздних вариантах изгнание нечистой силы было заменено избавлением от несчастьи, как более понятным и практически необходимым актом. В д. Лукьянцево (Устюж.) кричали кто чего: «“Куда огонь, туда и наше горе!” Кто чево, кто сумел што сказать. <...> Кто-то желание, или чево-то крикнуть»⁶²⁹. С такой же целью в костер кидали одежду – «сжигали болезни»: «Платья кидали рваны, штоб боль нашу взял» (д. Никифорово Устюж.)⁶³⁰.

Очистительное и охранительное значение, вероятно, приписывалось соприкосновению с масленичным огнем, поэтому во многих местах было принято перескакивать через горящий костер, хотя в большинстве случаев этот обычай воспринимался как развле-

⁶²⁶ Супинский А. К. Жизнь молодежи, обрядовые игры, детские игры севернорусской деревни. Рукопись. 1948 г. // Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. 5. Колл. 148. Папка 1. № 3. Л. 15.

⁶²⁷ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1991 г.

⁶²⁸ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

⁶²⁹ ПМА. Зап. А. А. Анненковой в 2002 г.

⁶³⁰ Календарные обряды и фольклор Устюженского района / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Кулева. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2004. URL: <http://cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/ustujna/ustujna1.htm>.

чение («для интересу»). «Вечером молодежь собиралась, зажигала костер и водила вокруг него хоровод. Заканчивалось все прыганием через костер со словами: “Чур, меня не трожь, я не твой!”» (д. Второй Большой Двор Череп.)⁶³¹.

В христианской традиции эти представления выразились в понятии греховности масленичного разгула и необходимости очищения от грехов перед наступлением Великого поста. В с. Покровское (Новгородская губ. Череповецкий у. Шухтовская вол.) «некоторые прыгают через костер, предполагая, что очистятся к Великому посту от грехов, накопившихся в течение года»⁶³². В других вариантах обряда это действие имело совсем другой смысл (см. ниже).

Вероятно, с такой же целью проезжали на санках через тлеющий костер, устроенный на горке, или переезжали через кострище на лошадях. Это действие нередко приобретало характер состязания: у кого более послушная лошадь, кто лучше умеет ей править. Очистительный характер имел, видимо, и обычай провозить на санках по деревне горящие костры, чучело или бегать с зажженными факелами, рассыпающими искры. Хотя последние действия можно трактовать также и как стимуляцию солнечного света, то есть как имеющие продуцирующую семантику.

Поминальная символика

Масленичная неделя была наполнена различными действиями, имевшими поминальную семантику. В. Я. Пропп указывает на связь культа мертвых с «земледельческими интересами и стремлениями»⁶³³. Как поминание предков – «родителей» – осмыслялась сама акция сжигания масленицы, поэтому считалось невозможным отказать детям, собирающим дрова для костра. «Не отказывали, раз надо поминать ведь родителей-то» (д. Бородино Устюж.)⁶³⁴. В этой связи понятно, почему дым от масленичного костра называли «Афониной бородой» (д. Еремиха Сямж.)⁶³⁵. Это наименование близко к эвфемистическим обозначениям мертвеца и к названиям некоторых персонажей ряженья⁶³⁶. Показательно поведение

⁶³¹ Супинский А. К. Жизнь молодежи... Л. 15.

⁶³² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 7. Ч. 3. Череповецкий уезд. СПб.: Навигатор, 2009. С. 63.

⁶³³ Пропп В. Я. Аграрные праздники... С. 32.

⁶³⁴ Календарные обряды и фольклор Устюженского района.

⁶³⁵ ПМА. Зап. С. Н. Смольниковым в 1991 г.

⁶³⁶ Ивлева Л. М. Ряжение в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 69.

собранных на проводы масленицы во время разжигания костра. «Сначала молча стояли, не знаю почему, а потом веселились. Все вот так вставали вокруг и вот так молча стояли. Розгоралось когда, ждали молча» (д. Лукьянцево Устюж.)⁶³⁷. Молчание при совершении тех или иных действий свидетельствует о соотношении их со смертью и сферой потустороннего, является признаком, обозначающим «почитание/сакрализацию покойного»⁶³⁸.

У масленичного костра нередко выполнялись действия, смыслом которых было прощание с покойными. В д. Вениц (Устюж.) во время проводов масленицы «тут все: молодые и старые приходили прощаться на теплинку с этим, со своими покойниками. Со всеми прощались, своих родителей они поминают. Вот придут да поклоняцца три разка [костру], да перекрестяцца да и пойдут домой»⁶³⁹. В д. Демцыно (Устюж.) «прощались с родителями» (т. е. кланялись три раза и произносили молитву), выходя после сжигания масленки на дорогу, ведущую к кладбищу⁶⁴⁰. Такой же смысл имел обычай жечь масленку обязательно на дороге к кладбищу (д. Бородино Устюж.)⁶⁴¹. К числу поминальных обычаев, исполняемых при проводах масленицы, можно отнести также сжигание старых лаптей, особенно распространенное в центральных районах. Д. К. Зеленин считал, что сожжение лаптей представляет собой жертву умершим⁶⁴².

Актуализация похоронно-поминальной семантики объясняет приуроченность к масленице и к сжиганию ее символа – костра, чучела или факелов – большого количества *прогностических практик*. Предсказательной силой обладало все, что исходило от костра: дым, головешки, зола. Это происходило, вероятно, потому, что масленица считалась переходным периодом, во время которого становился возможным контакт с потусторонней силой, а также периодом, когда была возможна связь с предками⁶⁴³. Дым

⁶³⁷ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

⁶³⁸ Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 126; Агапкина Т. А. Молчание // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 292.

⁶³⁹ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

⁶⁴⁰ ПМА. Зап. С. П. Бушкевич в 2002 г.

⁶⁴¹ Календарные обряды и фольклор Устюженского района.

⁶⁴² Зеленин Д. К. Русские народные обряды со старой обувью // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 222.

⁶⁴³ Байбуриин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 124–125.

от масленичного костра мог предсказать будущее всем жителям деревни. Причем ему придавалась отрицательная коннотация, что, по-видимому, было связано с представлением о «нечистой силе», обитающей в нем. «На деревню эжели [дым], ак мало хорошово бываэт. Это, говорят, худо – на деревню. Всем, говорят, тяжело, дак, плохая жизнь ли чё ли для всех. Для всех плохо, эсли на деревню дым пойдёт, дак всем это, признавали, што всем плохо. А эсли от деревни, ак это хорошо, как дым от деревни...» (д. Шугино Белоз.)⁶⁴⁴. Отметим, что аналогичный смысл приписывался дыму от костра, который разводили после похорон⁶⁴⁵.

Негативное отношение к масленичному пламени отразилось в представлении, что, если «одёжина загорит, через огонь перескакивают, это уж для этой тяжёлое житьё» (д. Шугино Белоз.)⁶⁴⁶. В измененном виде это поверье присутствует в примете, которая бытовала в той же деревне: «Если девушку огнем опалит – неладно чё-нибудь сама наделала»⁶⁴⁷. В д. Волохтома (Кирил.) то, как девушка прыгала через костер, свидетельствовало о ее «честности», поэтому «за прыгавшими девушками следили: эсли котрая-либo из них прыгала, подняв подол юбки, ее объявляли нечестной, гулявшей с парнем, т.е. сожительствовавшей с ним. Все гурьбой отправлялись к ее дому и вымазывали дегтем ворота»⁶⁴⁸.

В гадательных практиках использовали головни от масленичного костра, которые собирали на потухшем кострище и хранили дома в течение всего года. На следующую масленицу «эти головяшки, прошлогодниэ, опеть в прогоне зажигаэм. Чиво выпадёт с этой головнинкой, хто на чиво загадаэт на головеньку на эту. Хто на жиниха на как-нибушного загадаэт, хто для житья – хто на чиво вздумаэт загадывали. Ежели полуцица – хорошо загорят, ходко, а ежели не загариваюцца, то уж... полюбовники концейтеса, остаёцца всё... Подкладываэш – добавлеют дров, ну, наколют эких палочек. А другой раз бываэт, што ослизнёт как-то, ей огонь не берёт. Ну, уж тут не к добру это, говорят» (д. Шугино Белоз.)⁶⁴⁹.

⁶⁴⁴ ПМА. Зап. И.С. Слепцовой в 1999 г.

⁶⁴⁵ Слепцова И.С. Отличительные признаки... С. 60–61.

⁶⁴⁶ ПМА. Зап. И.С. Слепцовой в 1999 г.

⁶⁴⁷ ПМА. Зап. И.С. Слепцовой в 1999 г.

⁶⁴⁸ Супинский А.К. Жизнь молодежи... Л. 15.

⁶⁴⁹ ПМА. Зап. И.С. Слепцовой в 1999 г.

Продуцирующая символика

Стимулирующее влияние, которое приписывалось масленичному костру, отразилось как в месте устройства костра на высокой горе, так и в ряде акций. Поскольку считалось, что от вышины пламени зависит будущий урожай, старались сделать его как можно более высоким. «Чем масленица будет лучше гореть, тем больше будет урожая. Вот мы и старались урожай делать» (д. Гряд-да Устюж.)⁶⁵⁰. Эту же цель имело и перепрыгивание через костер. «Церез нее надо скакать, говорят, шtbody вторая масленица лучше этой была, как перескочишь эту. На следующий год. Девушки с парнями, с парнями [скакали]» (д. Дягилёво Хар.)⁶⁵¹. К продуцирующим действиям относится и разбрасывание по полю головешек от масленичного костра⁶⁵², хотя это никак не мотивировалось (д. Сидорово Устюж.). В обобщенном виде представление о пользе соприкосновения с масленичным огнем отразилось в предписании, что надо «прыгать через костер – будет тогда счастье» (д. Огибалово Хар.)⁶⁵³.

Данная семантика уже практически не осознавалась исполнителями обряда, хотя все еще сохранялось представление о необходимости устройства высокого общесельского костра, который стал рассматриваться как своего рода визитная карточка деревни. «Как стемнеет, смотрят в каждой деревне, у ково лучше горит, у ково больше дыму, а потом обсуждают, у ково лучше было» (д. Мытник, Строкавино Вожег.)⁶⁵⁴. По характеру костра судили о качествах жителей деревни, поэтому высокий и яркий огонь служил поводом для гордости. «В каждой деревне большая должна быть масленица, шtbody видно было далеко. Во всей деревне костёр горит “масленица”. У ково больше, у ково яснее, ну как сказать-то, тем красивее, яснее. Значит, та деревня, те люди живут веселей и умней, и всё. Вобшэм, это всё сказано будет в этом костре. А если он тухло горит, дак што от него? Это там не народ, а чёрт знает кто живёт!»⁶⁵⁵ (д. Лукьянцево Устюж.).

Продуцирующая семантика присутствует в некоторых поверьях и обусловленных ими действиях, которые относились к

⁶⁵⁰ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

⁶⁵¹ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1991 г.

⁶⁵² Пропп В.Я. Русские аграрные праздники... С. 73.

⁶⁵³ ПМА. Зап. О.В. Кириченко в 1991 г.

⁶⁵⁴ Зап. И.А. Морозовым в 1992 г.

⁶⁵⁵ ПМА. Зап. А.А. Анненковой в 2002 г.

матримониальной сфере. Так, в д. Звереве (Белоз.) существовала примета: если дым от масленичного костра опахнет парня и девушку, то они поженятся, даже если и не дружили⁶⁵⁶. В д. Старое Малое и Мелечино (Устюж.) считали, что «куда дым летит, оттуда судьба будёт, туда замуж выйдём»⁶⁵⁷. В д. Баркановская (Вожег.) считалось, что перепрыгнувшие через костер парень или девушка выйдут замуж или женятся в текущем году. Поэтому их побуждали возгласами: «Ну, давай: перескоцишь, дак сево года отдают!» или «Сево года жоним!»⁶⁵⁸.

Итак, рассмотрев комплекс представлений, связанных с обрядом сжигания масленицы, можно отметить в нем акции, символика и семантика которых относится к общерусской традиции. Это действия, которые выполняют очистительную, апотропеическую и продуцирующую функции. Локальной спецификой, связанной с масленичным костром, можно считать большое число акций, имеющих поминальную семантику, и действий, относящихся к матримониальной сфере.

Список сокращений географических названий

- Белоз. – Белозерский р-н
- Вашк. – Вашкинский р-н
- Верхов. – Верховажский р-н
- Вожег. – Вожегодский р-н
- Волог. – Вологодский р-н и уезд
- Вытег. – Вытегорский р-н и уезд
- Гряз. – Грязовецкий р-н и уезд
- Кирил. – Кирилловский р-н
- Нюкс. – Нюсенский р-н
- Сямж. – Сямженский р-н
- Устюж. – Устюженский р-н и у.
- Хар. – Харовский р-н
- Череп. – Череповецкий р-н и у.

⁶⁵⁶ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1999 г.

⁶⁵⁷ ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

⁶⁵⁸ Зап. И. А. Морозовым в 1992 г.

ВОЛОГОДСКИЕ КРАЕВЕДЫ О ТРАДИЦИОННОМ ПИТАНИИ КРЕСТЬЯН (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Вологодские краеведы оставили огромное наследие в виде многочисленных статей и заметок в периодических изданиях, газетах и журналах, а также очерки, разделы в монографиях, книги. К этому надо добавить значительный объем рукописных материалов, которые были собраны в XIX – начале XX в. по инициативе различных обществ и находятся еще не востребованными в государственных и местных архивах. Вместе с тем, они могут дать много для воссоздания истории Русского Севера в целом, но в особенности для изучения традиционной культуры Вологодского края. Это находится в русле проблемы реконструкции русской кухни, поскольку она сформировалась благодаря местным традициям в различных регионах страны. Именно благодаря региональным особенностям русская пища приобрела национальные черты, отличавшие ее от кухни других народов. Не последнюю роль в ее формировании сыграла вологодская кухня, которая приобрела законченный характер в XIX – начале XX в. Чтобы оценить вклад вологодских краеведов в этнографическое изучение культуры и быта Русского Севера, целесообразно вновь обратиться к собранным ими материалам, которые позволили реконструировать повседневный и праздничный рацион питания вологодских крестьян в XIX – начале XX в.

Заметки местных краеведов о традиционной пище стали появляться уже со времени учреждения «Вологодских губернских ведомостей» (1838–1917) – первой вологодской газеты. В отличие от ее официальной части, в которой печатались постановления, указы правительства и местных властей, «неказенные» статьи по истории, географии и этнографии Вологодской губ. помещались в неофициальной части – в «Прибавлениях»⁶⁵⁹. В рубрике «Местные слова и выражения, употребляемые между простым народом в разных уездах Вологодской губернии» публиковались сведения о местных говорах, собранные краеведами. В них было немало слов,

⁶⁵⁹ Подробнее см.: Степановский И.К. «Вологодские губернские ведомости» за пятидесятилетие (1839–1888).– Вологда, 1888.

связанных с питанием крестьян⁶⁶⁰. В дальнейшем стали все чаще публиковаться статьи и заметки талантливых исследователей, нередко самоучек из народа, которые составили замечательную когорту вологодских краеведов.

Одним из выдающихся людей своего времени был А. А. Шустиков (1859–1927). Он родился в д. Хмелевская Кубинской волости Кадниковского уезда и довольно рано стал собирать этнографические сведения об истории и культуре родного края, несмотря на то, что занимал ответственные должности в земских учреждениях Вологды и Кадникова, а потом в Вологодской городской думе. А. А. Шустиков много путешествовал по Русскому Северу, в результате чего им было издано более сорока статей и рассказов, в которых раскрылся его яркий писательский талант⁶⁶¹.

А. А. Шустиков принимал активное участие в деятельности Императорского Русского Географического общества, основанного в г. Санкт-Петербурге (ИРГО, 1845–1917). В 1847–1848 гг. Общество разослало Программу для собирания этнографических сведений по многим губерниям Российской империи. Помимо вопросов, касающихся основных занятий, верований, уклада и быта русских крестьян, в Программе задавались вопросы об их пищевом рационе. Особенно много сообщений поступило в адрес ИРГО из Вологодской губ. Ответы корреспондентов с мест содержали подробные сведения о повседневной, праздничной и обрядовой пище вологодских крестьян. Из сообщений в Общество отличались материалы А. А. Шустикова о Троицких волостях Кадниковского уезда, известных под названием «Троичина». А в 1883 г. в «Вологодских губернских ведомостях» появилась его статья «Троичина Кадниковского уезда. Этнографический очерк»⁶⁶², которая в 1892 г. была опубликована в периодическом издании ИРГО – в журнале «Живая старина». В них он отметил особенности питания крестьян в будни и праздники, перечислил скромные и постные блюда из мяса, рыбы, овощей, грибов, привел их местные названия, указал на повсеместное распространение картофеля⁶⁶³. Под руководством

⁶⁶⁰ ВГВ. 1839. № 14, 22, 25, 45; 1840. № 19, 20, 37, 39; 1841. № 46, 48.

⁶⁶¹ Шустиков А. А. Охотничий промысел в Кадниковском уезде // ВГВ. 1887. № 1, 2; он же. По деревням Олонецкого края (Поездка в Каргопольский уезд). Вологда, 1915; он же. Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк // Живая старина. 1895. Вып. 2, 3–4. С. 171–191, 329–375 и др.

⁶⁶² Шустиков А. А. Троичина Кадниковского уезда. Этнографический очерк // ВГВ. № 11. 1883; ВГВ. № 12. 1883; ВГВ. № 13. 1883.

⁶⁶³ Шустиков А. А. Троичина Кадниковского уезда. Этнографический очерк // Живая старина. Вып. 2. С. 71–92; 1892. Вып. 3. С. 106–138.

языковеда А. А. Шахматова А. А. Шустиков с энтузиазмом сотрудничал с Императорской Академией наук по подготовке «Русского словаря». За исследования в области этнографии он был награжден двумя серебряными медалями ИРГО, а в 1913 г. стал действительным членом ИРГО. Исследователи обнаруживают немало интересных фактов в его судьбе⁶⁶⁴.

Особое место в истории вологодского краеведения занимает М. Б. Едемский (1870–1933). Уроженец д. Рыкаловской Тотемского уезда, расположенной на р. Кокшеньге, он посвятил свою жизнь сбору народного поэтического творчества. Здешних жителей издавна называли «кокшары», поскольку сельские поселения располагались вдоль р. Кокшеньги. В 1894 г. вышел его труд «Из кокшеньгских преданий», замеченный А. А. Шахматовым, этнографом и ботаником Н. А. Иваницким. Его дальнейшие этнографические изыскания все время пополнялись новыми наблюдениями. М. А. Вавилова в статье, посвященной жизни и творчеству М. Б. Едемского, раскрывает все грани этой неординарной личности, перечисляет его заслуги как в области фольклористики, так и в геологии. Она особо выделяет его деятельность в Русском Географическом обществе⁶⁶⁵. В период с 1905 по 1913 г. М. Б. Едемский опубликовал часть статей в журнале «Живая старина», который выходил под эгидой ИРГО⁶⁶⁶. Его работа «Кокшеньгская старина» была издана отдельно в 1906 г. в «Записках» русского отдела Императорского Археографического общества⁶⁶⁷. В 1911 г. отдельным изданием вышла «Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии». Особая ценность этой работы М. Б. Едемского заключается в том, что он подробно рассмотрел все этапы подготовки к свадьбе в Спасской волости Тотемского уезда, начиная от

⁶⁶⁴ Орешина М. А. «Ну, что делать, умирать, видно, надо...»: А. А. Шустиков и судьбы Вологодского краеведения / вступ. ст., подг. текста и комм. М. А. Орешинной // *Мировоззрение и культура севернорусского населения* / отв. ред. И. В. Власова. – М., 2006. С. 364–384.

⁶⁶⁵ Вавилова М. А. Из истории вологодского краеведения. Михаил Борисович Едемский (1870–1933 гг.) // *Вологда: Краеведческий альманах*. Вып. 3. – Вологда: Легия, 2000. С. 576–591.

⁶⁶⁶ Едемский М. Б. *Говор жителей Кокшеньги* // *Живая старина*. 1905. Вып. 1–2. С. 97–101; он же. *Из кокшеньгских преданий* // *Живая старина*. 1905. Вып. 1–2. С. 102–106; *Живая старина*. 1908. Вып. 1. С. 75–83; Вып. 2. С. 211–218; он же. *Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда* // *Живая старина*. 1910. Вып. 1–2. С. 1–48; Вып. 3. С. 49–96; Вып. 4. С. 97–113; он же. *О крестьянских постройках на севере России* // *Живая старина*. 1913. Вып. 1–2.

⁶⁶⁷ Едемский М. Б. *Кокшеньгская старина* // *Записки русского отдела Императорского Археографического общества*. 1906. Вып. 1–3. С. 12–20.

«рукобיתья» («запоруки», «запоручиванье»), когда устраивали застолье («пропивали невесту»), вплоть свадебного пира и до «хлибин» – на второй день свадьбы. На всех этих этапах обязательно присутствовала еда в разном виде и непременно домашнее пиво. М. Б. Едемский наряду с традиционными обычаями отметил и ряд нововведений, вошедших в свадебные обычаи жителей Кокшеньги в начале XX в.⁶⁶⁸

Еще одним русским самородком можно назвать В. Т. Попова (1828–1899) – уроженца д. Тимофеевская Заячерицкой волости Спасского приказа Тотемского уезда. Начиная с 1857 г., в «Вологодских губернских ведомостях» им было опубликовано несколько очерков под общим названием «Описание Кокшеньги», в которых нашла отражение пища и утварь «кокшаров». Помимо описания традиции употребления в пищу обычных продуктов, он сообщал о повсеместном распространении среди местных крестьян картофеля, несмотря на то, что среди проживавших здесь старообрядцев его считали «проклятым плодом»⁶⁶⁹.

В. Т. Попов также стал корреспондентом Русского Географического общества. Будучи председателем Тотемской уездной земской управы, он много сделал как для Тотьмы, так и для уезда, например, он содействовал открытию публичной земской библиотеки, что особо отметил краевед Н. В. Ильинский⁶⁷⁰. Несколько позднее В. Т. Попов стал инициатором открытия знаменитой Петровской ремесленной школы⁶⁷¹. Большим событием стало издание в 1886 г. его книги о Тотьме⁶⁷². И. А. Соболев заслуженно называл его «основоположником тотемского краеведения»⁶⁷³.

В конце XIX в. в «Вологодских губернских ведомостях» периодически стали появляться статьи библиографа и этнографа П. А. Дилакторского, в которых нашли место сведения и о народном

⁶⁶⁸ Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. – СПб., 1911.

⁶⁶⁹ Попов В. Т. Описание Кокшеньги // ВГВ. 1857. № 20–24.

⁶⁷⁰ Ильинский Н. В. В. Т. Попов и его тотемская библиотека // Известия ВОИСК. Вып. 4. – Вологда, 1917.

⁶⁷¹ Воронина Т. А. Петровская ремесленная школа // Тотьма: историко-литературный альманах. Вып. 1. – Вологда, 1995. С. 72–104.

⁶⁷² Попов В. Т. Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический очерк. – Вологда, 1886.

⁶⁷³ Соболев И. А. Тотьма: Очерки истории города и района. – Архангельск, 1987; он же. Почетный потомственный гражданин (Памяти В. Т. Попова – основоположника тотемского краеведения) // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. – Вологда, 1995. С. 315–325.

питании⁶⁷⁴. В этой же газете в 1898–1899 гг. им были опубликованы сведения о писателях, уроженцах Вологодской губ., вышедшие позднее отдельным оттиском⁶⁷⁵. Много статей было опубликовано П. А. Дилакторским в журналах «Этнографическое обозрение», «Живописное обозрение». Одновременно шла кропотливая работа по составлению словаря по Вологодской губ. для «Словаря русского языка» для Императорской Академии наук, которая, по оценке А. А. Шахматова, была выполнена блестяще⁶⁷⁶. В 1902–1903 гг. П. А. Дилакторским была завершена огромная работа по сбору вологодских наречий, которая была обобщена в его знаменитом труде «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении». «Словарь», к сожалению, не издавался при жизни автора и был опубликован только в 2006 г.⁶⁷⁷ Е. Н. Шаброва в статье «П. А. Дилакторский и его словарь» подчеркивает уникальность диалектного словаря и его большое значение для комплексного изучения Вологодского края. В нем есть немало слов из народной лексики, связанных с традиционным питанием вологодских крестьян⁶⁷⁸.

Начиная с 1864 г., отдельные статьи краеведов издавались в «Вологодских епархиальных ведомостях» (ВЕВ). Так, например, в 1905 г. М. Н. Мясников сообщал ценные сведения о появлении картофеля и его культивировании на Кокшеньге⁶⁷⁹.

Сотрудником ИРГО стал священник П. Воронов, собиравший сведения о жизни купечества и мещанства Верховажского посада Вельского уезда. В своей корреспонденции он подробно описал свадебные обряды, включавшие приготовление блюд для «радошного» или «почесного» стола, отметил строгую последовательность подачи к столу холодных и горячих блюд, выпечки. Отдель-

⁶⁷⁴ Дилакторский П. А. Свадебный день в Кадниковском уезде // ВГВ. 1890. № 42, 44–46, 48, 50; он же. Канун свадебного дня в Троицине, Кадниковского уезда // ВГВ. 1891. № 1, 2; он же. Пастушьи заговоры в Кадниковском уезде // ВГВ. 1891. № 5 и др.

⁶⁷⁵ Дилакторский П. А. Вологжане-писатели. Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии. – Вологда, 1900.

⁶⁷⁶ Дилакторский П. А. Материалы для изучения великорусского говора Двиницкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (ОРЯС АН). Вып. IV. Т. II, кн. 1. № 31. (Спб.). 1897.

⁶⁷⁷ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / ред. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. – М.: Наука, 2006.

⁶⁷⁸ Шаброва Е. Н. П. А. Дилакторский и его словарь // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: Легия, 2000. С. 592–598.

⁶⁷⁹ Мясников М. Н. Исторические сведения о Кокшеньге // ВЕВ. 1905. – № 10. – Прибавления.

ные его статьи были опубликованы в периодических изданиях ИРГО. Так, в «Вестнике ИРГО» он писал о том, что в Верховажском посаде повседневными напитками был бочешный и русленичный квас, чай, но кофе был в употреблении только в купеческой среде. Образ жизни купечества и мещанства того времени был очень приближен к сельскому: «Мещанин в этом отношении стоит на одной, если не ниже, ступени с местным крестьянином», – поэтому он сравнивал их пищевой рацион с крестьянским. В журнале «Этнографический сборник» он отмечал, что в Кулойских волостях свата в конце свадьбы отдельно ото всех угощали как почетного гостя «соломатом» из овсяной крупы, замешанной или поджаренной на масле⁶⁸⁰.

Учитель по профессии Е. В. Кичин направил в ИРГО несколько обобщающих работ, например, «Историко-этнографический очерк г. Кадникова» (1847 г.), «Заметки об Усть-Сысольске» (1849 г.). В работе «Свадебные обыкновения во многих частях Кадниковского уезда» есть сведения о блюдах, которые готовили ко дню свадьбы, на «почесный» стол, «хлибный» стол» у тестя и тещи, «на прочесье» у молодых. Е. Кичин написал также о традиции выпечки пирогов на именины, для плотников во время возведения новой избы, а также об ассортименте торговли на ярмарках в г. Тотье и в Кадниковском уезде. Е. Ф. Шейтанов собрал для ИРГО сведения о традиции пивоварения, о разведении фруктов и ягод в Вельском уезде (1849 г.).

Другие корреспонденты Русского Географического общества писали из Великого Устюга о местных жителях, которые любили проводить время в кругу своего семейства или ближних родственников (Круглов), из Сольвычегодского уезда – о торговле съестными припасами (И. Титов). Некоторые из них оставили обширный материал, из которого можно почерпнуть немало сведений о пище, связанной с рождением детей и уходом за роженицей, о крестильном обеде и связанных с ним обрядах, об особенностях похоронно-поминального стола. В сообщениях краеведов отразились многие слова и выражения, связанные с «вытью», то есть со всем, что относилось к продовольствию и харчам.

Некоторые статьи были опубликованы в «Памятных книжках Вологодской губернии», которые издавались губернским статистическим комитетом с 1853 по 1916 г. под разными

⁶⁸⁰ Воронов Н. Верховажский посад (Вельского уезда) // Вестник ИРГО. № 7 (СПб.). 1860. С. 121–150; Воронов П. Вельские свадебные обряды и причеты // Этнографический сборник. Вып. 5.– СПб., 1862. С. 17–18.

названиями⁶⁸¹. В них, например, приводился перечень торговых мест в уездах, число которых постоянно росло. В 1864 г. в губернии насчитывалось 168 ярмарок. Наиболее ощутимый результат давала торговля хлебом в Вологде, куда поступали обозы с рожью и овсом из уездов, а также из Костромской и Вятской губерний. Весной хлеб отправляли в Петербург и Архангельск. Важной статьёй торговли было мясо, сало, дичь, рыба, сливочное масло. В 1866 г. в губернии действовало 194 ярмарки, в 1869 г. – 225 ярмарок, значительно возрос их товарооборот в денежном отношении⁶⁸².

В «Памятной книжке Вологодской губернии на 1865 и 1866 год» был опубликован этнографический очерк секретаря Вологодского губернского статистического комитета Ф.А. Арсеньева «О промышленных и торговых сношениях в Зырянском крае», в котором есть много сведений о сезонной охоте на диких птиц в Усть-Сысольском уезде. Зимнее «лесованье» предполагало более длительное нахождение вне дома, когда охотникам необходимо было брать с собой значительный запас харчей, которые позволяли готовить сытную пищу. Однако по сравнению с началом XIX в. в 1860-е гг. зверей и птиц в Зырянском крае стало немного, соответственно и запасов с собой брали меньше.

Деятельность Ф.А. Арсеньева была многогранной: в 1863 г. он открыл в Вологде первую публичную библиотеку, с этого же года редактировал неофициальную часть «Вологодских губернских ведомостей», а в 1870-х годах – «Вологодские сборники» и «Памятные книжки». Он внимательно следил за развитием маслодельных артелей, в которых принимали участие и крестьяне⁶⁸³. Нельзя не отметить, что история промышленного маслоделия подробно воссоздана в работах И.К. Степановского⁶⁸⁴.

Многие вологодские краеведы активно сотрудничали с Этнографическим бюро князя В.Н. Тенишева (Тенишевского бюро),

⁶⁸¹ Справочники по истории дореволюционной России. – М., 1978. С. 463.

⁶⁸² Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864. С. 100; Памятная книжка Вологодской губернии. Вологда, 1866; Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 год. – Вологда, 1870. С. 23.

⁶⁸³ Арсеньев Ф. О промышленных и торговых сношениях в Зырянском крае. Этнографический очерк // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 год. Вологда, 1866; он же. Выставка молочных продуктов и рогатого скота в г. Вологде // ВГВ. 1881. № 81; Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов / глав. ред. Ф.Я. Коновалов. Вологда, 2004. С. 505.

⁶⁸⁴ Степановский И.К. Вологодская старина. Историко-этнографический сборник. Вологда, 1890; он же. Маслоделие – богатство Севера. Вологда, 1912; он же. Русское молочное хозяйство и кооперация. СПб., 1914; он же. Кооперация и вологодское артельное маслоделие. Вологда, 1922.

созданным в 1890-е годы в Санкт-Петербурге⁶⁸⁵. В 1897 г. им была разослана «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России», на которую были получены ответы из 23 губерний. К работе был привлечен широкий круг авторов, включая сельскую интеллигенцию – учителей, семинаристов старших курсов, земских начальников, духовенство, грамотных крестьян. Значительную часть присланных в Тенишевское бюро материалов составили ответы корреспондентов из Вологодской губернии, зафиксированные более чем в 300 делах (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97–401). Они дали значительный объем сведений о соблюдении дней церковного календаря, о храмовых праздниках, характере застолья в будни и праздники. Не менее важны ответы и на другие вопросы Программы, например, о найме для полевых работ, особенно на помочи, сопровождавшиеся, как правило, хорошим угощением и приготовлением особых блюд, о сезонном питании.

Интересны сведения корреспондентов Тенишевского бюро о традиции чаепития в Вологодской губ. А. К. Аристархов писал, что в Вологодском уезде она распространилась повсеместно (Д. 116). Это отмечал и В. Чапурский: «В Вологодском уезде чай пили все, и в редком доме не встретите самовара» (Д. 161). В Грязовецком уезде, как писал А. Голубцов, чай тоже стал «обыденным» напитком в сельской среде (Д. 173, Д. 210). В Вельском уезде чаепитие распространилось уже с 1834 г. и постепенно вошло в повседневный рацион. Е. Ф. Шейтанов отмечал, что «порядочный» чай готовили на завтрак, перед ужином («о паужне»), на ужин, но чаще в зимнее время, когда заготавливали дрова или ходили на смолокурный завод. Чай стал незаменимым напитком на праздничных трапезах (Д. 100). В Никольском уезде, как писал И. Ивонинский, в 1890-е гг. чаепитие стало повсеместным явлением, но самовары имели только богатые крестьяне (Д. 286). Что же касается чаепития в Сольвычегодском уезде, то одни крестьяне пили чай ежедневно по разу, другие – только по праздникам. «Самоваров стало больше, – писал Н. К. Кириллов, – в каждой деревне есть самовар, да еще и не один» (Д. 333). В Тотемском уезде чаепитие тоже стало распространенным явлением, хотя А. Соболев сообщал, что старообрядцы, проживающие в Куракинской волости, связывали повсеместное распространение чая с концом света (Д. 372).

⁶⁸⁵ В настоящее время рукописи Тенишевского бюро находятся в архиве Российского этнографического музея (АРЭМ. Ф. 7).

Ценные сведения о повседневной и праздничной пище крестьян Тотемского уезда прислали учащийся Вологодской духовной семинарии И. Голубев, учитель Спасского земского училища В. Евфимьев, псаломщик В. Суровцев, крестьянин А. Мальцев, учитель Калининского земского училища А. А. Жуков и другие, собравшие интересные материалы о питании крестьян (Д. Малевинский, Н. Михайлов, Н. Миролюбов, В. Покровский, С. А. Дилакторский, А. Шадрин, А. А. Каменев и др.). И. Суворов отметил, что гостеприимство и хлебосольство «тиксняков» особенно проявлялось во время храмовых и «деревенских» праздников (Д. 373, 376). В. Ефимьев оставил подробное описание «пирования» жителей Кокшеньги, которое обычно начиналось с того, что хозяин сам рассаживал своих хороших знакомых за столом и сначала угощал почетных гостей. В состав такой компании нередко входят и члены сельского начальства в лице старшины, сельского старосты, волостного и сельского писаря, полицейского урядника (Д. 345). К праздничным дням готовились заранее и гостям были всегда рады – писал корреспондент Тенишевского бюро Н. Журавлев (Д. 163)⁶⁸⁶.

О питании крестьян Троицких волостей Кадничковского уезда в будни и праздники писал А. Мерцалов. Он отмечал частое посещение храмов, особенно на Пасху и Рождество Христово (Д. 240). Об этом же сообщал и земский врач С. А. Дилакторский (Д. 240). Н. К. Кириллов акцентировал внимание на том, что повседневная пища жителей Сольвычегодского уезда отличалась простотой и в то же время была довольно калорийной. Он отмечал строгое соблюдение этикета за столом, за которым наблюдал глава семейства – «большак» (Д. 330, 333). По наблюдениям М. Капустина, ежедневная пища крестьян Никольской волости включала ржаной хлеб отличного качества, «мягкие» (пироги из ячменной муки), щи, шаньги. Благодаря личным огородам, у крестьян было много овощей, из которых готовили первые и вторые блюда (Д. 320).

Сведения краеведов о питании вологодских крестьян были дополнены работой Н. А. Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (1890), опубликованной в «Трудах» этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ, 1863–1931), созданного при Императорском Московском университете). В нее

⁶⁸⁶ Подробнее см.: Воронина Т. А. Об особенностях питания крестьян Тотемского уезда в конце XIX века // Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, «Русь», 1997. С. 132–164.

вошли сведения о традиционной пище и утвари жителей Вологодского и Кадниковского уездов. О питании крестьян Сольвычегодского уезда говорилось в другой работе Н.А. Иваницкого – «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность» (1898)⁶⁸⁷.

В сборе материалов о традиционном питании вологодских крестьян важную роль сыграло Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК), созданное в 1909 г.⁶⁸⁸ В состав Общества входила географо-этнографическая комиссия, которая в 1910–1913 гг. осуществляла сбор материалов с использованием анкет и во время комплексных экспедиций. По инициативе вологодских краеведов были созданы уездные отделы ВОИСК в Тотьме, Великом Устюге и Вельске, которые вели самостоятельную работу по изучению местного края. Начиная с 1915 г., в деятельности Тотемского отдела принимали участие Д.А. Григоров, Н.В. Ильинский, Н.А. Черницын, также преподаватели различных учебных заведений города и уезда, служащие, купцы, священники, художники, агрономы, лесничие, крестьяне⁶⁸⁹.

В период с 1914 по 1921 г. вышли в свет несколько номеров «Известий Вологодского общества изучения Северного края», но до 1928 г. они стали выходить под названием «Север». В первом выпуске «Известий Вологодского общества изучения Северного края» в 1914 г. вышла обобщающая работа П.А. Дилакторского о вологодских писателях. В этом же выпуске была издана небольшая статья крестьянина М.П. Попова «Как образовалась деревня Митино». Она была посвящена истории его родной деревни Митино Косиковской волости Тотемского уезда. Вместе с тем, он сообщает сведения о скромном и постном рационе питания местных жителей, о распространении традиции чаепития. В статье Н.В. Ильинского «Растительность по реке Сыsole» сообщается о том, что в начале XX в. в Усть-Сысольском уезде Вологодской губ.

⁶⁸⁷ Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения крестьянского населения Вологодской губернии // Известия ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. Вып. X.– М., 1890; он же. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. Вып. 1. 1898. С. 3–74.

⁶⁸⁸ Белов С.П. Вологодское общество изучения Северного края: история и перспективы // Известия ВОИСК. Исследование и реставрация памятников культуры Русского Севера. Выпуск 8.– Вологда, 2000. С. 10–15.

⁶⁸⁹ Белов С.П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.) // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВПУ, «Русь», 1997. С. 518–536.

сократились посевы хлеба и многим местным жителям его приходилось покупать. В ней также перечисляются те овощи, которые входили в повседневный рацион питания, это были картофель, капуста, репа, лук, морковь, горох. Что же касается фруктов, то сырые зимы и заморозки не позволяли культивировать ягодники и плодовые деревья⁶⁹⁰.

После революционных событий 1917 г. многие краеведы были задействованы в сборе материалов по специальной анкете ВОИСК, разосланной в 1920-е годы по Вологодской губ. Ответы на вопросы анкеты показали, что питание крестьян сохраняло традиционные черты, хотя появились трудности в приобретении продуктов. В них есть сведения о традиции пивоварения к престольным праздникам, о состоянии промыслов по производству домашней утвари. В числе рукописей ВОИСК имеются также очерки В. М. Соболевской о быте кокшаров и присухонских крестьян с описанием скоромной и постной пищи; А. А. Шустикова, объездившего многие захолустья Вологодской губ. Ценны сведения Н. Г. Паничевой о быте крестьян Вологодского уезда; Ф. Н. Журавлева – об особенностях стола на новоселье в Кадниковском уезде; С. Скороходова (о каргопольцах), Кондрашева⁶⁹¹.

В 1924 г. Вологодским обществом изучения Северного края совместно с Академией истории материальной культуры была организована этнологическая экспедиция. В работе Вологодского отряда принял участие М. Б. Едемский, который, несмотря на серьезное увлечение геологией, не оставлял занятия этнографией⁶⁹². Вологодское общество изучения Северного края просуществовало до 1937 г.⁶⁹³ и было возрождено только в 1980-е гг.

Сведения о краеведах были обобщены в работе А. и А. Веселовских, которые разделяли историю изучения Вологодского края на два этапа: «время краелюбия» и «время краеведения». Интересно, что с первым этапом они связывали имена Ф. А. Малевинского,

⁶⁹⁰ Дилакторский П. А. Вологжане-писатели. Материал для словаря писателей уроженцев Вологодской губернии // Известия ВОИСК. 1914. № 1; Попов М. П. Как образовалась деревня Митино // Там же; Ильинский Н. В. Растительность по реке Сыsole // Там же.

⁶⁹¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 4389; Ф. 652. Д. 144, 146, 149, 208.

⁶⁹² Едемский М. Б. Краткие сведения о работе вологодского отряда этнологической экспедиции от Академии истории материальной культуры и Вологодского общества изучения Северного края в 1924 г. // Север. 1927. № 3–4. С. 109–111.

⁶⁹³ ГАВО. Ф. 4389 и Ф. 652.

П. Воронова, П. Шайтанова, Н. Попова, со вторым – имена Н. Ива-
ницкого, П. Дилакторского, А. Шустикова, М. Едемского⁶⁹⁴.

В заключение краткого очерка о вологодских краеведах можно сказать, что они внесли значительный вклад в этнографическое изучение культуры и быта Русского Севера. Ценность собранных ими сведений состоит прежде всего в том, что они были непосредственными наблюдателями происходивших на их глазах изменений во многих сферах народной жизни. Среди собранных ими материалов оказалось немало сведений о традиционной пище вологодских крестьян (XIX – начало XX в.), которые позволили реконструировать обычаи и обряды, связанные с повседневным и праздничным рационом питания. Они свидетельствуют, что локальные варианты приготовления пищи играли важную роль в формировании вологодской кухни, что расширяет знания и о значимости русской кухни в целом. Их труды до сих пор не потеряли своей значимости, некоторые из них вышли в свет в серии историко-краеведческих альманахов о старинных городах Вологодской области, которые были изданы, начиная с 1990-х гг.⁶⁹⁵ Огромный вклад вологодских краеведов в этнографическое изучение крестьянской культуры не должен быть забыт и надо полагать, он будет оценен по достоинству всеми, кто обратятся к их богатому наследию.

*Фролова Александра Викторовна,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА)

В основе исследования лежат полевые материалы, собранные автором в деревнях Холмогорского, Пинежского, Мезенского, Лешуконского р-в Архангельской обл., в городах Архангельске, Северодвинске, Котласе, Мезени и др. в 2003–2010 гг., также привлечены материалы, содержащие фактические данные, местные

⁶⁹⁴ Веселовский А., Веселовский А. Вологжане-краеведы. Источники словаря. Вологда, 1923.

⁶⁹⁵ Подробнее см.: Юбилейные краеведческие даты Вологды на 2018 год. // Централизованная библиотечная система города Вологды [сайт]. Режим доступа: <https://cbs-ologda.ru/literaturnye-yubilei/106-kraevedcheskij-kalendar/2828-yubileinye-kraevedcheskie-daty-ologdy-na-2018-god.html> (дата обращения 27.12.2018).

периодические издания, архивные документы ГАОО (Государственного архива Архангельской области)

С первых дней Советской власти началось преобразование и переустройство общественного быта. В процессе «приобщения» к новому образу жизни устанавливались новые революционные праздники, обновлялись или вытеснялись из быта праздники народного календаря, формировались новые обрядовые действия, освящающие «переходное состояние» в жизни человека (рождение, свадьба, похороны и т. д.). Внедрение советской общественностью праздников революционного «красного» календаря, попытки замены традиционных народных праздников, составлявших «скелет», основу традиционной праздничной культуры, свидетельствовали о стремлении радикально перестроить духовный мир человека.

Необходимо отметить, что для первых послеоктябрьских десятилетий было характерно сосуществование старых церковных и новых революционных праздников, так называемых дней «красного календаря». Значимыми вехами в этом процессе стали декреты СНК 1918 г. о новом календаре и отделении церкви от государства. В соответствии с ними были установлены новые государственные праздники Советской Российской республики, «посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях»: 22 января – день 9-го января 1905 г., 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 1 Мая – день Интернационала и 7 ноября – день пролетарской революции, а также 1 января – Новый год⁶⁹⁶. 2 января 1919 года постановлением Пленарного заседания Совета Профессиональных Союзов были объявлены нерабочими (но не праздничными) и дни пяти наиболее почитаемых праздников православной церкви: 6 января (все даты даются по старому стилю) – Крещение, 25 марта – Благовещение, 15 августа – Успение, 25 и 26 декабря – Рождество, а также пятница и суббота Страстной, понедельник и вторник Пасхальной недели⁶⁹⁷.

К середине 1920-х годов было декретировано 9 революционных праздников и особых дней отдыха: 1 января – Новый год, 21 января – день траура (смерти В. И. Ленина), 22 января – день

⁶⁹⁶ Декреты Советской власти. 10 ноября 1918 г.– 31 марта 1919 г. М., 1968. Т. IV. С. 190.

⁶⁹⁷ Полищук Н. С. Развитие русских праздников // Русские.– М., 1999. С. 586; Её же. У истоков советских праздников // СЭ. 1987. № 6. С. 7.

памяти революции 9 января 1905 года, 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 1 мая – день Интернационала, 7 ноября – день пролетарской революции, 6 июля – день Конституции СССР, 8 марта – Международный день работниц. Количество революционных праздников постепенно увеличивалось и к десятой годовщине Октября их число достигло 13⁶⁹⁸. Иногда их празднование совмещали. Так, 5 июля 1925 г. происходило празднование Международного дня кооперации и 3-й годовщины Конституции СССР⁶⁹⁹.

Смысл праздников «красного» календаря определил сам В. И. Ленин. Он видел в создаваемой социалистической революцией праздничной культуре эффективнейшее средство этой же революции⁷⁰⁰. В. И. Ленина интересовали прежде всего массовые революционные праздники, предпосылкой и основанием для которых стала маевка – дореволюционный пролетарский праздник. «Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, ...их пробуждение к новой жизни»⁷⁰¹, – считал вождь. В раннем советском массовом празднике центральное место, помимо митинга, занимало шествие, демонстрация, движущаяся под маршевую музыку духовых оркестров. В столицах и областных городах в создании и оформлении подобных праздников участвовали в основном профессиональные художники, а затем и театральные деятели, творческими мастерами которых становились целые города.

По мнению современников, отношение народа, в первую очередь крестьян, к первым революционным праздникам было неоднозначным, поскольку идеи, в них заложенные, а также и оформление их было модернистским, непонятным. Площади и улицы городов, по которым шествовали демонстранты, декорировали красными, черными и зелеными парусами, оранжевыми кубами, фантастическими искаженными фигурами с молотами и винтовками, расписывались стены домов, заборы⁷⁰². Все здания, «в которых помещались государственные учреждения и хозорганы, кооперативные клубы, ... витрины кооперативных магазинов празднично убирались зеленью, красной материей и флагами. Особенно выделяется витрина Церабкоопского магазина № 18.

⁶⁹⁸ Полищук Н. С. Развитие русских праздников... С. 586.

⁶⁹⁹ Известия 1925 от 5 июля.

⁷⁰⁰ Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. – М., 1978. С. 229.

⁷⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. – М., 1958. С. 201–202.

⁷⁰² Коротаев В. И. Указ. соч. С. 99.

Женщина-крестьянка в русском сарафане и мужчина-рабочийжимают друг другу руку, между ними портрет Владимира Ильича на красном фоне»⁷⁰³.

В начале 1920-х годов основное место в структуре празднеств занимали театральные представления карнавального характера: сатирически-гротесковые инсценировки, скетчи, декламации, цирковые номера, основные участники которых были самодеятельные артисты. К этому же времени относится и всплеск активности кружков художественной самодеятельности. «Что делать с кружками; они плодятся как инфузории – ни отсутствие топлива, ни отсутствие продовольствия – ничто не может задержать их развитие...»⁷⁰⁴. В Архангельске уже в конце XIX в. существовали и выступали артисты самодеятельных кружков народного театра на лесопильных заводах Маймаксы.

В истории зарождения советских праздников отправным событием можно считать 1 мая 1918 года, когда впервые после победы Октябрьской Революции в ряде городов – Москве, Петрограде, Киеве, Саратове, Архангельске, Воронеже и других – были проведены праздничные церемонии. Об этом событии в Архангельске вспоминал Иван Боговой: «1 мая 1918 Архангельск торжественно справил настоящий рабочий праздник. Все – с красным бантиком в петличке <...> и город украшен красными флагами»⁷⁰⁵.

С 1920-го года 1 Мая часто соединяли с субботником. На первый Всероссийский субботник-маевку, состоявшийся в этом году, в Архангельске, по словам современника, «все трудовое население вышло на работу. На площади возле Летнего театра организовали чай и раздачу белого хлеба. Большая партия – 12 тысяч человек работала на прорытии канала. Работа закончилась в конце 2-го часа, участвующим раздали продовольственный паек. Вечером, после субботника – на заводах митинги, спектакли, концерты, представления под открытым небом»⁷⁰⁶.

Размах вариаций ритуала торжественной части Первомая был очень велик. В городах – самым развернутым, наиболее кратким «сценарий» (митинг, шествие) был в сельской местности⁷⁰⁷. «1 мая придут на кладбища, там, где захоронены погибшие в граждан-

⁷⁰³ Волна. 1924. 3 мая. 97(1241). С. 2.

⁷⁰⁴ Мазаев А. И. Указ. соч. С. 349.

⁷⁰⁵ Иван Боговой. Как архангельские рабочие праздновали 1 Мая. – Архангельск, 1924. С. 55.

⁷⁰⁶ Иван Боговой. Указ. соч. С. 70–73.

⁷⁰⁷ Полищук Н. С. У истоков советских праздников // СЭ. 1987. – № 6. – С. 11.

скую войну односельчане, партизаны Артемий и Матвей, их еще Артюха да Матюха звали. Придут туда со всей д. Шотогорки и песни поют “Мы жертвою пали”. Скажут речь. Обязательно председатель сельсовета выступал, потом все желающие. Выступали коммунисты, больше всех выступали»⁷⁰⁸.

В годы нэпа праздничная церемония в городе обогатилась массовыми уличными развлечениями, концертами, спортивными выступлениями, демонстрацией производственных достижений, «политкарнавалом». Со второй половины 1920-х годов праздники стали делиться на 2 части: на демонстрацию, которой предшествовал военный парад, и вечернее народное гулянье в день демонстрации или на следующий день. В Архангельске «к 11 часам трудящиеся собираются у Дворца труда и стройными рядами идут по улице Виноградова с развернутыми знаменами на Октябрьскую площадь. Знамен много. Пунцово красные. Между ними художественные картины с надписями, выполненными золотой и белой тесьмой... гирлянды из хвои, портреты вождей на красном фоне.... Во всех клубах проходили митинги рабочих...затем были поставлены везде спектакли...»⁷⁰⁹.

В первые десятилетия Советской власти в городах Архангельского края создавались Дома культуры, клубы, по деревням и селам – избы-читальни. Формировалась среда, с помощью которой распространялась новая праздничная культура. В отчете за 1938 год Дома культуры г. Шенкурска Архангельской области сообщалось: «Работало 3 кружка – драмкружок, духовой, кружок по изучению положения о выборах в Верховный совет. Поставлено 10 спектаклей и постановок, прочитано 3 лекции – «История народов СССР», «Остро заразные болезни и борьба с ними», 4 доклада, присутствовало 1188 человек. Организовано 14 вечеров самодеятельности и танцы. Создана культбригада из 8 человек»⁷¹⁰.

Вышестоящими инстанциями давались указания: «В избах-читальнях и красных уголках проводить читку газет и журналов с разъяснением выступлений тов. Сталина. Проводить вечера вопросов и ответов, вывешивать соответствующие лозунги, рекомендуемые списки литературы. На время сельскохозяйственных работ перенести работу политпросветучреждений в поле, на тока, гумно»⁷¹¹. Кроме того, рекомендовалось отмечать определенные

⁷⁰⁸ ПМА. 2003 г. от Лысцева Е. С., 1929 г. р. д. Ваймуша Пинежский р-н.

⁷⁰⁹ Волна. 7 ноября. 1924. 255 (1399). С. 2-4.

⁷¹⁰ ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

⁷¹¹ ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

памятные даты. В апреле 1938 г. это были: «Приезд В. И. Ленина в Петроград, день рождения В. И. Ленина, “Апрельские тезисы”; Ленский расстрел рабочих; День рождения Н. А. Островского, Эрнста Тельмана; День смерти Владимира Маяковского, Годовщина битвы на Чудском озере; 375 лет со дня рождения В. Шекспира». Все эти события следовало отмечать проведением бесед, лекций, громких чтот, литературных вечеров, вечеров художественной самодеятельности, организацией выставок. Рекомендовалось также усилить антирелигиозную пропаганду, учитывая, что «9 апреля с. г. религиозники отмечают Пасху. Провести соответствующие беседы и лекции»⁷¹².

С середины 1930-х годов повсеместно стал внедряться в быт праздник новогодней елки, символом которого наряду с Дедом Морозом и Снегурочкой становится нарядно украшенная новогодняя елка, вычеркнутая из новогоднего праздника в середине 1920-х годов как пережиток прошлого, поскольку до революции елка была атрибутом Рождества. Лишь спустя 11 лет она обрела новую жизнь.

28 декабря 1935 года газета «Правда» опубликовала статью секретаря ЦК Коммунистической партии Украины П. П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!». Автор писал: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям елку... Комсомольцы, пионеры, работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, во дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах – везде должна быть детская елка. Не может быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило накануне Нового года елку для своих ребятишек...»⁷¹³ Уже в январе 1936 г. во многих детских садах, школах, домах пионеров, рабочих и армейских клубах проводились новогодние елки⁷¹⁴.

Советский календарь обогатился новым праздником, истоки которого лежали в крупнейшей популярности рождественской елки.

К концу 1930-х годов можно говорить о появлении советской праздничной культуры в ее новой обрядовой форме. Новые советские праздники, созданные в период строительства социализма,

⁷¹² ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

⁷¹³ Руднев В. А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л., 1979. С. 19.

⁷¹⁴ Полищук Н. С. Развитие русских праздников... С. 594; Наши праздники.– М., 1977. С. 149.

особенно: годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая – День международной солидарности трудящихся, Международный женский день, День Советской Армии и Флота, Дни Военно-Морского и Воздушного флота СССР стали основой для дальнейшего развития советских праздничных традиций.

К этому же времени относится возникновение традиции проведения тематических декад национального искусства, культуры, олимпиад народного творчества и т. п. Каждое подобное мероприятие партийные и советские областные организации обязаны были провести как яркий, радостный и запоминающийся праздник⁷¹⁵. За годы первых предвоенных пятилеток выросло новое поколение, воспитанное в новом обществе и принявшее новую праздничную культуру⁷¹⁶.

Великая Отечественная война замедлила процесс развития советской праздничной культуры. В этот период великих испытаний деятельность дворцов и домов народного творчества проходила под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!» и не ограничивалась выпуском репертуарных листовок. Главные праздники Первомай и Октябрь отмечали, правда, не устраивая больших торжеств. Одним из новых праздничных элементов, появившихся в то время, стали торжественные салюты. Весна 1945 стала рождением нового праздника, который получил дальнейшее оформление в виде всенародного Праздника Победы. Необходимо отметить, что День Победы стал не только общегосударственным, но и общесемейным праздником. Ритуал празднования включал и традицию поминовения усопших.

Наиболее любимым теперь уже советским праздником для городских и сельских жителей всей страны стал Новый год. Можно сказать, что на него были перенесены некоторые элементы таких праздников, как Рождество и Святки: маскарадные костюмы, украшенные елки, подарки детям, в Архангельске *козули* теперь пекут к 1 января. Во многих деревнях Архангельского Севера на Новый год было перенесено святочное ряжение, в котором появилось много новых персонажей: литературные и сказочные герои, например, кот в сапогах, клоун, лиса и заяц; экзотические животные (тигр, морж); остались и традиционные маски – черт,

⁷¹⁵ ГААО. Ф. 5790. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.

⁷¹⁶ Фролова А. В. Детский и молодежный игровой календарь русских в XX в. // Культурология традиционных сообществ. Конкурсные работы молодых ученых. – Омск. 2002. С. 72–88.

дед, медведь, козел. Новые персонажи ряжения основывались на традиционном комплексе народных средств и приемов изменения внешности, который представлялся как костюмом, маской, специфическим гримом, так и игровым перевоплощением. «Сейчас ряжение на Новый год – маски. Если лиса, то маска, платье атласное, хвост длинный на проволоке и ходит она кругом; черт – в черных рейтузах, на голове эластичный чулок черный с дырками для глаз и рта, хвостик короткий, идешь уже потихоньку, валовито, извиваешься; зайка – в брюках и рубашке из простыни, прыгаешь, пляшешь; тигр – все полосатое было; клоун – жабо, шляпа, костюм с широкими штанами из разноцветной ткани; медведь – полушубок вывернутый да унты. Все просят: “Мишенька попляши!” Так пляшешь, что не можешь воздуха нахватать после пляски»⁷¹⁷.

Празднование таких дат, как 1 Мая, 7 Ноября, 23 февраля – День Советской Армии и Военно-Морского флота, 8 Марта, не только укоренилось в общественном и семейном быту у горожан и жителей сельской местности, но и наполнилось новым содержанием, утратив свой первоначальный пропагандистский характер⁷¹⁸. «8 Марта, 23 февраля собирались, кто с кем дружит. Концерты в клубе, весело было, народу много, даже в коридоре стояли, двери открыты. Все праздники в деревне весело проходили, концерты устраивали, танцы. Обязательно в начале торжественная часть, концерт обязательно, а потом уже танцы»⁷¹⁹.

Интересен тот факт, что до конца 1950-х годов в деревнях и селах Мезенского, Пинежского, Лешуконского районов к государственным советским праздникам (Новый год, 8 марта, 23 февраля) приурочивали свои съезжие праздники. «У нас на Пезе, 1 января, в Новый год, все гости непременно съезжались в Лобане, 23 февраля – в Вирюге и Бычье, 8 марта – в Езевце, 5 декабря – в Баковской»⁷²⁰. Ничего не могло помешать проведению сельских съезжих праздников, даже смерть И. В. Сталина. Умер он 5 марта, а к восьмому числу в Езевце уже готовились к приезду гостей. Собрался тогда сход жителей деревни и решил, праздник не отменять, ведь гости приглашены заранее, и брага в лагунах вызрела. Для того

⁷¹⁷ АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ Лето 1976 г. д. Кеба, Олема Лешуконский р-н. Тетр. 8 (181). № 2.

⁷¹⁸ Полищук Н. С. Развитие русских праздников... С. 587.

⁷¹⁹ ПМА. 2003 г. от Козьминой А. А. 1931 г. р. д. Ваймуша Пинежский р-н.

⁷²⁰ ПМА. 2005 г. от Митькина В. И., 1928 г. р. г. Мезень; Макуриной Е. М. 1924 г. р. Макурина Г. И. 1929 г. р. с. Дорогорское, Мезенский р-н.

чтобы уехать на праздник колхозники оставляли на фермах кормов и воды на три дня⁷²¹.

За несколько десятилетий в стране была создана новая советская праздничная культура. В своем развитии она прошла несколько этапов. На Архангельском Севере на её формирование оказали влияние социально-экономический и этнокультурный факторы, что позволило выделить два больших этапа:

1-й этап. С 1918 – 1950-е годы. В нем можно выделить 2 периода:

1920-е годы – поиск новых форм, попытки использования старых праздничных форм;

1930-е – 1950-е годы – вхождение в быт новых праздников.

2-й этап. 1960-е – 1991 год характеризовался поиском новых форм, обращением к народной культуре и созданием новых праздников и обрядов.

Советский праздничный календарь включал десятки праздников – государственных, профессиональных, фольклорных, литературных и пр. Среди них особой любовью пользовался Новый год, на который были перенесены некоторые святочные и рождественские праздничные элементы. 7 ноября – годовщина Октябрьской революции, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, День Победы, – эти государственные праздники вошли в быт северян, был создан новый цикл профессиональных трудовых праздников, многие из которых нашли признание у населения Архангельского Севера и стали традиционными. Среди новых, так называемых сезонных праздников, особой популярностью пользовался праздник Проводов Зимы, включавший в себя большой пласт масленичных развлечений.

Анализ особенностей бытования традиционных народных праздников свидетельствует об изменении характерного для них состава. На смену торжественной православной части пришли торжественные собрания, митинги и демонстрации; несколько сократилась вторая часть – общественные гуляния, на смену традиционным развлечениям, песням, танцам пришли новые; в большей степени сохранилась третья часть праздника – семейная или домашняя, связанная с традицией родственного застолья и гостевания. Подобная структура постепенно переносилась жителями Архангельского Севера и на проведение некоторых советских праздников (23 февраля, 8 марта).

⁷²¹ ПМА. 2005 г от Макуриной Е. М. 1924 г.р. Макурина Г. И. 1929 г.р. с. Дорогорское, Мезенский р-н.

ПОСЛЕДНИЕ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

В некоторых вологодских деревнях фольклорные причитания над умершим сохранялись на протяжении всего XX в., и даже в начале XXI в. еще можно встретить женщину, «прибирающую слова» на могиле или рассказ о том, как несколько лет назад на похороны родственника явилась соседка и начала «выть». Но нельзя не отметить маргинальность и самого умения (причитать могут «далеко не все»), и действия (все-таки это случается «редко»). Традиция причитания постепенно сходит на нет. Это не случайно. Изменился мир, изменился траурный этикет, да и сама церемония похорон стала более «цивилизованной». В статье ставится вопрос, какими запомнили причитальщиц те поколения деревенских жителей, на которых традиция остановилась, и как это связано с особенностями их обрядовой роли. Материалом исследования послужили интервью преимущественно с жителями востока Вологодской области (Тотемский, Тарногский и Никольский районы), а также интервью, записанные в Кадуйском районе и в Карелии. Интервью позволяет сделать выводы о том, чего не покажет текст плача – о бытовании причитаний в реальных жизненных ситуациях в XX–XXI вв.

Причитания существовали в разных традициях, и развитие этого жанра во многих из них проходило по схожим моделям. Письменные фиксации ранних плачей – это слезы по богам и героям (именно им посвящены эпос и хроники – первые записанные тексты), часто это были плачи, исполняемые мужчинами. Поздние записи XIX–XX вв. – причитания по родным, близким и соседям, исполняемые почти исключительно женщинами. Греческие причитания записываются до сих пор, современные египетские причитания собраны и исследованы в 1990-е годы, большинство записей в ирландских архивах относится к 1930-м годам⁷²², карельские плачи собираются и изучаются на протяжении XX в. финскими и

⁷²² E. Wickett. For the Living and the Dead: The Funerary Laments of Upper Egypt, Ancient and Modern. Hardcover, 2010. P. *Lysaght*. «Caoineadh os Cionn Coirp»: The Lament for the Dead in Ireland // Folklore. Vol. 108. 1997. P. 70.

российскими исследователями, в частности, в статье Эйлы Степановой выполнено сравнение литовских и карельских плачей, в 2012 г. вышел том украинских причитаний, включающий как публикацию записей XIX в., так и современные записи текстов.⁷²³ В этом многообразии севернорусская причеть, к которой причисляют и вологодскую, занимает важное место. Для северо-востока Европы – финно-угорских и славянских народов – характерна развитая традиция причети, при этом причитания сопровождали не только похороны и поминки, но и свадьбу, и проводы, например, в рекруты.⁷²⁴ И, что важно, причитания сохранились до того времени, когда стала технически возможна их запись. Однако последние десятилетия можно было наблюдать постепенное угасание жанра.

Жительница Тарногского района говорит о причетах своего детства как о будничном и распространенном явлении: «Вот раньше были на Осташеве причитали – вон те больно хорошо! ...Ешо мы не большие были. Много было причётальниц. ...Раньше, я и баю, редко кто не причитал-то! Все умили веть. А причёты у кажново свои. У ково какой горе»⁷²⁵. В своем поколении она остается чуть ли не единственной, кто сохранил этот навык.

Во многих местах (например, в Харовском районе⁷²⁶) обязательные причитания прекратились в послевоенное время. В других районах причитания на похоронах продолжают существовать гораздо дольше: «В 90-м году ещё причитали. Были бабушки, которые знали причёты. Их просили, чтобы они попричитали. Раньше

⁷²³ У.С. Конкка. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1992; А.С. Степанова. Метафорический мир карельских причитаний. Л.: Наука, 1985; Т.В. Краснопольская. Карельские причитания: Вопросы музыкально-поэтической композиции // Т.В. Краснопольская. Левческая культура народов Карелии: Очерки и статьи. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2007. С. 28–53. Е. Stepanova. Reflections of Belief Systems in Karelian and Lithuanian Laments: Shared Systems of Traditional Referentiality? // *Archaeologia Baltica: Archaeology, Religion, and Folklore in the Baltic Sea Region*. 2011. № 15. P. 128–143. Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, 2012.

⁷²⁴ Об особой развитости этой традиции писал К.В. Чистов: К.В. Чистов. Причитания у славянских и финно-угорских народов: Некоторые итоги и проблемы // *Обряды и обрядовый фольклор*. М.: Наука, 1982. С. 100–113.

⁷²⁵ Г.Н.Л., ж., 1926 г.р., род.- д. Дубровская выставка. Зап. д. Доронинская Верховского с/п Тарногского р-на. Зап. Югай Е.Ф., Мельникова Е.Ю. 07.2018.

⁷²⁶ Фонд фольклорно-этнографических материалов Вологодской школы традиционной народной культуры (далее – Архив ШТНК). А.А.С., ж., 1941 г.р., род.- д. Азла. Зап. д. Золотава Харовского р-на Вологодской обл. Зап. Югай Е.Ф., Козулин К., Дмириева М., Иванова И., Голыш М. 2015.

это было в порядке вещей» (Тарногский район)⁷²⁷. Жительница Тотемского района рассказывает о событиях десятилетней давности: «Бабушка умерла, стоим с сухими глазами. Пришла бабушки брата жена, ну её уж нету, и тоже та с причетами. “Что золовушка, как же ты меня покинула, передай привет да моему муженьку, детонькам моим” (у нее умерли дети перед войной ещё). Она причитает: “Как мы с тобой прожили, да дружно мы жили, да жизнь-то мы трудную прожили, как мы с тобой это делили-то”. И она рассказала, что мы о бабушке не знали даже. Во время, когда причитала, она рассказывала! “Как мы познакомились с твоим братом, как ты меня хранила-берегла, когда брат на войне был”».⁷²⁸

Непосредственное воспоминание о причетах в их живом бытовании сохраняется у людей разных поколений. В рассказах о детстве сам образ причитальщицы экзотизируется, ее появление описывается как почти мистическое событие: «И тут <...> откуда ни возьмись появляется бабка. Она в платочке, с палочкой, такая грузная большая женщина. <...> в каком-то трансе начинает причитать, и я очень четко помню её вопль, он такой внутриутробный и пугающий. Сразу по всему телу пробегает холод. Если я ещё ребенок, мне ещё семь лет, я держу бабушку за руку: “Что это, бабушка, почему это происходит?”».⁷²⁹

Для современного человека наличие причитальщиц на похоронах делает смерть из трагичного, но, в общем-то, рядового события жизни событием исключительным, невыносимым (случилось то, «чего век не случается» – говорится о смерти в причетах), а сама причитальщица – носителем чужого, пугающего начала. Иногда близкие пытались остановить причет как усугубляющий (а не облегчающий) горе: «В 81-м году у меня мать умерла, летом. <...> Я краем глаза видел, что они зашли в чёрном, и внезапно начали выть. Причитания эти. Они настолько были пронзительны, что я почти сразу впал в это состоянии истерики и кричал: “Пусть они прекратят это дело!” <...> Потому что прошибает психологически, как ураган, вжик, который насквозь тебя проходит».⁷³⁰

⁷²⁷ В. И. С., 1969 г. р. Зап. д. Макаровская, Тарногский р-н. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 12.07.2018.

⁷²⁸ Е. А. М., ж., 1965 г. р., род.- Мосеевский сельсовет Тотемского р-на Вологодской обл. Г. Тотьма. Зап. Югай Е., Оборина Т. 2016.

⁷²⁹ А. О., ж., 1992 г. р., род.- респ. Карелия. Зап. Югай Е. 2017.

⁷³⁰ А. П., м., 1958 г. р., род.- лесной поселок «18 квартал» Грязовецкого р-на. Зап. Югай Е. 2017.

Родственники и соседи, когда вспоминают о причитальщицах в своем или родительском поколении, подчеркивают, что те, кто причитали, были особенными: «А мамка моя причитала. Пела что-то, это ж не каждый!»⁷³¹

Самое частое эмное объяснение («эмное» понимание – существующее внутри культуры, «внутреннее», в противовес «этному», исследовательскому) – близость к горю, наличие своих умерших, особенно дорогих: «Она очень много в жизни пережила, одна четырёх дочерей вырастила. От безысходности, от тяжёлой жизни... Тётя Марфа очень сильно причитала: “Аннушка <дочь>, какая ты у меня была хорошая, да почему так получилось, что ты раньше ушла, на кого ты меня оставила... – всю свою боль она в причитках и передавала”».⁷³² Эта психологическая трактовка не объясняет, почему другие женщины, потерявшие близких и любимых, не становились причитальщицами. В севернорусских деревнях второй половины XX в. умение выразить горе именно в таких формах очевидно более редкое, чем трагические семейные истории.

Умение плакать причетом ассоциируется с сильным характером: «Причитали люди, которые, я даже не могу объяснить, как... Тётя Марфа у нас была сильного характера». Можно сказать, что сила преодолеть собственное горе оборачивается силой воздействовать на других. Именно это умение оказывается определяющим для хорошей причитальщицы. С.Б. Адоньева пишет о социальной власти причитальщиц: «Причетницами были женщины, обладавшие особым даром, способные оказать большое воздействие на участников ритуала».⁷³³ По наблюдениям исследовательницы, часто такими были старшие женщины в деревне.

Какими же чертами должна обладать женщина, которая становится искусна в причётах? Судя по всему, голос был значим в меньшей степени, чем можно было бы ожидать. Например, у одной из авторитетных причитальщиц было прозвище «Гнусавка» (за то, что говорит в нос). Значима память, про другую вспоминают: «Она частушек много знала. Да она всё знала! У неё была идеальная память. Как это ты не знаешь свой номер телефона мобильного?!

⁷³¹ М.К.Ш., ж., 1930 г.р., род.- хутор Рудный бор. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А.А. 2015.

⁷³² Дочь А.К.С., 1925 г.р. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А.А. 29.07.2015.

⁷³³ С.Б. Адоньева, Л. Олсон. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016. С. 341.

Да я любой выучу!»⁷³⁴ (Тарногский район). Прозвище «Лешачиха» (Тотемский район) объясняется умением выругать⁷³⁵, которое часто сопутствует роли причитальщицы – ср. «Ну, такая она на язык-от была – и выругать можёт, хоть бы что. И всё чисто может. Без матюков».⁷³⁶ Согласно этим рассказам, причитальщицы легко переходили межличностные границы, и это важно, потому что они должны были управлять эмоциями людей.

Знание причитаний может входить как элемент в погребально-поминальную специализацию тех, кто моет покойников. Иногда занятие мытьем покойников передается по наследству от матери к дочери. От матери к дочери может передаваться и причет – так Анна Венаминовна (1931 г.р.) из Тотемского района впервые запричитала в 47 лет на похоронах матери, при этом она рассказывает, что «мама была горазда»⁷³⁷ причитать и что она «отпричитала весь Вожбал».⁷³⁸ Сама баба Нюра воспроизводит тексты и своих причетов, и материнских (например, фрагмент причета матери по сыну, брату Анны).

Причитания на практике часто совмещались с молитвами и духовными стихами, вбирали в себя образы православной символики. Молитвы и причитания – тексты принципиально разные – существуют на практике в едином комплексе. При этом молитвой просят Бога принять душу, а причитания становятся языком, на котором обращаются к самой душе. Распределение функций помогало текстам уживаться внутри одного ритуала. В кусте деревень Верховье Тарногского района параллельно существовали (и одновременно сошли на нет) причет и институт «читалок».

Причитание в пору своей обязательности могло восприниматься как ритуальная услуга или как семейный долг. С этим связаны анекдоты о плакальщицах, у которых реальное отношение к по-

⁷³⁴ О. А. Н., 1966 г.р. Зап. с. Верховский Погост Тарногского р-на. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 09.07.2018.

⁷³⁵ Архив проекта «Мониторинг актуального фольклора» (ШАГИ ИОН РАНХиГС) (далее – архив МАФ). Инф. 60–61. Г.П.К., ж., 1928 г.р., род– д. Антушево, В. П., ж., дочь Г. П. К. Д. Антушево Тотемского р-на Вологодской обл. Зап. Югай Е., Иванова Н., Лурье В. 07.2017.

⁷³⁶ М. Н. П., ж., 1955 г.р., д. Кузьминская Тарногское р-на. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю., 07.2018.

⁷³⁷ Архив МАФ. Инф. 111. А. В. К., ж., 1931 г.р., д. Исаево Тотемского р-на Зап. Архипова А., Иванова Н., Югай Е. 07.2017.

⁷³⁸ «Не пристать, не приехать ни к которому бережку»: Похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е. Ф. Югай. Вып. 1: Тотемский, Тарногский, Бабушкинский и Никольский районы. Вологда, 2011. С. 28.

койному отличается от исполняемого плача. Так в Бабушкинском районе записан рассказ о деде, которого бабка решила похоронить, сэкономив на костюме. Когда она начинает причитать «Ой, ты милой, да дорогой / Да, ты, куда да наредился, / Да куда, ты, собрался», он отвечает: «В футбол играть, бабка!» («раз она его в трусы да майку надела»).⁷³⁹ Чтобы нейтрализовать противоречие между обязательностью причета и его прочувзованностью, сами причитальщицы переносят акцент с искусства причета на его личные смыслы⁷⁴⁰. Похожим образом практика обучения причитаниям (путем тренировки заранее и прицельного слушания старших) отличалась от нарративов о внезапном пробуждении таланта к причету при смерти близкого человека. В народном представлении естественным было мистическое, а не техническое приобретение навыка, что гарантировало наличие контакта с посторонними силами.

Причитания часто сохраняются в памяти людей, занимающих особое положение в деревне. Например, один из причетов был записан на празднике Тихвинской в Никольском районе от женщины, которая собирала монеты, оставляемые другими паломниками (непрестанно повторяя благословения всем, кто с ней столкнется)⁷⁴¹. В дальнейшем разговоре оказалось, что эта женщина периодически ездит в Вологду искать, кто ей подаст. Е. Е. Левкиевская пишет о коммуникативной структуре нищенства, что любой прохожий становится потенциальным адресантом-дарителем, а нищий ставит себя на место адресата. При этом он – субститут высших сил: «Милостыня, подаяние всегда рассматривались в традиционном обществе как не только социальная, но и сакральная форма контакта социума с нищим (ср., например, милостыню как форму поминовения умерших), в лице которого происходит общение с Богом».⁷⁴² Постановка себя на место сакрального адресата была свойственна нашей собеседнице с детства: по ее словам, мать

⁷³⁹ Архив ШТНК. А. В. С., ж., 1931 г.р., род.- д. Елифаново Миньковского с/с, Н. Н. С., ж., 1930 г.р., род.- д. Павлово Миньковского с/с Бабушкинский р-н, Миньковский с/с С. Миньково. Зап. Осокин И. В., Левая О. А., Комичев М., Дульнев В. 19.08.2002.

⁷⁴⁰ Е. Ф. Югай. Актуализируя причитания: взгляд причитальщицы на импровизацию в конце XX–XXI веке // Вестник РГГУ. 2018. № 9. 36–49.

⁷⁴¹ Е. В. С., ж., 85 лет. Зап. на кладбище в местечке Борок (близ д. Чернцово Аргуньского сельского поселения Никольского р-на). Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 09.07.2017.

⁷⁴² Е. Е. Левкиевская. Прошение милостыни: Старые культурные модели и новые языковые стратегии // Ритуал в языке и коммуникации: Сборник статей. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 211.

посылала ее-девочку на кладбище собирать конфеты и кормиться там. Запрет, существующий для всех детей, для нее не действовал. И причет по нашей просьбе она исполнила легко, перемежая его жалобой на отсутствие денег (намек мы охотно поняли).

Сложно сказать, притягивает ли рассказ о тяжелом жанре историю о странной судьбе или некое особое положение в социуме способствует развитию навыка причитать, но часто одно совпадает с другим. Про женщину, оплакавшую всех в деревне, соседка говорит: «Бабка была эдакая... Непростая».⁷⁴³ Про другую причитальщицу (от которой экспедиция «Школы традиционной народной культуры» записала несколько развернутых причетов) вспоминают: «Кого-то розвести, ково-то свести. ...К ней люди ходили и на машинах издили».⁷⁴⁴ Даже в доме престарелых, где она провела последнюю зиму, ее разыскал человек с грыжей межпозвоночного диска. Сотрудница дома престарелых рассказывает: «Я её вызвала, бабушку эту. <...>. Она говорит: “Мне не справиться – я ведь заговаривала грыжу у ребёнков, у младенцев!”»⁷⁴⁵ Подобная коммуникативная неудача (омонимия народного названия детской болезни и нового врачебного диагноза) показывает, что представление о «магическом специалисте» переживает знание традиции оказываемых им услуг. Так и образ причитальщицы, знающей, как обратиться к умершему, и потому занимающей промежуточное положение, переживает обязательность причитания на похоронах и поминках.

Далеко не всегда мастерица причетов бывает печальной, скорее, наоборот. Так рассказывают об одной из причитальщиц Кадуйского района: «А эта тётя Валя, она такая интересная всегда. ...Вот она могла в любой праздник, пройти взять сковороду. Вот так поёт частушки, бьёт по сковороде, как по колоколу. И идёт сквозь деревню, и всё частушки... <...>. Она всю деревню разбудила – час или два...».⁷⁴⁶ Другие соседки говорят о той же исполнительнице причетов: «Она была артистка самая настоящая», «комичка», рассказывают, как она ходила ряженной.⁷⁴⁷

⁷⁴³ Зап. Югай Е., Оборина Т. 2016.

⁷⁴⁴ А. А. А., м., 1941 г.р., род.- д. Агапитовская. Зап. в д. Макаровская Тарногского р-на. Зап. Югай Е. 09.07.2018.

⁷⁴⁵ Зап. Югай Е. в 2018 г.

⁷⁴⁶ А. Ф. Т., ж., 1930 г.р. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А. 29.07.2015.

⁷⁴⁷ З. С. Р., ж., 1939 г.р., Г. С. Р., ж., 1937 г.р. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А. 29.07.2015.

Можно воспринять это как объяснение причитаний через мастерство, необходимое при исполнении причета, через память на «всё старинное». Хождения ряженными – такая же традиция, как и причитание, примерно в то же время исчезающая из быта. Но между этими практиками есть более прочная связь.

Летом 2017 г. от одной исполнительницы мы записали причет и следующий рассказ: «Я у одних побывала на празднике, а у них всё учителя были. Все сидят первый день, все такие культурные. А я и думаю, погоди, я завтра сделаю вам. Эдак вот вилку сделала, а тут такую пихнула церевуху <Черева – кишки, потроха⁷⁴⁸>. Вот эдак покручу, покручу. “У тебя горько!” С мужем ты сидишь. Значит, они встают, целуются. А я говорю: “Ну дак, за это надо выпить!” И я каждой паре носила-носила, и они напились, я послушала, все учителя на второй день уж матюкаются. Вот это, говорю, отлично».⁷⁴⁹ Ее приглашали и на похороны как лучшую причитальщицу, и звали на праздники, где она пела матерные частушки и устраивала представления – рядилась солдатом, медиком, затевала игры, целью которых было напоить и рассмешить собравшихся.

Противоречие здесь только кажущееся. В традиционном обществе эмоции регламентированы. Есть ситуации для горя и для веселья, и то, и другое должно быть публичным и коллективным. Индивидуальное горе может быть опасно (о чем предупреждают былички о возвращающихся к одиноко грустящим вдовам покойных мужьях). Функция такого типа причитальщиц – во время особенных дней выводить людей из обыденного состояния и правильным образом включать их в настоящий момент, будь то смех во время застолья или слезы на «последнем празднике». Матерные частушки в данном случае, как и причитания, имеют прагматику воздействия на слушателей таким образом, чтобы они смеялись или плакали, то есть вели себя в соответствии с ситуацией.

И напоследок замечание по поводу гендерного аспекта исполнения. Исследовательница греческих плачей указывает, что изучение этого жанра гармонично вписывается в феминистические исследования, потому что это сфера власти женщин: женщины полностью присваивают ритуальную сферу и таким образом уравнивают доминирование мужчин в других сферах. Среди

⁷⁴⁸ Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007. Т. 12. С. 29.

⁷⁴⁹ Архив МАФ. Инф. 13. Г.И. Ч., ж., 1931 г. р., род.– в Усть-Печенье. Тотемский р-н, пос. Советское. Зап. Архипова А., Кирзюк А., Лурье В., Югай Е. 2017.

причин исчезновения жанра она отмечает отношение мужчин к плачам: от амбивалентного до откровенно враждебного.⁷⁵⁰

Знание похоронных и поминальных ритуалов действительно считается женским делом, а причитания записываются исключительно от женщин, но это не значит, что мужчины не могли причитать. Кадуйская причитальщица (1911 г.р.) на вопрос собирателя, могли ли мужчины причитать, уверенно отвечает: «Нет, мужчины не причитают!» и тут же рассказывает о старике, у которого умер семнадцатилетний внук («А ён, говорит, пришёл. Как женщина! ...Стоит, говорит, а плачёт-то! Плачёт-то уж горько»), и приводит фрагмент причёта.⁷⁵¹ Сотрудница Тарногского центра традиционной народной культуры рассказывает, как на «концертной беседе» в 1960-е годы ее бабушка причитала. После чего дедушка сказал: «Я тоже умею». «Накрыли его платком, и он запричитал лучше бабушки. Но это было дома, в семейном кругу. <Е. Ю.: А на похоронах он не причитал?> На похоронах не слышала, чтобы он причитал. Это женское дело – причитать».⁷⁵² Исполнение обрядового текста сопровождается правилами, за соблюдением которых сообщество внимательно следит. Иными словами, мужчины не причитали не потому, что они не могли научиться причету, а потому, что это не вызывало нужной реакции (слушатели воспринимали это как странный казус), что еще раз показывает значимость причёта: не эстетическую, а обрядовую. Без умения вовлечь «зрителей», превратив их в «участников» проводов, причет не может выполнить ритуальную функцию.

Причитания в обряде имели цель задействовать в проводах умершего всех присутствующих, не случайно в описаниях искусных плакальщиц часто встречается указание, что они не останавливались, пока не заплачут все. Ритуальная обязательность предполагала знание правил, по которым собирается причет, при этом репутация причитальщицы формируется рассказами об ее человеческой исключительности (будь то тяжелая судьба, сильный характер или умение ворожить). Все это помогало воспринять ее как посредника между живыми и мертвыми. Вместе с изменением траурного этикета (предписывающего теперь сдерживать слезы, а

⁷⁵⁰ A. Caraveli-Chaves. Bridge between Worlds: The Greek Women's Lament as Communicative Event // The Journal of American Folklore. 1980. Vol. 93. № 368 (Apr. – Jun., 1980). P. 129–157.

⁷⁵¹ «Потеряла я потерюшку...». Кад. 36.

⁷⁵² Г. В. З., ж., 1957 г. р. Зап. Тарногский Городок. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю., Маркевич О. А. 13.07.2018.

не эксплицировать их) отпадает надобность в таком ритуальном специалисте. Более того, причет начинает мешать носителям новых эмоциональных матриц вести себя так, как они считают правильным, что приводило к напряжению между родственниками и ускорило уход плачей. Однако, исчезая, причитания начинают восприниматься как часть «живой старины», чужого, уходящего мира, таким образом причитальщица становится посредником не только между живыми и мертвыми, но и между разными культурными эпохами.

*Кортович Андрей Владимирович,
Московский институт бизнеса и дизайна, г. Москва*

О ДВУХ ПРОСТРАНСТВАХ ОРНАМЕНТИКИ СЕВЕРОРУССКОГО ТЕКСТИЛЯ И ИХ КОРРЕЛЯЦИИ С ПРОСТРАНСТВОМ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

Изучая семантические и художественные особенности текстильных изделий, многие исследователи рассматривали орнаментику в виде двумерной поверхности. При этом не уделялось внимания, как композиционное пространство, в котором разворачивается сюжет, взаимодействует с пространством реальным, трехмерным. В данном докладе русская народная вышивка рассматривается в качестве художественной орнаментики поверхности текстильных изделий, находящихся в постоянной связи с предметным миром. Материальная основа вышивки (канва, сетка, ткань) представляет собой поверхность самого текстильного изделия. Изделие является, с одной стороны, самостоятельным предметом, обладающим материальными признаками и локальным физическим пространством, с другой стороны, неотъемлемой частью предметно-пространственной среды, в которой оно находится. Композиционное же пространство, где взаимодействуют между собой элементы изображения, можно обозначить как художественно-метафизическое, которое выходит за пределы материальных предметных свойств.

Изучение композиционных основ и архетипов народного искусства на материале текстильных изделий XVIII – начала XX веков неизбежно приводит к исследованию древнейших слоев искусства периодов палеолита и мезолита. Палеолитические художники,

расписывающие пещерные интерьеры, использовали естественные необработанные плоскости стен и потолков. Часто прообразом будущего изображения являлся природный рельеф поверхности пещеры или выступы сталагмитов. А. П. Окладников в своей книге «Утро искусства» отмечал, что неровности, напоминающие фигуры животных, палеолитические художники ориньякско-перигорского комплекса культур уточняли, выявляя характерные черты и позы, тем самым выводя изображение в лаконичный знаковый рисунок, обладающий художественной убедительностью. Природные формы пробуждали у древних художников знакомые образы животного мира и их основные объемы. Поэтому в древнейших наскальных композициях палеолита не было умышленного соподчинения персонажей, характерного повествовательным изображениям. Масштаб композиционных элементов изменялся в зависимости от естественного рельефа поверхности. А. В. Бакушинский в своей теоретической работе «Линейная перспектива в искусстве и зрительном восприятии реального пространства» рассматривал изобразительную поверхность в творчестве древних людей как геометральную плоскость, на которой разворачивается то или иное действие и размещаются изображения предметов. Такая плоскость лишена иллюзорного построения глубинного пространства. «Расчленение пространства достигается размещением изображаемого по горизонтальным поясам, параллельно верхнему и нижнему краям поверхности». Архаический принцип фризовой композиции лег в основу традиционного украшения текстильных изделий многих народов мира.

Структурные схемы мезолитических петроглифов существенно отличаются от многофигурных изображений палеолита, прежде всего, умышленной разницей масштабов композиционных элементов и силуэтно-плоскостной графической проработкой персонажей. Сюжетным композициям петроглифов, этим своеобразным графическим рассказам, изображающим сцены охоты или ритуальные действия, присущ ярко выраженный принцип соподчиненности частей изображения, выявление главного и второстепенного, что роднит их с искусством народной вышивки. Только текстильная основа вышитых изображений, обладающих определенной композиционной статикой, является подвижной, в отличие от монументальной поверхности скалы или пещеры, служащей статичным носителем изображений мезолитических петроглифов со свободной линией и пятном.

Если палеолитическим художникам природа во многом сама подсказывала образы, то в искусстве мезолита, как и в традиционной северорусской орнаментальной вышивке, образ предмета превращается в визуализированный знак-идеограмму, связанную с определенной символикой. Знак здесь является обобщенной предметной множественностью или графической аллегорией определенного события, предмета, стихии. Стилизованная репрезентация предметов и явлений материального мира появилась как результат абстрагирующей работы ума древнего человека и нашла отражение в орнаментике предметов домашнего обихода. Геометрический орнамент можно назвать творческой переработкой действительности в сознании человека.

Основу традиционной северорусской вышивки составляет композиционный модуль – косой крестик, напоминающий мотив протоорнамента древнейших образцов керамики. Модуль как неделимый микроэлемент композиции взаимодействует с пустотами-ячейками текстильной основы, заполняя их. Самостоятельный элемент орнамента, состоящий из группы модулей, изначально обозначал определенное понятие, заключенное в знак-идеограмму. Последовательность знаков-идеограмм создает иероглифический орнаментальный ряд. Орнаментированные предметы народного быта составляли определенную визуальную среду, в которой человек проходил свой земной жизненный путь. В. И. Мартынов в книге «Пестрые прутья Иакова» писал о визуальной среде, что она «представляет собой иероглифему, т. е. невербальное, неидеологическое сообщение, воздействующее на сознание неким иероглифическим образом». Благопожелательное послание внедрено в орнаментальное декорирование функциональных бытовых изделий. И любая народная вышивка несет в себе такое послание, обращенное к зрителю. В вышитых орнаментальных комплексах заложен принцип горизонтального считывания изображения, подчиненного вертикальной укладке фризовой структуры общей композиции. Зритель является не просто созерцателем, но и соучастником традиционного сакрального действия – визуальной расшифровки смысла знаков-идеограмм, из которых состоит орнамент. В благопожелательное художественно-метафизическое пространство зритель может войти посредством своих чувств и воображения. Это сакральное пространство при постоянном контакте с ним через бытовые предметы защищало человека от реального пространства материально-предметного мира с его жизненными трудностями, переносило его в искусственно созданную идеальную

модель мира, основанную на художественном образе. Более того, оказывало благотворное воздействие на природу личности человека и формировало эстетическое сознание, как и слушавший народную сказку человек, пользовавшийся орнаментированной вещью, становился причастником тайны прекрасного, сам того не подозревая.

Орнаментальное декорирование текстильных изделий несет двойственную функцию – эстетическую и семантическую. Украшенный предмет приобретает совсем иной статус, чем тот же самый предмет, лишенный декоративных элементов. Зритель наслаждается красотой вещей, созданных человеческим трудом. При этом нарядность и красота предмета не влияют на его функциональные качества. Стремление человека к ритму и симметрии орнаментальной вышивки выходит за сферу утилитарной необходимости. Зато помимо эстетических свойств декорированный древней орнаментикой предмет несет в себе определенную семантику сакрального смысла. Многие вышитые текстильные изделия традиционно использовались как необходимый атрибут архаических обрядов.

Ритмическая повторяемость знаков-идеограмм с явной иерархической структурой, выраженной в разной масштабности элементов древних орнаментальных комплексов, дошедших на русском Севере практически в неизменном виде до начала XX века, является своего рода интонированием. Подобное интонирование выражено не только в орнаментах вышивки, но и в шрифтовых композициях текстовых массивов, в которых присутствует соподчиненность повествования. Если учесть то, что графема буквы является графическим образом-знаком определенного звука и текст несет в себе определенное смысловое содержание, то шрифт и орнамент (узор) по своей исходной структуре являются родственными друг другу. Прописные и строчные буквы, начертания шрифтовой гарнитуры и разные смысловые выделения, абзацные отступы, знаки препинания, паузы, величина интерлиньяжа и т. д. являются мощными выразительными инструментами типографики, визуально фиксирующими устное повествование. В орнаменте выразительными средствами интонирования могут служить разная величина орнаментальных элементов, их визуальная плотность или разреженность, образующиеся контрформы, отступы между фризových горизонтальных блоков, цветность. Принимая во внимание, что элементы древнего орнамента являются ритмически чередующимися знаками-идеограммами и взаимодействуют

между собой, составляя иерархическую основу формы композиции, то вся орнаментика вышитых изделий окажется сюжетной, где сюжет выступает в виде предмета изображения, то есть художественного освоения действительности.

Физическое и художественно-метафизическое пространства вышивки по-разному взаимодействуют со временем. На материальный предмет с его физическим пространством время влияет в виде необратимых процессов, таких как обветшание или уничтожение самого предмета. Поэтому древнейшие ткани, орнаментированные вышивкой, до нас просто не дошли. Художественно-метафизическое пространство также подвержено действию времени и внешним социальным факторам. Если на заре появления орнаментики верхнего палеолита и затем в мезолите образы предметов или глагольные понятия, превращенные в идеальные графические знаки-идеограммы, из которых складывались орнаменты, могли выражать определенный смысл, понятный многим людям древнейших времен, то со временем их семантика утрачивалась. В XVIII – начале XX вв. северорусская геометрическая орнаментика была канонической, но лишенной первоначального смысла. Канон в данном случае выступал как культурный образец, выработанный коллективным творчеством в течение долгого времени. «Изделие, в котором система канона находила наиболее яркое воплощение, признавалось образцовым» – отмечал Н. П. Бесчастнов в своей диссертации «Художественное проектирование текстильного печатного рисунка в России». Визуальная традиция геометрической орнаментальной вышивки, передававшаяся из поколения в поколение мастерицами и имевшая свой сакральный смысл, в Новое время продолжалась только лишь в декоративном качестве. Геометрическая орнаментика на поздних текстильных изделиях могла быть как самостоятельной, так и внедренной в композиции, иллюстрирующие жанровые сцены. В вышитые повествовательные многофигурные композиции XVIII – начала XX вв., часто основанные на литературных произведениях, могли интегрироваться элементы архаических культовых изобразительных комплексов. Таким образом, забвение первоначального сюжетного смысла геометрической орнаментики можно рассматривать как воздействие временных и социальных процессов на обладающее сакральными качествами художественно-метафизическое пространство древней орнаментики текстильных изделий.

Художественно-метафизическое пространство народного искусства, выраженное в функциональных изделиях, обладает

свойством поглощать и фиксировать время, превращая его в визуальные устойчивые образы композиций. Некоторые визуальные образы могут стать каноническими и принадлежать определенной традиции, транслируемой во времени через поколения людей. Например, в русском народном искусстве XIX и начала XX веков часто можно встретить персонажей, одетых по моде стиля барокко – в фижмах и камзолах. Или симметричная сцена чаепития у самовара, основанная на древнейшей композиционной схеме. Таким образом, происходит присутствие времени в художественно-метафизическом пространстве изделия и, в свою очередь, изделие, которым пользуются люди, живет во времени и в реальном пространстве предметного мира.

Вышивая поверхность ткани, художник всегда связан формой вещи. Одной из главных задач вышивальщицы было выявление орнаментом конструкции изделия и соотношение элементов рисунка орнамента с декорируемым предметом и окружающим его пространством. Поэтому для нее важными были понятия соразмерности и масштабности, которые отражались в системе канонов. Оформляя вышивкой текстильное изделие, мастерица работала с объемом, а не с плоскостью. Если у изделия есть объем, то оно является трехмерным. Мастерица изготавливала вещь и украшала ее непосредственно в предметно-пространственной среде и как часть этой среды. Так как текстильное изделие являлось функциональным, то и его поверхность, и оно само были динамичными. Учитывался масштаб декоративных элементов при приближении изделия к зрителю и отдалении от него, чтобы орнамент не выглядел слишком крупным или измельченным.

Вышитые по сетке северорусские подзоры, которыми украшали края покрывал кроватей, соразмерны масштабу человека. Взгляд зрителя охватывал сразу всю поверхность многофигурной композиции, выделяя основные доминанты и отталкиваясь от них в считывании сюжета. Композиция одного подзора могла содержать в себе переложенный на графический язык целый рассказ со сложным сюжетом. Как и устное повествование сказки, подобные композиции основаны на нелинейном восприятии времени, используемом в построении сюжета. Поэтому в художественно-метафизическом пространстве вышитых северорусских подзоров время может иметь множественность, сжиматься, разжиматься и обладать свойствами цикличности. Если в сказке присутствуют временные масштабы, то ими пронизаны и нарративные многофигурные композиции подзоров. Во фризовом построении таких

изображений наблюдается композиционная иерархия. То, что большое – главное, расположено ближе к зрителю. То, что маленькое – второстепенное, удалено от зрителя. Сюжеты многофигурных композиций строятся на идеализированных сценах, где личность субъекта-зрителя, его «я» часто персонифицируется с личностями персонажей, находящимися в идеально-сказочном мире, а ритмизированные обобщенные признаки предметов вызывают общие ассоциативные образы в сознании каждого индивида. В композиции степень обобщения и детализации признаков предметов, провоцирующие у зрителя появление образа, всегда зависят от самого художника. Если у художника нет большого опыта в отборе деталей, их убедительной графической передачи и расстановки композиционных акцентов, то изображение, созданное им, будет носить оттенок случайности и визуально «рассыпаться», лишённое внутренних ритмов и цельности. Такое изображение вызовет у зрителя определенный эстетический дискомфорт и не будет иметь художественную ценность.

Ни одно рукотворное изделие, за исключением тканого, не обладает возможностью покрывать другой предмет, принимать его форму и подчиняться его движениям. Украшение тканей изначально подразумевает наличие объема, на который будет надеваться изделие, и трехмерного пространства, в котором будет находиться драпированный предмет. Если текстильным изделием пользуются в повседневном быту, то художественные композиции, вышитые на его поверхности, начинают переходить в материальный мир, становясь частью предметно-пространственной среды и влияя на эмоциональное состояние зрителей. Вышитая композиция на используемом утилитарном изделии (например, на расшитой рубашке или на полотенце) постоянно трансформируется благодаря перманентной динамике и свойствам материала. В отличие от картины, висящей на стене, у композиций функциональных текстильных предметов нет статичной точки, с которой зритель их рассматривает. Чем больше изделию присуща динамика, тем больше наличие у него маркеров считывания вышитой композиции. Появляется бесконечная множественность точек визуального восприятия, в каждой из которых одна и та же композиция выглядит по-разному. Благодаря народным костюмам, украшенным вышивкой, подчеркиваются движения танца. Элементы композиции вышитых костюмов перемещаются вместе с человеком во времени и пространстве. Движение человека, одетого в вышитую одежду, или использование им утилитарной

вещи в пространстве предметного мира можно рассматривать как движение композиционных элементов, которое создает нелинейные отношения между зрителями, самим человеком, текстильным изделием, орнаментальной композицией, элементами композиции (знаками-идеограммами) и композиционными модулями. Эти отношения основаны на взаимодействии пространств, обладающих разными качествами.

*Буковецкая Оксана Александровна,
лаборатория естествознания КЦ ЗИЛ, г. Москва*

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО КРАШЕНИЯ ТКАНЕЙ МЕСТНЫМИ ПРИРОДНЫМИ КРАСИТЕЛЯМИ

Введение

Тема окраски тканей местными природными красителями стоит на пересечении интересов этнографов, реконструкторов и специалистов в области экспериментальной истории, любителей рукоделий и энтузиастов здорового образа жизни (как это не парадоксально).

Проблема в том, что доступных подробного химического для анализа образцов архаичных тканей довольно мало, зато в любом музее нам расскажут, что «наши предки красили корой дуба, отваром ольхи, листьями крапивы», но без упоминания пропорций и фиксаторов окраски, а затем, конечно же, расскажут о кубовом крашении с использованием привозного красителя индиго, получаемого из произрастающего в Индии растения семейства бобовых – индигоферы красильной (*Indigofera Tinctoria*). Конечно, окрашенные индиго ярко-синие ткани очень красивы, особенно с кубовой набойкой, когда пропитанные вапой участки оставались светлыми на синем фоне.

Но кубовое крашение – всё же относительно позднее явление; индигофера в России, а тем более на севере не растёт, точнее, не росла, да и сейчас её в нашем климате выращивают очень немногие специалисты и в небольших количествах.

Наш интерес к теме начался с желания сделать полевой (с выездом на природу) практикум для школьников, объединяющий историческую и биолого-химическую тематику, и это ещё одна

причина, почему мы заинтересовались более архаичными, чем процесс с индиго, вариантами крашения. Дело в том, что индиго – не растворимый в воде краситель и для перевода его в растворимую (и при этом неокрашенную) форму используется раствор, содержащий щёлочь – едкий натр (NaOH). Окрашивание появляется уже после вытаскивания тканей из куба (чана с раствором) при окислении на воздухе. Конечно же, выливать отработанный раствор со щёлочью в природу недопустимо, а вдвойне недопустимо учить этому детей!

Как и чем красили в старину

Рассуждений и предположений о том, какими именно растениями красили наши предки, очень много в среде любителей исторической реконструкции и мастеров ручного ткачества. К сожалению, почти все доступные описания либо очень неконкретны, либо, наоборот, изобилуют подробностями в несколько «шаманском» стиле, включая, например, идеи, что растения следует собирать только при ясной погоде или только рано утром, сушить непременно указанное количество часов или заливать раствором точно заданной температуры. Удивительно, но в большинстве случаев буквальное и тщательное соблюдение указанных рекомендаций не приводило к успеху – получению названного автором рекомендации цвета.

Довольно большой список растений средней полосы и Севера, использовавшихся при крашении тканей, приведён в книге Р. А. Гильмана «Художественная роспись тканей». Среди них – ольха, пихта, крапива, полынь, тысячелистник, щавель, пырей и другие часто встречающиеся растения. Там же приводятся некоторые общие рекомендации по крашению.

Подробная информация о химическом анализе тканей, найденных при раскопках на территории Великого Новгорода и датированных X–XV вв., содержится в статье А. Навик «Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа».

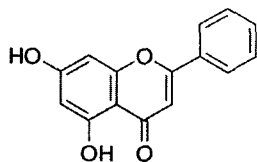
Автор пишет (написание названий соединений сохранено в редакции автора): «14 кусков тканей из новгородских раскопок были подвергнуты анализу с целью определения красителя. Анализы по просьбе автора были произведены в Научно-исследовательском институте текстильной промышленности в Будапеште.»

Образец	Цвет	Краситель	Вид находки
Н-58/2860	коричневый	элаговая кислота	вязаное изделие
2 Н-58/2851	темно-коричневый	элаговая кислота	толстые нити утка без основы
3 Н-58/2837	черный	элаговая кислота на железной протраве	«специальный» тип
4 Н-55/10159	коричневый	хрисин	сукно 1/2
5 Н-55/10189	коричневый	хрисин	ажурная ткань
Н-55/4699	коричневый	хрисин	нити
7 Н-55/10187	светло-коричневый	эмодин на железной протраве	ткань в мелкий рубчик по основе
9 Н-55/10126	коричневый	эмодин	«специальный» тип
10 Н-55/10165	зеленый	индиго с неизвестным желтым красителем	зеленое сукно с каймой
12 Н-55/10138	коричневый	марена на глиняно-железной протраве	коричневое сукно
13 Н-55/10147	коричнево-красный	марена на глиняно-железной протраве	красное сукно

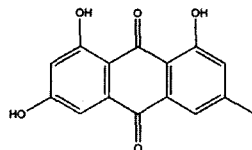
(Приведён неполный список проанализированных образцов).

Интересно, что большую часть этих веществ можно найти на ресурсах, посвященных медицине и лекарственным растениям: это соединения из группы полифенолов, которые уже довольно давно пытаются использовать как антиоксиданты – вещества, защищающие клетки от ненужного, повреждающего окисления.

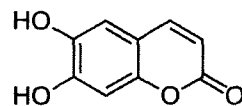
Флавоноид хризин (диоксифлавонон) встречается в почках тополя, шлемнике (семейство губоцветных) и других растениях.

Эмодин – полифенольное соединение, сходное с ализарином (красящим веществом из марены красильной), встречается в ревене и коре крушины.

Эллаговая кислота – ещё один полифенол, встречается в ягодах: морошке, клюкве, бруснике. И действительно, есть описания крашения ягодами тканей в уже относительно недалёком прошлом.

Итак, всё перечисленное – полифенольные соединения! Но ведь их – и, в частности, флавоноидов – десятки типов и они содержатся практически во всех растениях.

Наши эксперименты по крашению

Описанные варианты окраски очень сильно напоминают качественные реакции на флавоноиды (например, кверцетин, катехин, флавононы, аурон, халкон) из банального студенческого практикума по физиологии растений – появление окрашенных комплексных соединений при взаимодействии с солями металлов, тех самых, которые использовались как фиксаторы окраски: солей железа, алюминия (алюмокалиевые квасцы), хрома и меди (медный купорос) и слабыми щелочами (поташ – KCl из обычной золы).

Так может, не стоит спорить и сопоставлять разные варианты описаний: люди красили тем, что росло рядом и с теми фиксаторами (солями), которые были доступны. Конечно же, это соли железа и поташ.

Мы стали проверять почти случайным образом все более-менее распространённые растения, не тратя времени на точное соблюдение описаний и – о радость – почти сразу нашли прекрасные красильные растения на обычных городских пустырях.

Это горец почечуйный (известный и в народной медицине как лекарственное растение, о чём говорит и его название: почечуем

называли в народе гемморрой). Он даёт серо-голубоватый или почти чёрный цвет (в зависимости от концентрации отвара и длительности выдержки) при фиксации хлоридом двухвалентного железа. Примерно сходные результаты дают многие растения семейства губоцветных.

Серо-зеленоватые оттенки дают крапива, тысячелистник, марьянник дубравный (иван-да-марья). При крашении последним в цветущем состоянии вначале появляется очень красивое голубовато-серое окрашивание, но оно обусловлено наличием антоцианов из цветов и поэтому нестойко.

Чернобыльник и пижма дают коричневато-жёлтый с трёхвалентным железом и светло-кремовый с алюмокалиевыми квасцами.

Багульник болотный и зверобой с квасцами дают прекрасный лимонный цвет, таволга – чуть более насыщенный жёлтый.

Череда с добавлением слабой щёлочи (соды или поташа) даёт розоватое окрашивание. Данный вариант получения розового окрашивания не описан ни в одном из имеющихся руководств.

Кора крушины с хромокалиевыми квасцами – более тёмный, красновато-розовый. И так далее...

Вообще не составляет проблемы получение разных оттенков жёлтого (с алюмокалиевыми квасцами) и серо-синего, иногда почти чёрного цветов – с солями двух и трёхвалентного железа. В зимний сезон можно без труда использовать купленные в аптеке растения из тех, что обладают антиоксидантными свойствами: тысячелистник, зверобой, сабельник, бадан и т. д.

Гораздо сложнее с получением красных и розовых оттенков; если не использовать привозную из степных районов марену красильную, из наших растений эти оттенки даёт только крушина с солями хрома и череда с поташом.

Все цвета очень стойкие, не смываются даже при кипячении. Ярче всего прокрашивается шерсть и шёлк, хуже – хлопок и сложнее всего получение насыщенных цветов на льне.

Строгое соблюдение пропорций требуется только при необходимости воспроизвести оттенок, хотя задача эта труднореализуемая и дело не в умениях экспериментатора, а в том, что концентрация флавоноидов в растениях одного вида, даже выросших рядом, может сильно варьировать – это описано, например, для анализа лекарственного растительного сырья.

Методика растительного окрашивания довольно проста: растительное сырьё кипятят в эмалированной или термостойкой стеклянной посуде, добываясь вначале исчезновения зелёного цвета (распад хлорофилла), затем появления желтоватого или коричневого цвета отвара, напоминающего цвет палой листвы (это именно флавоноиды ответственны за её окраску). Затем, когда цвет перестанет изменяться, раствор фильтруют, чтобы избежать появления на ткани пятен при соприкосновении ткани с растительными остатками, погружают в него ткань, стараясь избежать складок, и кипятят или оставляют на ночь в остывающем горячем растворе. Пропитанную экстрактом растений ткань погружают в раствор фиксатора: соли железа, алюминия или слабо щелочной раствор. Окраска появляется практически сразу. Можно также добавить фиксатор непосредственно в растительный экстракт, в котором вымачивается ткань, но важно сделать это аккуратно, чтобы не получить пятен.

Если, наоборот, требуется неравномерность окраски, можно обрызгать вымоченную в растительном отваре и аккуратно разложенную на столе ткань раствором фиксатора.

Этот вариант крашения, в отличие от кубового индиго-крашения, действительно является экологически безопасным и, что вдвойне радостно, воспроизводится даже руками школьников средних и старших классов.

Результаты

Примерно за год, в течение которого ведётся эта работа, создано около полутора десятка изделий по заказам реконструкторов, и эти вещи уже побывали на летних фестивалях, проведено несколько мастер-классов по реконструкции крашения.

Наиболее сложной была работа по созданию «рубахи кузнеца» по просьбе реконструкторов. Рубаха, исходно пошита из обычной

хлопчатобумажной ткани, должна была казаться более плотной и много лет бывавшей в кузнице – закопчённой и с подпалинами, но при этом без какого-либо повреждения ткани и без использования искусственных красителей.

Использовалось тройное последовательное окрашивание: чернобыльник с фиксацией квасцами, горец почечуйный с FeCl_2 , затем нанесение пятен при помощи отвара коры дуба с выборочной фиксацией $\text{Fe}_2(\text{SO}_4)_3$ из разбрызгивателя.

Те же приёмы крашения мы сейчас используем для создания экопринта – отпечатков растений на ткани, но это тема уже не про реконструкции, а про современные ремёсла.

Выводы

1. Для крашения мог и может использоваться очень широкий, почти неограниченный список растений, содержащих флавоноиды. Это почти все зелёные растения средней полосы и севера.

2. Наибольшими концентрациями флавоноидов обладают растения, известные своими антиоксидантными свойствами (то есть защищающие клетки от окисления), так что не случайно списки лекарственных и красящих растений в весьма значительной степени совпадают.

3. Концентрации флавоноидов могут сильно различаться в пределах одного вида растений, что может приводить к кажущимся случайными различиям в окраске при одних и тех же условиях крашения.

4. Крашение экстрактами растений гораздо менее трудоёмко и гораздо более безопасно экологически, чем кубовое крашение индиго, поэтому его можно рекомендовать для использования в исторической реконструкции и для мастер-классов с подростками по «живой истории».

Литература

1. Р.А. Гильман. Художественная роспись тканей.– М: Гуманитар. Изд. центр Владос, 2005.

2. А. Грищенко, С.В. Кодацкая. Игра цветов или пигменты в нашей жизни / «Биология», № 6, 2010.

3. Изучение флавоноидов сборов на основе листьев бадана толстолистного. / Федосеева Л.М. и др. «Химия растительного сырья», № 4, 2006, с. 49-54.

4. Лебедева Т.С., Сытник К.М. Пигменты растительного мира. – Киев: Наукова думка, 1986.

5. Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа. / «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123, с. 228 – 313.

6. Практикум по физиологии растений / Н.Н. Третьяков, Т.В. Карнаухова, Л.А. Паничкин и др.– 3-е изд., перераб. и доп.– М.: Агропромиздат, 1990.

7. Реставрация тканей. Крашение текстильных материалов. / Методические рекомендации ВХНРЦ.– М., 1990.

8. Флавоноиды: биохимия, биофизика, медицина / Тараховский Ю.С., Ким Ю.А., Абдрасилов Б.С., Музафаров Е.Н.; [отв. ред. Е.И. Маевский] – Пущино: Synchrobook, 2013.

*Меккюсярова Ия Александровна,
Музей музыки и фольклора народов Якутии,
г. Якутск Республика Саха (Якутия)*

ИГРА НА ХОМУСЕ – ИСКУССТВО И ТРАДИЦИОННАЯ ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)¹

Об использовании музыки не только для реализации творческого потенциала, но и для лечения человека упоминается со времён Гипократа, Теофраста, Галена. Еще в IV в. до н.э. Платон утверждал: «Музыка – это самое мощное средство, потому что ритм и гармония живут в душе человека. Музыка обогащает ее, даруя ей блаженство и озарение». (Волчек 2014: 10). Что музыкотерапия использовалась по всему миру, доказывают работы, излагающие, что на острове Борнео туземцы исполняли специальные речитативы и песни для выздоровления соплеменников. В Британской Колумбии врач пел, навещая больного, хор соплеменников пел песню у дома пациента. В XVIII–XIX вв. во многих психиатрических лечебницах Европы были штатные музыканты (Волчек 2014: 40). В Якутии на протяжении веков к своеобразной музыкотерапии можно было отнести шаманские камлания с бубном, реже – с использованием хомуса, а звуки железных подвесок – множества колокольцев на кафтане шамана имело способность отпугивать демонов² – *абааһы*.³

Впервые о возможности лечебного воздействия с помощью хомуса⁴ было упомянуто в научной работе И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа». Автор, в частности, отмечал,

Мастер – М. Н. Мальцев

что молодая удаганка (удабан⁵) Дьэрэлийэр, приехавшая в Верхоянск в 1807 году из Якутского округа, камлала, музицируя на хомусе, тем самым способствовала развитию эмоционального подъема у потерявших надежду людей и в конечном итоге – их исцелению и выздоровлению⁶.

Чтобы получить представление о том, что собой представляет процесс терапии хомусом, уместно сначала объяснить про-

цесс извлечения звука на данном инструменте. *Хомус это не самозвучающий(!), металлический инструмент, на котором звукоизвлечение происходит следующим образом: необходимо взяться левой рукой за кольцо корпуса хомуса и, приоткрыв зубы, освобождавая место для колебания язычка, прижать наружные щечки корпуса к зубам так, чтобы колебания язычка не передавались через корпус к зубам и, легко ударяя по язычку пальцем руки, извлекается звук. Игра на хомусе представляет единое целое со всем дыхательно-голосовым аппаратом человека (Шишигин 2003).*

Существует множество приемов игры на данном инструменте. Самым древнейшим стилем игры на хомусе считается стиль – *сыыйа тардыы*, который дословно переводится как протяжная, умеренная игра. За счет того, что звук хомуса непрерывно как бы льется, то затихая, то усиливаясь с каждым разом, как бы вводит человека в некий транс, медитативное состояние и тем самым помогает пациенту расслабиться. Разнообразное и сильное влияние звуков исследователями объясняется тем, что процессу их слухового восприятия всегда в той или иной мере сопутствует вибрационный эффект. Как пишет в своей работе Волчек О. Д., посетители оркестровых и иных концертов «живой музыки» нередко ощущают вибрационный эффект кончиками пальцев, сердцем, всем телом⁷. Но, даже если обычный зритель концерта ощущает вибрацию всем телом, то ощущения самого исполнителя должны быть в сотни раз сильнее.

Ученые утверждают, что «вибрации голосовых связок во время речи и пения может вызывать колебания внутренних органов и как бы совершать их вибромассаж»⁸ (Шушарджан 2000: 34). Исходя из этого, можно предположить, что исполнитель – инструменталист, в нашем случае – *хомусист*, при игре на данном инструменте осуществляет колоссальный массаж своих внутренних органов. Главнейшую роль при звукоизвлечении занимает дыхание. По словам самих хомусистов-виртуозов, чтобы максимально увеличить силу звука хомуса, необходимо дышать с помощью мышц живота. Если «качать» воздух туда и обратно, используя брюшной пресс и диафрагму с большой быстротой, то звук хомуса увеличивается и усиливается, при этом сила и скорость вдыхания должны совпадать с собственными колебаниями язычка инструмента (Шишигин 2003).

Автор играет на хомусе

Мастер – Р.Г. Чемчоев

О пользе дыхательной гимнастики известно с давних времен. По словам людей, практикующих восточные оздоровительные системы, дыхательная гимнастика оказывает благотворное влияние на весь организм человека в целом, на все системы и органы. На сегодняшний день существуют многочисленные авторские методики

*Виртуоз-хомусистка мира, заслуженная артистка Республики Саха (Якутия)
Альбина Дегтярева*

по дыхательной гимнастике. Дыхательная гимнастика может благотворно влиять и на сердце, и на сосуды, и на работу мозга, укрепляет легкие, стимулирует их деятельность, улучшает кровообращение в органах дыхания – и тем самым помогает лечить нарушения (Zdravo 2013). Древние адепты йоги и китайской гимнастики, использовали дыхательные практики не столько для улучшения телесного здоровья, сколько для оздоровления духа и разума, расслабления, концентрации, медитации. Доказано, что сосредоточенные занятия дыхательной гимнастикой успокаивают и расслабляют, проясняют сознание и дают нашей нервной системе необходимую передышку (Zdravo 2013).

Об исцелении ЛОР-органов рассказывала виртуоз-хомусистка мира, которая при помощи активной «хомусотерапии» излечила у себя хронический тонзиллит. По её словам, в детстве она часто болела ангиной, и когда в студенческие годы в составе ансамбля хомусистов стала активно выступать и играть на инструменте, то заметила, что перестала болеть. Никаких исследований по данному поводу не проводилось, но можно предположить что, когда она стала ежедневно играть на хомусе, ее дыхательные пути, полость рта и носоглотка были задействованы в этом процессе, а миндали-

ны, как, вероятно, и вся система иммунитета, как бы подвергались систематическому вибрационному массажу.

«Хомусотерапия», как и музыкотерапия в целом, существует в активной и рецептивной формах. **Активная** форма представляет собой *активную музыкальную деятельность, направленную, в том числе, на самого исполнителя*: воспроизведение, фантазирование, импровизацию с помощью человеческого голоса и звука музыкального инструмента. **Рецептивная** форма предполагает собой процесс восприятия музыки с терапевтической целью, *который осуществляется слушателем*. В основу рецептивной МТ заложен базовый принцип «от слушания музыки – к обсуждению». Структура лечения определяется тем, что прослушивание пациентом любимой музыки в состоянии релаксации с закрытыми глазами приводит к множественным ассоциациям, воспоминаниям, переживанию эмоционального катексиса⁹. На следующем этапе происходит знакомство с новым музыкальным материалом, на котором музыкотерапевт ставит цель обнаружить первопричины проблем пациента, переработать эти проблемы и дать возможность обнаружить в самом себе потенциал для изменения к лучшему¹⁰ (Самсонова 2013). Данная схема оздоровления используется и «хомусотерапевтами».

Музыкотерапия в активной и в рецептивной формах имеет групповые, а также индивидуальные виды. В групповой терапии с помощью коллективных импровизаций выстраивают спонтанную объединяющую звуковую среду, в которой из музыкального общения формируются и гармоничные взаимодополняющие формы социального общения. Импровизация становится объединяющим полем, где эмоции являются основной мерой ценности существования, а индивидуальности не разделяются по социальному статусу, но противостоят одна другой по модели «я и ты» М. Бубера¹¹, а, скорее наоборот формируют устойчивую общность.

Универсальность – языка музыки заключается в ее удивительной способности объединять и сплачивать людей, вызывать чувство духовного единства, слияние чувств и воли в едином порыве¹². Это, как мы отмечали выше, было замечено и использовано древними греками, сближавшими медицину и искусство. Сейчас активная музыкотерапия широко используется в качестве психотерапии у пациентов с нарушениями в сфере коммуникации. В ходе музыкального исполнения, согласно теории гештальт-терапии, у людей проявляются непосредственные потребности, обиды и болезни. Их выведение из подсознания является предпосылкой

их преодоления и раскрепощения жизненного, творческого и иного потенциала. Психологи называют, как минимум, пять типов нарушений в коммуникативной сфере, которые поддаются коррекции с помощью активной музыкотерапии. Так, при наличии у пациента проявлений осторожности (интроекции), когда он начинает импровизировать на музыкальном инструменте, проявляются такие черты исполнения, как тихое звучание, заурядность. Напротив, при склонности к манипуляции – при исполнении проявляется доминирование, потребность быть в центре внимания, при ретрофлексии (поворот внутрь себя) – пациент стремится импровизировать изолированно, вне группы. В случае дефлексии (уклонения) – у исполнителя выявляются поверхностность, аффектированность, при проявлениях конфлуенции (слияния) – подчинение чужому ритму. Анализ индивидуальных звукообразов становится тем самым базой для диагностики и, впоследствии, оздоровительной работы с целью изменения качества жизни пациента.

На наш взгляд, игра на хомусе как терапевтическая практика Якутии, может выполнять все эти цели и задачи. При проведении «активной хомусотерапии» в конце каждого ее курса пациенту-импровизатору дается задание придумать композицию и исполнить на импровизированной сцене перед небольшой аудиторией. Считается, что подобная практика удовлетворяет потребность пациента в адекватном самовыражении, формирует мотивацию достижения успеха. Публичное исполнение, с одной стороны, становится катализатором творчества, с другой – способом осознания пациентом-исполнителем своей личностной ценности, способом формирования доверия и открытости¹³. «Хомусотерапия» воспринимается всеми индивидуально, в зависимости какую форму терапии человек выбрал для себя, активную форму либо рецептивную. Если форму терапии человек может выбирать на свое усмотрение, то программу выбирает непосредственно тот, кто будет выполнять оздоровительную практику. Длительность и исход лечения зависит от проблем, с которыми обратился пациент, насколько он подготовлен психологически, морально, а также немаловажную роль играет непосредственный опыт «хомусиста-терапевта».

«Отец современной звуковой терапии» Альфред Томатис предложил рассматривать орган слуха как генератор, возбуждаемый проходящими из вне звуковых колебаний и заряжающий энергией мозг, а через него и весь организм. Он установил, что звуки в диапазоне 3000–8000 Гц активизируют воображение, творческую активность, улучшают память, что можно назвать эрготропным

(стимулирующим, тонизирующим) воздействием. Звуковые волны в диапазоне 750–3000 Гц уравнивают мышечное напряжение, вносят успокоение, обладая определенным «трофотропным» (воздействующим на питательные процессы организма) воздействием¹⁴.

Сегодня музыкотерапия в республике Саха (Якутия) существует и в песенной и в инструментальной форме. Традиционный музыкальный инструмент *хомус* является уже не просто инструментом, но и культурно-этнографическим брендом Якутии и пользуется спросом у населения в качестве средства оздоровления организма. Вместе с тем, мы отдаем отчет в том, что одним звуком хомуса невозможно излечить человека. «Хомусотерапия» как традиционная оздоровительная практика в данное время работает по схеме: «пациент – хомусотерапевт», где «хомусотерапевтом» является субъект, не имеющий медицинского образования, который, зачастую, не знаком и с психологией человека как наукой. Получается, что «хомусотерапевт» пытается бороться с недугами своего пациента «вслепую». В этой связи, разумно было бы предложить определенную интеграцию традиционной оздоровительной практики с современной медициной, где бы «хомусотерапевт» работал в тандеме с медиками различных специальностей, в зависимости от недуга пациента, и медицинскими психологами.

Опыт использования таких интегративных подходов к оздоровлению стал накапливаться с 1992 года, когда Международным центром хомусной (варганной) музыки совместно с больницей № 1 Минздрава РС(Я) были проведены лечебные сеансы для пациентов. «Хомусотерапия» была использована в комплексном лечении желудочнокишечных, сердечно-сосудистых, гинекологических, глазных, аллергически-астматических, суставных болезней. В качестве исполнителя выступала народный

Автор импровизирует на хомусе

целитель Р.И. Томская. В июне 1993 г. в г. Вилюйске на базе улусной больницы была проведена научная конференция по проблемам лечебного воздействия хомуса. Если еще недавно проблема интеграции разных медицинских и целительских практик в единую систему по обеспечению сохранения здоровья человека воспринималась как нечто невозможное¹⁵, то в настоящее время ситуация меняется, хотя и в замедленном темпе. Тема интеграции современной медицины и различных традиционных оздоровительных практик остается актуальной для исследователей различных сфер науки. На основе указанного выше можно сделать вывод, что хомусотерапия, как активная, так и рецептивная, обладает немалым оздоровительным потенциалом. Думается, что игра на хомусе, как оздоровительная практика и для исполнителя, и для слушателя, всегда будет востребована и далее, в особенности, если будет сформирована ее интеграция с современной медициной.

Примечания:

1. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) № 17-01-00434-а.

2. Попов, А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: (Тексты): 2-е изд.– Новосибирск: Наука, 2008. С.62.

3. Абааһы (также абаасы, якут. абааһы) – злые духи верхнего, среднего и нижнего миров в якутской мифологии, живущие своими племенами и родами, со своим хозяйством. Подчиняются «великому господину» – богу Улуу тойону, который вместе с ними сумел заложить в человеке злое начало, отождествляемое с нечистотами. В свою очередь, в якутском эпосе Олонхо абааһы выступают противниками Айыы аймага.

4. Якутский варган (от варга – «рот, губа», либо от греческого *ὄργανον* – «органон», то есть «инструмент») – музыкальный инструмент. По форме **хомус** похож на металлический камертон с язычком в середине и относится к древним язычковым музыкальным инструментам. Хомус распространен в 90 странах мира, известно более 162 его разновидностей из камыша, бамбука, кости, дерева, железа.

5. Удабан – (як.) шаманка.

6. Худяков, А.И. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1969.

7. Волчек, О.Д. Значение музыки и семантика ее звуков: учебное пособие к курсу лекций «Музыкальная психология». – М., 2014. – С. 34.

8. Шушарджан С.В. Музыкалотерапия: история и перспективы. // Клиническая медицина. – М., 2000. – С. 15–18.

9. В психоанализе использовался Зигмундом Фрейдом для описания направленности. У Фрейда это слово использовалось для характеристики интенсивности проявления психических процессов, динамики течения психической энергии. Большинство выражений со словом «катексис», можно переформулировать, пользуясь терминами «интерес», «смысл» или «реальность», или же «внимание», «стремление». Катексис аналогичен электростатическому заряду, который способен перемещаться из одной структуры в другую, пока не становится связанным; или подобен войскам, которые могут передислоцироваться с одной позиции на другую.

10. Самсонова Г.О. Музыкальная психотерапия в комплексе реабилитационных технологий: опыт применения в отечественной и зарубежной практике. // Вестник восстановительной медицины.– № 1.– 2013. С. 31–36.

11. Там же.

12. Волчек О.Д. Указ. соч. С. 13.

13. Самсонова Г.О. Указ. соч.

14. Волчек О.Д. Указ соч. С. 35., Самсонова Г.О. Указ. соч. С. 31.

15. Харитонов В.И. Интеграция медицинских систем: идея, практика, человеческий фактор // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН.– М.: ОАО «Типография «Новости»», 2009.– С. 274.

Раздел третий

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Решетников Николай Иванович,

*ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»,
г. Москва*

«ВОЛОГОДСКАЯ ПРОГРАММА» И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Обозначенная в заголовке тема требует разъяснения: во-первых, что такое «Вологодская программа»; во-вторых, что конкретно понимается под культурным наследием.

«Вологодская программа» была осуществлена в 1980-е годы⁷⁵⁴. В её результате было реализовано изучение, описание и публикация памятников письменности в музеях Вологодской области. Опубликовано 13 томов Каталога-путеводителя, правда, последний том издан был только в 2001 году. Каталог опубликован в 5 частях: 1 – Рукописи, 2 – Книги кириллической печати, 3 – Книги гражданской печати, 4 – Документы досоветского периода и 5 – Документы советского периода. В каждой части по 2–3 выпуска. Работа эта проводилась по инициативе и под общим руководством профессора ВГПИ П. А. Колесникова. Непосредственное руководство научной группой осуществлял изначально кандидат, а затем доктор исторических наук, научный сотрудник БАН А. А. Амосов.

Соответственно под культурным наследием в этом случае понимается его составная часть, а именно – памятники письменности

⁷⁵⁴ См.: **Амосов А. А.** «Вологодская программа»: итоги и перспективы // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры / Вологодский гос. пед. ин-т. Вологда, 1984. С. 39–49; **Решетников Н. И.** /Сообщение/. Там же. С. 84–88; **Он же.** Le Programme de Vologda // Cahiers slaves Civilisation russe. La civilization traditionnelle dans la Russie du Nord.– Paris, 1999.– № 2; **Он же.** Изучение и описание памятников письменности в музеях Русского Севера // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 230–238; **Копанев А. И.** Памятники письменности в музеях Вологодской области: Кат.-путеводитель [Рецензия] // Советские архивы, 1986, № 3. С. 75–77 и др.

с древнейших времён до XX века. Однако в публикуемой статье речь пойдёт о рукописных памятниках и книгах кириллической печати (старопечатных).

На основании «Вологодской программы» можно утверждать, что вологодские музеи играют значительную роль в сохранении памятников письменности как части культурного наследия. Музеи сумели сохранить важный пласт книжной культуры и даже ту её часть, которую в других регионах страны сохранить не сумели.

Это одна сторона вопроса. Другая же сторона заключается в том, что современному читателю раскрывается многообразная палитра памятников письменности, известная читателю XIV-XV веков в качестве рукописных книг, а с появлением печатного станка и книг кириллической печати. Какие же книги бытовали в Вологодской области до появления книг гражданской печати и как ими пользовались читатели прошлых времён?

В обиходе были Сборники (богослужебные, агиографические, исторические, обиходных песнопений, слов и поучений), Минеи служебные, Сотные выписи, Шестодневы Служебники, Ирмологии на крюковых нотах, Праздники нотированные, Синодики, Евангелия, Вкладные книги, Псалтири, Часословы, Стихиры, Октоихи, Триоди, Травники, Прологи, Литературные сборники, разного рода рукописи, в т.ч. Апостол апракос, Златоуст постный, Слова Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского, Уставы (монастырский и церковный), Сказание о Спасо-Каменном монастыре, текст Соборного уложения 1649 г. и др. Есть и житийные сочинения, в т.ч. Житие Кирилла Новоезерского (с владельческими записями), Житие митрополита Алексия (с читательскими записями) (Череповецкий музей), Житие и подвиги Николая Чудотворца (Тарногский музей), Житие Василия Нового, Григория Мниха (Великоустюгский музей) и др. Более всего житийных сочинений в Вологодском областном музее⁷⁵⁵: Димитрия Прилуцкого, Зосимы и Савватия Соловецких, Логгина Коряжемского, Николая Чудотворца, Сергия Радонежского.

Примечательно, что существовали и сборники исторического содержания. В них включаются тексты документальных памятников: Сотные на церковные и монастырские земли, Книги сбора церковной десятины и др.

⁷⁵⁵ Вологодский областной краеведческий музей (ВОКМ), ныне называется Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ).

Следует учесть, что «Вологодской программой» отражена лишь часть книжного наследия. Многие книги в реальности были утрачены по разным причинам. Часть книг естественным образом погибла в самой среде бытования в результате пожаров и иных бедствий. Многие книги были конфискованы у монастырей и церковей в первые годы советской власти. Многие разошлись по частным коллекциям в результате собирательской деятельности любителей старины, а началось это ещё в XIX веке. Часть книг оказалась в фондах центральных музеев и библиотек, куда они поступали в результате археографических экспедиций. Есть книги и в местных музеях в различных регионах страны.

Но всё же значительная часть рукописного и старопечатного наследия хранится в фондах вологодских музеев, и это обстоятельство даёт основание для того, чтобы представить картину книжной традиции, существовавшей на Русском Севере⁷⁵⁶. Для этого первоначально рассмотрим, сколько книг, бывших в обиходе, отложилось в музейных коллекциях вологодских музеев по состоянию на 1980-е годы, что и зафиксировано в изданном Каталоге-путеводителе.

Вологодский областной краеведческий музей (ВОКМ) – 62 рукописные книги (4 книги XIV в., 6 – XV в, 11 – XVI в) и 136 старопечатных книг (две из них до XVII в. и 134 – XVII в.). Всего 198 книг.

⁷⁵⁶ Об этом см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П. А. Колесникова (далее: ППМВО). Ч. 1; [вып. 1]. Рукописные книги [районных и народных музеев] / Отв. сост. А. А. Амосов.– Вологда, 1982 (11,6 п. л.); ППМВО. Ч. 1; вып. 2. Рукописные книги XIV–XVII вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. А. А. Амосов. Вологда, 1987 (25,2 п. л.); ППМВО. Ч. 1; вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. В. В. Морозов.– Вологда, 1989 (15,8 п. л.); ППМВО. Ч. 1; вып. 4. Книжная традиция Кубеноозерья / Отв. сост. А. А. Амосов. – Вологда, 2001; ППМВО. Ч. 2; [вып. 1]. Книги кириллической печати [районных и народных музеев] (1564–1825) / Отв. сост. А. А. Амосов.– Вологда, 1983 (27,4 п. л.); ППМВО. Ч. 2; вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В. В. Морозов.– Вологда, 1985; ППМВО. Ч. 3; [вып. 1]. Книги гражданской печати [районных и народных музеев] (1718–1825) / Отв. сост. А. А. Амосов.– Вологда, 1984 (20,9 п. л.); ППМВО. Ч. 3; вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825) / Сост. Н. Н. Малинина.– Вологда, 1985 (13 п. л.); ППМВО. Ч. 4; вып. 1. Документы до-революционного периода [районных и народных музеев] / Отв. сост. А. А. Амосов.– Вологда, 1985 (13,2 п. л.); ППМВО. Ч. 4; вып. 2. Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее / Сост. Б. Н. Морозов.– Вологда, 1984 (12,09 п. л.); ППМВО. Ч. 4; вып. 3. Документы XVI – нач. XX в. Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Отв. сост. А. А. Амосов, С. Е. Князьков.– Вологда, 1998 (17,2 п. л.); ППМВО. Ч. 5 [вып. 1]. Документы советского периода [районных и народных музеев] / Отв. сост. Н. И. Решетников. Вологда, 1984 (18,14 п. л.); ППМВО. Ч. 5; вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея. Отв. сост. Н. И. Решетников.– Вологда, 1988 (24,88 п. л.).

Великоустюгский краеведческий музей (ВУКМ) – одна рукописная книга XVI в., 7 рукописных и 36 старопечатных книг XVII в. Всего 44 книги.

Вытегорский краеведческий музей (ВКМ) – одна рукописная книга XVI в., одна рукописная книга и три старопечатные книги XVII в. Всего 5 книг.

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (КБИАХМЗ) – 15 рукописных книг (XIV в. – 1, XV в. – 2, XVII в. – 12), старопечатных книг XVII в. – 292. Всего 307 книг.

Тарногский народный музей (ТНМ) – 2 рукописные книги (XV в. – 1, XVI в. – 1) и 3 старопечатные книги XVI в. Всего 5 книг.

Тотемский краеведческий музей (ТКМ), ныне – музейное объединение (ТМО) – рукописей XV в. – 1, XVI в. – 2, XVII в. – 5; старопечатных книг XVII в. – 8. Всего 16 книг.

Устюженский краеведческий музей (УКМ) – рукописей XV в. – 1, XVI в. – 10, XVII в. – 2; старопечатных книг до XVII в. – 1, XVII в. – 28. Всего 42 книги.

Харовский народный музей – одна рукопись и одна старопечатная книга XVII в. Всего 2 книги.

Череповецкий краеведческий музей – рукописей XV в. – 2, XVI в. – 19, XVII в. – 19; старопечатных книг до XVII в. – 1, XVII в. – 79. Всего 120 книг.

Кубеноозерское книжное собрание в фондах Вологодского музея насчитывало рукописей XVI в. – 4, XVII в. – 7; старопечатных книг до XVII в. – 1, XVII в. – 57. Всего 69.

Кубеноозерское книжное собрание в фондах Библиотеки Академии наук (СПб) насчитывало рукописей XV в. – 2, XVI в. – 1, XVII в. – 6; старопечатных книг XVII в. – 2. Всего 11.

Итого в музейных собраниях Вологодской области было зафиксировано 820 книг, из них 171 рукописная книга и 649 книг кириллической печати. Интересна тенденция увеличения количества книг. От XIV в. сохранилось лишь 5 рукописных книг, от XV в. – 11, от XVI в. – 49, т.е. всего 69. От XVII в. – 102 книги. Количество книг, написанных в XVII в., почти в два раза больше, чем написанных в предыдущие два века. Это и понятно. Чем древнее памятники, тем меньше их сохраняется. Но и писать в XVII в. стали больше. Как правило, это было монастырское книгописание. Монастырей же в XVII в. было больше, чем в XIV в. А чем больше написано в количественном отношении, тем больше повышается возможность их сохранения.

Это характерно и относительно книг кириллической печати. Но книгопечатание внесло свои коррективы. Оно началось с 1564 г., и на Север книги сразу начали поступать. С развитием книгопечатания книги стали быстро распространяться. Если книг, отпечатанных в XVI в., в музейных фондах отложилось 6 экземпляров, то от XVII в. до нас дошло 643 книги кириллической печати.

О книжной культуре на Русском Севере свидетельствуют состав и названия книг. Но важно понять саму духовную жизнь наших праотцов. Об этом нам красноречиво говорят записи и пометы, оставленные на страницах книг их владельцами, читателями, дарителями, покупателями, продавцами и т. д. Это своего рода голоса из прошлого. Рассмотрим бытование книги до появления книг гражданской печати.

Прежде всего, интересны по своему содержанию записи о передаче книг в храмы. Открываем рукописную книгу «Службы Страстной недели»⁷⁵⁷. В ней запись: *«Сию книгу в тетратех Страстную неделю всю написал петровский поп Июда Копытов и положил в дом всемилостивому Спасу и апостолу Христову Андрею Первозванному на Белоозеро на посад в свой приход по своих родителях безвыносно, а подписал на сей книге по его старца черного попа Ионы по его велению Васка Кункин лета 1678 года ноября в 21 день. К сей книге... черный поп Иона Копытов руку приложил»*. Из этой записи узнаём, что книгу написал петровский поп Июда Копытов и передал её в церковь Андрея Первозванного с завещанием никому не передавать, хранить «безвыносно». Поп Иона Копытов повелел Васке Кункину сделать соответствующую запись и к этой записи сам «руку приложил».

Иногда записи оставляют писцы рукописей. Об этом можно судить по одинаковому почерку самой рукописной книги и записи в ней. «Сборник богослужебный» XVII века⁷⁵⁸ содержит тропари, кондаки, богородичны, написан полууставом. Тем же почерком запись: *«Приложена сия книга в церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы что в Едоме иеродиаконом Михаилом безвыносно...»*.

Отметим записи писцов рукописных книг из собрания Вологодского музея. Среди них встречаются записи Арсения Сахарусова Комельского за 1506 г., писца Карпа с тайнописью (1549), Афиногена Аверкиева Короваева (1600) священника Ивана Аникиева (1623), Кеврольского инокa Антония Ловцова (1656), рифмованная запись чернеца Александра (1690-е) и др.

⁷⁵⁷ КБИАХМЗ РК. 55.

⁷⁵⁸ ЧКМ. 9-15; 1336/41.

По записям на страницах рукописных и старопечатных книг можно узнать о первоначальном месте нахождения книг. Так в рукописи «Ирмологий на крюковых нотах»⁷⁵⁹ имеется запись XVII в.: «Сия книга Яренской волости».

Встречаются владельческие записи разного времени. В «Сборнике каноническом»⁷⁶⁰ XV в. полууставом записано: «Преподобного отца нашего Кирила». То есть, книга принадлежала основателю Кирилло-Белозерского монастыря. От XVI в. в этой же книге две записи: «Правила ветхы» (полууставом) и «Книга Кирилова монастыря» (беглым полууставом). А далее скоропись XVII в.: «От Никоновских правил». Следовательно, книгу в ходе никоновских реформ не изъяли. Она продолжала существовать там, где была изначально. Есть там записи и более позднейшего времени, когда монастырь стал музеем. Этикетка на переплёте: «Из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. От Никоновских правил чудотворца Кирилла» № 14». Ярлык на корешке: «№ 15. Правила Никоновы (Сборник)». Таким образом, «Сборник канонический» начала XV в. превратился в «Правила Никоновы».

Записи о вкладах помещаются в разных местах. Так, в «Синодике монастырском»⁷⁶¹ записи о вкладах вещами и деньгами находятся перед поминаниями некоторых родов. Книга «Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского»⁷⁶² содержит более пространную запись: «Лета 7019 месяца декабря 15 дал сию глаголимую книгу Богослов Григорий старец Зосима митрополит бывшей московьской в Ферапонтов монастырь в ограду Белоозера своеи душе на память и своему роду, а привез от него с Каменного старецъ Феодосей Мансур при игумньстве Селиверьстове при старце при Осафе при бывшем при владыке при Ростовском». Через 21 год в книге появилась владельческая запись владыки Коломенского Давыда. Ныне хранится в фондах ВГИАХМЗ.

Довольно часты владельческие записи. Иногда в одной книге встречаются записи разных владельцев, в том числе покупателей и продавцов. Из этого следует, что книги не только хранились в монастырских библиотеках, но и «ходили» среди населения.

Есть записи, повторяющие или поясняющие название книги. В рукописи «Святцы с дополнениями»⁷⁶³ записано: «Святцы угодника

⁷⁵⁹ ВУКМ Р407.

⁷⁶⁰ КБИАХМЗ РК. 135.

⁷⁶¹ ВУКМ Р458.

⁷⁶² ВОКМ. 7283.

⁷⁶³ КБИАХМЗ РК 136.

Божия». В «Евангелии» XVI века⁷⁶⁴ записи: «*Евангелие Кирила*» (XVI-XVII в.) и по обрезу блока: «*Евангелие чудотворцово*» (XVII в.). В «Сотенной выписи на Сондужскую волость Тотемского уезда» (ТКМ, скоропись двух почерков) записано: «*Список с писцовой книги писцов Фоки Дурова (зачёркнуто) Никифора Озерова да подьячего Ивана Гордеева 195-го и 196-го года...*». В рукописной книге «Триодь постная» XVI в. записи XVII в.: «*А се книга триодь о мытаре и фарисее*». Далее неоднократно повторяется: «*Стоит град пуст, а пути к нему нет*». В рукописной книге конца XVII в. «Житие митрополита Алексия»⁷⁶⁵ записью поясняется: «*По мудрости (?) Божии и великих сия книга глаголемая житие церкви иже во святых отца нашего Алексия митрополита Киевского и всея Руси чудотворца*». Здесь же поясняющие записи XVIII в.

Иногда владельцы книг записывают не только своё имя, но и делают разного рода замечания. В «Часослове» XVII века⁷⁶⁶, написанном чётким полууставом, записано: «*Книга Феодора...*» и далее «*Без летописи*». Вероятно, Феодору был известен «Часослов», в составе которого была летопись, или она из этого сборника утрачена.

Владельческие записи свидетельствуют о принадлежности книг не только частным лицам, но и храмам. В Устюженском музее хранится книга «Шестоднев служебный»⁷⁶⁷. В ней запись: «*Сия богоглаголемая книга Рождества пречистые Богородицы домовая*» (XVI в.). В Череповецком музее в рукописной книге «Псалтирь следованная» XVI века⁷⁶⁸ читаем: «*Сия книга преподобнаго и богоносна отца нашего игумена Кирилла Новоезерскаго чудотворца*». В книге «Ирмологий» XIV века⁷⁶⁹ записано: «*Книга Ирмолог церкви Козмы и Дамиана что в Кузьминском*». В «Уставе церковном» XIV века⁷⁷⁰ запись XVII в.: «*Сии Святыцы церкви Козмы и Дамиана что в Кузьминском*».

Есть записи переписчиков книг. Например: «*Миния служебная*» на март-апрель⁷⁷¹. В ней запись: «*Во имя отца и сына и святаго духа. Списана бысть книга по повелению раба Божия Лукина*

⁷⁶⁴ КБИАХМЗ РК 4.

⁷⁶⁵ ЧКМ. 9-117; 1312/41.

⁷⁶⁶ КБИАХМЗ РК. 60.

⁷⁶⁷ УКМ. 23.

⁷⁶⁸ ЧКМ. 9-64; 361/373.

⁷⁶⁹ ВОКМ. 4377.

⁷⁷⁰ ВОКМ. 4378.

⁷⁷¹ УКМ. 46.

Кондратьевича на пользу почитающим сия книги» (XVI в.). Или: «Триодь постная» XV в., писанная мелким полууставом⁷⁷², а в ней запись: «Господи помози рабу своему попу Михаилу, писавшему книги сия Триодь».

Встречаются и повторяющиеся записи в одной книге. Так, в «Сборнике сотных выписей»⁷⁷³ несколько раз повторяется запись: «Митрополита диак Иван Карпов руку приложил». В рукописной книге «Синодик церкви Казанской Богородицы и выписи из требника»⁷⁷⁴ многократная запись: «Сия книга церькви Казанской Богородицы».

Нередки записи разного содержания, свидетельствующие о разных владельцах и читателях. Рукописная книга «Святцы с тропарями и кондаками»⁷⁷⁵, написанная полууставом, судя по записи, в XVII в. принадлежала как вкладная Шалацькому монастырю, а затем была продана за 20 копеек (неизвестно кем и кому). Более подробны записи в рукописной книге «Златоуст постный»⁷⁷⁶ XVII века: «Сия книга глаголема Беседы Белозерского уезду Судского стану села Троицкой Танищ церкви Иоанна Предтечи, а положил сию книгу... своеручно того же Белозерского уезду Урозерской волости дьячка Павла Афонасьева повелением его подписал той же Предтеченской церкви сын его крестной дьячек Иван Иванов безвыносно по себе и по родителех своих». Это запись вкладчика. А затем следует позднейшая запись читателя: «Сию книгу читал крестьянин деревни Тарасовской Иван...». Кроме того, на листах 68 об. и 156 об. – записи о смерти крестьян прихожан Предтеченской церкви с указанием дат и фамилий.

Встречаются и житейские записи, раскрывающие некоторые страницы бытовых взаимоотношений. В рукописном «Сборнике богослужебном»⁷⁷⁷ читаем: «От великого князя Василия Ивановича всея Руси в Переяславль к наместником и в Переяславский уезд к волостелем. Бил ми челом Курака Иванов сын Обросов на вас на Ушака на Васильева сына, а ищет на нем то, что ден у него положили на соблюдение шубу баранью, да сермягу белую, да кавтан крашениной, да рубашку, да порты, да десят алтын денег, а всего того грабежу на сорок алтын. Ин де того ему не отдаст». Текст явно списан

⁷⁷² ЧКМ. 9-48; 694/3.

⁷⁷³ ТКМ, скоропись нескольких почерков XVII в.

⁷⁷⁴ УКМ. 9.

⁷⁷⁵ УКМ. 15.

⁷⁷⁶ ЧКМ. 9-87; 658/12.

⁷⁷⁷ ЧКМ. 9-36; 1418/14.

с челобитной, из которой явствует, что спор между Куракой Ивановым сыном Обросовым и Ушаком Васильевым сыном разгорелся не на шутку, коли дошла весть об этом до великого князя. Здесь же вторая запись XVI в.: *«Се яз Иван да яз Посник Федоровы дети Мякишова выручили есмя у великого князя недельщика у...»*. Далее запись обрывается. Начало подобного текста записано в рукописной книге «Минья служебная на декабрь»⁷⁷⁸ XVI века: *«Государю царю и великому князю Борису Фёдорову...»*. Такие записи можно охарактеризовать как пробы пера. Копировались наиболее важные, по мнению читателя, документы. А книга служила своеобразным гарантом сохранения текста.

Записи в книгах любопытны также как источник по выявлению имён и прозвищ, в том числе славянского происхождения. Это Июда Митя Вараксин сын⁷⁷⁹; Иван Захарьиных сын Коптев⁷⁸⁰, подьячий Максим Козлов⁷⁸¹, купецкий человек Алексей Иванов сын Серебрянов⁷⁸² и др.

В Евангелии XVI века⁷⁸³ в записи XVII в. упоминаются имена 18 человек: «Савка Гончаронок, Ивашка Филипенок, Харитон Филиппович, Сидор Кузнечонок, Афанас Самонович, Яша Аксешонок, Тимоха Долмат, Кондрат Долмат, Яким Менко, Гришка Азарович, Пимаша Гарасименок, Гришка Лапенок, Улас Билминович, Артем Абражевич, Савва Кощенко, Микита Кузнечонок, Прокон Лагун подданные ясновельможного его милости пана Юрия Кароля Глебовича воеводы Смоленского».

В книгах XVII в. имеются записи более позднего времени. Например, в «Сборнике агиографическом»⁷⁸⁴ четыре владельческие записи XVIII в. Три из них (священника Матфея Тиханова, дьячка Андрея Матфеева и попова сына Фёдора Матфеева) свидетельствуют, что книга принадлежит церкви Зосимы и Савватия, что на Чурилове, а одна (без указания имени автора записи) – церкви Николая Чудотворца.

Все эти и другие записи – свидетельство повсеместного бытования на Русском Севере рукописных и старопечатных книг. Записей достаточно много. Только в книжном собрании ВГИАХМЗ

⁷⁷⁸ ЧКМ. 9-66; 649/3.

⁷⁷⁹ «Минья служебная на март» XVI в. – ЧКМ. 9-78; 649/3.

⁷⁸⁰ «Сборник богослужебный» XVI в. – ВОКМ. 4370.

⁷⁸¹ ВОКМ. 4366.

⁷⁸² ВОКМ. 1995.

⁷⁸³ ВОКМ. 7282.

⁷⁸⁴ ВКМ 11308.

и только точно датированных записей до XVIII в. более 75. В них отражается читательский интерес и в некоторой степени быт прошедших поколений.

Читателям, например, только XVII в. были известны русские агиографы XIV–XVI вв. Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, Макарий Прилуцкий, Досифей и Вассиан Соловецкие, Иродион Свирский, а также сочинители историко-публицистических повестей и сказаний Симеон Суздальский, Иоанн Новгородский, Нестор Искандер, Паисий Ярославов, Спиридон-Савва, Иосиф Волоцкий, Корнилий Комельский, Иван Пересветов, Максим Грек, Ермолай Еразм, инок Филофей, Зиновий Отенский, патриархи Московские Иов и Гермоген. Известны и авторы книг XVII в. Это Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Арсений Суханов, Исаяя Копинский, а также основоположники староверия Аввакум Петров, инок Авраамий, диакон Фёдор Иванов, Феоктист Анзерский и др. В постоянном обиходе были Жития святых, Минеи служебные, а также монастырские и церковные синодики.

Наиболее значительна группа синодиков в собрании ВГИАХМЗ, в том числе Корнилиевско-Комельского, Дионисиева Глушицкого, Ферапонтова и Спасо-Прилуцкого монастырей. Поминания основателей староверия содержит Выговский синодик. Есть и родовой синодик вотчинников Вологодско-Белозерского региона князей Шелешпанских.

На основании сохранившихся рукописных и старопечатных книг можно представить круг чтения людей, живших в прошедшие века, и среду бытования книги. Если проследить зафиксированные в записях случаи купли-продажи книг, можно восстановить историю обращения конкретных списков или старопечатных изданий в читательской среде. Часто в записях отражаются множественные переходы книги из рук в руки, причём иногда в течение короткого времени. Так, Евангелие 1656 года⁷⁸⁵, написанное чётким полууставом, содержит 8 записей и до начала XVIII в. сменило 6 владельцев. Интересно, что в пятой записи после того, как книга была перепродана Харкой Ловцовым Кондратью Кошкину, появляется запись Ивашки Дмитриева: «Сия книга глаголемая Евангелие на престольное... не продажна и не закладна». Однако, после этой категоричной записи Евдоким да Илья Дмитриев продали книгу Анкудину Ануфриеву сыну Попову. После очередной перепродажи книгу купил строитель Веркольского монастыря Антоний и заещал её Киприяну Гаврилову с братьями.

⁷⁸⁵ ВОКМ. 7281.

Иногда, в нарушение установленных правил, церковные и монастырские книги продавались частным лицам. Например, Пролог на сентябрь-февраль за 1620-е годы⁷⁸⁶ купил Яков Иванович Загрязский в Петровском монастыре у чёрных попов Филарета и Тихона. Ещё один Пролог⁷⁸⁷ казённой церкви Успения пресвятой Богородицы из Залесья церковный приказчик Семён Иванов Лыжин продал Гурию Евсееву. Потом книга перешла архангельскому мещанину Акиму Борисову сыну Заворина, а в XVIII в. книгой владел уже некто Воронцов Патьвин.

«Вологодская программа» зафиксировала хранящиеся в областном и районных музеях памятники письменности и вместе с тем выявила многие памятники, прежде всего рукописи и старопечатные книги, которые в изданных Каталогах не значатся. Это свидетельствует о том, что Вологодская область обладает уникальными книгами, то есть существующими в единственном экземпляре. Ни в каких иных хранилищах их нет. Для примера. Только в одном областном музее и только относительно старопечатных книг зафиксировано наличие представительного собрания из 613 единиц хранения. Среди них «есть не только уникальные и весьма редкие (хранящиеся в одном-двух национальных хранилищах), но и не известные до сего времени в научной библиографии, проливающие дополнительный свет на историю отечественного книжного дела»⁷⁸⁸.

Изданный Каталог-путеводитель не только уникальное явление в стране, не только раскрывает содержание памятников письменности по каждому музею, он ещё и дополнен разнообразными указателями, что позволяет свободно ориентироваться в книжном наследии Вологодской области, но и находить новые темы научного исследования. В каждом томе помещаются указатели авторов, названий места и времени происхождения, географических названий, личных имён, точно датированных записей, украшений переплётов, библиотек и книжных собраний, рукописных вставок. Кроме всего прочего даются ещё и перекрёстные ссылки на места хранения рукописей, книг, документов.

Важно и то, что Каталог-путеводитель имеет практическое значение. Выявленные памятники публикуются в различных изданиях, используются в научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работе. Так, например, дневник крестьянина

⁷⁸⁶ ВОКМ. 16677.

⁷⁸⁷ ВОКМ. 11870.

⁷⁸⁸ ППМВО. Ч. 2; Вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В.В. Морозов.– Вологда, 1985. С. 10.

А. А. Замараева был опубликован дважды⁷⁸⁹ и цитировался в научных статьях многожды⁷⁹⁰. На его основе защищены диссертации в Московском государственном историко-архивном институте и Парижском университете Сорбонна. Тотемский краеведческий музей изучает среду бытования, описываемую в дневнике, использует информацию для публикаций в научных изданиях⁷⁹¹ и музейных экспозициях.

Итак, материалы «Вологодской программы» свидетельствуют не только о бытовании книг на Русском Севере, но и о существовании книжной традиции. Книга была в обиходе не только в монастырской, дворянской, мещанской, но и в крестьянской среде. Книга представляла собой не только объект чтения, но и средство общения, о чём красноречиво говорят записи.

В целом книжное собрание, зафиксированное в музеях Вологодской области, является важным и весьма любопытным источником по изучению культурного наследия. Книги, отражающие культурное наследие, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно высокой культуре на Русском Севере, а с другой – характеризуют духовный облик прошлых поколений.

Сама же «Вологодская программа» и изданный по её результатам Каталог-путеводитель в пяти частях являются ярким примером фиксации культурного наследия и его сохранения.

⁷⁸⁹ Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 / Публ.: В. В. Морозов, Н. И. Решетников. М., 1995. (Библиотека Российского этнографа); Дневник готемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 / Публ., коммент.: В. В. Морозов, Н. И. Решетников // Тотма: Историко-краеведческий альманах. Вып. 2.– Вологда: «Русь», 1997.

⁷⁹⁰ См., например: Решетников Н. И. Искусство крестьянского бытописания // Послужить Северу: историко-худож. и краев. сб.– Вологда: Адвистура, 1995.– (там имеются ссылки на другие работы).

⁷⁹¹ Записи дневника широко использованы при подготовке книги «Первая мировая война в восприятии крестьян Русского Севера».

МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ СЕВЕРУ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

За более чем 300 лет своей истории Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН стал хранилищем предметов традиционной культуры многих народов мира. Основанный Петром Великим в 1714 году музей как собрание различных редкостей со временем превратился в крупнейшее собрание по народам России. Значительную роль в формировании фонда отдела Европы сыграл директор музея академик В.В. Радлов (1894–1918 гг.), который организовал планомерное пополнение европейского фонда восточнославянскими материалами, значение которых для этнографической науки учеными в то время еще недооценивалось. *«Прекрасный организатор, подлинный «ловец людей», он обладал талантом практика в отыскании «путей и средств». С таким талантом, умноженным счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления ему удалось добиться, совершенно, исключительных результатов»*⁷⁹². В их числе имеется и некоторое количество предметов (вещевых и иллюстративных) по данному региону⁷⁹³.

⁷⁹² Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова / Ко дню 70-летия В.В. Радлова. – СПб., 1907. – С. 60.

⁷⁹³ Станюкович Т.В. Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР. // Из культурного наследия народов России. – Л. 1972. – С. 5–31. (Сборник МАЭ. Т. XXVIII) Станюкович Т.В. К истории комплектования восточнославянского фонда МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Л. 1980. – С. 10–16 (Сборник МАЭ. Т. XXXV); Станюкович Т.В. Памятники материальной культуры народов Европейской части СССР и зарубежной Европы // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. – Л., Наука, 1982. – С. 145–152. (Сборник МАЭ Т. XXXVIII.); Станюкович Т.В. и др. Каталог коллекций отдела Европы МАЭ // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1982. С. 153–191. (Сборник МАЭ Т. XXXVIII.); Лаврентьева Л.С. Каталог иллюстративных коллекций отдела Европы МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. XLV. – СПб.: Наука, 1992. С. 180–206.

Наиболее исследованной из коллекций по Русскому Северу из собрания МАЭ являются сборы А.В. Журавского⁷⁹⁴. Это было связано с тем, что его сборы начала XX в. являются по количеству предметов наиболее крупным собранием нашего музея по данному региону. Его деятельность в 1905–1914 годах в качестве исследователя, работавшего на пересечении различных наук на Русском Севере, вызывала неоднозначное мнение, но, тем не менее, стимулировала новый всплеск интереса к всевозможным разысканиям в этом регионе. Сам А.В. Журавский в эти годы посетил почти все населенные пункты Печорского и Мезенского уездов. Нельзя сказать, что фигура А.В. Журавского не привлекала исследователей раньше. Сведения о нем присутствуют в некоторых справочниках, появлялись специальные статьи, рассматривавшие его как разностороннего исследователя⁷⁹⁵. Современники по-разному относились к деятельности А.В. Журавского, его имя часто мелькало на страницах северной прессы, вызывало неодинаковую оценку у многих государственных, общественных и частных лиц.

Впервые его имя появляется в отчетах музея в 1905 г., когда упоминается «русская одежда из Печорского края» от студента А.В. Журавского. В 1907 г. он уже был назван «неутомимым корреспондентом». Именно в эти годы он начинает активно сотрудничать с различными музеями Императорской Академии наук, в том числе и с МАЭ⁷⁹⁶. Всего от него в МАЭ поступило 941 №№,

⁷⁹⁴ Терюков А.И., Лаврентьева Л.С. А.В. Журавский и его коллекции по традиционной культуре русского населения Архангельской области (по коллекциям МАЭ) – Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России.– СПб. 1992.– С. 62–74; Терюков А.И. Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3.– СПб. 1993.– С. 254–265; Терюков А.И. А.В. Журавский и его коллекции по русским старообрядцам // Коллекции по отделам Европы: Выставочные проекты. КATALOGИ. Исследования.– СПб. Наука. 2008. (Сборник МАЭТ. LIV).– С. 88–108.

⁷⁹⁵ См., например: Русские ботаники: Словарь.– М., 1950. Т. 3.– С. 304–305; Вавилов П.П. Пионер северного земледелия (А.В. Журавский. 1882–1914). Из истории русской агрономии // Советская агрономия. 1951. № 4. С. 82–84; Кочедыкова М.М. Зигзаги судьбы исследователя Печорского севера А.В. Журавского // Диалоги со временем. Вып. 55. 2016. С. 361–367; Носов Я.Н. Подвиг ученого (К 110-летию со дня рождения А. Журавского).– Усть-Цильма, 1992.– 58 с.; Роцевская Л.П., Роцевский М.П. А.В. Журавский.– Сыктывкар, 2001. (Серия академик М.П. Роцевского «Вспоминая XX век». Вып. 5).– 67 с.; Терюков А.И. Андрей Владимирович Журавский. Жизнь и идеи. // Русская наука в биографических очерках.– СПб. 2003. С. 73–83; Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.– СПб. МАЭ РАН. 2011. С. 132–139.

⁷⁹⁶ Кочедыкова М.М. Сотрудничество А.В. Журавского с Императорской Санкт-Петербургской Академией Наук // Документальное наследие России. Теория и практика сохранения и использования научных фондов.– Сыктывкар. 2013. С. 346–352.

967 предметов (МАЭ РАН. колл. 935, 1011, 1012, 1036, 1101, 1226, 1877) с территории Печерского и Мезенского уездов Архангельской губернии, большая часть которых происходит из Усть-Цильмы и окружающих деревень. Усть-Цильма известна как центр старообрядчества, его жители веками сохраняли здесь самобытную народную культуру древнего Новгорода и местную рукописную традицию. В начале XX в. в Усть-Цильме, как и во многих русских селениях на Севере, еще не нарушалась господство старинной традиции: деревня была деревянной. Именно дерево было тем материалом, из которого изготовлялось все то, что нужно было для жизни крестьянину. Как заметил один из исследователей старой русской деревни В. Воронов, «жилище, обстановка, средства передвижения, посуда, утварь, орудия труда, предметы культа и т. д., все вещественное бытовое и хозяйственное окружение крестьянина – от зыбки и игрушки до гроба и намогильного креста – имело своим широким и почти исключительным материалом дерево»⁷⁹⁷. Коллекция А. В. Журавского показывает, что жители этого села владели многими техниками обработки дерева: долбление, вытачивание на станке, сборка из клепки, плетение из бересты, щепы и корня деревьев и веток. Очень часто предметы украшались треугольно-выемчатой резьбой и росписью разноцветными красками. Особо было принято украшать прялки-корневухи, изготовленные из цельного куска дерева, имеющего естественный изгиб. Так, например, из Усть-Цильмы в данном собрании происходят 60 прялок. К ним примыкает значительное количество образцов веретен. В сборах А. В. Журавского имеется некоторое количество предметов, украшенных знаменитой пижемской росписью. Вызывает удивление то, что в коллекции А. В. Журавского отсутствует керамическая посуда, ибо она, как и металлическая, повсеместно использовалась для приготовления пищи. Особо следует отметить существенное число самых разнообразных детских игрушек, включая самодельные куклы. Большой интерес для исследователя представляют образцы традиционной женской одежды, а также шелковых покупных тканей, которые шли на их изготовлении. Кроме того, им было привезено и некоторое количество культовых предметов, в первую очередь лестовок и как нательных, так и напрестольных крестов. Суммируя данные по коллекции, можно сказать, что на ее основе может быть организована значительная выставка по традиционно-бытовой культуре северорусских старообрядцев.

⁷⁹⁷ Воронов В. Народная резьба.– М., 1925. С. 5.

Ружье с ударным кремневым замком. Ложа расписная, пижемская роспись. На ложе имеется надпись «1890 гоме(ся)ца июль 15 чи(с)ла сию ложъ делал Емельянь Чуркинъ». МАЭ РАН. 1036-244

Поэтому собрание А. В. Журавского представляет собой колоссальный научный интерес, ибо дает нам определенный срез оригинальной региональной народной культуры начала XX века. В составе этих коллекций предметы традиционной одежды, бытовая утварь, хозяйственные инструменты, приспособления для охоты и рыболовства, детские игрушки, предметы народного искусства, сакральные предметы и т. д.⁷⁹⁸

Из этого же района происходят сборы Н. Н. Травина (МАЭ РАН. 2911. 413 №№, 435 предметов). Они поступили в МАЭ в 1923 г. из Печерского уезда Архангельской области. Дмитрий Дмитриевич Травин (?–1942) этнограф, ученик Л. Я. Штернберга и В. Г. Бого-раза-Тана по этнографическому отделению Географического института. Окончил 7 гимназию в С.-Петербурге. Учился на Балканском отделении Восточной академии в Риге (до 1914). Состоял слушателем Высших биологических курсов им. П. Ф. Лесгафта (1917–1919). Окончил Этнографическое отделение Ленинградского государственного университета (1926). Занимался изучением населения Севера России⁷⁹⁹. Коллекция была собрана им в ходе

⁷⁹⁸ См., например: Гаген-Торн Н. И. Судовые флюгера «сорочки» // Сборник МАЭ. Т. XX.– Л., 1961.– С. 75–88; Гаген-Торн Н. И. Деревянная утварь Усть-Цильмы. (По коллекциям ленинградских музеев) // Сборник МАЭТ. XXI.– Л., 1962. С. 65–77. Некоторые предметы данной коллекции из фондов МАЭ использовала Бернштам Т. А. в своей статье «Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье: XVIII–XX вв. // Коллекции по отделам Европы: Выставочные проекты. Каталог. Исследования.– СПб. Наука. 2008. С. 144–202. (Сборник МАЭТ. LIV).»

⁷⁹⁹ Каменецкая Р. В. Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР.– Л., 1982. С. 95–97. (Сборник МАЭТ. XXXVIII).

работы Обско-Печорской этнографической экспедиции, организованной Северной научно-промысловой экспедицией совместно с Географическим институтом в 1921 из числа студентов старших курсов⁸⁰⁰. Экспедиция работала в регионе до 1926 г. Д. Д. Травин вместе со своим братом Н. Д. Травиным и Э. А. Дылевским составили Печорский этнографический отряд этой экспедиции. Она должна была работать в низовьях Печоры и Оби, среди местного русского населения. Собранные материалы должны были послужить сравнительному изучению русских поселений в устьях северных рек от Двины и Печоры до Колымы и Анадыря⁸⁰¹. Д. Д. Травин предполагал заниматься составлением словаря местного русского наречия, народно-медицинского календаря, духовной и общественной жизни, Э. А. Дылевский – изучением материальной культуры и экономики местного населения, Н. Д. Травин – производить фотографирование и рисунки предметов материальной культуры. В с. Усть-Цильма им был создан Северный областной краеведческий музей на основе сохранившихся в Усть-Цильме сборов А. В. Журавского, дополненных своими приобретениями. После завершения работ в Усть-Цильме он вывез большую часть коллекций этого музея в Ленинград. Позднее Р. Д. Самойлович писал об их работе: «...нельзя не указать на тяжелые условия, в которых приходилось работать отрядам: на голодном пайке (вследствие запаздывания выдачи продовольствия), в рванной обуви научные работники с редким самоотвержением исполняли добровольно взятые на себя обязанности»⁸⁰². Д. Д. Травин опубликовал несколько работ, посвященных Европейскому Северу, в которых коснулся и описания усть-цилемцев и коми-ижемцев и сложного вопроса этнокультурных взаимоотношений в данном регионе⁸⁰³. Кроме того, от его имени в музей поступила коллекция негативов (МАЭ РАН 3301,

⁸⁰⁰ Опись коллекций, собранных Печорским этнографическим отрядом в 1921 г. на Печоре.– Архангельск. 1922.– 52 с.

⁸⁰¹ Бюллетень Географического института. 1921. № 2.– С. 6; Бюллетень Географического института 1922. № 5–6. – С. 6–7; Географический вестник. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 27; 1923. Т. 2. Вып. 1. С. 146; Труды Северной научно-промысловой экспедиции.– Пгр. Вып. 14. 1922. С. 85.

⁸⁰² Труды Северной научно-промысловой экспедиции.– Пгр. Вып. 14. 1922.– С. 5.

⁸⁰³ Травин Д. Д. Задача этнографических работ на Печоре.– Архангельск. 1921.– 25 с.; Травин Д. Д. На северной Печоре. Очерк // Изв. Географического института.– Пгр. 1922. Вып. 3.– С. 84–8; Травин Д. Д. Артельное начало на Русском Севере // Красная деревня. 1923. № 7; Травин Д. Д. Наважий помysel на Мезени // Красная деревня. 1923. № 16; Травин Д. Д. Игра в «бачу» // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР.– Л., 1926. С. 197–198.

107 шт.), выполненную, по видимому его братом, Н. Д. Травиным. На ней запечатлены крестьяне с. Усть-Цильмы, бытовые сцены, в частности «посидки»-вечерки, жилища, уличная торговля и т. д.

Как уже было отмечено выше, А. В. Журавский и Д. Д. Травин работали в одном районе Русского Севера с разницей 10–15 лет, поэтому в их сборах много однотипных вещей. И исследователи часто в своих работах используют коллекционные предметы обоих собирателей⁸⁰⁴. Завершая краткий экскурс в описание сборов А. В. Журавского и Д. Д. Травина, следует отметить еще один момент. Более 170 предметов из этих коллекций в 1910-е и 1920-е годы были переданы по обмену в Гамбургский этнографический музей, а МАЭ получил оттуда ряд африканских и индонезийских коллекций⁸⁰⁵.

Менее для исследователей известны сборы Н. А. Шабунина. В общей сложности в МАЭ от него поступило 150 предметов и 150 фотографий (колл. 893, 894, 974) из его сборов в Мезенском уезде Архангельской губ.

Николай Авенирович Шабунин (1866–1907) был выходцем из семьи священника Мезенского уезда. Окончил Императорскую Академию художеств, ученик И. Е. Репина⁸⁰⁶. Его кисти принадлежит ряд картин на тему жизни русского полководца А. В. Суворова В 1904–1907 гг. он сотрудничал с МАЭ и по заданию музея совершил несколько поездок по Архангельской губернии, в том числе по родному Мезенскому уезду. В 1904 г. от него поступила коллекция из 35 предметов, в которую вошли только предметы церковного культа: иконы, ризы, покрывала, епитрахили и т. п. Они прекрасно характеризуют церковную утварь северного приходского храма. Некоторые из них датируются второй половиной XVIII века, а возможно, и более ранним временем. Кроме того, в МАЭ поступила

⁸⁰⁴ Например, см.: Бернштам Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX века (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев) // Из культурного наследия народов России. – Л. 1972. – С. 62–98. (Сборник МАЭ. Т. XXVIII); Алексеева О. В. Бачевые палки – памятники художественной культуры Печорского края // Народное искусство. Материалы и исследования. Вып. III. – СПб., 2012. С. 49–56.

⁸⁰⁵ Станюкович Т. В. К истории комплектования восточнославянского фонда... С. 16.

⁸⁰⁶ Лаврентьева Л. С. Н. А. Шабунин и его коллекции в Кунсткамере // Радловские чтения-2004 : тез. докл. / РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 116–118; Вехов Н. В. «Искренний, скромный, настойчивый деятель»: о ныне забытом художнике, путешественнике, исследователе Русского Севера Николае Авенировиче Шабунине (1866 – 1907) // Московский журнал. – 2015. – № 7. С. 2–23: фот. цв.

коллекция, в которой представлена женская и мужская одежда, женские и девичьи головные уборы, украшения, пояса, а также несколько предметов бытового назначения; каталка, скалка, огниво, швейка, образцы пестрядиной льняной ткани. Все предметы собирались у русского населения Мезенского уезда. Опись составлял сам собиратель. Будучи человеком наблюдательным и дотошным, каждую приобретенную для Музея вещь он тщательно описывал. Так, в описи, которая хранится в музее, мы читаем: «Одевается молодыми женщинами и девицами, идя в церковь, на свадьбах и на церемонии катания с гор в Масленицу», а про штофный сарафан он писал – «одевался в праздничные дни, на свадьбы и в хороводы»⁸⁰⁷. Описывая дубовый крест – «надворотник», Н. А. Шабунин указывал – «кресты надворотники укреплялись на наружной стене над входом в дом», про «резной кружок» он записал, что им печатался рисунок на ржаных «пряниках», выпекаемых на Рождество для угощения колядующих, и т. д.

Для современного исследователя очень интересны его письма в МАЭ, которые содержат крайне любопытные этнографические наблюдения об этнокультурных контактах на Русском Севере. Они являются прекрасным дополнением к его книге «Северный край и его жизнь»⁸⁰⁸.

Его иллюстративная коллекция включает фотографии с видами г. Мезени, с. Юрома, с. Ущелье и т. д. На них запечатлены типы местных жителей, некоторые их обычаи, домашние занятия, постройки, внутреннее убранство местных церквей⁸⁰⁹. Так как он был профессиональным рисовальщиком, им были сделаны ряд рисунков историко-бытового характера, которые так же хранятся в нашем музее⁸¹⁰. По словам Н. В. Вехова, «Одно из главных достоинств фотографий Н. А. Шабунина, сделанных им там, где побывал художник-путешественник, – уникальная достоверность и непревзойдённое значение этих фотодокументов для познания образа

⁸⁰⁷ Лаврентьева Л. С. Женская одежда русских в фотографиях Н. А. Шабунина и М. А. Круковского (из коллекций МАЭ РАН) // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры / РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб., 2014. – 102-111. – (Сборник МАЭ; т. 59).

⁸⁰⁸ Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь (путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии). – СПб., 1908. 2. II. – 44 с.

⁸⁰⁹ Об этом см.: Шабунин Н. А. Древние церкви по реке Мезени // Зодчий. – 1906. – № 10. С. 91–93: ил.; № 11. С. 97–98: ил.

⁸¹⁰ Как фотографии и рисунки Н. А. Шабунина, так и другие иллюстрации отдела можно увидеть на сайте МАЭ по адресу: <http://www.kunstkamera.ru/lib/gubrikator/>

Шабунин Н. А. Церкви и часовни по Мезени и Пинеге.
Бумага, тушь, перо. МАЭ РАН. 894-6

жизни архангельской глубинки. Так, например, зафиксированные им в это время храмы и часовни являются уникальными источниками по церковной истории региона, ибо большая часть их исчезла в советское время»⁸¹¹.

Не имея возможности рассказать обо всех собирателях коллекций МАЭ по Русскому Северу, в завершение этого очерка остановимся на собрании предметов, поступивших в музей от М. А. Круковского. Михаил Антонович Круковский (1865–1936) – русский писатель, переводчик, географ и этнограф, издатель. Многие годы занимался популяризаторством географии, поэтому совершил ряд

⁸¹¹ Вехов Н. В. «Искренний, скромный, настойчивый деятель»...

путешествий по России. В 1899 г. он побывал в Петрозаводском, Олонецком и Повенецком уездах. В сфере его интересов были русские и карелы этих районов. Итоги этой поездки он опубликовал в своей книге «Олонецкий край. Путевые очерки»⁸¹². Эта книга стала одним из основополагающих источников при изучении советскими исследователями народного искусства Карелии. Позднее он издал книгу «По родному северу», в которой еще раз возвратился к Русскому Северу⁸¹³. Он самостоятельно обучился фотографическому процессу и в своих путешествиях много фотографировал. В МАЭ и Российской национальной библиотеке хранятся многие его фотографии. В МАЭ его фотоколлекция зарегистрирована под номером МАЭ РАН 1363 и содержит 286 фотографий⁸¹⁴. Кроме того, от него из этой поездки поступила большая вещевая коллекция (МАЭ РАН. 504, 87 №№, 105 предметов). М. А. Круковский считал, что предметные и иллюстративные коллекции взаимосвязаны друг с другом, они дополняют друг друга, ибо фотография фиксирует жизнь предмета в реальной жизни. Это он считал крайне важным, так как по его мнению, «Пройдет несколько лет, исчезнут жемчужные кокошники и серьги, вместе с лесом исчезнут следы промыслов, изменится вместе с природой даже самый тип человека, и ничего не останется увековеченным, записанным в книгу жизни народов».

Последним по времени крупным поступлением по традиционной культуре по Русскому северу в МАЭ были сборы сотрудников отдела восточнославянской этнографии Ленинградской части Института этнографии АН СССР (сегодня – отдел этнографии восточных славян и народов Европейской части МАЭ РАН), работавших по обследованию локальных групп Двинско-Важского бассейна. Экспедиция работала под руководством Т. А. Бернштам. Некоторые материалы этой экспедиции были опубликованы в сборнике

⁸¹² Круковский, М. А. Олонецкий край: Путевые очерки. С 115 рис. худож. Н. Н. Герардова и др. по фот. авт.– СПб.: Изд. Петербург. учеб. магазина, 1904.– 260 с.: ил.

⁸¹³ Круковский М. А. По родному северу. Рассказы по родиноведению. М., И. Д. Сытин, 1914.– 200 с.

⁸¹⁴ Более подробно об этом см.: Лаврентьева Л. С. Иллюстративные коллекции М. А. Круковского // Радловский сборник.– СПб., 2007.– С. 273–279; Лаврентьева Л. С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9.– СПб., МАЭ РАН, 2009.– С. 6–16; Ушаков Н. В. Карельская фотоэкспедиция МАЭ РАН 2008 г. По следам собирателя М. А. Круковского (технические и методические вопросы) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9.– СПб., МАЭ РАН, 2009. С. 204–212.

«Русский Север»⁸¹⁵. В составе этого собрания (МАЭ РАН колл. 6931, 6925, 6962, 258 №№, 482 предмета) имеется 90 художественно-бытовых вещей, в том числе расписных и резных 95 прялок⁸¹⁶.

Назанян Карина Георгиевна,
ФБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»,
Одинцов Алексей Михайлович,
ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств»,
г. Санкт-Петербург

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья основана на исследовательском и практическом опыте авторов, а также на современных публикациях, посвящённых взаимодействию Русской Православной Церкви и отечественных учреждений культуры. Актуальность статьи обусловлена полемикой, связанной с инициативой Церкви подвести Кирилло-Белозерский музей-заповедник «под монастырь»⁸¹⁷.

Заявленная тема, безусловно, претендует если не на отдельное диссертационное исследование, то на пространную статью. Авторы (теоретик, занимающийся историей вопроса, и практик, занимающийся в церковной реставрации на протяжении многих лет) в представляемой статье обобщают имеющийся опыт и рассматривают, согласно современной терминологии, кейс, связанный с Кирилло-Белозерским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником.

Принимая во внимание слова мэтра музейного дела М.Б. Пятковского, который является одним из тех, кто формирует общественное мнение на заданную тему, в настоящее время «мы

⁸¹⁵ Русский Север. К проблеме локальных групп / МАЭ РАН. СПб. 1995.

⁸¹⁶ Об этих коллекциях см.: Новикова В.В., Финченко А.Е. Новые поступления в МАЭ из Архангельской и Вологодской областей // Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб. 1992. С. 92–110 (Сборник МАЭ. Т. XXXXV).

⁸¹⁷ Пешков В. Подвели под монастырь // Областная общественно-политическая газета «Премьер» от 16 августа 2018 года. [сайт]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/article/podveli-pod-monastyr-2> (Дата обращения: 20.12.18).

разучились думать сложно»⁸¹⁸. Смотря на процессы с точки зрения развития истории науки, то есть с позиций постнеклассического периода науки, идеалами которой являются синергетический тип мышления, сочетание объективного и ценностного подходов, преодоление разрыва между точными и гуманитарными науками, мы не боимся размышлять.

Рассматривая вопрос отношения Церкви к культурному наследию, закономерно обратиться к истории вопроса и рассматривать его как поступательное движение: накопление, генерация культурных ценностей самой Церковью и сохранение их в рамках исполнения Церковью её евангельского предназначения. Этот подход идёт в русле исследований, которые отражают роль Церкви в развитии и формировании культуры. Это неизбежно приводит к критике Советского периода, которая достаточно широко отражена в современных публикациях на эту тему.

Современное отношение Церкви к культурным ценностям и культурному наследию (мы говорим об отношении духовенства с учётом того, что оно не может не зависеть от личных и/или профессиональных качеств, региона и других факторов) свойственно и всему Синодальному периоду.

И тогда, и сейчас мы имеем различное отношение к предметам, обладающим богослужебной, религиозной и художественной ценностью. Не имея возможности полноценно развиваться на протяжении почти ста лет (так называемых лет атеизма), находясь в состоянии реформирования, гонений и адаптации к постоянно меняющимся реалиям жизни, Церковь сосредотачивалась на борьбе за непрерывность богослужебной деятельности, не имея возможность выстраивать новый тип отношения к культурным ценностям, нежели сформированный к началу Первой мировой войны.

Даже само понятие «культурная ценность» воспринимается духовенством скорее как технический термин. Смирясь с тем, что светское государство называет святыню объектом декоративно-прикладного искусства, а монастырскую обитель – архитектурным памятником, принимая на вооружение подобную терминологию, духовенство скорее отдаёт интеллектуальное кесарево кесарю, нежели берет на вооружение культурологический аппарат, разработанный гуманитарной наукой в XX веке.

⁸¹⁸ Диалог Михаила Пиотровского и Михаила Швыдкого об искусстве, культуре и войне, приуроченный к Дню Победы от 10.05.18. // YouTube [видеохостинг]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CH6Up2V1YhQ>.

И хотя Церковь относится к своему имуществу не как к культурному наследию (и это стоит воспринимать как данность в связи с вышеуказанными причинами), мы прекрасно понимаем, что большую часть отечественного культурного наследия составляют артефакты истории Русской Церкви. Соответственно, необходимо через анализ традиций и возвращение к мысли о том, что сохранение культурного наследия – живое церковное Предание⁸¹⁹, помочь осознать внебогослужебную ценность сакрального, тем самым способствовать формированию сверхмотивации сохранять материальную культуру.

Недостаток подобной рефлексии, который обусловлен историческими обстоятельствами, не только препятствует привлечению новых членов Церкви из числа представителей гуманитарных наук, но и наносит урон объектам культурного наследия, находящимся в пользовании Церкви. Зачастую мы являемся свидетелями того, что выбор специалиста основывается не на его профессиональной подготовке⁸²⁰, а исходя из степени воцерковленности. Вера в то, что Господь не попустит ошибиться при работе над святыней, важнее, чем химический или биологический анализ, а благословение священника ценнее иконографического исследования. Отношение к иконе как к живому носителю образа, важному и актуальному сегодня для прихожан и клира конкретного храма, вступает в острое противоречие с необходимостью выявления оригинального сюжета или авторского слоя при научной реставрации. Несмотря на положительное отношение священноначалия к результатам реставрации иконы Божией Матери «Одигитрия» (Смоленской) прихожане старшего поколения болезненно отреагировали на утрату привычного образа: «Лик, который восстановлен по всем правилам научной реставрации (некоторые утраченные фрагменты иконы не восстановлены и не затонированы), оказался совсем иным, не таким, к которому привыкли почитатели иконы в 20 веке»⁸²¹.

⁸¹⁹ Церковный древлехранитель: методическое пособие по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства / [Тихон (Шевкунов), архим. и др.]. – М., 2015. 261, [2]. С. 8–13.

⁸²⁰ Методические рекомендации по сохранению недвижимых объектов культурного наследия религиозного назначения. М., 2018. // Монастырский вестник. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://151722.selcdn.ru/monasterium.ru/iblock/c4e/c4e0808dc0b4fa42d54191ad56d6a889/Rekomendatsii-EDKH1.pdf> (Дата обращения: 20.12.18).

⁸²¹ Яковлева Е. Отреставрирована Смоленская икона Божией матери 28 января. // Российская газета [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/01/28/ikona-site.html> (Дата обращения: 20.12.18).

Разница подходов проявляется и в отношении к сохранению архитектурных памятников. Представителю Церкви важно спасти функцию здания (богослужebную), а не заниматься научной реставрацией. Закрепление бетоном бутового фундамента – преступление с точки зрения реставрации и консервации, но это – спасение для деревянной церкви, которая стояла на этом расположенном фундаменте. Приведённый пример вызвал серьезное осуждение со стороны местного органа охраны памятников. Но с точки зрения теории относится к художественной реставрации, а распространённая церковная реставрация является частью стилистической, которая в настоящее время переживает подъём и на светских объектах. Тому примером может служить воссоздание Царицынского дворца в Москве (2003–2004 гг.), к его форме можно отнести «диджитальный анастилоз», представленный восстановленной Фрауэнкирхе в Дрездене 1993–2005 гг., и фрагментарную реставрацию Нового музея в Берлине 1997–2009 гг.⁸²²

Попробуем рассмотреть проблему на примере передачи части имущественного комплекса Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника православной местной религиозной организации Архиерейское подворье «Ферапонтов монастырь»⁸²³. Ситуация, благоприятно развивавшаяся в последние годы для музея, не могла не привести к интересу Церкви к этим объектам. В этот момент не важен ретроспективный взгляд – были ли спасены фрески благодаря приостановке богослужebной деятельности в этих храмах и насколько велик вклад нынешнего руководства музея в создание условий для сохранения наследия Русского Севера для будущих поколений. Речь идёт о том, что развивающийся Институт Церкви должен был рано или поздно обратить внимание на этот монастырь, а, значит, те, кто по-настоящему заботятся о сохранении культурного наследия, должны работать не только над укреплением материально-технической и научной базы музея, но и задуматься над тем, кто может прийти им на смену. Будут ли эти люди пользоваться системой контроля температурно-влажностного режима (ТВР), регулировать посещаемость объекта культурного наследия и пр.

⁸²² Arzamas.academy Курс № 12 Архитектура как средство коммуникации. Как оставлять старое старым URL: <https://arzamas.academy/materials/487> (Дата обращения: 16.11.18).

⁸²³ Стариков Е. В Ферапонтово возвращается монашеская жизнь // Красный Север. Вологодская областная газета. [сайт]. Режим доступа: [<http://krassever.ru/article/v-ferapontovo-vozvrashchayet-sya-monasheskaya-zhizn>] (Дата обращения: 15.11.18).

Если мы выводим предмет спора музея и Церкви из области взаимодействия хозяйствующих субъектов в сферу обеспечения мер по сохранности памятников истории и культуры, то стоит обратить внимание на то, что требует закон с нового пользователя памятника. Закон⁸²⁴ требует только лишь соблюдения мер, прописанных в охранном обязательстве (с недавних пор – распоряжение об охране).

Казалось бы, этого достаточно, но для музеев закон⁸²⁵ указывает спектр работ, связанных с выявлением, сохранением, изучением, учётом и популяризацией памятников. Подобного закона для религиозных организаций не существует, а их устав сосредоточен на деятельности богослужебной. Значит, передавая объект культурного наследия в религиозную организацию, мы по закону лишаем памятник всего спектра «услуг», который был бы ему оказан музеем. Требовать подобного от религиозной организации – как бы лояльно она ни была настроена к деятельности музея и уважительно к его сотрудникам – невозможно. В этой связи чрезвычайно показателен опыт Касимовской епархии, управляемой митрополитом Рязанским и Михайловским Марком⁸²⁶. Созданная им епархиальная комиссия по строительству, реставрации и сохранению вещественных памятников церковно-исторического наследия предписывает настоятелям храмов-музеев исполнения обязанностей, во многом схожими с теми, которых мы считаем идеальными, рассуждая о передаче особо охраняемых культурных ценностей Русской Православной Церкви. Таким образом, говорить необходимо о системном подходе и особой кадровой политике, которая должна внедряться при обсуждении передачи уникальных объектов.

С 2014 года в Церкви действует институт древлехранителей, проводятся семинары и конференции, поясняющие порядок пользования, режим эксплуатации, раскрывающие суть заключенной в охранном обязательстве фразы «обеспечить сохранность предметов охраны». В числе подобных инициатив мы можем представить

⁸²⁴ Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

⁸²⁵ Федеральный закон № 54 «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями на 28 декабря 2017 года).

⁸²⁶ Фазлеева А. В. О системном подходе к проблеме сохранения памятников церковно-исторического наследия на епархиальном уровне (на примере Касимовской епархии)// Рязанский богословский вестник. 2014. № 2 (10). (сайт). Режим доступа: <http://rpd.s.info/desyatyj-nomer> (Дата обращения: 20.12.18).

и получение благословения на открытие научно-методического центра по сохранению культурного наследия при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре. Сегодня судьба нам дарит благодатный момент, когда можно популяризовать и донести до широких слоёв церковной интеллигенции успешные опыт и методы сохранения уникальных объектов культурного наследия, разработанные Кирилло-Белозерским музеем-заповедником. Временная приостановка передачи богослужебных объектов может дать время на формирование отношения к его художественным ценностям, которое не допустит небрежения или халатности и даст возможность распространить опыт подготовки кадров на другие епархии, иные случаи, когда передача музейного объекта Церкви неизбежна.

Этому может послужить деятельность указанного научно-методического центра, задачами которого являются координация научных исследований и реставрационных работ, осуществление диалога Церкви, государственных учреждений и общественных организаций; популяризация научных сведений об объектах культурного наследия.

*Николаев Иван Романович,
Институт современных исследований морского наследия,
Горлов Иван Олегович,
ООО «ЦМИ МГУ», г. Москва*

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Русский Север обладает значительным объемом выявленного и не выявленного речного культурного наследия, которое необходимо сохранять и изучать. Важность объектов наследия имеет силу сама по себе, но существуют основания утверждать, что речное культурное наследие изучается не так успешно и может пользоваться большей общественной поддержкой.

Настоящий доклад отмечает, что речное культурное наследие создает ряд социально-экономических ценностей, множеству из которых не уделяют достаточного внимания, и они обладают потенциалом для дальнейшего развития.

Изучение и сохранение историко-культурного наследия региона необходимо не только для надлежащей заботы о нашем историческом прошлом, но и для повышения качества жизни общества в настоящем и будущем.

Речное наследие Русского Севера уникально. Географическое положение и многовековая история позволили сформировать плотную сеть памятников, связанных с речными долинами, побережьями, морями.⁸²⁷

Ценность морского и речного культурного наследия не требует дополнительных обоснований – характерные особенности многих прибрежных поселений завязаны на их многовековых отношениях с водой, вне зависимости от того, что мы рассматриваем – крупный портовый город или маленькую деревню на берегу реки. Эти особенности воплощают исторические и культурные связи между семьями и обществом, между прошлым и настоящим.

Сохранение речного наследия не может быть сведено к независимому сохранению его отдельных компонентов. Потеря взаимосвязи между природной, материальной и нематериальной культурными составляющими нарушит возможность считывания информации из такой системы. Игнорирование эмерджентного характера данной формы наследия не позволит выстроить эффективную систему охраны и управления. Комплексность речного наследия отмечает в своем определении С. М. Фазлуллин: **«сложившаяся в бассейне реки система бытования, базирующаяся на географических условиях и историческом контексте, которая имеет важное культурное, цивилизационное значение.»**⁸²⁸

Помимо общих сложностей в сфере охраны и изучения, речному наследию присущ ряд специфических черт.

Одна из главных особенностей речного наследия на текущем этапе – бедность информационного сопровождения и узость круга исследователей.

Отсутствие выстроенной информационной политики в отношении речного наследия существенно осложняет процесс выявления и сохранения объектов материальной и нематериальной культуры, относящихся к речному наследию.

⁸²⁷ Звягин С. А. Морское наследие в социокультурном пространстве Русского Севера (теоретико-методологические основания и концепты) // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и Социальные науки. 2014. № 6. с. 48–49.

⁸²⁸ Фазлуллин С. М. Речное историко-культурное наследие Русской равнины // Русский Север-2017: Сборник материалов межрегиональной научной конференции Тотемского музейного объединения (23–26 февраля 2017 года). Вологда, 2017. С. 177.

Изучение речного археологического наследия в основном сконцентрировано в рамках исследования крупных археологических памятников^{829, 830}.

«Неизвестность» множества потенциальных памятников и отсутствие систематической работы по их выявлению приводит к сосредоточению дискуссий о речном наследии в пределах небольшого профессионального сообщества. Должная оценка речного наследия и позиционирование его ценностей может стимулировать признание важности данной тематики.

Помимо вопросов интенсификации изучения речного наследия со стороны научного сообщества и обсуждения соответствующей культурной политики на региональном и федеральном уровне также необходимо создание соответствующего информационного сопровождения с целью освещения вопросов изучения и сохранения речного наследия в широких массах.

Очевидно, что сохранение прибрежных культурных ландшафтов вкуче с нематериальной компонентой в контексте речного наследия совершенно невозможно без вовлечения локальных сообществ (выступающих одновременно и как носители, и как реципиенты нематериальной компоненты) в процессы изучения и управления.

К направлениям деятельности сообщества следует отнести:

- Осуществление общественного контроля за соблюдением охранного законодательства.
- Помощь в выявлении объектов культурного наследия и нематериального культурного наследия.
- Организация движений локальной исторической реконструкции.
- Создание общественных объединений с целью изучения, сохранения и музеефикации наследия, в т.ч. археологического, в соответствии с нормами государственного права.

Заслуживает внимания получивший широкую поддержку и развитие подход к использованию наследия как ресурса социально-экономического развития. Социально-экономические ценности

⁸²⁹ Мазуркевич А. Н. История одного открытия: Свайные поселения в Восточной Европе и их исследователи // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. – СПб., 2014. С. 9–14.

⁸³⁰ Степанов А. В., Трояновский С. В. Новейшие подводно-археологические исследования Новгородского Великого моста // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург – Москва – Великий Новгород, 2011. С. 187–189.

речного наследия также отмечают исследователями⁸³¹, но в широком смысле остаются неясными или непризнанными и могут быть усилены.

Данный взгляд во многом базируется на актуальном подходе устойчивого развития. Устойчивое развитие признано во многих европейских странах⁸³² и в России в том числе⁸³³, базируется на трех основных столпах: окружающей среде, экономике и обществе, где управление наследием разными исследователями включается в каждую из сфер^{834, 835}. За границей рассмотрение социальных и экономических ценностей морского и речного наследия прослеживается в единичных случаях^{836, 837, 838}, в России же данные подходы применяются лишь в отношении наземного наследия.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают позитивное влияние культурного наследия на общество, в частности выделяя роль вовлечения жителей в социокультурное проектирование. Среди позитивных факторов выделяют капитализацию ресурсов населения, снижение безработицы, возрастание социальной мобильности^{839, 840}. Историко-культурная среда имеет положи-

⁸³¹ Низовцев В. А., Снытко В. А., Широкова В. А. Туристско-рекреационные ресурсы исторических водных путей русского севера // Туризм и региональное развитие: сборник статей.- Смоленск, 2014. С. 133-135.

⁸³² Airoldi L. Marine heritage for sustainable growth // EuroScience Open Forum. Manchester, 2016. pp. 7-9.

⁸³³ Статья 1 Градостроительного кодекса РФ с Комментариями 2017-2018 года (новая редакция с последними изменениями) // Градостроительный кодекс РФ [Электронный ресурс].- Москва, 2018. Режим доступа: <http://stgrkrf.ru/1> (дата обращения - 20.12.2018).

⁸³⁴ Гришин А.И. Историко-культурное наследие в концепции устойчивого развития образовательного учреждения // Вестник РЭУ. 2013. № 5. с. 36.

⁸³⁵ Набиева У.Н., Русидзе А.Р. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития // Известия ДГПУ. 2010.- № 2.- С. 113.

⁸³⁶ Beattie-Edwards M. The Local Economic Value of a Protected Wreck. Portsmouth, 2013. pp. 10-11.

⁸³⁷ Claesson S. The Value and Valuation of Maritime Cultural Heritage // International Journal of Cultural Property. 2011. №18(1). pp. 62-63.

⁸³⁸ Scotland's Marine Atlas: Information for the national marine plan / [ed. Baxter J.M. et. al.] Edinburgh, 2011. pp.

⁸³⁹ Никонова Т.В., Веслогузова М.В., Муртазина Г.Р. Роль местного населения в процессах вовлечения нематериального культурного наследия в туризм (по материалам болгарского историко-архитектурного заповедника в Татарстане) // Современные проблемы сервиса и туризма.- 2016. Т. 10. № 3. С. 125-126.

⁸⁴⁰ Чернега А.А. Роль местного населения в социальном конструировании туристических достопримечательностей в малых городах России // Пути России. Север - Юг.- Москва, 2017. С. 137.

тельную связь с социальным капиталом населения.⁸⁴¹ Существуют успешные примеры подобного вовлечения в том числе на Русском Севере.⁸⁴²

Музеи в настоящее время ведут колоссальную культурно-образовательную деятельность, вовлекая в неё всё новые группы населения, и способны влиять на развитие отношения к речному наследию и его включению в общественное поле. «Только в связке “Музей и местное сообщество” можно что-то сделать для своей территории» – один из тезисов, поддерживаемых фондом Потанина, вносящим весомый вклад в музейное развитие.⁸⁴³

Высокий потенциал к продвижению исследований речного наследия Русского Севера имеет у нескольких музеев: Тотемского музейного объединения, Архангельского краеведческого музея, Кижского музея-заповедника. Данные музеи достаточно крупные, чтобы выступать флагманами в своей работе, что подтверждают регулярно проводимые конференции, культурно-образовательные мероприятия, совместные проекты с местными институциями.^{844, 845} Исследование речного наследия и вовлечение местных сообществ во взаимодействие с ним при помощи музеев поддерживает основные направления деятельности, выделяемые в статье.

Музеи Русского Севера уже хранят объекты речного культурного наследия. Исходя из текущей информации, представленной базами Госкаталога – это, преимущественно, предметы быта, материальной культуры, прикладного искусства. Зачастую это

⁸⁴¹ Sense of Place and Social Capital and the Historic Built Environment: Report of Research for English Heritage / [Bradley David, Jane Bradley, Mike Coombes, Emmanouil Tranos]. – London, 2009. p. 3.

⁸⁴² Новосёлов А. М., Чернега А. А. Культурно-историческое наследие как инструмент консолидации населения: Тотемский кейс // Философские науки. 2016. – № 1. – С. 63–65.

⁸⁴³ Вяткина Ю. Оксана Орачева: активное вовлечение местного сообщества в деятельность музеев способствует развитию территорий // Агентство социальной информации [Электронный ресурс]. Москва, 2010–2018. Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2015/06/11/oksana-oracheva-aktivnoe-vovlechenie-mestnogo-soobshhestva-v-deyatelnost-muzeev-sposobstvuet-razvitiyu-territorij/> (дата обращения – 20.12.2018).

⁸⁴⁴ Михеева Н. А. Продвижение г. Тотьмы Вологодской области с помощью организации научно-практических конференций // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. – № 3 (64). – С. 139–140.

⁸⁴⁵ Мельников И. В. Изучение и актуализация культурного наследия в музее-заповеднике «Кижы» // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижы»). – Петрозаводск, 2016. с. 3–6.

предметы 19–20 вв., археологическое наследие представлено слабо.⁸⁴⁶ Многие исторические вехи, как, например, торговля англичан с Московией в 16–17 вв., не представлены реальными археологическими находками.

Речное наследие редко становится объектом публичного внимания в России. В стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года морскому наследию посвящено одно предложение, речное наследие не упоминается вообще.⁸⁴⁷

Речному культурному наследию следует уделять гораздо больше внимания как аспекту культуры и наследия в целом. Его значение для людей в экономическом и социальном плане заслуживает особого внимания. Ее отсутствие в научных и общественных дискуссиях должно быть исправлено.

Социально-экономические ценности речного наследия следует рассматривать как дополнение к его естественной ценности как объекта наследия. Сохранение речного культурного наследия оправдано само по себе, но имеет смысл развивать его ценности для дальнейшего повышения качества жизни.

*Чайка Елена Андреевна,
Московский архитектурный институт (Государственная академия),
г. Москва*

РУССКИЙ СЕВЕР. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Когда мы говорим о культурном наследии, то чаще подразумеваем материальные и нематериальные ценности. Когда произносим «Русский Север» в первую очередь предстают перед глазами уникальные памятники северного зодчества, но редко идет речь о уникальности территории в целом, значимости сложившейся системы расселения, о культурном ландшафте – «материальном единстве природных и культурных объектов»⁸⁴⁸.

⁸⁴⁶ Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. Москва, 2018. Режим доступа: <https://goskatalog.ru> (дата обращения – 20.12.2018).

⁸⁴⁷ Об утверждении Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, Распоряжение Правительства РФ от 08 декабря 2010 года № 2205-р // АО «Кодекс» [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2018. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902250877> (дата обращения – 20.12.2018).

⁸⁴⁸ Автором термина «культурный ландшафт» является немецкий географ Отто Шлютер.

«Русский Север». Эту фразу слышали многие, но что это? Слово-сочетание Русский Север вызывает целую гамму чувств, навеивает ощущение скрытой тайны, загадочности. Русский Север – это что-то образное, чувственное: снежные вихри, белые поля, реки, скованные льдом или несущие быстрые воды в бескрайнюю даль, причудливые деревянные избы, церкви, часовни, которые можно встретить там, где кажется никогда не ступала нога человека; суровые люди, ледниковые озера, ледяные моря, незаходящее солнце – древний край с многовековой историей.

Исследователь Хотенов А.В. пишет: «Принадлежность того или иного региона к Русскому Северу не является общепринятой, Русский Север (РС) скорее историко-культурная понятие», нежели административно – географическое. По мнению Хотенова РС включает: Архангельскую, Вологодскую и Мурманской области, Республику Карелия, Республику Коми и Ненецкий автономный округ. По мнению академика Ополовникова А. В. в состав Русского Севера входят: Архангельская, Вологодская, Костромская, Кировская, Мурманская области. Историк Булатов В.Н. определяет территории Русского Севера бассейнами Северной Двины, Сухоны, Онеги, Печоры, Камы и Вятки. РС – «территории, примыкающие к Белому морю и Северному ледовитому океану [...] раскинувшиеся в бассейнах Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки»⁸⁴⁹.

На протяжении веков рассматриваемые территории были едины и носили название Поморье. Если термин «Русский Север» употребляется в историко – культурных исследованиях и не имеет четких географических пределов, то Поморье обладает исторически сложившимися территориальными границами.

На протяжении веков эти территории имели свою систему расселения, быт, культуру, хозяйственную деятельность, общий вектор развития. Однако позднее территория была разделена, об этом пишет в своих трудах и известный российский ученый-историк В. Н. Булатова: «нет обобщающих научно-популярных работ об истории и культуре и экономики Поморья, ... Виной тому границы территориальной раздробленности Поморья на губернии, а позднее на автономии, области и округа как субъекты Федерации».

Но были совсем другие времена: Русский Север с XVI-го века носил название Поморье, а его земли, лежащие в бассейнах рек

⁸⁴⁹ Булатов В.Н. Русский Север. Книга 3: Поморье,– Архангельск, Издательство Поморского государственного университета, 2006. С. 5.

Северной Двины, Сухоны, Онеги, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства до присоединения к России среднего и нижнего Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Поморье – край «красивых и мужественных людей рыбаков поморов – охотников и лесорубов, плотников и поэтов, закалённых в постоянной непрерывной борьбе с суровой природой», людей, которые всегда были свободными, никогда не жили под гнетом крепостного права. Нашествия, обрушившиеся на Русь, обошли Север, «конницы Чингисхана и Батыя не топтали эти земли, здесь не угасал огонь русской государственности, национальной культуры»⁸⁵⁰. Исконные традиции, восходящие к Киевской Руси, на севере сохранились в своем первоначальном виде, в то время как на других территориях они искажались под воздействием иноземных нашествий. Перед учеными, стремившимися в конце XIX-го века на север, предстал народ, свято хранивший не только древний язык, обычаи, обряды, но и многие старинные предания, давным-давно позабытые в других местах России.

Русский Север – понятие достаточно новое. Можно сказать, что впервые о нем заговорили исследователи XIX-го века, попавшие в этот край на волне возродившегося интереса к северным пределам Российской Империи. Исследователи как будто пересекли незримую границу и оказались в доселе неведомой стране. Эти земли взрастили свою собственную культуру, современный ее этап начинается уже в 12–13 веках, когда пришли первые переселенцы и поселились рядом с живущими на этих территориях коренными народами. Важно отметить, что это не было завоеванием, это было мирным присоединением. Вся история становления северной культуры отличается именно мирным процессом. Тогда впервые и проникает славянская культура Киевской Руси в Северные пределы. С первыми переселенцами на север пришло и православие, но именно здесь оно нашло пути мирного сосуществования с живущим здесь с древнейших времен язычеством. Крошечные часовни со старинными ликами, украшенные затейливой резьбой, и пестрые ленточки на деревьях вокруг – живущие рядом в мире православное и языческое наследия. Красный угол в избах сочетался с резными «коловоротами» на ставнях и расписными единорогами на крыльцах. Перед теми, пришел на Север в XIX веке,

⁸⁵⁰ Ополовников А. В., Русский Север.– М.: Стройиздат, 1977. С. 15.

открылся мир, который развивался изолированно от центральной России и сумел пронести свою уникальность через века, не утратив ее под давлением неумолимого времени.

На протяжении истории было несколько основных волн переселения «южан» на север. В разные исторические периоды людей привлекали эти земли по разным причинам: обширные свободные территории, богатейшие леса, реки, полные рыбы, возможности торговли с ближними и дальними соседями. Люди, пришедшие на север, не группировались на основе старых связей: этническому принципу. Придя на новые земли, они присоединились к тем, кто там уже жил, и образовали новый народ, который распространился от Поморского, Летнего и части Карельского берегов Белого моря, Кандалакшской губы до восточных притоков Печоры.

Эти суровые храбрые люди жили от Кольского полуострова до притоков Печоры, чтили древние языческие традиции и воспринимали христианскую культуру, привнесенную сюда еще из Великого Новгорода и Ростова. Поморы не только обрабатывали землю, охотились, строили, но и были отважными путешественниками и мореходами, они отправлялись в странствия по неизведанным ледяным морям. Их странствия с Кольского полуострова приводили их в Португалию, Испанию, Швецию, Норвегию. Храбрецы из нынешней Архангельской земли прокладывали основу Северного Морского Пути и открыли дорогу в Арктику. Путешественники и торговцы из вологодских и тотемских земель по Сухоне и Двине осваивали сибирские земли и шли дальше на восток, на Американский континент. С юга и из центральной Руси тянулись караваны купцов за товарами северных земель: пушниной, солью и др. Поморье *воспринимало культуру стран*, чьи берега повидали, а также традиции и быт южных гостей.

До этих земель не добиралась Орда татаро-монгольского нашествия, благодаря чему смогло сохраниться так много памятников древней культуры. Северный народ всегда был свободен, никогда не терпел гнета крепостничества, они ценили свои земли, открывали новые берега, берегли традиции, строили уникальные деревянные шедевры, дошедшие до наших дней, для себя, своих детей и будущих поколений.

Сегодня поистине национальным достоянием являются: Соловецкий архипелаг с памятниками Всемирного наследия ЮНЕСКО, крупнейший в Европе музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Пинежские пещеры – самые большие

и многочисленные в Европейской части России, старинные города Тотьма, Каргополь и Сольвычегодск с сохранившейся уникальной исторической архитектурой. Русский Север сохранил многие православные святыни (Соловецкий, Онежский Крестный, Антониево-Сийский, Веркольский, Сурский, Ошевенский монастыри). Значительную часть региона (около 7 процентов площади) составляют заповедные территории, созданы четыре крупных национальных парка: «Кенозерский», «Русская Арктика», «Онежское Поморье», «Водлозерский».

Русский Север сегодня разделен на административные образования и не имеет единой программы развития территорий и сохранения культурного наследия. Каждый из субъектов федерации разрабатывает и ведет свою программу, а кроме того, существует государственная программа развития Арктической зоны Российской Федерации. Это может повлечь за собой потерю идентичности территорий, уникальности традиций и истории этой земли. А кроме того недостаточность внешних и внутриобластных связей и отсутствие общей программы развития влияет на уровень жизни и социальную привлекательность региона. Кроме того, это один из факторов усиления процессов внутренней миграции населения и обезлюдивания территорий. С конца 80-х годов прошлого века мы наблюдаем стремительный отток населения внутри региона из малых деревень и поселков в более крупные города, а также потерю населения Севера в пользу Центрального и Южного Федеральных округов.

Современный Русский Север – это территория, экономическое, политическое, социальное и культурно-этническое пространство областей, обеспечивающих выход России к студеным северным морям и в мировой океан, это его историческая миссия. Это северный форпост России. А также Русский Север – это уникальное культурное пространство, имеющее ценность не только за счет отдельных памятников, но и как целостный культурный ландшафт.

Сорочинский Глеб Романович,
*Санкт-Петербургский государственный академический институт
живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина,
г. Санкт-Петербург*

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ ФИЛИППО-ИРАПСКАЯ ПУСТЫНЬ – ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

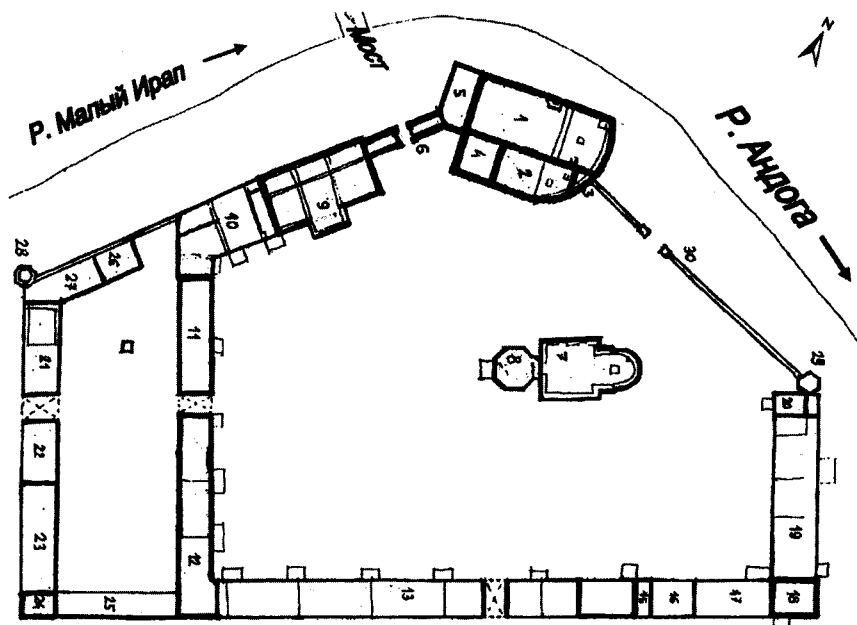
Архитектуре храмового зодчества Русского Севера всегда отводилась совершенно особая и уникальная ниша в самосознании русского народа, которая во многом определяла исторический процесс формирования тех особенностей, характеризовавших самобытность русской идеи в различных сферах жизни общества. Такими сферами являются религия, философия, искусство, культура и другие. Начиная с 1917 года и вплоть до 90-х годов XX века данные аспекты жизни народа были забыты, а подчас и попираемы. Однако уже с последнего десятилетия XX века и по сей день проявляется особый интерес к прошлому и происходит процесс переосмысления настоящего путём приобщения к национальным традициям народа. Активно развиваются такие стороны жизни людей как паломничество и туризм, более того именно культурно-историческое наследие ежегодно привлекает тысячи иностранцев. Немалым интересом пользуются туристические маршруты, проходящие по древним городам Северо-Восточной Руси «Золотое кольцо», «Серебряное кольцо», где сосредоточены наиважнейшие памятники архитектуры нашей страны, при этом стоит уделить особое внимание Вологодской земле, которая является кладезем уникальных объектов храмового зодчества.

Вологодская область, входящая в маршрут «Серебряное кольцо» имеет множество известных памятников архитектуры: Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Горицкий монастыри и другие обители, а также множество древних соборов и церквей. При этом одной из важных святынь Вологодской области является и Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь, незаслуженно забытая и разрушающаяся с каждым годом. Исходя из этого были организованы необходимые проектные изыскания, инициированные студенческим сообществом архитектурного факультета Института имени И. Е. Репина. В результате проделанных исследований, базирующихся на работе с архивной информацией, и предпроектной

деятельности, осуществлённой непосредственно на объекте путём обмерных работ и экспертных заключений, были выявлены такие особенности данного места, как утраченные исторические панорамы монастыря, композиционная и планировочная структура обители, архитектурные решения ансамбля, датированные разными периодами, а также выявлены отдельные участки разрушений конструктива некоторых частей монастыря.

На сегодняшний момент к данному месту проявляется особый интерес не только со стороны волонтеров и отдельных деятелей, занимающихся вопросами сохранения культурно-исторического наследия, но и со стороны паломников, а также служителей церкви. Поэтому реставрация и восстановление такого объекта культурного-исторического наследия, как Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь, может стать ещё одним важным шагом в развитии культуры, архитектуры, туризма в регионе и, конечно, способствует формированию нового форпоста Православной Веры.

Филиппо-Ирапская пустынь, основанная 21 мая 1517 года преподобным Филиппом на правом берегу реки Андоги, в месте, издавна называемом «Красный Бор» (сейчас это поселение именуется как Зелёный Берег), изначально формировалась как духовная обитель на протяжении нескольких веков, вместе с тем процессу развития сопутствовали сугубо практические архитектурно-планировочные решения, которые были обусловлены оборонительными задачами. В доказательство этому можно привести замкнутый пятиугольный план застройки монастыря, где келейные корпуса и хозяйственные постройки выполняли роль крепостной стены по периметру территории монастыря. Вместе с тем данный комплекс зданий был увенчан угловыми башнями, а также надвратными сооружениями, отвечающими оборонительной функции. С северо-востока монастырь был защищён глухой стеной с небольшими воротами. Отсюда следует, что он напоминал крепость. Одновременно с этим в архитектурном образе обители наблюдается отсутствие большого количества деталей, за исключением убранства Троицкого собора и церкви иконы Казанской Божией Матери, а именно, часто встречающееся в Вологодской области завершение с пятиглавием, где четыре главки располагаются по сторонам четверика, а пятая главка венчает купол или иное завершение храма, подобная схема существовала и на Троицкой церкви. Также в двух храмах монастыря было очевидно выявление поярусного членения за счёт использования декоративных тяг на цокольную часть, массив стены и карниз, вместе с тем стоит

План Филиппо-Иранской пустыни (1913 год). Из книги М. Г. Мальцева «Святыни Кадуийской земли. Филиппо-Иранская пустынь». Часть 2. Москва, 2016⁸⁵¹

обратить внимание на использование таких деталей, как массивные сандрики, обрамлявшие окна и раскрепованные пилястры, которые подчёркивали пластику кирпичных стен. Колокольня, башни и входные элементы монастыря имели шатровые завершения,

⁸⁵¹ 1) Троицкий собор (1699), при нём: 2) Южный придел в честь преподобного Филиппа Ирапского (1873, 1911); 3) Пономарня; 4) Ризница; 5) Паперть и чулан. 6) Святые врата с Троицкой башней (1876), крытой галереей и библиотекой. 7) Церковь во имя иконы Казанской Божией Матери (1735). 8) Шатровая восьмигранная колокольня при церкви (1870–1871). 9) Настоятельский корпус (1869). 10) Кладовая, канцелярия, келейная, теплый погреб (1869). 11) Трапезная (1869). 12), 13) Братские кельи (1868). 14) Казначейская келья (1868). 15) Хлебный амбар (1868). 16) Амбар для монастырской рухляди (1868). 17) Братская келья (1868). 18) Юго-восточная башня (второй этаж (деревянный) был приспособлен под летние покои настоятеля) (1868). 19) Братские кельи (1867). 20) Мучной амбар и амбар строительных материалов (1873). 21) Погреба в западной стене (1873). 22) Баня (1873). 23) Конюшня (1873). 24) Юго-западная башня (1873). 25) Помещения конюха и кучера (1873). 26) Каретник (1873). 27) Кладовые (1873). 28) Северо-западная башня с помещением для рабочих. 29) Восточная башня, где находился архив. 30) Монастырская стена с малыми вратами.

а здание настоятельского корпуса, находящееся с северной стороны, венчалось фронтоном. Также немаловажно отметить, что архитектурный облик монастыря во многом определялся наличием вертикальных доминант: колокольня, башни, входные группы. Именно они образовывали неповторимый и целостный силуэт Филиппо-Ирапской пустыни.

Первоначально обитель выстраивалась исключительно из дерева, так как каменное строительство не представлялось возможным в силу трудоёмкости и нехватки ресурсов, а заготовка дерева осуществлялась практически на месте. Однако срубные конструкции не могли защитить монастырь от набегов, разорений и пожаров. Первым кирпичным строением на территории монастыря стал Троицкий собор (1699 год), а затем появилась каменная церковь иконы Казанской Божией Матери (1735 год). В дальнейшем остальные здания ансамбля были выстроены из кирпича. Чтобы соответствовать оборонительным требованиям, стены зданий строили толстыми и массивными. В итоге, на территории обители практически не осталось деревянных строений, за исключением некоторых хозяйственных построек: склады, колодцы, юго-восточная башня, где сегодня устроена маленькая домовая церковь и проводятся регулярные богослужения братии.

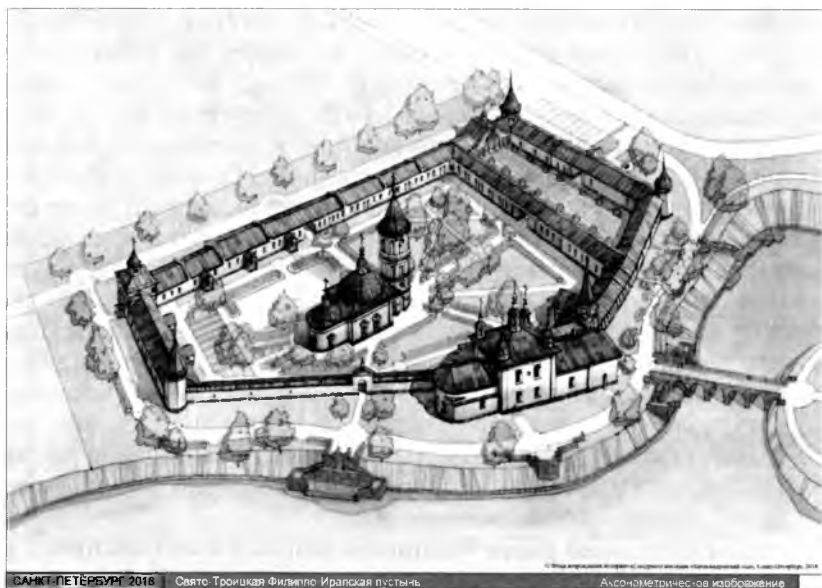
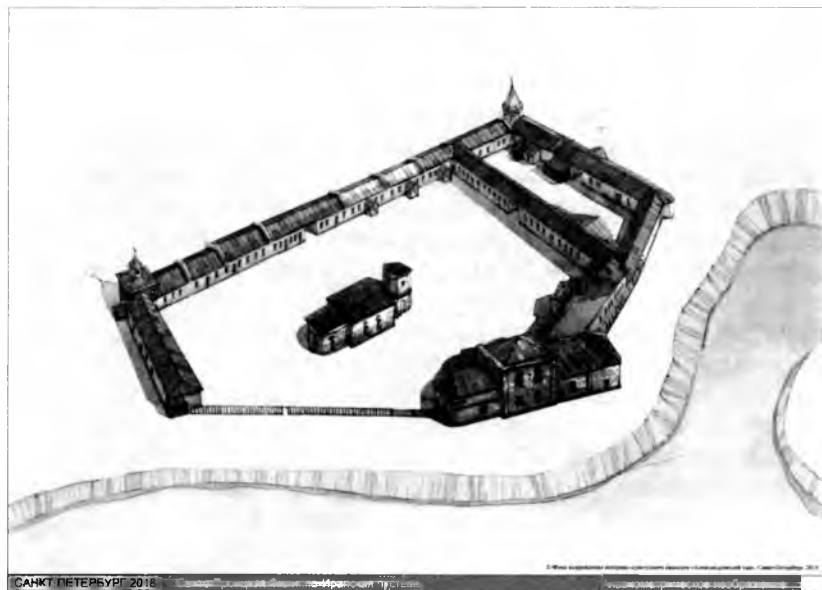
Троицкий собор выполнял роль главного храма монастыря, именно рядом с ним были впоследствии обретены мощи святого Филиппа Ирапского, а церковь иконы Казанской Божией Матери являлась более поздним и вторым храмом монастыря, имеющим меньшие размеры, но занимающим центральное положение на монастырской площади. Центральная площадь обители использовалась для хозяйственных нужд, где была сосредоточена основная деятельность братии. В восточной части монастыря, за церковью Казанской Божией Матери, располагалось кладбище. Западная часть монастыря играла роль буферной въездной зоны, на небольшом участке территории находился скотный двор и ряд складских, хозяйственных построек. Южная часть была образована келейными корпусами и также имела небольшие въездные врата. Главными же вратами в обитель являлись Святые врата, находящиеся с северной стороны. К ним подходил мост через реку Малый Ирап, по которому осуществлялось сообщение с противоположным берегом, также в определённый момент времени связь с противоположной стороной обеспечивалась за счёт курсирования парома. Таким образом, монастырь имел чётко регламентированную функциональную структуру.

Генеральный план Свято-Троицкой Филиппо-Иранской пустыни

На сегодняшний день Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь занимает участок около 1,6 Га. На юго-западе от участка располагается дачная застройка и проезд к Филиппо-Ирапской пустыне. На востоке от монастыря располагается лесной массив и река Большой Ирап, а на севере – излучина реки Андоги. На юге от участка простираются пахотные земли (1,5 Га) и проходит основная транспортная магистраль, связывающая посёлок Зелёный Берег, где находится монастырь, с посёлком городского типа Кадуй, находящийся южнее (в 28 км) от монастыря. На данный момент в поселении Зелёный берег отсутствует какая-либо иная застройка, кроме жилья. Ближайшие магазин, почта, детский сад, школа и другие административные учреждения находятся в поселении Никольское, располагающееся севернее (в 4 км) от монастыря. Более того нужно учитывать, что ближайшее церковное учреждение, где проводятся регулярные богослужения, располагается в посёлке городского типа Кадуй, поэтому важно принять в расчёт поток прихожан из окрестных деревень и поселений (Никольское, Смешково, Стан и другие), которые единовременно смогут посещать восстановленный монастырь и образуют регулярный приход, что послужит важным шагом в просвещении и приобщении местных людей к Таинствам Церкви. К монастырю относится также ряд построек, таких как колодцы (один на территории монастыря, второй перед западными воротами), откуда осуществляется водозабор для хозяйственно-бытовых нужд; кирпичный склад, который располагается на юге от монастыря; гостевой дом, который построен на северо-западе от монастыря и служит временным жильём для приезжих трутников, паломников, волонтеров и служителей церкви. Вместе с тем на севере от обители находятся значимые места, связанные с житием святого Филиппа, такие как памятный крест около стены Троицкого собора, обнесённый оградой, на территории которого в 2000 году были найдены мощи святого Филиппа и памятный валун с историческим преданием. Также на востоке от монастыря находилась каменная часовня в честь преподобного Филиппа, однако она не сохранилась до наших дней, но осталась в историческом повествовании, недавно данная часовня была восстановлена в дереве, но несколько на другом месте, около восточной стены монастыря.

Как было сказано ранее Филиппо-Ирапская пустынь имеет не только культурно-историческое значение, но и важный духовный посыл. Такой объект русской культуры может стать форпостом Православной Веры не только на местном уровне, но и на реги-

Развитие ансамбля Свято-Троицкой Филиппово-Ирауской пустыни

ональном, а может быть и на уровне национального народного самосознания. Подобная миссия может быть реализована при грамотном развитии внутренней структуры монастыря, направленной на регулярное посещение Филиппо-Ирапской пустыни паломниками и прихожанами. То есть при сложном процессе восстановления и реставрации *не исключается приспособление монастырской застройки под такие функциональные зоны, как гостиничная, церковно-причтовая (образовательная), пищевая (трапезная), административная и техническая*, которые будут интегрированы в общий контур монастыря. Одновременно с этим важно сберечь аутентичность монастырского уклада жизни братии путём сохранения исконного монастырского устава и натурального хозяйства. Также немаловажно развить систему благоустройства: восстановить мост, организовать спуски к воде, укрепить берег за счёт насаждений, проложить необходимые дороги и создать интересные ландшафтные композиции, которые могут быть дополнены малыми архитектурными формами. Такой комплексный подход может способствовать наилучшему процессу приобщения народа к своему духовному прошлому, а также благостно повлиять на молодое поколение прихожан, паломников и волонтеров. Таким образом, Филиппо-Ирапская пустынь стала бы эпицентром Духовной жизни, неким Градом Божиим для многих людей, чувствующих свою сопричастность с этим Великим местом.

В итоге можно сделать вывод о несомненной уникальности такого важного культурно-исторического объекта Вологодской области, как Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь как с точки зрения исторического формирования данного места, так и с точки зрения различных архитектурных аспектов, отражающих её неповторимость. Главным же является возрождение монастыря в самобытном ключе, сочетающим в себе богатый исторический пласт знаний и опыт древних зодчих. Будем надеяться, что в ближайшее время все эти проектные замыслы реализуются. Подобные решения по восстановлению и реставрации обители станут следующим важным шагом в истории Филиппо-Ирапской пустыни, которой 21 мая 2017 года исполнилось 500 лет.

Список литературы:

1. *Белоярская И.К.* Монастырские комплексы Вологодской области. Принципы современной реабилитации: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.04 / Белоярская Ирина Константиновна; СПбГАСУ.– СПб., 2002.

2. *Варакин, Е. П., Пятницкая Т. Н.* Из прошлого Новгородской епархии. СПб.: София, 1998.

3. *Кашоид М. В.* Реставрация и исследования памятников русского севера: сборник статей. Вологда: Арника, 2011.

4. *Мальцев М. Г.* Святые Кадуьской земли. Часть 2. Филиппо-Ирапская пустынь. Изд. 3-е. М.: Традиция, 2016.

5. *Шалашов Е. В., Малинкина Т. В.* Преподобный Филипп Ирапский и места, связанные с его именем. Череповец: Архиерейское подворье Воскресенского собора, 2010.

*Исаченко Григорий Анатольевич,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург*

ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В XX-XXI ВВ.

В постсоветский период Россия переживает период бурного храмостроительства; по числу вновь возводимых храмов первое место принадлежит православным. При этом храмы и монастыри сооружаются на местах, где их никогда раньше не было, в том числе на территориях, где в прежние эпохи доминировали другие христианские конфессии. Примером такой территории служит Карельский перешеек (Ленинградская область), имевший сложную политическую, этническую и конфессиональную историю на протяжении последнего тысячелетия. Христианизация прибалтийско-финских народов, населявших Карельских перешеек в раннем средневековье, началась не позже XII в. как шведскими, так и новгородскими миссионерами, укоренявшими соответственно католичество и православие. После установления первой государственной границы между владениями Швеции и Великого Новгорода по Ореховецкому мирному договору 1323 г., которая разделила перешеек примерно на две половины – западную и восточную, конфессиональное разделение единого прежде племени корела закрепилось и стало обуславливать и некоторые этнические и языковые различия.

Первые католические церковные приходы в шведской части Карельского перешейка (исключая Выборг) ведут свое начало с XIV в. Примерно в это же время возникают первые православные

погосты в восточной части перешейка. С середины XVI в. в результате Реформации католические приходы владений Швеции стали лютеранскими. С начала XVII в., когда по условиям Столбовского мира (1617 г.) весь перешеек и Приневские земли отошли к шведским владениям, православное население начало эмигрировать в пределы Московии; опустевшие деревни заселялись выходцами из западных районов перешейка и внутренней Финляндии, также исповедовавшими лютеранство. В результате к началу Северной войны Швеции и России Карельский перешеек почти не имел действовавших православных храмов. Возрастание роли православия началось с включением почти всей территории перешейка в состав России по условиям Ништадтского мира 1721 г. Православные храмы строили прежде всего в городах Выборг и Кексгольм. Резкое увеличение количества православных храмов произошло в конце XIX – начале XX вв., когда перешеек активно «осваивался» дачниками из Санкт-Петербурга.

К началу XX в. на Карельском перешейке преобладало финское население, представленное карельскими финнами Выборгской губернии (современные Выборгский и Приозерский районы Ленинградской обл. и часть Курортного района С.-Петербурга) и ингерманландскими финнами С.-Петербургской губернии (современный Всеволожский район Ленинградской обл.). И те, и другие были в основной массе лютеранами. Население, исповедовавшее православие (преимущественно русские), составляло за пределами городов меньшинство.

Изменения в размещении христианских храмов на Карельском перешейке с начала XX по начало XXI в. обусловлены крупнейшими социально-политическими катаклизмами: развалом Российской империи, сопровождавшимся провозглашением независимости Финляндии (1917 г.); советско-финляндской войной 1939–1940 г., в результате которой перешеек был включен в состав СССР; распадом СССР и крушением коммунистической идеологии, враждебной к религии.

Автором составлена база данных, включающая сведения о 34 лютеранских храмах (кирхах) и 120 православных храмах, монастырях и часовнях, существовавших и существующих на Карельском перешейке в XX–XXI вв. Они представлены тремя группами: 1) построенные в разное время и уничтоженные в XX в.; 2) построенные до 1917 г. (лютеранские – до 1940 г.) и сохранившиеся до наших дней; 3) построенные не раньше 1990 г. При составлении базы

данных использовались данные ресурсов Интернета^{852, 853, 854, 855}, литературные источники^{856, 857, 858, 859}, топографические карты разного времени, а также результаты обследований автора.

В статье рассматриваются только храмы двух основных христианских конфессий, игравших ведущую роль в истории Карельского перешейка и его культурных ландшафтов – православной и лютеранской. Из рассмотрения исключены христианские храмы, находившиеся и находящиеся в пределах городов Санкт-Петербурга (включая примыкающие к нему районы многоэтажной застройки Кудрово и Мурино-Девяткино, формально расположенные в пределах Ленинградской обл.) и современных районных центров Выборг, Приозерск и Всеволожск.

Наибольшее количество лютеранских кирх за всю историю Карельского перешейка здесь было в середине 1930-х гг. В финляндской части перешейка полностью или частично располагалось около 30 лютеранских сельских приходов, причем пять новых приходов было создано в XX в. Еще 9 приходов (полностью или частично) включали южные районы перешейка, относящиеся к Ленинградской обл., однако к концу 1930-х гг. все лютеранские храмы здесь были закрыты, а ингерманландские финны частично (а к 1942 г. полностью) выселены за пределы области. В 1934 г., когда закрытие лютеранских кирх в Ленинградской обл. только началось, на перешейке насчитывалось 34 действующих храма. Самые старые кирхи, сохранившиеся к середине XX в., были построены в середине XVIII в., однако большинство кирх возведено во второй половине XIX – первой трети XX в.

⁸⁵² Народный каталог православной архитектуры [сайт]. Режим доступа: <http://sobory.ru/> (дата обращения: 17.12.2018).

⁸⁵³ Бывшие церкви в бывшей Финляндии. Сохранившиеся и разрушенные церкви на бывшей финской части Карелии и Карельского перешейка [сайт]. Режим доступа: <https://terijoki.spb.ru/kirkko/> (дата обращения: 17.12.2018).

⁸⁵⁴ Культура Ленинградской области. Энциклопедия. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.encllo.lenobl.ru/object/1803428965?lc=ru> (дата обращения: 17.12.2018).

⁸⁵⁵ Инкери. Портал ингерманландских финнов [сайт]. Режим доступа: <http://www.inkeri.ru/virt/> (дата обращения 18.12.2018).

⁸⁵⁶ Карельский перешеек. Земля неизведанная. Юго-западный сектор. Ч. 1. Кивеннапа – Териоки (Первомайское – Зеленогорск) / Автор-составитель Е.А. Балашов. – СПб., 2008.

⁸⁵⁷ Балашов Е.А. Карельский перешеек. Земля неизведанная. Юго-западный сектор. Ч. 2. Уусикиркко (Поляны) / – СПб., 2009.

⁸⁵⁸ Там же. Ч. 1. Каннельярви – Куолемаярви (Победа – Пионерское).

⁸⁵⁹ Там же. Ч. 7. Центральный сектор. Муолаа – Яюряпяя (Красносельское – Барышево).

*Лютеранский храм в г. Приморск
(бывш. Койвисто). 1904 г.
Архитектор Й. Стейнбек*

Почти все лютеранские храмы занимали выигрышное положение в окружающем ландшафте: более половины из них возведены рядом или в нескольких сотнях метров от крупных озер, проток озерно-речной системы Вуоксы и побережья Финского залива. Некоторые кирхи построены на вершинах камовых или моренных холмов или у пересечения дорог, проложенных еще в средневековье. Практически все кирхи были видны с расстояния в несколько сотен метров или даже несколько километров и формировали значимые фокусы ландшафта. Вокруг, как правило, рас-

полагались приходские кладбища, поля и небольшие участки леса.

Архитектурные решения лютеранских храмов Карельского перешейка довольно разнообразны. Наиболее старые из сохранившихся к XX в. кирх имели крестообразную в плане форму с отдельно стоявшей колокольней (Пюхьярви, Яски, Кирву). В XIX в. сформировался стиль «Ноев ковчег», где колокольня уже составляла единое целое с основным помещением храма (Антреа, Хейнйоки, Колтуши). Некоторые кирхи выстроены в классическом и неоклассическом стилях (Сяккиярви, Муолаа). В конце XIX – начале XX вв. в храмовом строительстве отразилось увлечение неоготикой (Йоханнес, Вуоксела, Рауту). К неоготике близок стиль финского национального романтизма, в котором выполнены замечательные творения Йозефа Стейнбека (начало XX в.) – кирхи в Ряйсяля (Мельниково), Койвисто (Приморск), Куолемаярви и Терийоки (Зеленогорск). Кирхи этого зодчего отличает монументальность, устремленность вверх, виртуозное использование в облицовке

местных гранитов, делающее храмы исключительно созвучными окружающему ландшафту. В 1930-е гг. кирхи в финляндских районах перешейка сооружались в основном в стиле конструктивизм, что было созвучно магистральной тенденции европейской архитектуры того времени. Последней постройкой этого периода стала кирха в Энсо (Светогорск), которую не успели завершить до начала Зимней войны 1939–1940 г.

Наибольшее число действующих православных храмов в прошлом столетии (31) приходится на 1917 г., после Октябрьской революции их стали постепенно закрывать. Это число (куда входит и один монастырь – Линтульский) почти совпадает с максимумом лютеранских кирх, зафиксированным на 17 лет позже. Большинство православных храмов и часовен было сооружено в конце XIX – начале XX в., что связано с массовым строительством дач жителями Петербурга после открытия железнодорожного сообщения С.-Петербург – Выборг – Риихимяки. Кроме того, храмы строились при крупных военных лагерях и заводах, дворянских усадьбах, санаториях.

По своему положению в ландшафте и архитектурным формам большинство православных храмов и часовен, существовавших в начале XX в., были, в отличие от лютеранских, более «камерными». Во многом это обуславливалось тем, что каждая сельская кирха была духовным центром прихода (волости) площадью в сотни, а иногда и первые тысячи кв. км, с населением в десятки тысяч человек, а многие православные храмы обслуживали только небольшие общины, состоявшие в основном из петербургских дачников. Не менее половины храмов и часовен были деревянными, что в сочетании с характерным декоративным оформлением делало их весьма близкими по стилю к дачам состоятельных петербуржцев. В архитектуре храмов наиболее часто использовались элементы псевдорусского стиля, а в начале XX в. – модерна.

К немногочисленным примерам православных храмов – заметных доминант ландшафта – можно отнести каменную церковь Сретения Господня в с. Красносельское (1898 г., архитектор Н. Бараньев), считавшуюся красивейшим православным храмом Финляндии, а также каменный храм Петра и Павла при Шлиссельбургских пороховых заводах (ныне пос. им. Морозова), построенный в 1904–1907 г. (арх. В. А. Покровский, И. Ф. Безпалов) в неорусском стиле с элементами модерна.

Судьба большинства православных храмов Карельского перешейка после 1917 г. была печальной. На территории СССР их начали закрывать и частично разрушать в 1920-е – 1930-е гг., а на

территории Финляндии некоторые деревянные храмы за отсутствием прихожан были перевезены в другие районы страны; храм в Халила (совр. Сосновый Бор) преобразовали в лютеранскую кирху. Однако настоящей катастрофой для храмов – как православных, так и лютеранских – стали войны 1939–1940 и 1941–1944 гг. В это время были уничтожены практически все деревянные храмы и часовни и многие каменные постройки. Отметим, что несколько кирх было взорвано в 1939 г. отступавшими финскими войсками. Разрушение храмов продолжалось и в послевоенные годы: были снесены православные храмы в Ириновке и Колтушах, в 1965 г. взорвана кирха в пос. Красная Долина (бывш. Куолемаярви), в 1978 г. сгорела кирха в пос. Свободное (бывш. Кирву).

К концу советского периода на территории бывших финляндских районов Карельского перешейка осталось в различной степени сохранности 7 кирх (кроме храмов в Выборге, Приозерске и Зеленогорске). Число сохранившихся православных храмов также составляло менее десятка. В течение 1950-х – 1980-х гг. за пределами городов не действовал ни один христианский храм.

Строительство новых православных храмов развернулось на Карельском перешейке, как и во многих других районах России, с начала 1990-х гг. К 2018 г., по нашим данным (возможна их некоторая неполнота) в рассматриваемом регионе был построен один православный монастырь с четырьмя храмами, 70 православных храмов (в том числе один собор) и 18 часовен. Вместе с церковными зданиями дореволюционной постройки общее число действующих православных монастырей, храмов и часовен к настоящему времени достигло 93, что почти в 3 раза превышает максимальное число одновременно действовавших на Карельском перешейке лютеранских храмов.

Православные храмы Карельского перешейка являют собой довольно пеструю картину по степени и характеру унаследования прежних храмовых мест. Всего несколько из них представляют собой отреставрированные храмы постройки XIX–начала XX в. (Вартемяги, Сосновый Бор). Еще один старый храм – церковь Петра Афонского и Ольги Равноапостольной в д. Морье (1906 г.) пребывает в заброшенном состоянии. Несколько церковных зданий возведены на фундаментах разрушенных старых храмов или вблизи них (пос. им. Морозова, Колтуши, Рошино). Еще несколько храмов занимают нецерковные здания: жилые дома в г. Светогорск, пос. Советский, бывший усадебный дом в пос. им. Свердлова. Отмечу такой вид храмового строительства, как воссоздание на новом

месте храмов и часовен, возведенных в других районах и впоследствии утраченных. Ансамбль подобных «реplik» – Покровский погост – с начала XXI в. создается на правом берегу Невы, близ бывшей мызы Богословка. Его основное сооружение – 21-главый деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы, в точности копирующий храм в д. Анхимово Вологодской обл., сгоревший в 1963 г.

Более 90% православных храмов и часовен Карельского перешейка – новые сооружения на местах, где никогда никаких христианских храмов не существовало. Около 70% новых храмов и часовен сооружено из дерева, что в некоторой степени отражает близость территории к Карелии (и Русскому Северу в целом) с ее сильными архитектурными традициями. В лучших традициях деревянного зодчества Русского Севера сооружены храмы Андрея Первозванного на Вуоксе (близ д. Васильево), Троицы Живоначальной в урочище Дружное, Иоанна Кронштадтского в пос. Колтуши,

Часовня Иннокентия, епископа Иркутского в пос. Ильичево. 2010–2012 г.

Успения Пресвятой Богородицы в пос. Мичуринское, часовня Иннокентия, епископа Иркутского в Ильичево и др. Однако большинство деревянных храмов представляет собой в той или иной степени вульгаризацию «северного стиля», где слишком бросаются в глаза калиброванные бревна и чуждые северной архитектуре «гламурные» декоративные детали. Часть деревянных храмов и часовен имеют вид простых срубов с небольшой главкой; зачастую они создаются как временные сооружения, выполняющие свои функции в период сбора средств на «капитальные» храмы и их возведение.

Среди каменных храмов некоторые выстроены в традициях новгородского зодчества XII–XV вв.: к наиболее удачным постройкам такого рода относятся церковь Георгия Победоносца в пос. Кузнечное, церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в пос. Коробицыно, церковь Амвросия Оптинского в пос. Сосновый Бор. Вульгаризованный древненовгородский стиль ярко представлен в храмах Константино-Еленинского монастыря в пос. Ленинское (бывш. Хаапала). Имеются храмы в древневизантийском (пос. Петровское) и псевдорусском стилях (пос. Озерки

Церковь Георгия Победоносца в пос. Кузнечное. 2004–2010 г.

Собор Михаила Архангела в пос. Токсово. 1999–2003. Архитектор В. Ф. Назаров

на Финском заливе); последний храм был выстроен по эскизу из Альбома Святейшего Синода 1905 г. Во многих каменных храмах и часовнях новейшего времени (особенно построенных вблизи Петербурга) преобладает стиль, который можно обозначить как «великодержавная эклектика с псевдорусским акцентом». Наиболее масштабное (по размерам и вложенным средствам) выражение этого архитектурного направления – ансамбль в центре пос. Токсово, включающий собор Михаила Архангела высотой 37 м и храм-колокольню Игоря Черниговского (60 м), построенные по проекту В.Ф. Назарова.

Роль вновь построенных православных храмов в ландшафте весьма различна. Некоторые из них заняли выигрышные позиции в рельефе (бровки уступов, вершины камовых и моренных холмов, сельг – гранитных гряд в северной части перешейка, скалистые острова на Вуоксе) и стали заметными ландшафтными доминантами (храмы в Кузнечном, Токсово, Озерках на Финском заливе, Красноозерном и др.). Другие имеют сравнительно небольшие размеры и «прячутся» среди леса, открываясь только с близких

ракурсов. Наиболее богатые по размерам, материалам и отделке храмы находятся в непосредственной близости от коттеджных поселков (или среди них), где временно или постоянно проживают нынешние ктиторы. Немало храмов выстроено на заброшенных и стремительно зарастающих лесом (либо застраиваемых коттеджами) сельскохозяйственных угодьях; соответственно, их пейзажное окружение существенно отличается от преимущественно сельских ландшафтов с обилием полей и лугов, окружавших лютеранские кирхи, и стремительно исчезающих с Карельского перешейка.

По сравнению с православными храмами вклад лютеранских кирх в современные пейзажи Карельского перешейка скромнен. В постсоветский период были сооружены только два новых лютеранских храма – в д. Колбино (Колтушская возвышенность) и д. Юкки. Во Всеволожском районе, куда после длительного изгнания вернулись ингерманландские финны (хотя большинство из них впоследствии эмигрировало в Финляндию), отреставрированы и действуют также кирхи в Токсово и Новосаратовке. В бывших финляндских районах перешейка отреставрированы и используются под краеведческий музей и клубы кирхи в Приморске и Мельниково (арх. Й. Стейнбек); остальные церковные здания заброшены и продолжают разрушаться. Возле всех сохранившихся кирх и рядом с остатками фундаментов уничтоженных храмов землячествами бывших жителей перешейка, эвакуированных в Финляндию в 1939–1944 гг., установлены символические памятники всем захороненным жителям соответствующих приходов.

Из сказанного выше можно заключить, что роль христианских храмов в ландшафтах перешейка существенно увеличилась за последние 25–30 лет, однако по сравнению с ситуацией первой трети XX в., когда доминировали лютеранские храмы, сейчас абсолютно преобладают православные. Кроме собственно религиозной, некоторые новые храмы выполняют мемориальную функцию: например, ансамбль из монументального храма «Взыскание погибших» иконы Божией Матери и часовни Георгия Победоносца в пос. Невская Дубровка, увековечивающий память погибших в Великой Отечественной войне, часовни в память погибших в «локальных войнах» второй половины XX в., в автомобильных катастрофах и др. Новые православные храмы и монастыри становятся объектами паломничества и туризма, например Константино-Еленинский монастырь в пос. Ленинское, Покровский погост на правом берегу Невы, храм Андрея Первозванного на Вуоксе, комплекс храмов в пос. Саперное и др. Строительство новых православных

храмов продолжается, и их роль в современных культурных ландшафтах Карельского перешейка будет возрастать: это, в свою очередь, требует продуманного выбора как мест для возведения храмов, так и их архитектурных решений.

*Голядкина Ангелина Игоревна,
Ковалёва Юлия Владимировна,*

*Санкт-Петербургский государственный академический институт
живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина,
г. Санкт-Петербург*

ДЕРЕВЯННЫЙ ХРАМ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НЕЛАЗСКОЕ КАК ЧАСТЬ СРЕДОВОГО АНСАМБЛЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА, ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ

Богатое наследие культуры русского народа невозможно было бы себе представить без памятников деревянного зодчества. Оно составляет неотъемлемую часть исторического процесса и представляет собой не только архитектурную и эстетическую ценность, но и демонстрирует процесс самоорганизации и самосознания народа, выраженное в вещественной форме. Глубокая самобытность русского деревянного зодчества выражает духовную сущность русского человека, его понимание красоты и гармонии, а потому сохранение подобных памятников, их изучение и реставрация имеют особое значение.

Культовая деревянная архитектура России представляет в этой области наибольший интерес, поскольку её сохранность выше, нежели у гражданских сооружений, а потому и изучение её даёт больше возможностей в методах исследования и степени их достоверности.

Русский Север, издревле шедший по собственному пути развития, включает в себя множество уникальных и примечательных памятников русского деревянного зодчества, многие из которых до настоящего времени не имеют полноценного освещения. Они остаются без должного внимания, и культура теряет уникальные подлинные храмы, ценность которых безгранична. Но и те объекты культурного наследия, которым уделяется внимание, чаще всего реставрируются в отрыве от окружающей их среды и тем

самым теряют своё подлинное значение. В связи с этим авторы данной статьи рассматривают ансамбль в селе Нелазском как пример сложной и уникальной структуры, в которой сосуществует комплекс условий и реставрационных проблем, от решения которых будет зависеть его дальнейшая судьба.

Чаще всего объекты деревянного зодчества, которых сохранилось не так много на сегодняшний день, изучаются и реставрируются как отдельный объект, никак не связанный с окружающей средой – поселением и ландшафтом. Об этой проблеме писал ещё Ю. С. Ушаков: «...северо-русское селение как целостное явление до недавнего времени не находилось в центре внимания исследователей-архитекторов, было сделано непростительно малое количество обмеров селений с достаточно точной и широкой фиксацией природной среды»⁸⁶⁰.

Целью данного исследования является анализ определения границ охранной зоны и, как следствие, обозначение ряда проблем, связанных с изучением и реставрацией памятника на примере деревянного храма Успения Богородицы XVIII века в селе Нелазское.

Деревянный храм является объектом культурного наследия федерального значения (Постановление СМ РСФСР № 1327 от 30.08.1960) и представляет собой один из древнейших памятников русского деревянного зодчества Вологодчины. Основной объём храма крестообразный в плане сруб (17*17), его продолжением является сруб четверика (7*7). Общее завершение храма по типу крещатой бочки с пятью главами. Вокруг храма, с северной, западной и южной сторон, имеется обходная галерея-паперть, поднятая над землей деревянными консолями. Весь объём здания приподнят на подклет. На галерею ведёт односходное крыльцо каркасной конструкции. Изначально сруб храма был открытым, а главы куполов – покрыты лемехом и галерея-паперть была не застеклённой. Со временем храм обшили тесом, галерею перестроили по проекту П. Покрышкина, а лемеховое покрытие заменили на железное.

Про этот храм неоднократно писались статьи, составлялись отчёты о его техническом состоянии. На данный момент памятник передан местному церковному приходу (Абакановскому, 2018 год), он готовится к реставрации. Но только ли деревянный памятник архитектуры нужно сохранять в данном случае? Ведь, как прави-

⁸⁶⁰ Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. – Л., 1982. С. 26.

Вид на храм с северо-запада. Фото автора. 2018 г.

ло, деревянные храмы Русского Севера – это, во-первых, храмовые ансамбли, во-вторых, градостроительные (планировочные) доминанты, в-третьих, объекты, связанные с местным ландшафтом.

В связи с этим авторы статьи считают целесообразным утверждать, что данный храм Успения Пресвятой Богородицы необходимо изучать с учётом всех этих аспектов, что, соответственно, может повлиять на подход и методы реставрации.

Храм и ансамбль находятся на территории с. Нелазское (Череповецкий уезд, Вологодская область). Поселение, до XIX в. имевшее второе название Борисоглебское, предположительно образовалось в XI веке. Рядом также были образованы в разное время три деревни Панфилка, Патино, Сафоново.

По своей планировочной структуре село Нелазское можно отнести к примеру периметральной застройки, характерной для XVIII века (это отлично прослеживается и сейчас). В центре поселения находилось всё самое ценное – общественная площадь с храмовым комплексом и торговая площадь с амбарами. Структура окружающей застройки (дома и улицы) имеет в плане круговую форму с прогнами между усадьбами⁸⁶¹.

⁸⁶¹ Бубнова Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала.– М., 1988. С. 33.

В эволюции формирования самого ансамбля авторы данного исследования сочли возможным выделить четыре строительных периода:

Конец XVII – середина XIX вв. Изначально, с XVII века храмовый комплекс был полностью построен из дерева. «В «ведомости Ростовской епархии приходским и ружным церквам, которые построены издревле...», представленной в Святейший Синод Георгием, епископом Ростовским 13 марта 1723 года, сообщается, что в селе Борисоглебское находилось две деревянные церкви: Архистратига Божия Михаила (1627) и Успения Божией Матери (1691)»⁸⁶². В конце XVIII века ансамбль меняет свой облик, так как именно в этот период вместо деревянного храма строится каменная церковь во имя Архистратига Михаила (1785 год (также упоминается 1735 год), освящена в 1821 году). В начале XIX века ряд построек формирует Нелазский (Борисоглебский) ансамбль. Сохранилось описание деревянной колокольни с воротами около Успенского храма. Погост был обнесён деревянной оградой с четырьмя воротами, которые были покрыты двускатной крышей. С северной стороны в ней находилось девять лавок, а напротив еще девять, крытых тёсом.⁸⁶³ В середине XIX века ограда с лавками и деревянная колокольня были перестроены в камне, Успенский храм и церковь Архангела Михаила претерпели некоторые изменения, а сам ансамбль расширился за счёт включения в состав погоста новых объектов: мельницы, часовни и храма Преображения Господня.

Середина XIX века – 1930-е гг. В этот период ансамбль представляет собой большой комплекс объектов, включающий в себя: деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, каменную церковь во имя Архистратига Михаила, каменную колокольню с галереями, двухэтажный кирпичный келейный корпус, деревянную часовню, кладбище, хозяйственные постройки (деревянный амбар). Территория была обнесена кирпичной оградой с двумя воротами. На торговой площади напротив колокольни были три деревянных амбара, напротив кирпичной кельи – деревянная келья церковного сторожа. Также к погосту были приписаны деревянная мукомольная мельница с маслобойней на р. Нелазе, деревянная церковь во имя Преображения Господня и деревянная

⁸⁶² Мальцев М. Г. Историческая справка. Церковь в честь Михаила Архангела в селе Нелазском.

⁸⁶³ Бармотько Е. А. Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера // Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера. – Вологда, 2011. С. 85.

Ансамбль села Нелазского. Вид с юга. Фото начала XX в.

часовня, располагавшаяся недалеко от деревни Патино. В таком виде ансамбль сохранился до 1930-х годов.

1930–1960-е гг. С 30-х годов XX столетия ансамбль начал претерпевать значительные изменения. Это коснулось не только архитектуры, но и вещественного наполнения построек. В это время нещадно разворовывается церковная утварь, «[...] 1935 году сняли колокола с колокольни, их было 5 штук [...] Кресты снимали с колокольни и церкви в 1938 году [...]»⁸⁶⁴; в 1940-х годах разбирают всю кирпичную ограду, храмы используются в качестве места содержания военнопленных и склада под боеприпасы. В 1950–60-х годах все деревянные постройки на территории комплекса были разобраны. В храме Архангела Михаила закрашивают роспись, а сам храм был превращён в клуб с кинозалом и торговыми помещениями. Часть окон была заложена кирпичом.

Современное состояние. В 1962–63-м годах колокольню разбирают⁸⁶⁵, торговые галереи перестраиваются. Расширяется келейный корпус за счет пристройки хозяйственных помещений, а на месте северной ограды и деревянной часовни возводятся

⁸⁶⁴ Выдрова В.А. Память о селе Нелазское. Летопись. Машинописный текст.– Череловец, 2000. С. 2–3.

⁸⁶⁵ Бармотько Е.А. Указ. соч. С. 89.

новые кирпичные корпуса. Результатом стала постепенная стагнация архитектурного облика ансамбля.

На данный момент из первоначального ансамбля XVIII века сохранились: Успенская деревянная церковь, каменная (кирпичная) церковь Архангела Михаила, каменная (кирпичная) келья и корпуса советского периода, перестроенные в середине 20-го века.

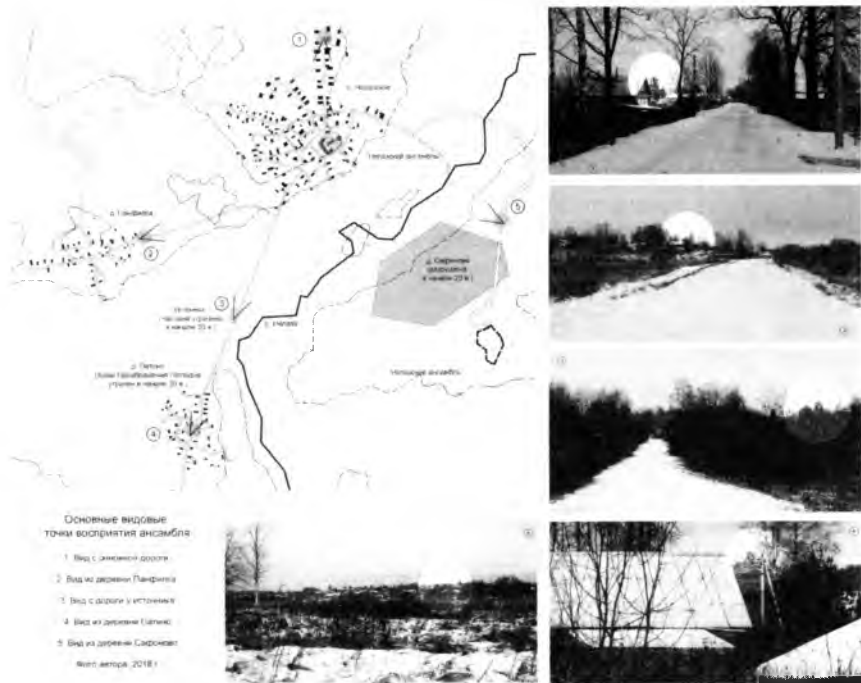
На основе вышеприведённого исторического анализа явно видно, что деревянный храм Успения Богородицы (особенно в период XIX века) был ядром всей ландшафтно-планировочной композиции. Для подтверждения данной концепции возможно использовать в качестве основы прием анализа и классификации культовых ансамблей по Ю. С. Ушакову. Все основные сёла и деревни, которые и формировали большой планировочный ансамбль, располагались вокруг устья реки Нелазы, и по классификационной таблице Ю. С. Ушакова их можно отнести к поселениям при малых реках⁸⁶⁶.

Главный, Нелазский ансамбль, располагался на самой высокой точке, на холме над рекой. Это – яркий пример приёма архитектурно-пространственной организации поселения центрического типа с круговым восприятием (без учета детального исторического исследования) при малой реке⁸⁶⁷. Несмотря на то, что ландшафтная ситуация явно изменилась (вероятно, изначально вокруг поселений была открытая местность, луга, которые на данный момент заросли мелким кустарником и молодыми деревьями), можно предположить, где открывались основные видовые точки восприятия ансамбля. Это вид от самой реки и из деревни Сафоново; вид от источника и места утраченной часовни; вид из деревни Патино (где также находился храм) и деревни Панфилко; с основной трассы Вологда – Череповец. В данном случае Успенский храм не может восприниматься в полной мере завершённым, поскольку отсутствуют подлинные вертикальные доминанты, что можно проследить при сравнении исторических и современных фотографий.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что памятником является не только деревянный храм Успения, но и весь Нелазский ансамбль. Поэтому данный объект нуждается в анализе, основанном на дифференцированном подходе, который включает в себя 3 направления:

⁸⁶⁶ Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 19.

⁸⁶⁷ Там же. С. 40.

План и фотографии основных видовых точек восприятия ансамбля. 2018 г.

1. Анализ самого объекта.
2. Анализ структуры ближайшего окружения.
3. Анализ построения города (в данном случае группы поселений).

Первый пункт авторами не рассматривается, так как этот вопрос достаточно освещён и изучен (анализу храма Успения Богородицы и самого Нелазского ансамбля посвящены работы Е. А. Бармотько, А. Рыбакова, А. Б. Барабанова и др.).

Основываясь на втором и третьем пунктах, авторы предполагают выделить ряд задач для дальнейших реставрационных исследований:

- Подробное исследование планировочной структуры поселений с изучением исторических планов (при условии их наличия и сохранности в архивах), сбора и анализа воспоминаний местных старожилов (по методу Ю. С. Ушакова).
- Изучение природно-географической ситуации. Анализ изменения ландшафта за последний период.

- Анализ ближайшего окружения ансамбля, а также его изучение с археологической точки зрения (непосредственным объектом изучения в данном случае выступает торговая площадь, погост (для выявления фундаментов утраченных объектов).

Подробное исследование комплекса именно в этих аспектах поможет в более точном определении приёма пространственной организации (допускается, что это могла быть и многоцентровая композиция с главным акцентом – погостом) и основных точек восприятия (для точного определения необходима графическая реконструкция поселений с их центрами). Это позволит точнее определить первоначальный облик всего Нелазского ансамбля. Авторы предполагают, что подобное детальное изучение объекта повлечёт за собой необходимость решения целого ряда вопросов:

- уточнение границ охранной зоны объекта (решение вопроса о входящем в ансамбль храме Архангела Михаила, кельи и более поздних советских постройках);

- выявление способов поддержания природной среды для сохранения основных видовых точек и выявления силуэта ансамбля;

- обозначение оптимального периода для реставрации, а следовательно, определение самих методов реставрации (возможно использование не только консервации, но и аналитического (фрагментарная реставрация) и синтетического (целостная реставрация) методов).

В данном исследовании не затрагиваются такие проблемы как финансирование, юридические и имущественные аспекты, заинтересованность местных властей, хотя и предполагается, что они являются одними из ключевых в этой проблеме.

Следует отметить, что в настоящее время позитивным фактором предстаёт глубокая личная заинтересованность и продуктивная деятельность местных жителей по восстановлению былого величия ансамбля, а именно: популяризация и освещение данной проблемы, сбор информации, воспоминаний и фотографий, привлечение местных специалистов. Однако слабой стороной в работе с данным памятником является именно отсутствие ансамблевого видения (в данном случае имеется в виду рассмотрение архитектурного ансамбля без окружающей среды: ландшафта и исторической структуры поселений). Как итог – точечная реставрация, не обеспечивающая воссоздание достоверного облика комплекса в полном объеме.

Изучение и определение методов реставрации храма Успения Божьей Матери в селе Нелазском, как представляется авторам статьи, должны непременно зависеть от рассмотрения памят-

ника как части архитектурно-пространственного и средового ансамбля. Такой подход будет способствовать сохранению уникального наследия русского деревянного зодчества для будущих поколений, ибо «цель реставрации определяется реставратором [...] не абстрактно и не на основе личных желаний и устремлений. Она должна являться и практически всегда является ответом на запросы и требования общества по отношению к конкретному памятнику архитектуры»⁸⁶⁸.

*Митюшева Татьяна Павловна,
ИГ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «СЕРЕГОВСКИЙ СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД» (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

Соляные источники на р. Выми (приток р. Вычегды) в районе Серегово (75 км от г. Сыктывкара, Республика Коми, бывший Яренский уезд Вологодского края) известны и использовались с древних времен. Не случайно в районе Серегово установлены археологические памятники⁸⁶⁹: стоянки Ниремка I и Ниремка II эпохи неолита (начало V – середина III тысячелетия до н.э.), поселения Ниремка I и Ниремка V ананьинской эпохи (VIII–III вв. до н.э.) и Ниремка I гляденовской культурной общности (III–II вв. до н.э. – V в. н.э.). Известно, что постоянное вываривание соли из соляных ключей на Выми началось позднее, чем в известных центрах добычи соли на Вычегде и Каме. Первые письменные упоминания о солеварении на р. Вычегде (Соли Вычегодской) относятся к XIV–XVI в., в 80-х годах XVI в. представители знаменитой семьи промышленников Строгановых заинтересовались и Вымской солью⁸⁷⁰.

⁸⁶⁸ Методика реставрации памятников архитектуры. / Ред. Е.В. Михайловский. – М., 1977. С. 11.

⁸⁶⁹ Археологические памятники Республики Коми. Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 758 с.

⁸⁷⁰ Цембер А.А. К истории основания Сереговского солеваренного завода // Записки Общества изучения Коми края. Вып. 2. Устьысьольск, 1919. С. 48.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древних времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 344 с.

Коми край: очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 368 с.

Возникновение Сереговского солеваренного завода связывают с именем московского купца Даниила Григорьевича Панкратьева⁸⁷¹, купившего землю в 1637 г., и его сына, гостя Ивана Даниловича, которые имели рассольные трубы и до 15 варниц. С этого времени, у нас появилась возможность проследить историю Сереговского рассолопромысла, делящуюся до наших дней.

Соляные варницы Серегово обеспечивали пищевой солью (до 310 тыс. пудов) не только большую территорию северо-востока до Урала, но и позволяли поставлять большую часть добытой соли на рынки Руси. Историческая значимость Сереговского соляного промысла подтверждена тем, что сохранившиеся деревянные сооружения Постановлением Совета министров РСФСР от 4.12.1974 г. № 624 «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» были включены в перечень объектов культурного наследия федерального значения под общим наименованием «Сереговский солеваренный завод».

Сереговский солеваренный завод – первое промышленное предприятие в Коми крае как объект культурного наследия федерального значения, имеет статус памятника градостроительства и архитектуры с датой создания XVII–XIX в. В сведениях из Единого государственного реестра культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации он имеет регистрационный номер 111620461910006. Вид объекта – ансамбль (комплекс), состоящий из объектов: деревянный соляной амбар, весовая и трубы. Особую тревогу вызывает, что этот комплекс промышленной археологии никак не охраняется государством, числится как бесхозный, при том, что в республике всего 9 объектов, имеющих статус «Памятники истории, памятники градостроительства и архитектуры» в соответствии с нормативно-правовым актом о принятии на государственную охрану.

В настоящее время на старинном Сереговском рассолопромысле сохранились водоподъемная башня (рис. 1), один соляной амбар (рис. 2–3), деревянные конструкции колодцев-скважин.

⁸⁷¹ Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

Гейман В.Г. Соляной промысел гостя И.Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. Летоп. занятий Археогр. комисс., XXXV, Л., 1929. С. 14–38.

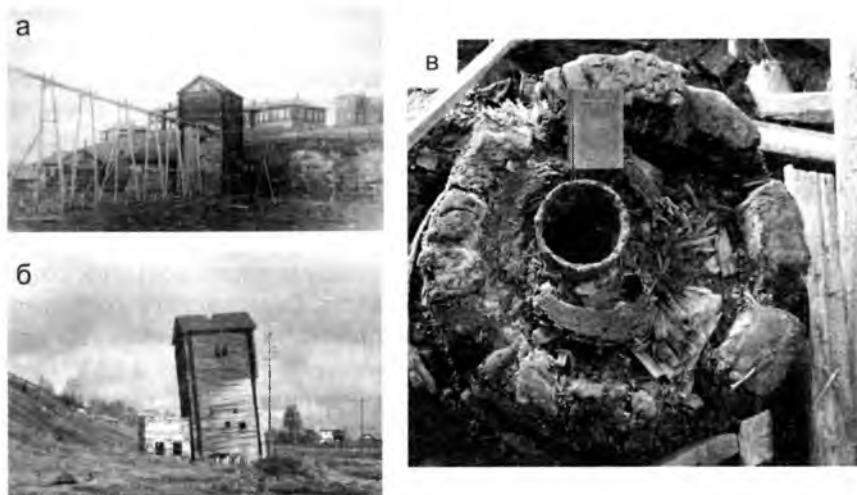

Рис. 1. Рассолоподъемная башня над скважиной Никольская–Октябрьская: а – башня с рассолопроводом (фотография из архива курорта «Серегово», дата не известна, позднее 1930 г.) на заднем плане здания действующего курорта; б – наклон башни за последние годы; в – деревянные обсадные трубы, находящиеся внутри башни (с металлической трубой). Фотографии Т. П. Митюшевой, 2017 г.

Наблюдения последних 20 лет свидетельствуют о разрушении и варварском уничтожении местным населением этих охраняемых объектов, имеющих также и геолого-горноисторическую ценность. Целенаправленные археологические исследования солеваренного производства не ведутся.

Водоподъемная башня находится на правом берегу р. Выми непосредственно под Серёговской горой. Краткая характеристика памятника повествует, что водоподъемная башня представляет собой высокое (более 10 м) бревенчатое, рубленое «в обло» многоярусное сооружение (6,8×6,8 м) с двухскатной крышей (рис. 1а), покрытой черным кровельным железом. В интерьере башни балки второго яруса сооружения, на которые опирался нижний марш лестницы, спилены; полы утрачены на всех ярусах башни. Помещение нижнего этажа заболочено в результате подъема подземных вод, уровень которых находится выше поверхности земли. В центральной части нижнего яруса башни сохранилась деревянная рассолоподъемная труба диаметром 78 см (рис. 1в), состоящая

из нескольких частей. Внешняя, вероятно обсадная труба деревянная, с обсыпкой из щебени известняка, затем собранных по кругу по типу бочек из деревянных 10 см плах (кольев), внутри (55 см) которой находится также деревянная труба (предположительно рассолоподъемная). Внутри деревянной трубы вставлена узкая (диаметром 17 см) металлическая рассолоподъемная труба (современная?), она забита или затампонирована.

За последние годы наметился значительный – до 8° наклон водоподъемной башни в сторону горы, она нависает над пристройкой (рис. 16). Вероятно, под тяжестью каменной пристройки происходит уплотнение или сдвиг крутозалегающих в данном месте пермских пород. Заблачивание также способствует нарушению основания постройки, есть угроза падения башни, несмотря на, казалось бы, крепкую, благодаря длительному просаливанию деревянных бревен, устойчивую конструкцию. Внутри помещения часть бревен обгорела, устроена свалка.

Время строительства трубы Никольская и рассолоподъемной башни над скважиной можно приблизительно установить по дошедшим до нас материалам исследователей Севера, посетивших древний солепромысел. Во время посещения Н. Барбот-де-Марни (1864)⁸⁷³ скважина Никольская, которая после революции переименована в Октябрьскую, только проводилась «Беломорской Компанией», владевшей тогда солепромыслом. И. Худяев⁸⁷⁴ пишет, что бурение скважины продолжалось до 1872 года, примерно до глубины 369 м. В это время эксплуатационными были соляные трубы Якимовская, Богдановская, Луговая, Богородская, Успенская и другие, пробуренные на первой надпойменной террасе р. Выми. Их местоположение указано на геологической карте, приведенной И. Е. Худяевым⁸⁷⁵. Остатки этих труб не сохранились. Но имеются первые химические анализы рассолов Серегово, которые были представлены управляющим завода Кнаузом, приведены в 1865 г. в статье К. Скальковского⁸⁷⁶. Рассолы этих скважин имели хло-

⁸⁷³ Барбот-де-Марни Н. Геогностическое путешествие по северным губерниям Европейской России. 1964 г. Зам. минер.общ. сер. 2, ч. III. СПб. 1868. С. 204–283.

⁸⁷⁴ Худяев И. Е. Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях в районе Сереговского солеваренного завода летом 1928 г. Труды Главн. геол.–разв. упр. ВСНХ СССР, вып. 31. М.–Л., Инст. гидрогеологии, 1931. 53 с.

⁸⁷⁵ Худяев И. Е. Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях..., 1931.

⁸⁷⁶ Скальковский К. Современное положение солеварения в Северных губерниях и будущность их по отношению к горной промышленности. Горн. журн., ч. II, 1865. С. 75, 245.

ридно-натриевый состав крепостью 5–7 Боме (что соответствует минерализации 40–70 г/л).

В конце XIX – начале XX вв. Серегово посетили Н. Н. Яковлев и А. Н. Замятин⁸⁷⁷; по их данным в 1915 г. скважина Никольская уже давала 170 тыс. л/сут крепостью 9 Боме (около 95 г/л). В 1928 г. солеваренный завод эксплуатировал одну Октябрьскую скважину из восьми существующих⁸⁷⁸. И. Худяев по архивным данным отмечал, что в скважине Октябрьская «рассол выкачивался с глубины около 25 м, при помощи насоса, приводимого в действие паровым двигателем. По открытым желобам (рис. 1) рассол поступает в так называемые черные варницы солеваренного завода, где вываривается поваренная соль...». Позднее, для повышения производительности скважины, она была разбурена, металлическая труба была вставлена внутрь обсадных деревянных труб. Скважина Никольская–Октябрьская эксплуатировалась солеваренным заводом до 1952 г.; с 1929 г. крепкие рассолы одновременно использовались и курортом «Серегово» для бальнеологических целей. Дебит составлял около 50 л/сутки. Минерализация хлоридно-натриевых рассолов за период наблюдения 1915–1967 гг. была подвержена значительным колебаниям (видимо в связи с нарушением целостности обсадных труб и проникновением грунтовых вод) от 20 до 104 г/л.

Второй объект ансамбля историко-культурного наследия федерального значения – соляной амбар XIX в. представляет собой бревенчатое сооружение (27,2×13,6 м), рубленое из сосновых бревен диаметром 25–27 см, установленное на листовничные сваи и покрытое тесовой кровлей на два ската. Протяженные стены прорезаны широкими дверными проемами (по два с каждой стороны) для завоза в помещения амбара соли. Бревенчатые мосты (взвозы), дверные колоды и дверные и оконные заполнения полностью утрачены. Единое помещение внутри здания открыто под крышу. Полы из плах утрачены.

Это деревянное сооружение под наименованием соляной амбар XIX в. (возможно это весовая) находится в очень плачевном состоянии. Находясь в 1–3 м от обрушающегося берега реки, возможно обрушение сооружения, территория затапливается в половодье.

⁸⁷⁷ Замятин А. Н. Очерк полезных ископаемых Севера Европейской России и Урала. II гр., 1916. С. 1–40.

⁸⁷⁸ Худяев И. Е. Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях...

*Рис. 2. Современное состояние соляного амбара XIX в.
Фотография Т. П. Митюшевой, 2016 г.*

*Рис. 3. Общий вид на правый берег р. Выми с объектами культурного наследия
федерального значения «Сереговский солеваренный завод» и курортом «Серегово».
Фотография Т. П. Митюшевой, 2005 г.*

Кровля обветшала, частично отсутствует и не защищает от проникновения атмосферных осадков. Внутри помещения местным населением устроена свалка.

Второй соляной амбар (XVIII в.), имевший размеры 50×13 м и располагавшийся в 30 метрах к юго-западу от существующего амбара, утрачен в результате пожара. В 2005 г. сарай еще существовал (рис. 3), к настоящему времени сохранились обгорелые листовенничные сваи амбара, на которых лежат окладные бревна сооружения и (фрагментарно) половые плахи.

На территории Серегово имеются также в значительной степени деформированные деревянные трубы источника «Ключик» (внутренний диаметр 55 см), источника-скважины «Крюковский» (диаметр 85 см), деревянные конструкции укрепления берега реки Выми.

Таким образом, все историко-культурные объекты рассолопромысла – первого промышленного предприятия «Серёговский солеваренный завод», единственного крупного солепромысла на территории современной Республики Коми находятся на грани уничтожения. Комплекс сохранившихся до наших дней деревянных сооружений XIX в. – объектов культурного наследия федерального значения не охраняется, может быть утрачен, если в ближайшее время не предпринять мер по сохранению и реставрации деревянных конструкций.

*Кильдюшова Наталья Алексеевна,
Вологодский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник,
г. Вологда*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ «НОЧЛЕЖНЫЙ ПРИЮТ» В «ДОМЕ ХРАПОВА» АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «СЕМЁНКОВО»

Музей «Семёнково» – это музей под открытым небом, на территории которого располагаются памятники деревянного зодчества XIX – н. XX вв. из Среднесухонского сектора Вологодской области. В настоящий момент он представляет собой модель сельского поселения с церковным погостом, сельскохозяйственным комплексом и двухрядной жилой застройкой. Внутри домов располагаются

различные экспозиции: «Быт зажиточного крестьянства», «Основные занятия крестьян», «Музей масла» и прочие.

Дом В. В. Храпова из д. Бор Космаревского сельсовета Нюксенского района был перевезён в музей в 2005 году. Он был выявлен в 1979 году сотрудниками института «Спецпроектреставрация» (г. Москва) в ходе экспедиционного обследования Нюксенского и Тотемского районов⁸⁸⁰. Реставрационные работы на памятнике завершились в 2010 году.

Параллельно с реставрационными работами сотрудники музея исследовали историю дома и восстанавливали родословную его владельцев. В ходе изучения документов Государственного архива Вологодской области и Великоустюгского центрального архива было установлено, что представители семьи Храповых занимали различные выборные общественные должности. Среди них особо выделяется фигура прадеда последних хозяев дома, Осипа Степановича Храпова, который в конце XIX – начале XX веков неоднократно избирался на должность гласного и члена земской управы Устюгского уезда, был волостным старшиной и даже заведующим Тотемским почтовым трактом⁸⁸¹. Также было установлено, что до О. С. Храпова данным домом владели его братья, Андрей и Яков, которые в 1902 году сдали дом в аренду на 3 года под двухклассное училище Министерства Народного Просвещения⁸⁸².

Учитывая эти данные, в 2010 году сотрудниками музея «Семёново» М. В. Критской, Д. А. Мухиным, А. А. Дружининой была разработана концепция музеефикации дома Храпова под названием «Дом старосты». Данный проект предусматривал:

- создание малого мемориального комплекса семьи Храповых;
- раскрытие темы общественного служения на примере семьи Храповых как носителей крестьянской традиции;
- раскрытие темы сельского самоуправления на обширном этнографическом материале;

⁸⁸⁰ Архитектурно-этнографический музей Вологодской области. Сухонский сектор. Усадьба Храповых. Дом Храповых из дер. Бор Космаревского с/с Нюксенского района. Проект реставрации.- М., 2005. С. 2.

⁸⁸¹ Критская М. В., Мухин Д. А., Дружинина А. А. Концепция экспозиционного проекта «Дом старосты».- Вологда, 2010. С. 5.

⁸⁸² 15 сентября 1902 года было заключено соглашение с крестьянами Андреем Степановичем и Яковом Степановичем Храповыми об аренде их дома в д. Бор под Богоявленское министерское двухклассное училище Министерства Народного Просвещения. Училище открыто в составе обоих классов при 120 учащихся. В 1905 году Училище было перенесено в новое специально построенное здание.

– формирование представлений о состоянии народного образования в Средне-Сухонской деревне в конце XIX – начале XX веков⁸⁸³.

При этом экспозиционный проект рассматривал поэтапное формирование следующих частей экспозиции:

1. «Общественная квартира» (зимняя изба).
2. «Сельская школа» (летняя изба).
3. «Мы, собравшись, постановили...»⁸⁸⁴ (повесть).
4. «Общественная библиотека» (горница).
5. Квартира сельского учителя (светёлка).

Работу над домом было решено начать с обустройства его ключевых помещений – летней и зимней избы, а также повети. К 2015 году были наполнены и открыты для посетителей два помещения, посвящённые сельской власти, а также учебный класс сельской школы. Однако тема начального сельского образования в Вологодской губернии в к. XIX – н. XX веков нуждалась в дополнительном изучении.

В отчётах сельских школ Вологодской губернии в интересующий нас период упоминаются ночлежные приюты, в которых могли остаться ночевать ученики из дальних деревень в случае разыгравшейся к вечеру непогоды. Факт существования данных помещений вызвал закономерный интерес, поэтому в течение 2017–2018 гг. была проведена интенсивная работа в фондах Государственного архива Вологодской области с целью выявить документы, позволяющие раскрыть организацию, функции и обстановку ночлежных приютов, их роль в развитии сельского образования и в жизни учеников. Найденный материал был настолько интересен, что было принято решение скорректировать первоначальный экспозиционный проект дома Храпова, и вместо Общественной библиотеки разместить в горнице экспозицию «Ночлежный приют».

На рубеже XIX–XX веков вопрос о введении всеобщего начального образования оказался в центре общественного внимания. Вологодская губерния не осталась в стороне от острого вопроса, и в сентябре 1903 года Вологодская губернская земская управа

⁸⁸³ Критская М.В., Мухин Д.А., Дружинина А.А. Концепция экспозиционного проекта «Дом старосты». – Вологда, 2010. С. 7.

⁸⁸⁴ Интерактивная экспозиция, построенная в ходе реализации проекта «Мы, собравшись, постановили» – победителя конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина в 2012 году.

подготовила доклад о введении в губернии всеобщего обучения⁸⁸⁵. В нём помимо прочего поднималась проблема удалённости населённых пунктов от существующих школ.

Вологодская губернская земская управа приводит статистические данные о том, на каком удалении находятся школы, посещаемые учащимися, от места их жительства. Как оказалось, ученики, посещавшие школу на расстоянии до 3 вёрст включительно, составляли 78% всего числа учащихся в Вологодской губернии⁸⁸⁶. Таким образом, больше 1/5 части учеников приходилось ежедневно преодолевать расстояние в 4, 5, а то и более вёрст для получения образования.

Исходя из этих данных, Вологодская губернская земская управа сделала вывод, что лучшим средством обеспечить доступ к школе одиноко стоящим и удалённым на существенное расстояние от ближайшей школы посёлкам являются ночлежные приюты⁸⁸⁷.

Ночлежные помещения при школах получили широкое использование в воспитательных целях. Учителя и инспекторы народных училищ нередко приходили в ужас от тех условий, в которых росли крестьянские дети. Тесные избы, в которых в зимнее время наряду с людьми жили животные, отсутствие форточек и как следствие – регулярного проветривания, редкая уборка помещений – эти антисанитарные условия дети воспринимали как норму и нуждались в иных примерах. Ночлежные помещения при школах могли стать положительным примером и опытом по соблюдению опрятности и гигиены.

Учитывая бедность семей многих учеников, ночлежные приюты играли важную роль в обеспечении детей питанием. В «Отчёте по управлению начальными народными училищами Кадниковского уезда Вологодской губернии за 1910 год» отмечено, что ночлежные приюты с горячей пищей существуют при таких училищах, где обучаются дети из дальних деревень от училища (от 3 до 10 вёрст). Горячий приварок имеет существенное значение для привлечения большего числа учащихся, т. к. многие из них не имеют средств иметь у себя дома такой обед, каким пользуются в училище⁸⁸⁸. Такая же ситуация сложилась и в других уездах.

⁸⁸⁵ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 3. Лл. 101–101 об.

⁸⁸⁶ Там же.

⁸⁸⁷ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 3. Лл. 103 об.– 104.

⁸⁸⁸ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 108. Лл. 5 об.–6.

В «Отчёте о состоянии начальных училищ по Велико-Устюгскому уезду Вологодской губернии за 1909 год» указано, что дети пропускают уроки или по болезни, или посредством родителей, когда последние удерживают их дома для хозяйственных работ, или когда дети по бедности отправляются за сбором милостыни. Чтобы не допустить пропусков занятий хотя бы по последней причине, «...лучшим средством является устройство ночлежных при школах с горячим приварком для детей, на что ныне и обращается земством серьёзное внимание»⁸⁸⁹.

В ночлежных приютах дети нередко получали социальную помощь продуктами и вещами. Фонд социальной поддержки учеников мог формироваться из средств, отпускаемых земством, или из добровольных пожертвований посторонних лиц или крестьян ближайших населённых пунктов. Ученикам могли раздавать ткань, предметы одежды (верхняя одежда, головные уборы), обувь, муку, картофель, горох, канцелярские принадлежности⁸⁹⁰.

Школьные ночлежные помещения в представлениях органов власти стали необходимым компонентом обеспечения доступности образования. В связи с этим в материалах совещания инспекторов народных училищ 1911 года даже прописаны требования к обустройству ночлежных приютов и общежитий, в числе которых список необходимой мебели (столы, скамейки, кровати, висячие лампы), комплекты постельных принадлежностей, наличие бани, мастерской ручного труда, учебного огорода с ульями и т. д.⁸⁹¹

Однако не всегда удавалось соблюсти данные требования. Земства не могли в полной мере обеспечить школы элементарными вещами: наглядными пособиями, учебниками, канцелярскими принадлежностями, фондом заработной платы учителям, поэтому ночлежные помещения обустроивались по остаточному принципу. Довольно часто в них не хватало элементарных предметов мебели, постельных принадлежностей, кухонной утвари. Поэтому в документах часто встречаются описания неудобств: ученики спят по 2–3 человека на одной кровати, а при отсутствии кроватей могут располагаться на сундуках, положенных на пол столешницах или вообще в проходах между партами в классных комнатах⁸⁹².

Однако, как отмечено в докладе Вологодской Земской Управы, несмотря на имеющиеся недоработки, результат вполне оправдал

⁸⁸⁹ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 64. Л. 48 об.

⁸⁹⁰ ГАВО. Ф. 1073. Оп. 3. Д. 3. Л. 69.

⁸⁹¹ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 202. Лл. 30–31 об.

⁸⁹² ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 173. Лл. 29–29 об.

ту цель, какая преследовалась открытием этих ночлежных-столовых. Ученики охотно стали пользоваться приютом, избавлявшим их от обратного путешествия домой в осеннюю непогоду и зимнюю стужу⁸⁹³.

Размещение новой экспозиции запланировано в горнице д. Храпова, поскольку она удобно располагается между сенями и классной комнатой. Мы не располагаем данными о том, что в горнице когда-либо размещался ночлежный приют, однако благодаря изученным архивным документам можно утверждать, что в доме с подобной планировкой приют вполне мог быть устроен в данном помещении, ведь оно отвечает главным требованиям: расположено близко к классной комнате и отапливается.

Основным принципом отбора вещей для создания интерьера ночлежного приюта является его неоднородность. Обустройство и содержание приютов не было приоритетным направлением при распределении земских средств на школу, а потому его комплектование происходило различными путями. Вещи и предметы мебели приобретались на сэкономленные земские деньги, передавались крестьянами близлежащих деревень или самим учителем из своего личного пользования в общественное. Разнообразие источников поступления вещей влекло за собой сочетание предметов городского быта и крестьянского обихода; зачастую эти вещи были старыми, потёртыми, со следами ремонта, поэтому хозяева передавали их нуждающимся ученикам.

Стоит сразу отметить, что существуют определённые сложности в представлении новой экспозиции для посетителя. В силу небольшой площади помещения и размещения на ней большого количества предметов посетителям будет сложно вести осмотр, стоя в самом приюте и не задевая фондовых предметов. Возможным решением этой проблемы является устройство в дверных проёмах стеклянных преград или деревянных заборчиков, которые не допускали бы вход в пространство ночлежного приюта, но создавали возможность для знакомства с экспозицией с двух сторон: со стороны сеней и со стороны класса.

Чтобы наиболее полно отразить особенности ночлежного приюта, его обстановка будет воссоздаваться на момент зимнего вечера. Затемнённое окно с задёрнутыми занавесками не пропускает естественное освещение, а потому полумрак рассеивается благодаря имитации горячей подвесной керосиновой лампы, а также

⁸⁹³ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 12. Лл. 10 об.-11.

парой слабых прожекторов, расположенных над входом в горницу со стороны сеней и, следовательно, невидимых для посетителей с первоначальной позиции.

В дальнем правом углу на божнице стоит икона Спаса Вседержителя. Она покрыта вышитым рушником, а возле неё лежит крашеное пасхальное яичко. Перед иконой висит незажжённая лампадка.

Справа от входной двери размещён застеленный сундук, на котором задремала, свернувшись калачиком, утомившаяся девочка. Она одета и лежит поверх постельных принадлежностей, только валенки были поставлены заботливым учителем сушиться на печке слева. Там же сохнут детские рукавицы и тёплый платок. Вдоль левой стены за печью стоит деревянная кровать, на которой лежат скромные, но чистые наматрасник, подушка и одеяло. Поскольку в ночлежном приюте количество оставшихся учеников могло колебаться, дополнительной поверхностью для сна выступает также столешница, которая пока за ненадобностью прислонена к правой стене.

Второй гость ночлежного приюта – крестьянский мальчик. Он сидит за столом возле окна, спиной к посетителям, заглядывающим из сеней, и виден вполоборота людям, заглядывающим в горницу со стороны учебного класса. Он занят серьёзным делом. В Докладе по народному образованию № 8⁸⁹⁴ выражено пожелание, чтобы учитель владел переплётным мастерством и обучил этому учеников, поэтому оставшийся в приюте мальчик заправляет книжный блок в тиски, чтобы затем выровнять ширину страниц специальной пилой. На столе также разложены и другие инструменты: переплётный станок, шило, нож, игла. Данный набор инструментов рекомендован для занятий переплётным делом в домашних условиях брошюрой по переплётному делу⁸⁹⁵, написанной вологодским священником Иоанном Анурьевым. Этому занятию обучали мальчиков, но девочки, оставшиеся в ночлежном приюте, тоже не сидели без дела, поэтому чуть дальше на столе лежат отложенные пальцы с начатой вышивкой на городской манер. Все предметы хорошо просматриваются из дверного проёма со стороны класса.

Помимо инструментов для переплётного дела и вышивки на столе будут стоять, отодвинутые в уголок подальше, чернильница

⁸⁹⁴ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

⁸⁹⁵ Анурьев И. Домашний переплетчик на инструментах своего изделия. – Вологда: Тип. бр. Гудковых-Беляковых, 1898. – 31 с.

и несколько металлических перьев. Время, проведённое учениками в приюте, также могло использоваться для дополнительных учебных занятий, в том числе оттачивания навыка письма.

Рядом с сидящим мальчиком посетители видят ещё один стул, чуть отодвинутый от стола. Зрители застали момент, когда учитель вышел из комнаты, чтобы подбросить дрова в печь общественной квартиры, где будет готовить горячий приварок. Для этого уже всё подготовлено: на скамейку, стоящую вдоль стены рядом с сундуком, уже поставлены горшок с горохом и хлебница с сухими кусочками хлеба, принесёнными детьми из дома. Кстати, данная скамейка при необходимости тоже могла использоваться как дополнительное спальное место.

Пока трапеза ещё не наступила, дети могли утолить жажду. К стене между печкой и кроватью приставлен стул. На нём стоит кадка и пара эмалированных кружек, на спинке висит медный ковшик для наливания воды.

Помимо удовлетворения важнейших потребностей детей в тепле и пище, у учителя была важная миссия приучения детей к гигиене. В многолюдных тесных избах было довольно грязно, ведь крестьяне мыли их от силы пару раз в год. Положение осложнялось присутствием в холода новорождённых животных, которых спасали от вымерзания на скотном дворе, а также духотой вследствие отсутствия форточек. Поэтому ночлежные приюты показывали детям другую модель быта.

В ночлежном приюте Храповского дома учитель также заботится о привитии детям навыков гигиены. Возле печки, прислонённый к сложенным дровам, стоит голик с металлическим совком, которыми пользовались дети для ежедневного наведения порядка. Благодаря этому половики, постеленный на полу от порога у сеней к окну, довольно чист. Ребята также в свободное время занимались починкой своей одежды, поэтому на столе закреплена при помощи струбцины швейка. В простенке у двери со стороны сеней висит небольшое зеркало. Оно специально подвешено высоко для того, чтобы дети могли учиться самостоятельно следить за собственной чистотой и опрятностью.

Крестьянская община и меценаты старались поддержать беднейших учеников сельской школы. Социальная помощь могла быть оказана одеждой и продуктами, которые затем передавались детям. Основная часть вещей (обувь, зимняя одежда) по легенде будет сложена в сундук, но посетители смогут увидеть в простенке у кровати сохнувшие на вешале заштопанные рубашки и

сарафаны. На полочке над кроватью будет лежать отрез ткани, а также часть крупы и муки в холщовых мешочках.

Открытие в музее «Семёново» помещения ночлежного приюта даёт новые возможности для расширения экскурсионной деятельности музея. Появление двух школьных помещений позволяет широко раскрыть тему сельского начального образования от организации учебного процесса до послеурочной жизни учеников, показывая взаимодействие школы с крестьянской общиной. Закономерным итогом работы с документами станет разработка новой экскурсии продолжительностью 1 академический час, которая будет целиком посвящена теме начального сельского образования.

Дом Храпова имеет большой потенциал для развития темы образования в Вологодском крае. Пока не обустроенной является светёлка на втором этаже, которая, согласно документам, сдавалась в качестве квартиры учителю Богоявленского училища⁸⁹⁶. Экспонирование данного помещения является необходимым для отражения положения сельских учителей в к. XIX – н. XX века, их быта и внутреннего мира. Другим перспективным направлением развития темы является устройство придомовой территории с разбивкой учебного огорода.

*Луцковская Елена Фёдоровна,
МБУК «Северодвинский городской краеведческий музей»,
г. Северодвинск, Архангельская область*

КОЛЛЕКЦИЯ БУТЫЛЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ АМБУРСКОЙ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ, АТРИБУЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Целью данной статьи является краткий обзор коллекции стеклянных бутылок, поступивших в фонды Северодвинского городского краеведческого музея в период с 2002 по 2014 гг. в результате работы этнографических экспедиций на территории бывшего Амбургского старообрядческого скита. Собрание включает в себя различные образцы стеклянных изделий ведущих предприятий России конца XIX – I половины XX вв. Также в статье рассматриваются вопросы комплектования, атрибуции и использования музейной коллекции.

⁸⁹⁶ ВЦА. Ф. 262. Оп. 1. Д. 76. Л. 28.

Этнографические экспедиции Северодвинского музея, организуемые на территорию бывшего Амбурского старообрядческого скита⁸⁹⁷, позволили собрать значительное количество предметов, бытовавших в старообрядческой среде. На сегодняшний день проведено 20 полевых исследований⁸⁹⁸. В фонды поступило более семисот предметов музейного значения, характеризующих культуру и быт северных старообрядческих скитов. В данной статье речь пойдёт лишь о небольшой части этой коллекции – стеклянных бутылках.

Источник её формирования – приобретение у частных лиц. Основная масса предметов поступила в фонды музея в дар, и лишь незначительное количество было закуплено. Большую их часть передал Леонид Фёдорович Добрынин, работник Северного машиностроительного предприятия (г. Северодвинск), участник популярных в 1960–1970-е гг. туристских походов выходного дня. В 1970 г. семья Добрыниных купила небольшой домик в деревне Амбурские. Ранее он принадлежал члену старообрядческой общины Ульяне Михайловне Корельской (1892–1970). Этот дом был построен до 1918 г.⁸⁹⁹. Рядом также располагались амбурская моленная, а также дома постройки начала XX в. Ввиду того, что вода в Амбурском озере имеет горьковатый болотный привкус, то для поиска лучшей решили обследовать ранее существовавшие колодцы. На задворках купленного ими дома оказался такой засыпанный колодец. Они его заметили по двум сгнившим венцам, скрытым выросшими кустами. В 1979 г. дети Добрыниных начали его откапывать. Инструментами были железная лопата, тренога и ведро. В нижней части колодца стали попадаться стеклянные бутылки. Они проявили к ним интерес и, по возможности, стали вынимать их из земли руками и поднимать вверх. Всё поднятое рассортировали. Посуда принадлежала как дореволюционному, так и советскому периоду. Удивило многообразие бутылок, находящихся в одном колодце! Такой же колодец, тоже засыпанный и

⁸⁹⁷ Амбурский скит – духовный центр местного старообрядчества. Находился в 50 км от Архангельска, за болотами сёл Рикасихи и Кудьмы. Был известен староверам обеих столиц Российской империи и пользовался большой известностью и популярностью.

⁸⁹⁸ Первая этнографическая экспедиция Северодвинского музея состоялась в 2002 г., последняя – в 2016 г.

⁸⁹⁹ Белозерский муниципальный архив. Похозяйственная книга деревень Лахта – Амбурские – Волость на 1949 г.

прикрытый корневищем вывернутого ветром дерева, находился у соседнего дома. Но в нём ничего не нашли, в том числе и воды. Как бутылки оказались в колодце и как он превратился в свалку – неизвестно. Сейчас можно только предполагать.

Во все времена отовсюду в Амбурский скит стекались паломники в праздничные дни, особенно много приходило в Великий пост. В летнее время богомольцы собирались здесь под благовидным предлогом сбора грибов и ягод. Амбурская моленная почиталась многими как святыня, и к ней шли на поклонение не только старообрядцы, но и православные⁹⁰⁰. Гости в большом количестве приходили пешком, приезжали на лошадях, несомненно, располагались в разных домах. Были встречи, беседы, застоля. В скиту проживали в основном люди преклонного возраста, порой немощные. Этим, наверное, можно объяснить большое количество найденной аптечной посуды. По мнению Л. Ф. Добрынина бутылки появились в колодце как-то сразу и были закиданы землёй. Возможно, в каком-то из старых домов или непосредственно в моленной скопилось большое количество данной стеклянной тары. Однозначного ответа на этот вопрос не имеется. Представленный материал не отражает всю количественную картину стеклянной посуды, находившейся когда-то в Амбурских. Часть бутылок была разбита в процессе подъёма из колодца. По одному экземпляру наиболее интересных Добрынины отложили, перемыли и прибрали на чердак собственного дома, где они и хранились около тридцати лет. Впоследствии Л. Ф. Добрыниным был составлен список обнаруженных предметов, состоящий из 103 единиц. В нём указано краткое описание, вместимость, высота, размер основания, диаметр горлышка каждого изделия⁹⁰¹. Из них в фонды музея были отобраны наиболее интересные экземпляры. Общее количество переданных предметов – 56, из них – 55 основного и 1 научно-вспомогательного фонда.

Также отдельные бутылки находились и другими жителями Амбурских: при копке огородов, в Амбурском озере и по всей территории деревни. Не всякий хозяин огорода придавал большое значение подобного рода находкам. Кто-то их выбрасывал, а кто-то сохранил для истории.

⁹⁰⁰ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 3. Т. 5. Д. 816. Л. 35, 35 об.

⁹⁰¹ Северодвинский городской музей (далее – СГКМ). Научный архив. Материалы, собранные в результате работы этнографических и городских экспедиций в Амбурские. 2002–2016 гг.

Чем же интересны эти предметы и что они собой представляют? В амбурскую «стеклянную» коллекцию входят аптечные и парфюмерные флаконы, пивные, винные, водочные, из-под минеральных вод и молочные бутылки, а также техническая тара. Предметы датируются концом XIX – I половиной XX вв. Они разнообразны по форме, размерам, толщине, назначению и вместимости. В зависимости от характера содержимого различны по цвету стекла: от бесцветного, зелёного, коричневого до зеленовато-коричневого. В разное время в них хранились медицинские препараты, парфюмерия, молоко, пиво, вино, минеральные воды и т.д. Эти предметы обладают не только краеведческой, но и историко-культурной ценностью. Изучая их, мы также можем узнать информацию о предприятии, об ассортименте выпускаемой им продукции и его владельце, на какой территории оно располагалось, о периодах его существования, объёмах производства и т.д.

Наибольший интерес представляют «именные» предметы, которые содержат этикетки, надписи и клейма. Благодаря этому удалось установить авторство многих производителей. Таких «именных» 28 предметов, то есть большая часть коллекции. Остальная часть бутылок не имеет информационных надписей, а значит, атрибутировать их гораздо сложнее. Несмотря на то, что в г. Архангельске в конце XIX в. работало два стекольных завода, но ни одной бутылки местного производства не было обнаружено. В основном представленная посуда была выпущена на известных стекольных заводах Москвы и Петербурга. Скорее всего, и продукция, содержащаяся в ней, также производилась и поставлялась с территорий, находящихся за пределами Архангельской губернии.

Аптекарская посуда

Это наиболее многочисленная группа из данной коллекции. Собрание аптечных флаконов включает 15 разных по форме, цвету и размерам маленьких и больших бутылочек. Аптечные пузырьки из столичных аптек цилиндрической, четырёхгранной, шестигранной, восьмигранной формы из бесцветного стекла до стекла с зеленоватым оттенком. Эти предметы, как правило, не имеют этикеток с наименованием содержимого и обозначением фирмы-производителя. Характерным их отличием являются рельефные надписи или рамки, покатые плечики, горлышки с валиком или сливом («с капельницей»), закруглённые переходы граней. Отдель-

ные из них содержат изображения двуглавых орлов, различные надписи и клейма.

В амбурской коллекции сохранилось несколько аптечных бутылочек владельца стекольного завода Сергея Глинского. В конце XIX – начале XX вв. С. Глинский был одним из крупнейших производителей аптекарской тары. Две одинаковые бутылочки цилиндрической формы из прозрачного стекла с высоким горлышком, одна из них с пробкой. На основании содержится клеймо в виде рельефных букв (инициалы): «С. Г.», обозначающие имя и фамилию стеклопромышленника⁹⁰². Другой флакон – высокий, четырёхгранной формы с закруглёнными гранями, покатыми плечиками, высоким фигурным горлышком. На тулове в центре двуглавый орёл и надписи: «АПТЕКА», «PHARMACIE». В нижней части буквы: «С. Г.»⁹⁰³. Рельефные изображения придают аптекарским флаконам определённую особенность при простоте их формы. Встречаются аналогичные флаконы, но без инициалов производителя. Возможно, что они также были выпущены данным владельцем завода.

Интересен своими надписями и оформлением цилиндрический флакон из бесцветного стекла с зеленоватым оттенком. Стенки его сужаются книзу. Плечики оформлены в виде восьми фигурных полукруглых граней. На тулове полукругом расположены рельефные надписи: в верхней части – «Р. КЁЛЕРЪ и К^о», в нижней части – «Москва»⁹⁰⁴. Фабрично-торговая фирма «Р. Кёлеръ и К^о» возникла в 1862 г. и была одной из старейших фармацевтических и парфюмерных фирм России. Торговая марка фабрично-торгового товарищества «Р. Кёллер и К^о» была хорошо известна до революции.

Иногда на бутылочках можно встретить полное название фирмы-изготовителя. К примеру, бутылочка четырёхгранной формы с высоким фигурным горлышком из прозрачного стекла. На тулове якорь и надписи: «Охр. Марка», «Ф.АД. РИХТЕРЪ и К^о, РУДОЛЬШТАДТЪ». На боковых гранях надписи: «ЯКОРНЫЙ, ПЕНЪ ЭКСПЕЛЛЕРЪ»⁹⁰⁵. Позиционировалось как средство «от ломоты в суставах и от прочих напастей», панацеей от всех болезней. Лаборатория лекарственных препаратов, выпускающая «Пен-Экспеллер», была открыта германским промышленником Ф. А. Рихтером в 1898 г. в Саблино (ныне посёлок Ульяновка Тосненского района Ленинградской области).

⁹⁰² СГКМ. КП 23117, 23118.

⁹⁰³ СГКМ. КП 16624.

⁹⁰⁴ СГКМ. КП 19457.

⁹⁰⁵ СГКМ. КП 16623.

Бутылки для минеральных вод и пива

В коллекции представлены бутылки, в которые разливались минеральные воды и безалкогольные напитки. Это две одинаковые бутылки для минеральных вод, необычные по своей форме и схожие между собой. Вытянутой полуовальной формы, из тёмно-зеленого стекла с высоким горлышком, широким ободком по краю. На их тулове расположены рельефные надписи: «СПБ. ЗАВ. ИСК. МИН. ВОДЪ» (Санкт-Петербургское заведение искусственных минеральных вод)⁹⁰⁶. Бутылка объёмом 300 мл с овальным дном предназначалась для горизонтального хранения во избежание появления осадка.

Третья – аналогичная по форме, цвету и почти с такой же рельефной надписью на тулове: «ЗАВЕД. ИСКУСТВ. МИН. ВОДЪ», но выпущенная в Москве. Основание у неё круглое, в центре его буквы: «А. Н.». На противоположной стороне указана фамилия – «Николай Ланинъ въ Москвъ»⁹⁰⁷. О владельце, московском купце 1-й гильдии Николае Петровиче Ланине (1832–1895) известно, что учился он в 3 московской гимназии, затем ездил за границу для изучения технических наук. Вернувшись, занялся новым тогда в России производством искусственных вод, которые развил и значительно усовершенствовал («Ланинские воды»)⁹⁰⁸. В 1852 г. основал в Москве завод искусственных и минеральных вод.

В России первые крупные частные пивоваренные заводы с паровыми машинами возникли в середине XIX в. в Москве и Петербурге. В 1913 г. имелось 1016 пивоваренных заводов. В начале Первой мировой войны (1914) пивоваренные заводы были закрыты⁹⁰⁹. Наиболее крупными центрами производства пива считались Петербург и Москва. Из данной коллекции можно выделить две пивные бутылки московского производства. По внешнему виду и весу они высокие, массивные, тяжёлые. На бутылке из тёмно-коричневого стекла на тулове в ромбе – изображение сокола (заводского знака) и буквы «С», на противоположной стороне – рельефная надпись, выполненная в три строки: «СОКОЛЬНИЧЕСКОЕ ПИВОВАР. Т-во МОСКВА». Сокольническое товарищество и пивза-

⁹⁰⁶ СГКМ. КП 16626.

⁹⁰⁷ СГКМ. КП 16625.

⁹⁰⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А., Ефрона И.А. Т. 17. С-П., Типо-литография Ефрон И.А. 1896. С. 330.

⁹⁰⁹ Большая советская энциклопедия.– Т. 33.– Второе издание.– Москва, 1955. С. 15.

вод были основаны в 1912 г. торговым домом Вакано, Рихтер и К^о. Они прекратили своё существование в 1915 г.

Аналогичной по форме является пивная бутылка из тёмно-зелёного стекла. На тулове – монограмма из букв «ГЗ» и надпись: «ГОСУДАРСТВЕН. ТРЕХГОРНЫЙ ПИВОВАР. ЗАВОД МОСКВА». На дне обозначена её ёмкость – 0,6 л. Завод был основан в 1875 г.⁹¹⁰.

Винные и водочные бутылки

В амбурской коллекции имеется бутылка известного «водочного короля» Петра Арсеньевича Смирнова (1831–1898). Высокая, из прозрачного стекла с высоким фигурным горлышком. На тулове изнутри сверху вертикально расположены изображения четырёх рельефных государственных гербов с датами их присуждения: «1877», «1882», «1886», «1896»⁹¹¹ и вертикальная надпись: «Т-ВО ПЕТРА СМИРНОВА ВЪ МОСКВЪ». По нижнему краю проходит рапортный узор из вдавленных полос.

Даже обыкновенная бутылка может стать источником любопытных исторических сведений. Это несколько сохранившихся винных бутылок с необычными бумажными этикетками на них. Все они простой прямоугольной формы. К примеру, стеклотара из-под портвейна. Цилиндрической формы, с высоким фигурным горлышком, в верхней части которого ещё сохранилась серебристая фольга. На белой бумажной этикетке красно-коричневое изображение печати главного управления уделов в виде двуглавого орла, в центре которого расположен вензель «Н II» (Николай II) и надписи: «УДЪЛЬНОЕ ВЪДОМСТВО», «ТИПА ПОРТВЕЙНА», «№ 33»⁹¹². Бутылы того времени имеют вдавленное внутрь массивное коническое основание. На основании – рельефные буквы: «УВ».

Бутылка цилиндрической формы из тёмно-зелёного стекла с высоким горлышком. Восьмиугольная этикетка тёмно-синего цвета. Этот фон настолько тёмный, что надписи читаются с большим трудом: «Хересь бълый»⁹¹³.

⁹¹⁰ В 1934 г. заводу было присвоено имя А. Е. Бадаева. В СССР – одно из крупнейших предприятий пивоваренной промышленности.

⁹¹¹ Гербы присуждались фирме за блестящие результаты при участии в выставках: 1877 – во Всемирной промышленной выставке в Филадельфии; 1882 – во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве; 1886 – пожаловано звание Поставщика Высочайшего Двора, 1896 – во Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде.

⁹¹² СГКМ. КП 18951.

⁹¹³ СГКМ. КП 20270.

Другая бутылка из бесцветного стекла, высокая. На тулове светло-коричневая бумажная этикетка, содержащая различные надписи и тексты. Правая её часть утрачена. Но, тем не менее, основная информация сохранилась. В верхней части на развешиваемой ленте размещались данные о производителе (название органа): «Центроспирт». Ниже название: «Хлебное» и его ёмкость – «0,615 литра». Отдельно указаны стоимость вина: «1 руб. 10 коп.», а также цена посуды: «15 коп.» и итоговая цена: «1 руб. 25 коп.». Также интересной представляется надпись: «Посуда подлежит обратному приёму по этикетной цене»⁹¹⁴.

Бумажная этикетка на другой бутылке значительно пострадала: имеются многочисленные разрывы с большими утратами бумаги, и, к сожалению, информация о ней сохранилась только частично. Например, неизвестна крепость содержимого. В верхней части в круге расположены надписи органа, регулирующего спиртовой оборот: «Наркомснаб СССР», «Главспирт». Указана ёмкость тары: 1/20 в[едра], равная пяти чаркам или 0,6 л. В центре надпись: «Пшеничная водка». Внизу часть этикетки и текста утрачены. Сохранились отдельные надписи: «Цена водки, посуды и пробки», которые остались неизвестными. Зато точно знаем: «Укупорку капсулей потребитель не оплачивает». А посуду требуется вернуть вместе с пробкой⁹¹⁵.

Обращает на себя внимание бутылка из прозрачного стекла с высоким фигурным горлышком как своей формой, так и изображениями на ней. На тулове символ – подкова, согласно русскому поверью приносящая счастье, и пятиконечная звезда. По нижнему краю тулова надпись: «ОБЩ. БЕКМАН и К^о». На дне буквы «АЛТ»⁹¹⁶.

Две коньячные бутылочки⁹¹⁷ не имеют ни этикеток, ни надписей, ни рисунков. Небольшие, цилиндрической формы с высоким горлышком. У одной горлышко винтовое⁹¹⁸.

20 июля 1893 г. в России была введена «казённая продажа питей» (винная монополия), означающая исключительное право государства на приобретение и продажу спиртных напитков. Ему же принадлежало право их ввоза из-за рубежа. Оптовая и розничная продажа сосредотачивалась в казённых оптовых складах и

⁹¹⁴ СГКМ. КП 19467.

⁹¹⁵ СГКМ. КП 20271.

⁹¹⁶ СГКМ. КП 16630.

⁹¹⁷ СГКМ. КП 18944.

⁹¹⁸ СГКМ. КП 18952.

винных лавках. Контроль за ней был возложен на главное управление неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов⁹¹⁹. Интересна одна из таких бутылок. Невысокая, из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком. На тулове в центре сохранилась этикетка, но с утратами в верхней и нижней частях. В верхней части двуглавый орёл и надписи: «Казённая продажа ПИТЕЙ», «Московская губерния», «Напитки, допущенные в продажу на комиссионных началах». Указание стоимости утрачено. Дно, сильно вогнутое внутрь, с выступом в центре⁹²⁰.

Бутылка водочная начала 1950-х гг. цилиндрической формы с высоким горлышком, с ободком по краю горловины и остатками сургуча с внешней стороны. Внутри в горловине – пробка. В начале 1950-х гг. бутылки закупоривали бумажными пробками в форме напёрстка с прокладкой из вощёной бумаги и заливали сургучом. При её откупоривании сургуч оббивали, выковыривали, иногда проталкивали внутрь бутылки⁹²¹.

Пищевого назначения (молочные бутылки)

На первый взгляд, две стандартные молочные бутылки из бесцветного стекла (прозрачно-зеленоватого). Но привлекают внимание расположенные на них рельефные надписи. На одной – «НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР ГЛАВМОЛОКО» датируется 1934–1946 гг.⁹²² Другая – с надписью: «СОЮЗМОЛОКО»⁹²³ (1931 г.). В отличие от обычных бутылок молочная бутылка имела широкое горлышко и закупоривалась не пробкой или крышкой, а фольгой. На фольгу методом тиснения наносилась вся информация о продукте и производителе, включая розничную цену.

Техническая тара

Сохранились две бутылочки из-под уксуса: дореволюционная и советского времени. Обе трёхгранной формы, из прозрачного стекла с высоким фигурным горлышком. На тулове дореволюци-

⁹¹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. Т. XXIIIа. С.-П., Типо-литография Ефрон И. А. 1898. С. 721–724.

⁹²⁰ СГКМ. КП 16621.

⁹²¹ СГКМ. КП 19474. Научный архив СГКМ. Материалы, собранные в результате работы этнографических и городских экспедиций в Амбурские. Воспоминания Добрынина Л. Ф.

⁹²² СГКМ. КП 18949.

⁹²³ СГКМ. КП 23115.

Коллекция бутылок с территории бывшего Амбургского старообрядческого скита. Фото В. Карпова

онной – на боковых узких гранях горизонтальные деления, две широкие грани рельефные (точечная орнаментация), третья – гладкая. На одной из граней надпись: «ЪРА НА I БУТЫЛКУ»⁹²⁴. Клейм и букв нет.

Типовая бутылка из-под уксусной эссенции 1950-х гг., выпущенная в СССР. На узких боковых гранях риски-метки. На одной из широких граней пять рельефных полос-делений. На тулове хорошо сохранившаяся бело-жёлтая наклейка с надписями: «ГЛАВЛЕСХИМ, ЛЕСОХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД, ДМИТРИЕВСКИЙ ЛЕСОХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД, Уксусная эссенция». Также указаны технические характеристики: крепость 80% и объём бутылки (вес) – 100 гр. В нижней части этикетки рекомендации: «Обращаться осторожно. Перед употреблением разбавить в 20 частях воды»⁹²⁵. Интересно, что трёхгранная форма этой тары из-под уксуса и эссенции перешла по наследству к производителям, выпускающим эту продукцию, уже в советское время. Это являлось своеобразной гарантией безопасности потребителя. Такую бутылку даже на ощупь,

⁹²⁴ СГКМ. КП 18947.

⁹²⁵ СГКМ. КП 19462.

в темноте, нельзя перепутать с любой другой. Надо особо отметить тот факт, что нам, музейным работникам, повезло, ведь эти предметы не один десяток лет пролежали в совершенно неблагоприятных условиях, в песке, под воздействием атмосферных осадков, но, в то же время, сохранили бумажные этикетки, что в дальнейшем в значительной мере помогло атрибутировать их.

Предметы данной коллекции широко используются на тематических выставках по истории Амбургского старообрядческого скита, декоративно-прикладному искусству, в интерьерах постоянных экспозиций. Каждый из них представляет интерес с этнографической, исторической и художественной точек зрения. В настоящее время фонд «Стекла» продолжает пополняться и другими стеклянными изделиями, в том числе и предметами из личных коллекций.

*Александрова Анна Юрьевна,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

*Цапук Дмитрий Анатольевич,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, Ярославль*

МУЗЕИ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОМ ТУРИЗМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В г. ВОЛОГДЕ)

Развитие детско-юношеского (сокращенно детского) туризма и отдыха в России признано одной из стратегических задач государственного важности. Детский туризм имеет большое значение для патриотического воспитания и гражданского становления молодежи.

В 2015 г. по заданию Регионального центра поддержки предпринимательства Вологодской области коллектив специалистов из Москвы и Ярославля проводил маркетинговое исследование перспектив развития детского туризма в г. Вологде, а также оценку рынка туристических и экспозиционных ресурсов г. Вологды в части патриотического воспитания детей и молодежи. Исследования выполнялись в тесном сотрудничестве с ООО «Вологодская

областная туристско-экскурсионная фирма «Вологдатурист»», Центром туристической информации г. Вологды «Резной палисад» и волонтерским центром. Большое внимание было уделено музеям как одному из центральных звеньев детского туризма и патриотического воспитания подрастающего поколения.

Исследования проводились методом анкетного опроса посетителей детских мероприятий («лицом к лицу» во время или сразу после окончания мероприятий). Всего было опрошено 600 человек из числа подростков и молодежи, родителей и других участников воспитательного процесса. 94% респондентов проживают в г. Вологде, 5,3% – в других населенных пунктах Вологодской области и 0,7% – из других регионов России.

Выборочный опрос был дополнен сфокусированными экспертными интервью с руководителями и представителями объектов и субъектов детского туризма, задействованными в сфере патриотического воспитания детей и молодежи (организаторы детского отдыха и туризма, авторитетные и опытные педагоги, организаторы детских и молодежных событий и экскурсий). Опросы проводились по стандартам российских и международных ассоциаций исследователей-социологов и маркетологов.

В настоящее время результаты методически правильно организованных социологических опросов дают социально-экономический «портрет» участников детского туризма, являются единственным источником сведений об их ожиданиях от детских (молодежных) мероприятий и удовлетворенности туристским (экскурсионным) продуктом, важности детского туризма для воспитательного процесса и т.д. Дополненные экспертными интервью, социологические опросы подростков и молодежи, а также родителей, педагогов и воспитателей дают сравнительно полную картину в данной области.

В ходе маркетинговых исследований были получены следующие результаты.

Респонденты принимали участие в разнообразных видах детского и молодежного туризма и экскурсий. Преимущественно они посещали экскурсии в музеи г. Вологды и выезжали в соседние города (около $\frac{3}{4}$ опрошенных). Наименее популярными среди опрошенных оказались военно-патриотические мероприятия, спортивно-оздоровительный туризм и выезды в спортивные парки (на уровне 28–30%). Однако именно в них респонденты хотели бы в первую очередь принять участие (уровень неудовлетворенности спроса доходит до 30%). Вместе с тем запрос на такие меро-

приятия, как экскурсии в музеи г. Вологды и выезды в соседние города, не так велик, и количественно (но не качественно) с запасом удовлетворяется.

По результатам опроса средняя частота посещения музеев детьми (родителями с детьми) составляет около 4 раз в год. Наиболее часто встречающееся значение числа посещений – 1–2 раза в год. Это говорит о том, что в целом и в школе, и в вузе подростки и молодежь с определенной регулярностью посещают музейные учреждения.

Один из ключевых вопросов в исследовании был сформулирован следующим образом: «Что больше всего привлекает в музеях (для походов с детьми)?». Большинство респондентов отметили осмотр экспозиций и выставок (66,9%). Однако три других вида активности в музеях – посещение событий, просмотр видеофильмов и участие в интерактивных и анимационных программах, играх – в сумме более чем в два раза превысили первую позицию, набрав в среднем 45–50% ответов каждый. Достаточно высоко оценены и образовательные программы (32,8%). Такие «необязательные» виды деятельности, как покупка сувениров и посещение кафе также имеют определенную привлекательность (около 20%). Данные результаты демонстрируют, что привлекательность музеев можно существенно (в разы) увеличить за счет разнообразия видов деятельности.

В ходе опроса респондентам предлагалось назвать объекты, в которых они побывали за последние три года. Среди них с большим отрывом лидирует Вологодский областной музей-заповедник (краеведческий музей). Другие места и музеи можно объединить в нижеследующие кластеры в зависимости от частоты упоминания, а следовательно, степени популярности среди респондентов:

- очень высокой (музей кружева, картинная галерея г. Вологды),
- значительной (музей в Семенково, центр «Yes» в Стризнево, усадьба Брянчаниновых и Софийский собор с колокольней),
- весьма популярные (музей «Мир забытых вещей», ТЮЗ, драматический театр, музей Шаламова, парки города, центр «Эврика», музей Эйнштейна, а также в целом Кремлевская площадь).

Среди загородных объектов и мест респонденты сравнительно часто называли Кирилло-Белозерский монастырь, оздоровительные лагеря, а также Череповец, Ферапонтово и Ярославскую область (по убыванию).

В отличие от объектов и мест мероприятия и события в детском и молодежном туризме опрашиваемые знают хуже. Наиболее

значимым результатом стало то, что с большим преимуществом лидируют мероприятия, требующие от участников активности («Зарница», походы, туристические слеты и пр.). Кроме того, даже самые известные туристские мероприятия в Вологде, как «Голос ремесел», фестиваль VOICES и др., имеют незначительную составляющую детского и молодежного туризма. Тем более, что упоминания данных мероприятий принадлежат преимущественно студентам.

В ответах на вопрос о том, в каких музеях г. Вологды респонденты уже побывали, наблюдается вполне закономерная картина: наиболее крупные музеи посещают значительно чаще. Однако, есть и интересные моменты, так как ответы респондентов свидетельствуют не только о фактах посещения, но и о том, какие музеи запомнились. Обращают на себя внимание высокие позиции таких музеев, как музей «Мир забытых вещей», музей Эйнштейна, «Эврика» и другие, которые, видимо, хорошо запомнились детям, учителям и родителям.

Крайне интересно и важно сравнить эти результаты с мнением о том, какие музеи Вологды стоит рекомендовать для посещения детям (или родителям с детьми). И здесь происходит смена лидеров. Вместо краеведческого музея ведущим назван музей кружева. Кроме того, такие музеи, как «Эврика», музей Эйнштейна, «Семеново» оказались выше в предпочтениях по рекомендации. Это свидетельствует о том, что развивающие, наиболее интерактивные музеи выигрывают по сравнению с остальными с точки зрения рекомендаций другим для посещения. В случае с музеем кружева имеется и еще один явный фактор – уникальность музея, осознание того, что он характеризует своеобразие Вологды.

Последний тезис подтверждается ответами респондентов, почему они рекомендуют те или иные музеи. Вызываемый музеем интерес становится, что вполне предсказуемо, определяющим фактором. Однако важными являются развивающий характер и познавательность программ музея, эмоциональность и яркость подачи экспозиций и вовлечения посетителей.

Среди основных проблем, которые препятствуют развитию туризма, в том числе посещению музеев, для детей и молодежи в Вологде, выделяются (в порядке значимости): нехватка средств у населения, нехватка времени и занятость родителей, детей, учителей, нехватка интересных объектов и экскурсий, инфраструктуры.

В качестве заключительного вопроса по теме музеев задавался вопрос «Что рекомендуете сделать, чтобы все музеи были интерес-

нее для посещения?». Результаты ответов на него (перечислены в порядке убывания) показывают основные направления работы по привлечению детей и молодежи в музей:

- интерактивность и активные приемы работы с посетителями (нескучные экскурсии, игры, праздники и акции, мастер-классы, возможность потрогать экспонаты);
- больше выставок и мероприятий и более разнообразные, больше экспонатов, обновление экспозиций;
- снижение цен, бесплатная возможность посещения;
- ориентация на современную культуру, использование новых технологий, мультимедиа.

Массовый опрос участников детско-юношеских мероприятий был дополнен экспертным интервью, подтвердившем и углубившем ранее полученные результаты. В частности, представители туристских фирм и экскурсоводы, администрация города и государственные организации по дополнительному образованию, представители музеев и площадок, которые посещают дети и молодежь, были едины во мнении. Они констатировали, что среди музеев все большей популярностью пользуются музеи интерактивного и развивающего типа (музей «Мир забытых вещей», гридня) и те, которые предлагают значительное число таких интерактивных программ (музей-заповедник, дом Самарина, «Семенково», картинная галерея).

Популярны и специальные площадки развивающего типа, направленные на расширение кругозора, знакомство с профессиями, предлагающие мастер-классы («Кидстан», «музей Эйнштейна», «Эврика», музей ж/д депо, музей сказки, Дом Петрушки). Развиваются центры дополнительного образования со специальными мероприятиями и мастер-классами («Резной палисад», творческие, молодежные образовательные центры). Популярностью пользуются и такие площадки, как филармония и театры (ТЮЗ, драмтеатр, детский театр), библиотека.

В представлении экспертов, в Вологде

- нужно создать огромное количество объектов и площадок для семейного отдыха, которых почти нет;
- нет системы мероприятий и организации досуга детей и молодежи;
- мало обустроенных парков, спортивных парков, современных тематических парков;
- крайне недостаточно современных площадок (Интернет, мультимедиа, современные технологии);

- очень сильно не хватает недорогих объектов размещения за городом (спортивные, тематические лагеря и площадки);
- необходимо больше познавательных площадок;
- нужны полигоны и площадки для спортивного, активного туризма разных видов (пеший, водный, скалолазание, ориентирование);
- больше внимания необходимо уделять благоустройству городских общественных и рекреационных пространств;
- нужны музеи и площадки по разным периодам истории России и Вологды, например музей советского прошлого, военно-патриотические площадки.

Массовый опрос показал, что основные пожелания и рекомендации респондентов по развитию детского туризма укладываются в несколько направлений (в порядке значимости): повышение финансовой доступности музеев и мероприятий, организационные усилия, увеличение возможностей для активного отдыха и путешествий и меры по продвижению и информированию. Кроме того, предлагается проведение мероприятий более широкой тематики (спортивные, экскурсии, военно-патриотические, выставки, игры) и увеличение дальних поездок. Все эти меры в комплексе позволят активнее развивать детский туризм на Вологодчине и будут способствовать решению существующих проблем в этой области.

Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ

*Копытков Василий Викентьевич,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич,
независимый исследователь, г. Тотьма*

ТАФТЕНСКАЯ КАЗАНСКАЯ ПУСТЫНЬ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В СВЕТЕ «РАЗБОЙНОГО ДЕЛА» ЕЁ СТРОИТЕЛЯ СТАРЦА ФЕРАПОНТА, 1671 г.

Малые «черносошные» монастыри Русского Севера, по признанию д. и. н. А. В. Камкина, несмотря на свою недолговечность, были «уникальной страницей истории монашества»⁹²⁶. Невзирая на то, что документальные сведения по многим из них весьма скудны, тем не менее, необходимо признать, что эти небольшие духовные обители внесли значимый вклад в утверждение православной веры на территории Северного края.

Когда в 1554 г. жители посада Соли Тотемской послали челобитную царю Ивану IV (Грозному) с просьбой разрешить Феодосию Суморину⁹²⁷ строительство монастыря, они писали: «На Тотьме в городе и во всем Тотемском уезде вотчинных и иных монастырей нет»⁹²⁸. Правда, имеются сведения, что ещё в 1514 г. у Новых Варниц на реке Ковде некий старец Серапион основал Борисоглебский монастырь, но, по всей видимости, эта обитель была разорена казанскими татарами в 1539 г., а на её месте впоследствии возвели приходскую Богословскую церковь⁹²⁹.

Появление Спасо-Суморина монастыря упорчило роль православной церкви в нашем крае и способствовало дальнейшей монастырской колонизации территории Тотемского уезда. Русские монахи стремились удалиться от людей подальше, скрыться в глуши, чтобы посвятить себя служению Богу. Ничто не должно было мешать этому. Так и появлялись пустыни, скиты – маленькие монастырьки, где все строения – церкви, кельи и другие постройки – первоначально были деревянными. Обычно

⁹²⁶ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. – Вологда, 1992. С. 63–64.

⁹²⁷ Феодосий Тотемский (Суморин) – преподобный Русской православной церкви, основатель Тотемского Спасо-Суморина монастыря. – Прим. авт.

⁹²⁸ Савваитов П. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни. – Вологда, 1896. С. 49.

⁹²⁹ К истории Тотемской градской церкви во имя св. Иоанна Предтечи. // ВЕВ. – 1902. – Прибавления к № 13. – С. 389–394; Григоров Д. А. Тотьма и окрестности. // Тотьма: Историко-литературный альманах. – Вып. 1. – Вологда, 1995. С. 202, 273.

подобные обители окружались такой же простой деревянной «рубленной» или «в заплотех» оградой. Первоначально в пустыни мог жить и молиться всего один монах, затем к нему подселялись другие насельники, образовавшие «братию», а также «бельцы» – монастырские вкладчики. С течением времени некоторые пустыни превращались в настоящие крупные монастыри, как, например, широко известная в России Оптина пустынь.

Источники XVII в. в пределах границ Тотемского уезда зафиксировали несколько небольших монастырей-пустыней. Располагались они, как правило, в отдалённых от уездного города волостях и улусцах. В местной топонимике сохранилось свидетельство о Шахто-Печенгской пустыни на «ходучей стороне» Сухоны при впадении в неё речки Войманги. Время её основания неизвестно. В «Дозорной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1619 г.», а также в «Писцовой и межевой книге Тотемского уезда 1622–1625 гг.» содержатся сведения о следующих пустынях: Леонидова на реке Реже в Важской Верхотине (ныне в пределах Сямженского района Вологодской области), Никольская Бабьеозерская у Галицкого рубежа (ныне – в Бабушкинском районе), Негренская Федосеевская на реке Сухоне в волости Сученьга (ныне – в Нюксенском районе), Введенская Зосимо-Савватиевская в волости Заозерье (на севере современного Тотемского района)⁹³⁰.

Леонидова пустынь ещё в XVI в. была возобновлена преподобным Федосием Сумориним и первоначально именовалась Спасо-Николаевской Ефремовой пустынью, а затем перешла в управление к Николо-Угрешскому монастырю⁹³¹.

После Смуты и разорения литовскими людьми и русскими «ворами» Тотемского посада вместе со Спасо-Сумориним монастырём уцелевшими монахами последнего была предпринята попытка создания уединённой пустыни на Блохиной горе, «*меж Печенгские и Вотчинские волости*», однако в «Писцовых книгах Тотемского уезда 1676–1679 гг.» «*займище Блохина гора*» показано уже пустым⁹³². В южной части волости Толшма в середине XVII в. зафиксирована Новая Алексеевская или Игошевская пустынь, но и она к концу того же столетия прекратила существование⁹³³. Неудачей закончилась и попытка создания пустыни в Тиксенской волости. В архиве Устюжской епархии хранилась челобитная грамота, которую в 1694 г. направил архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Александру иеромонах Спасо-Суморина монастыря Протасий. В этом документе испрашивалось архиерейское благословение о «*позволении строить церковь*

⁹³⁰ Писцовые книги Русского Севера. – [Сост. Воскобойникова Н. П. и др.]. – Вып. 1. – М., 2001. С. 322, 324, 327.

⁹³¹ Григоров Д. А. Указ. соч. С. 229.

⁹³² Там же. С. 230–231.

⁹³³ Дудин В. А. Чаловы горы. – Кострома, 2015. – С. 71–72; Мартюкова Г. А. История толшемских храмов (по материалам исторических документов). // Толшма: Краеведческий альманах. Вып. 1. – Архангельск, 2017. С. 149–150.

над мощами преподобного отца Вассиана и собирать монахов на этом месте». Протасий просил возвести на месте погребения Вассиана храм во имя Живоначальной Троицы, выделить для содержания будущего монастыря «чудотворную землю», заранее оговаривая её точные границы, место под мельницу на реке и соседнее озеро. Церковь была построена, но Вассианов Спаса-Нерукотворного образа Тиксенский монастырь просуществовал недолго – он был упразднён ещё *«до штатов 1764 г.»*⁹³⁴.

Голубинская⁹³⁵ и соседняя с ней Ретчинские пустыни стояли во второй половине XVII в. на левом берегу Сухоны у впадения в неё речек Голубица и Ретча (ныне – в Междуреченском районе), всего в 7 верстах друг от друга. В 1687 г. Ретченская пустынь была приписана к Голубинской, а последняя просуществовала до 1764 г. Чуть выше по Сухоне, в устье реки Стрелицы с 1586 г. по начало XVIII в. стоял Усть-Стрелицкий Николаевский мужской монастырь, а по сути, опять же, небольшая пустынь⁹³⁶. Наконец, в юго-западном углу Тотемского уезда существовала Капитонова Спасская пустынь, возникшая при царе Михаиле Фёдоровиче. Она стояла на берегу Княгинина озера, из которого вытекает река Ихалица, правый приток Сухоны. Эти земли входили в Ихалицкий улусец Тотемского уезда. Уже к 1650 г. Капитонова обитель пришла в сильный упадок, церкви в ней обветшали и из-за отсутствия *«черного попа»* стояли *«без пения... лет десять»*; из монахов же осталось всего *«три брата»*. По повелению царя для исправления положения пришлось даже вмешаться вологодскому архиепископу Маркелу и построить там новые церкви *«домовую казною»* и *«черного попа призвать»*⁹³⁷. Но даже это вмешательство не исправило ситуацию и *«экономическая»* жизнь пустыни в лучшую сторону не изменилась, о чём наглядно свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, датированные 1654 и 1672 гг. В конечном итоге святая обитель на Княгинином озере пришла в полное запустение⁹³⁸.

Близ Тотмы, в Окологородной волости, также известно два небольших монастыря. Самый знаменитый из них располагался на Дедове острове среди реки Сухоны. Троицкая Дедова пустынь была основана

⁹³⁴ Линьков А. И. Описание Тиксенской Преображенской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии. – Вологда, 1900. С. 6–9.

⁹³⁵ Зенкова О. Б., Копытков В. В. Тотемская Голубинская Богородицкая пустынь. // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» памяти Александра Васильевича Камкина. – 27 февраля – 3 марта 2019 г. – Вологда, 2019. – С. 525–563.

⁹³⁶ Македонская Н. М. Православные приходы и монастыри Севера. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=299>

⁹³⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12348. Л. 1–2.

⁹³⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12368. Л. 1–2; Македонская Н. М. Указ. соч. // Электронные ресурсы. Режим доступа: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=264>; Кузнецов А. В. Тайны Княгинина озера и реки Ихалица. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях. Вып. 1. – Тотма, 2014. С. 37–40.

на рубеже XVII–XVIII вв., а чуть позже приписана к Спасо-Суморину монастырю⁹³⁹. Напротив Тотемского острога, на правом берегу Сухоны, «на дикой стороне», некоторое время (в архивных источниках – начиная с «Переписной книги Тотемского уезда 1646 г.») отмечалась Новая пустынь с церковью Сретенья Богородицы. Какого-то особого названия у этого монастыря не было, чаще его именовали просто Богородским⁹⁴⁰. В разное время он был и мужским, и «девичьим».

Все перечисленные выше православные пустыни просуществовали недолго и в большинстве своём ко второй половине XVIII столетия были упразднены, а их храмы превращены в приходские церкви. Специальных исследований, посвящённых небольшим монастырям Тотемского уезда, в краеведческой и научной историографии не выявлено, хотя отдельные статьи и книги, где приводятся исторические сведения по ряду пустыней, известны. В первую очередь это уже упомянутые выше в ссылках работы П. И. Савваитова и Д. А. Григорова. В очерке последнего приводится обзор и иных, небольших по объёму публикаций вологодских и тотемских краеведов XIX в., в которых они упоминают некоторые местные монастыри-пустыни. В известной публикации В. В. Зверинского большинство из перечисленных выше тотемских пустыней также присутствуют⁹⁴¹. Из современных исследований нужно отметить обобщающие работы Н. М. Македонской по малым монастырям Тотемского уезда, выложенные в Интернете⁹⁴², а также обширные публикации В. В. Копыткова и О. Б. Зенковой о Негренской и Голубинской пустынях⁹⁴³.

Однако, как выяснилось, в Тафтенском улусце Царевской волости Тотемского уезда в XVII столетии существовала ещё одна пустынь, сведения о которой в доступных к настоящему времени источниках практически отсутствовали.

Река Тафта протекает на западе современного Тотемского района. Её истоки находятся близ деревень Евсютино, Ездунья и Пирогово бывшего Голузинского сельсовета Сямженского района. Выходы грунтовых

⁹³⁹ Григоров Д. А. Указ. соч. С. 248–259.

⁹⁴⁰ Григоров Д. А. Указ. соч. С. 192–196.

⁹⁴¹ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: I. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–1795 гг. по 1 июля 1890 г. – СПб., 1890; II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 гг. – СПб., 1892; III. Монастыри закрытые до царствования императрицы Екатерины II. – СПб., 1897.

⁹⁴² Македонская Н. М. Указ. соч.

⁹⁴³ Копытков В. В., Зенкова О. Б. Негренская Успенская Федосеева пустынь в Сученгской волости Тотемского уезда: Неизвестные страницы истории XVI–XVIII вв. // Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2018: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия». – 1–4 марта 2018 г. – Вологда, 2018. – С. 373–404; Копытков В. В., Зенкова О. Б. Негренская пустынь в Сученгской волости. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях. – Вып. 6. – Вологда, 2018. – С. 153–167; Зенкова О. Б., Копытков В. В. Тотемская Голубинская Богородицкая пустынь... – С. 525–563.

*Тафтенская Казанская пустынь и её окрестности.
Чертёж-реконструкция А. В. Кузнецова, 2018 г.*

вод на склонах песчано-глинистых холмов ледникового происхождения и небольшие болотца у их подножия дают начало нескольким ручьям, которые, сливаясь друг с другом, образуют две речки – Тафту и Тафтицу. В 6 км к востоку от Пирогова эти речки сливаются вместе. Первый приток Тафты впадает слева – речка Марокош, затем, чуть ниже, и тоже слева – река Кетла. Всего в Тафту впадает более 30 притоков. Крупных рек среди них нет, в основном это небольшие (до 10–15 км длиной) лесные речки и ручьи. Некоторые из них в своих названиях хранят память о дославянском, чудском или финно-угорском населении (Кичуга, Нореньга, Шунинга). Притоки в среднем и нижнем течении Тафты имеют русские по происхождению имена (Васильевка, Волосовка, Гремиха, Журиха, Исаевица, Лобазница, Овинцевка, Тараканиха); именно в долинах этих речек и ручьев расположены угодья, пригодные для сельскохозяйственной обработки.

У посёлка Красный Бор Тафта сливается с Вожбалом и даёт начало крупной реке Цареве, по имени которой в старину и называлась Царевская волость (в годы советской власти – Калининский сельсовет, а ныне СП «Калининское»). В среднем течении Тафты до начала 1980-х гг. стояли четыре деревни: Горка, Подгорная, Родная и Остроконье. Ныне все они заброшены людьми. Ещё две деревни – Бурцево и Сидориха – располагались в верховьях Тафты, на её левом притоке реке Кетле и на водоразделе

Кетлы и Нишмы, из-за чего в «Писцовой и межевой книге Тотмы с посадом и уездом 1622–1626 гг.» деревня Бурцево названа ещё «*Нишма тож*», а Сидориха (Сидоровская) – «*Высокая тож*»⁹⁴⁴. Бурцево и Сидориха – ныне тоже нежилые деревни. Большинство жителей из них переселились в посёлок лесопункта Дружба, возникший в 1970-х гг. на 97 км Семигородней узкоколейной железной дороги при впадении реки Нореньги в Тафту. Все шесть упомянутых выше тафтенских деревень и принадлежащие им земельные угодья объединялись в старину под названием Тафтенского улусца Царевской волости. Позднее этот улусец отошёл к Тиксненской (Погореловской) волости, центр которой – деревня Погорелово – находится в 15 км южнее. При советской власти тафтенские деревни входили в Погореловский сельсовет (ныне МО «Погореловское»).

Тафтенский церковный погост располагался на окраине деревни Горка, на левом берегу речки Тафты. В № 3 «Вологодских епархиальных ведомостей» за 1864 г. сообщалось, что местным крестьянам «*разрешено вновь построить каменную церковь на Тафте*». До этого тафтенские деревни относились сначала к Царевскому Воскресенскому, а затем – к Тиксненскому Спасо-Преображенскому приходам. Каменный Никольский храм был возведён через пять лет после получения разрешения на строительство. Он сохранился до сих пор, но в полуразрушенном виде. Из архитектурных особенностей здания можно отметить восьмерик основного объёма, позаимствованный, скорее всего, из традиций более раннего деревянного церковного зодчества. Невысокая колокольня тоже имела восьмигранное сечение. Храм одноэтажный, с единственным куполом. Престолов в нём два: во имя святого Николая Чудотворца и Живоначальной Троицы. В советское время после закрытия церкви в ней размещались колхозная электростанция и пилорама.

Сведения ещё об одном объекте религиозного культа на тафтенской земле долгое время были недоступны широкому кругу вологодских учёных и краеведов. Известный русский историк С. М. Соловьёв в своём фундаментальном труде «История России с древнейших времен» писал: «*Из Тотемского уезда дали знать, что там появились разбойники; в разбоях участвовал и грабежную рухлядь укрывал строитель Тафтенской пустыни, старец Ферापонт*»⁹⁴⁵. При этом автор ссылался на приказные дела Московского архива министерства иностранных дел 1671 г. Затем этот факт из труда С. М. Соловьёва (без каких-либо новых дополнений) был отмечен профессором Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславовым⁹⁴⁶ в публикации 1876 г., а в советские времена в книге В. И. Писарева⁹⁴⁷.

⁹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 516–516 об.

⁹⁴⁵ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен.– Книга третья, том XI–XV.– Второе изд.– СПб. Б.д.– Стлб. 746.

⁹⁴⁶ Ростиславов Д. И. Опыт исследования о доходах и имуществе наших монастырей.– СПб., 1876. С. 38.

⁹⁴⁷ Писарев В. И. Церковь и крепостное право в России.– М., 1930. С. 16.

Однако где находилась Тафтенская пустынь, когда и кем она основана и когда исчезла? – все эти вопросы вплоть до настоящего времени оставались без ответа. Как оказалось, история Тафтенской пустыни была коротка, но весьма интересна...

В ходе изысканий в Российском Государственном архиве древних актов нам удалось выявить в фонде «Приказных дел старых лет» «Дело по отписке тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына об открытии в Тотемском уезде многих разбойнических шаек в разных волостях и о всяких грабежах оными причиняемых», датированное концом мая – 30 июня 1671 г.⁹⁴⁸ Это и есть тот самый источник, на который ссылался в своём фундаментальном труде историк С. М. Соловьёв.

Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, воевода Андрей Непейцын в своей «Отписке» сообщал: *«В нынешнем, государь, во 179 году в мае месяце в разных числах в Тотемском уезде в волостех объявились воры и разбойники и многих крестьян розбивают, жгут и мучат и до смерти побивают»*. Далее он приводил конкретные примеры разбойных нападений на местных крестьян: в Заозерской волости – на Ивашку Дмитриева, Федьку Елисеева и Мелешку Демидова, которых *«воровские люди разбоем били и мучили, и сожгли до смерти..., и живот их пограбили»*. В соседней Вожбальской волости Ивашку Машарина с невесткой разбойники также *«били и мучили, и живот его пограбили»*. А 19 мая 1671 г. в другой тотемской волости, на реке Цареве, пришлые тати напали на крестьянина Ваську Тарасова. Его опять же, *«били и мучили»* и, более того, *«сына его Андрюшку убили до смерти, и живот их пограбили»*.

Не пощадили разбойники даже православную обитель – Леонидову пустынь в Режской волости. Там они напали на строителя старца Корнилия, мучили его и огнём жгли, а затем *«монастырскую всякую денежную и платежную казну и монастырских крестьян всякую рухлядь, что поставлено было в том монастыре на збереженье, все пограбили»*⁹⁴⁹.

Все разбойные нападения были совершены в течение короткого промежутка времени и в пределах округа, не превышающей 50 вёрст в поперечнике. К сожалению, в деле не указаны конкретные деревни, где жили пострадавшие от разбойников крестьяне, но по расположению волостей можно сделать вывод, что тати для передвижения использовали лесные дороги между соседними Режской, Заозерской, Вожбальской и Царевской волостями. Быстро появлялись, *«розбивали»* и так же быстро скрывались в неизвестном направлении. В деле даже специально отмечается, что от Царевы до Тотьмы всего 20 вёрст. Иными словами, разбойники нагло орудовали прямо «под носом» у действующей власти.

При нападении на Ваську Тарасова и его сына Андрюшку последний, обороняясь, ранил двух грабителей, после чего воры *«побежали от тое их деревни»*. За ними была организована погоня *«тотемцов посадиких»*

⁹⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1–11.

⁹⁴⁹ Там же. Л. 1.

людей и... приставов с волостными крестьяны», во главе с Гришкой Зуевым⁹⁵⁰. По дороге, пролежавшей по левобережью рек Царевы и Тафты, посланный отряд дошёл до верховья последней и поймал там некоторых разбойников. Воевода Непейцын сообщал в Москву: «И мая, государь, в 25 день тотемские приставы и с посадицы и уездные люди привели ко мне, холопу твоему, на Тотму ис погони Тотемского уезду Царевские волости новые Тафтенские пустыни строителя старца Ферапонта, да дву тафтенских мужиков, да Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря деревни Ешутина крестьянина, да тое ж, государь, Рубежские волости твоего великого государя столника и спалника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянина деревни Нишмы Онтропка Шумилова, да жонку Федорку, а ево Онтропкову и приводного старца Ферапонта невестку родную... Да тем же воровским следом дошли до Вологоцкого уезду до Рубежские волости до деревни Нишмы во двор к столнику и спалникову к Борисову крестьянину, Васильева сына Бутурлину, к Тараску Шумилу, а того приводного старца Ферапонта брату родному»⁹⁵¹.

Рубежская волость (или Рубежский «станок») Вологодского уезда в XVII в. граничила с Тафтенским улусцем с запада. Своё название она как раз и получила благодаря тому обстоятельству, что по водоразделу Тафты и Нишмы издавна проходила административная граница (рубеж) двух больших уездов – Вологодского и Тотемского (образовавшегося во второй половине XVI в. из части земель Устюжского уезда). В более раннее время здесь же были размежёваны вотчины князей Пенковых и Голениных, представителей старших ветвей Ярославского и Ростовского княжеских домов⁹⁵². На карте Генерального межевания 1780-х гг. показано, что деревня Бурцева (Нишма) стояла у самой границы Кадниковского (выделившегося из Вологодского) и Тотемского уездов, а неподалеку от неё, по линии рубежа, протекала речка с характерным названием Размежница. Часть деревни Нишма, согласно «Переписной книге Вологодского уезда 1677–1678 гг.», принадлежала боярину Борису Васильевичу Бутурлину⁹⁵³ и числилась в Вологодском

⁹⁵⁰ В архивном фонде «Приказных дел старых лет» сохранилось несколько документов, датированных 1663 г., связанных с крестьянином Царевской волости Григорием Яковлевым Зуевым и его притязаниями на «пустошь Пугачево», располагавшуюся на реке Тафте.– Прим. авт.– См.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 42. Л. 1–13; РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 107. Л. 1–5.

⁹⁵¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1.

⁹⁵² Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв.– [Отв. ред. М. С. Черкасова].– Вологда, 2011.– С. 20.

⁹⁵³ Бутурлин Борис Васильевич – боярин, спальник (1671), комнатный стольник (1671, 1674, 1678), окольничий (1682), судья Московского Судного приказа (1682). Имел вотчины в Вологодском, Московском и Пусторжевском уездах. На Вологодчине, в «Рубежском станку», за ним состояло располагавшееся в Нишме родовое поместье и 18 деревень, в которых по состоянию на 1677–1678 гг. насчитывалось 93 крестьянских двора, с проживавшими в них 304 «людьми», а также «двор прикащиков», 6 запустевших хозяйств и 2 дворовых места.– Прим. авт.– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14734. Л. 293 об.– 302 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14740. Л. 467–467 об.

уезде⁹⁵⁴, а другая её часть была населена черносошными крестьянами Царевской волости Тотемского уезда.

Водораздел Тафты и Нишмы – это ещё и естественная граница двух больших водных бассейнов – Сухоны и Кубены. Есть топонимические свидетельства о существовании здесь сухопутного волока, около которого стояла деревня Ездунья (в «Писцовой книге Вологодского уезда 1627–1630 гг.» – *«пустошь Ездилья»*⁹⁵⁵). Её название уникально. Оно связано с древнерусской лексикой: *езд* – «путь, езда; переправа, прогон», *ездовый* – «относящийся к езде, дорожный»⁹⁵⁶. Другой волок (перетаск для лодок и грузов) длиной около 4 вёрст соединял приток Тафты Кетлу и реку Нишму как раз там, где стояли деревни Сидориха и Бурцево. Второе название Сидорихи – Высокая – как раз и отмечало положение деревни в самой верхней точке водно-волокового пути – на водоразделе двух рек. Таким образом, в старину эти места были достаточно значимы в качестве важного водно-волокового маршрута. В то же время окружающие Тафтенский улусец и Рубежскую волость огромные по площади лесные массивы были привлекательны для разного рода *«воровских людей»* как убежище от возможных преследований со стороны власти.

Так, в «Указной грамоте царя Михаила Фёдоровича тотемскому воеводе Филону Михайловичу Оничкову 1623 г.» сообщается, что в уезде объявилась шайка разбойников числом 37 человек. Они *«били и мучили, и огнем жгли, и живиты пограбили»* у крестьян в Печенгской, Царевской, Тиксенской и Стрелицкой волостях, в слободке Ихалице, а также *«розбили»* на Сухоне дощаник вологодского купца, после чего скрылись в лесах за Тафтой. По царскому указу для поимки тех татей из Вологды прислали *«пятьдесят человек стрелцов»*⁹⁵⁷.

Отметим, что и позднее на тотемской земле ещё неоднократно объявлялись разбойничьи шайки, грабившие местных жителей и нападавшие на проплывающие по реке Сухоне суда. В фондах Российского государственного архива древних актов сохранилось немало документов, рассказывающих о таких преступлениях⁹⁵⁸.

Например, крестьянин Царевской волости Герасим Харабардин в 1667 г. обвинялся в организации 15 грабежей и лужении оловом (подделке) медных денег. Вместе с ним в *«татъбе»* участвовали жители той

⁹⁵⁴ Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. // Аграрная история Европейского севера СССР.– Вологда, 1970.– С. 348.

⁹⁵⁵ Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные В. Н. Сторожевым.– Вып. второй. // Записки Российской Академии наук по историко-филологическому отделению.– Том IX.– Петроград, 1918.– С. 40.

⁹⁵⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.– Том III.– СПб., 1912. Стлб. 1622.

⁹⁵⁷ Указные грамоты...– С. 249.

⁹⁵⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1667 г. Д. 75. Л. 1–7; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 162. Л. 1–9 об.; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. Л. 1–6; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 240. Л. 1–1 об.

же волости Куземка Фоминский и Нестка Леонтьев⁹⁵⁹. В 1669 г. ещё одна шайка разбойников напала на Сухоне, близ Берёзовой Слободки на судно, в котором «по государеву указу» плыл «на Вагу» князь Савелий Иванович Козловский: «за ним, де, князь Савельем гнались в стругах воры и разбойники, и из луков и ис пищалей по судну ево стреляли, и гребца Тотемского уезду Ефимка Воронина да двух человек ево ранили; и хотели ево князь Савелия розграбить»⁹⁶⁰. Подобные примеры по документам того времени можно продолжить...

Таким образом, в Тотемском уезде на протяжении нескольких десятилетий после окончания Смутного времени было неспокойно из-за противоправных действий уже не пришлых «литвы и панов», а своих, местных «воров и татей». Немаловажно, что значительная часть преступлений подобного рода приходилась на 1667–1671 гг. – время крестьянского восстания под предводительством Степана Разина⁹⁶¹.

Упомянутый в «разбойном деле» старца Ферапонта Спасо-Евфимьев мужской монастырь находился в 25 верстах западнее деревни Бурцева (Нишмы). Он стоял на правом берегу реки Сямжены, напротив городища Чудин Вал. Ряд деревень Рубежской волости («станка») принадлежали этой обители: Ездунья, Пирогово, Евсютино и другие⁹⁶². Можно предположить, что именно в ней и принял постриг старец Ферапонт, ставший затем, судя по всему, основателем «новой» пустыни на реке Тафте.

Новая Тафтенская пустынь первую часть своего наименования получила из-за того, что была основана недавно, за несколько лет до описанных в «разбойном деле» событий⁹⁶³. По крайней мере, в «Переписной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1646 г.» она ещё не значится⁹⁶⁴. На наш взгляд её возникновение следует отнести примерно к началу или середине 1660-х гг.

Строитель Ферапонт, очевидно, был местным жителем, так как в деле упоминаются его родные братья – Онтропка и Тараско Шумиловы. На разбой братья ходили вместе, привлекая для этого дела ещё некого Еську – крестьянина той же Рубежской волости, а также, возможно, и других местных мужиков. Тараско Шумилов и раненый на разбое Еська скрылись от тотемских и царевских преследователей где-то в той же волости «у соседей своих». Их так и не удалось разыскать по горячим

⁹⁵⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1667 г. Д. 75. Л. 1–7.

⁹⁶⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. Л. 2; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 162. Л. 1–2.

⁹⁶¹ В качестве профилактической меры по восстановлению законности и порядка в Тотемском уезде воевода А. Я. Непейцын в конце мая 1671 г. зачитал «тамошним жителям и крестьянам» присланный из Москвы царский указ, касавшийся поимки «вора и изменника Стенки Разина» и «истребления его разбойнической шайки». – Прим. авт. – См.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 240. Л. 1–1 об.

⁹⁶² Переписные книги Вологодских монастырей... – С. 256.

⁹⁶³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 5.

⁹⁶⁴ Писцовые книги Русского Севера... – С. 324–326.

следам, поскольку «приказной человек» боярина Бориса Бутурлина Василий Гладкий их «утаил и... приставам не отдал». В Тотьму увели только старца Ферапонта, его брата Онтропка, их невестку Федорку, да одного ружейского и двух тафтенских мужиков, имена которых в деле не называются⁹⁶⁵.

В Тотьму с ними доставили и улики, обнаруженные приставами в деревне Нишма, «в голбце» и «в подполье» избы, принадлежавшей Тараске Шумилову, – это были вещи, похищенные из дома царевского крестьянина Васьки Тарасова: «полукафтаны кумачные, шапка мужская суконная красная, женский сарафан крашеный, да белья рубах и иные разные рухлядишки». Обследовали «погонщики» также и Тафтенскую пустынь, где тоже нашлась «разбойничья рухлядь»: рубашенка и платок в крови, сушёные травы и коренья «в семи узлах». Среди найденных там улик упоминается даже «ряженная волосая борода», которую тати применяли для того, чтобы скрыть свои лица. Часть этих вещей была изъята из дома крестьянина Тараски Шумилова, а другая часть – из кельи строителя Ферапонта. Недалеко от пустыни – «по конец поля в лесу» – приставы нашли ещё два стана «воровских людей»⁹⁶⁶. Видимо, это были небольшие избушки, похожие на те, что делают для себя охотники и рыболовы в вологодской тайге и до сих пор.

Таким образом, в материалах «разбойного дела» старца Ферапонта недавно основанная православная пустынь предстала уже не как святая обитель, а как настоящая разбойничья гнездо, откуда совершались нападения на соседние волости и где хранилось награбленное добро.

В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в коллекции известного вологодского краеведа XIX в. П. И. Савvaitова находится на хранении несколько документов, непосредственно связанных с «разбойным делом» тафтенского старца Ферапонта: две «отписки» и «подорожная память» воеводы Андрея Яковлевича Непейцына, а также «отписка» вологодского архиепископа Симона⁹⁶⁷. Все документы датированы 1671 г. Отметим, что эти акты из коллекции П. И. Савvaitова впервые указала д. и. н. М. С. Черкасова в книге «Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.», но отнесла их принадлежность к Рябининой Казанской пустыни на реке Маслене (Масляной) в Вологодском уезде⁹⁶⁸.

В одной из этих воеводских «отписок» даётся полное название основанного старцем Ферапонтом монастыря: «Тотемского уезду Тафтенского улусца пустынь Пресвятыя Богородицы Казанские»⁹⁶⁹. Точное расположение пустыни из контекста документов установить пока что не удалось.

⁹⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1–2.

⁹⁶⁶ Там же. – Л. 2.

⁹⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1–5 об.

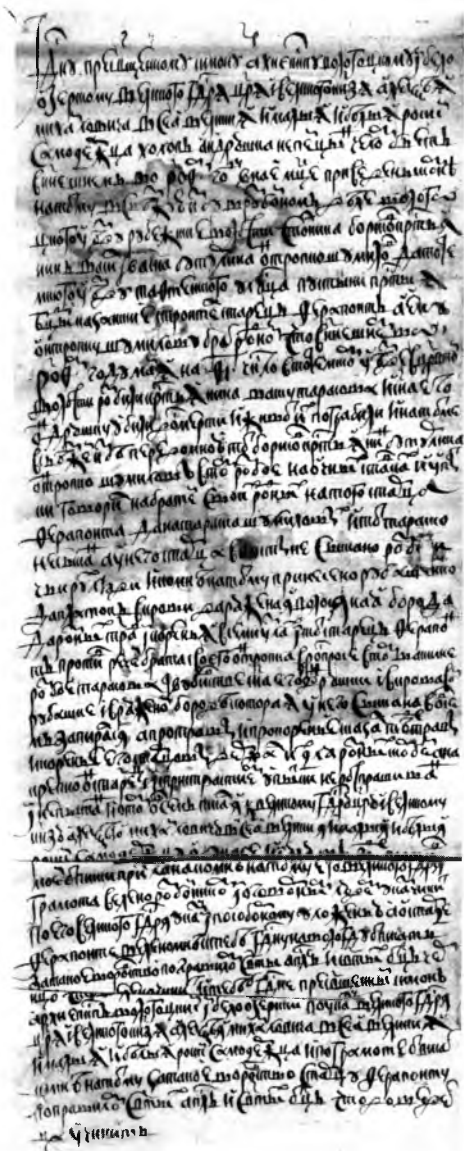
⁹⁶⁸ Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. – Вологда, 2012. – С. 330.

⁹⁶⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1.

Единственная привязка дана к деревне Нишма, от которой она находилась «*всего в трех верстах*»⁹⁷⁰. Если наложить эти скудные сведения на карту, то можно предположить, что Казанская пустынь располагалась на мысу при впадении реки Кетлы в Тафту.

По состоянию на 1671 г. в Тафтенской пустыни была (как минимум) одна деревянная церковь, освящённая в честь иконы Казанской Божьей Матери. Имелся ли там второй храм – неизвестно. Документы сообщают также о келье, в которой обитал настоятель Ферапонт. Вероятно наличие и «*братской*» кельи, а также небольшой колокольни и какой-то ограды («*заплота*») со Святыми воротами. Так выглядели в то время на Русском Севере многие другие небольшие пустыни. У Тафтенской обители могли быть и земельные владения, возможно, принадлежавшие изначально самому Ферапонту, а также «*вклады*» его братьев Онтропки и Тараски, либо кого-то из других крестьян. Земля – неперменный атрибут небольших северных монастырей, которая являлась их экономической основой.

Необходимо обратить внимание на «*каноническую*» часть названия пустыни – Казанская. Отметим, что около середины XVII столетия в пограничье Вологодской и

Отписка
 тотемского воеводы А. Я. Непейцына
 Вологодскому архиепископу Симону,
 1671 г. СПбИИ РАН

⁹⁷⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 2.

Тотемской земель появилось сразу несколько одноимённых Казанских монастырей. Процесс такого храмоименования оживился в Московском государстве после 1649 г., когда, согласно царской «окоужной» грамоте, по всей православной России установилось ежегодное празднование в честь Казанской иконы Божией Матери⁹⁷¹. Южнее Тафтенской пустыни, в пределах того же Тотемского уезда, на реке Сухоне стояла Казанская (с 1720-х гг. – Богородице-Рождественская) Голубинская пустынь. Неподдалёку в Вологодском уезде находилась Казанская Княгинина пустынь, основанная известным аскетом (впоследствии «расколочителем») старцем Капитоном. Обычным легендарным объяснением возникновения таких монастырей служило «явление» чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

На допросе, проводившемся в Тотьме в присутствии воеводы Андрея Непейцына, «приводной» старец Ферапонт, несмотря на применённые к нему пытки «с *пристрастием*», попытался оправдаться и говорил, что найденная в пустыни «рухлядь» ему не принадлежит. Окровавленный платок и «рубашенка» из его кельи, по словам старца, остались там от «*пришлого человека*» – крестьянина Сергушки из Мольской волости, который жил у него в пустыни, а потом ушёл от «*погонщиков*» в Вологодский уезд. Ряженая волосяная борода – тоже не Ферапонта. Травы и коренья старец, по его словам, собирал и сушил сам, и «*держал*» их у себя в келье «*для разных скорбей*», то есть для лечения различных болезней. И на разбой вместе со своими братьями и с иными «*воровскими людьми*» никогда не ходил. Таким образом, Ферапонт во всём «*запирался*». Однако брат его Онтропка Шумилов, не выдержав истязания на дыбе, показывал, что в грабежах участвовал и строитель пустыни. Свои показания против Ферапонта он затем подтвердил и «*не у пытки*» на очной ставке с тафтенским старцем. При этом свою вину Онтропка Шумилов не признавал, ссылаясь на то, что узнал подробности о разбойных делах от родного брата Тараски⁹⁷².

И это не удивительно, ведь признание вины в таком тяжком преступлении как разбой, отягощённый убийством, означало лишь одно – гарантированную «Соборным Уложением 1649 г.» смертную казнь. «*Запирательство*» Ферапонта объясняется этой же причиной и отчасти ещё и тем, что применённая к нему на первом допросе пытка была несильной, потому как истязать старца в полной мере светские власти не посмели, поскольку тот находился под ведомством епархиального архиерея. На эти обстоятельства указывал и сам тотемский воевода Андрей Непейцын: «*А накрепко он старец и с пристрастием у пытки не роспрашиван и не пытан*»⁹⁷³. Для продолжения дальнейшего «*розыска*» по делу он

⁹⁷¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 4. – СПб, 1836. С. 61.

⁹⁷² РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 3, 8.

⁹⁷³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1.

запросил дополнительных полномочий – у царя Алексея Михайловича: *«И в том, государь, воровстве и в разбое... того старца пытать и в Вологодской уезде... к верному розысканию для поимки приставов посылать, без твоего великого государя указу я, холоп твой, не смею»*⁹⁷⁴.

Ответ государя воеводе Непейцыну последовал 30 июня 1671 г. Уже 17 числа следующего месяца его доставил в Тотьму тот же пристав Мишка Попов, который ранее отвёз в Москву «отписку» о разбойных делах в уезде. Царский указ из Приказа Устюжской чети *«за приписью»* дьяка Аврама Кощеева⁹⁷⁵, гласил: *«И как к тебе наша, великого государя, грамота придет, и ты б про разбой и про всякое воровство тех воров... сыскивал, и... для подлинного розыскания на Вологду к воеводе и дьяку... писал, чтоб они тех оговорных людей к тебе на Тотму... для очных ставок присылали без молчанья, и тем разбойникам и воровским людям указ чинил... по Соборному Уложению. А о старце Ферапонте писал бы ты на Вологду к архиепископу, за такое воровство по Правилу святых апостол и святых отец чернцом, что велено чинить»*⁹⁷⁶.

Необходимо пояснить, что находившаяся в пограничье двух уездов Тафтенская пустынь подчинялась непосредственно вологодской кафедре, хотя фактически и стояла на тотемской земле. Это объясняется тем, что *«благословенную грамоту»* на открытие новой обители дал вологодский архиерей, у которого, судя по всему, её в своё время и испросили.

Исполняя царский указ, воевода Непейцын 20 августа 1671 г. *«бил челом»* архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону⁹⁷⁷ с просьбой *«отписать»* ему на Тотьму, что *«за таковое воровство старцу Ферапонту... учинить»*⁹⁷⁸.

Послание тотемского воеводы на архиерейское подворье в Вологду доставил 25 августа пристав *«съезжей избы»* Якушка Кашников. Однако не получив должного ответа от владыки, он отбыл обратно в Тотьму. За это *«воровство»* ни в чём неповинному приставу дома было *«учинено наказанье»*. Архиепископ Симон, как явствует из дальнейших материалов дела, и не собирався посылать ответ через несчастного Якушку, потому что письмо Андрея Непейцына, по словам владыки, было запечатано воеводскою печатью, а *«подорожная»* грамотка опечатана *«другою печатью»*, и это обстоятельство ему *«явилось сумнительно»*⁹⁷⁹.

23 сентября 1671 г. к архиепископу Симону в Вологду с очередным посланием из Тотьмы прибыл *«нарочно»* другой тотемский пристав Стенька

⁹⁷⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 3, 9.

⁹⁷⁵ Кощеев Аврам Фёдорович – дьяк: Земского приказа (1665), приказа Устюжской чети (1671), Новгородского приказа и приказа Казанского дворца (1671–1677). – Прим. авт.

⁹⁷⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 9–11.

⁹⁷⁷ Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский – занимал Вологодскую кафедру в 1664–1685 гг. – Прим. авт.

⁹⁷⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1–2.

⁹⁷⁹ Там же. – Л. 1 об. – 3, 5.

Андреев. Воевода Непейцын настаивал на немедленном ответе владыки, «что б в том великого государя делу задержания не было». И ответ архиепископа последовал: «И тебе, господине, указ тому чернцу Ферапонту учинить по указу великого государя и по градским законам чезо доведется, потому что причетников в воровских винах ятых воров царю и бояларом судить повелено. А буде до него дело не дойдет и его освободить не задержав, да не будет чин монашества во уничижении»⁹⁸⁰.

На этом документальные свидетельства по «разбойному делу» старца Ферапонта заканчиваются. Чем всё завершилось – доподлинно неизвестно, остаётся лишь предполагать. Во всяком случае, в «Переписной книге вотчинных и поместных земель Вологодского уезда 1677–1678 гг.» каких-либо, пусть даже косвенных, сведений о крестьянах Тараске и Онтропке Шумиловых из деревни Нишмы не содержится⁹⁸¹. Возможно, ответ на поставленный вопрос кроется в недрах архивных фондов где-то среди бумаг вологодского воеводы, к которому велено было писать Андрею Непейцыну царским указом от 30 июня 1671 г. Так или иначе, но разбойникам и татям согласно «Соборному Уложению 1649 г.» грозило жестокое наказание. С ними тогда не особо церемонились и зачастую, если дело отягощалось убийством, казнили смертной казнью⁹⁸².

Интересное описание правил вершения правосудия в России, действовавших в царствование Алексея Михайловича, оставил Григорий Карпович Котошихин – подъячий Посольского приказа, перебежавший в Швецию и написавший там по заказу шведского правительства обширное сочинение, являющееся важным источником по истории России XVII столетия.

Делами, связанными с убийствами и разбоями, занимался Разбойный приказ, в штате которого только в Москве было пятьдесят палачей. В других городах расследование подобных дел производилось в «приказных губных избах», и были устроены «для всяких воров» тюрьмы. «И какова чину нибуди князю, или боярин, или и простой человек, изыман будет на розбое, или в табде, или в злом деле в смертном убийстве, и в пожоге, и в ьных воровских статьях, и приведут его на Москве в Розбойной или в Земской приказ, а в городех... в губную избу: и кто будет был на розбое и учинил убийство, или пожог и татбу, а таварыщи их розбежались и не пойманы, и таких злочинцов в празники и в иные дни пытаются и мучат без милосердия... А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его назад завяжут, подле кисти, веревкою, обшта та веревка войлоком, и подымут его к верху, учинено место что и виселца, а ноги его свяжут ремнем; и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом ззади палач начнет бити по

⁹⁸⁰ Там же. – Л. 3–4.

⁹⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14740. Л. 467–467 об.

⁹⁸² Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. – М., 1961. С. 267.

спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом мало не до костей. А учинен тот кнут ременной, плетеной, толстой, на конце ввязан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет с пять локтей. И пытав его, начнут пытать иных потому ж, и буде с первых пыток не винаются, и их спустя неделю времени пытают вдругорядь и в третьие, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, а иным розжегши железные клещи нарасно ломают ребра; и будет и с тех пыток не повинятца, и таких сажают в тюрьму... А как они в тюрьме отсидают года два и больше, а порук не будет, и таких из тюрьм свобождают и ссылают в дальние города, в Сибирь и в Астарахань, на вечное житье. А которые воры бывают на разбое, хотя и дважды пойманы, а убийства смертного и пожогу не учинили: и таких бив кнутом по торгам, за первую вину отрезав левое ухо сошлют в ссылку, а за другую вину, как будет пойман в таких же делах; бив кнутом, отрезав и правое ухо, сошлют в сылку ж...»⁹⁸³.

Вынес ли повторную пытку «с пристрастием» старец Ферапонт? Сознался ли в своём преступлении? И что с ним стало? – история умалчивает. Но факт остаётся фактом – Казанская пустынь на Тафте прекратила своё существование. И это является, пусть косвенным, но свидетельством не в пользу оправдания её строителя. Скорее всего, имущество Тафтенской обители и земли, если таковые за ней имелись, по предписанию архиепископа Симона отошли к одному из вологодских монастырей или же напрямую к архиерейскому дому. Чтобы найти этому подтверждение, требуется кропотливый анализ «Переписных книг монастырских и церковных земель Вологодского уезда 1677–1678 гг.»⁹⁸⁴. Возможно, что в них же содержится и краткое описание Тафтенской пустыни, которое нам в других источниках обнаружить пока что не удалось. Но начало исследованию положено, а значит, непременно будет и его продолжение, связанное с новыми открытиями.

Список принятых сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

СПБ ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

⁹⁸³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1884. С. 128–130.

⁹⁸⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14733.

Архивные источники

Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. – Переписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына с архиепископом Вологодским Симоном по делу о строителе Казанской пустыни, в Вологодском уезде, старце Ферапонте, обвинённом вместе с его братьями, крестьянами Антропом и Тарасом Шумиловыми, в разбое и грабеже, 1671 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 42. – Дело по челобитью Тотемского уезда Царевской волости крестьянина Григория Зуева об отдаче ему в той волости на реке Тафте пустоши Пугачевой на льготу, и об отказе в оной крестьянину Фёдору Добрынину, 1663 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 107. – Грамота на Тотьму к воеводе Григорию Михайловичу Неелову об отдаче Царевской волости крестьянину Григорию Зуеву на Тафте реке пустоши Пугачевой на льготу на десять лет, и об отказе в оной той же волости крестьянину Фёдору Добрынину, 1663 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1667 г. Д. 75. – Распросные и пыточные речи приводных на Тотьму в съезжую избу воров и разбойников Герасима Харабардина с товарищи в татьбах и в воровствах, 1667 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 162. – Дело по отписке тотемского воеводы Максима Григорьевича Ртищева о явившихся в Тотемском и в Устюжском уездах ворах и разбойниках, 1669 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. – Дело о сыске по Устюгу и в уездах воров и разбойников, которые разбили и разграбили князя Савелия Ивановича Козловского с товарищи, 1669 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 240. – Отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына о прочтении тамошным жителям и крестьянам грамоты, касающейся до истребления разбойнической шайки и поймании предводителя их Стенки Разина, 1671 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. – Дело по отписке тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына об открытии в Тотемском уезде многих разбойнических шаек в разных волостях и о всяких грабежах оными причиняемых, 1671 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12348. – Грамота царя Алексея Михайловича архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркелу о дозволении построить церкви в Капитоновской пустыни, 1650 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. – Грамота царя Алексея Михайловича игумену Капитоновской пустыни Вологодского уезда Даниле с братией на угодыя по реке Ихалице, 1654 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12368. – Мировая запись крестьян Федота Антонова Кулпы и Аврама Семёнова Монзикова стряпчему Акинфию Ермолаеву Горайнову о землях и сенных покосах между речками Ихалицей и Молонгой, находившихся в споре у крестьян и у старцев Капитоновской пустыни, 1672 г.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14733. – Переписная книга патриарших, монастырских и церковных земель Вологодского уезда переписи стольника Петра Михайловича Голохвастова и подьячего Ивана Саблина 1677-1678 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14734. – Переписная книга вотчинных земель Вологодского уезда переписи стольника Петра Михайловича Голохвастова и подьячего Ивана Саблина 1677-1678 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14740. – Переписная книга поместных земель Вологодского уезда переписи стольника Петра Михайловича Голохвастова и подьячего Ивана Саблина 1677-1678 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1671 г. – Дело по отписке тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына об открытии в Тотемском уезде многих разбойнических шаек в разных волостях и о всяких грабежах оными причиняемых⁹⁸⁵.

1671 г. последние числа мая. – Отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына царю Алексею Михайловичу

(л. 1) Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, холоп твой Андрюшка Непейцын челом бьет.

В нынешнем, государь, во 179 году, в мае месяце в разных числах, в Тотемском уезде в волостех объявились воры и разбойники и многих крестьян розбивают, жгут и мучат, и до смерти побивают. И майя ж, государь, 17, в Заозерской волости крестьянина Ивашка Дмитриева, пришед в деревню, воровские люди разбоем били и мучили, и сожгли до смерти, и живот ево весь пограбили; да Федку Елисеева, Мелешку Демидова розбивали ж, и живот их пограбили. Да Вожбалские волости крестьянина Ивашка Машарина розбили и невестку ево Ивашкову били и мучили, и живот ево пограбили. Да Режские, государь, волости Леванидовы пустыни, что под Николским Угрешским монастырем, строителя старца Корнилия розбивали ж и мучили, и огнем жгли, и монастырскую всякую денежную и платажную казну и монастырских крестьян всякую рухлядь, что поставлено было в том монастыре на збереженье, все пограбили.

Да мая ж, государь, на 19 число в ночи Царевские волости крестьянина Васку Тарасова воровские люди разбойники били, и мучили, и сына ево Андрюшку убили до смерти, и живот их пограбили. А та, государь, Царевская волость от города от Тотмы за дватцать верст.

⁹⁸⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1-11.

И по твоему великого государя указу посылал я, холоп твой, с Тотмы за теми ворами в погоню тотемцов посадцких людей и тотемских приставов с волостными крестьяны. И мая, государь, в 25 день тотемские приставы и с посадцкие и уездные люди привели ко мне, холопу твоему, на Тотму ис погони Тотемского уезду Царевские волости новые Тафтенские пустыни строителя старца Ферапонта, да дву тафтенских мужиков, да Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря деревни Ешутина крестьянина, да тое ж, государь, Рубежские волости твоего великого государя столника и спалника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянина деревни Нишмы Онтропка Шумилова, да жонку Федорку, а ево Онтропкову и приводного старца Ферапонта невестку родную. А с ними, государь, принесли ко мне на Тотму в съезжею избу Царевские волости крестьянина Васки Тарасова и убитого сына ево Ондрюшки пограбленной рухляди: полукафтаные кумачное, да шапку мужскую суконную красную, да женское сарафанишко крашеное, да белыя рубах и иныя рухлядишки; // (л. 2) да разбойничьи рухляди: рубашенка, да платок в крови, да ряженую волосяную бороду, да разных трав и коренья в семи узлах.

И в съезжей, государь, избе те приставы Гришка Зуев с товарищи предо мною, холопом твоим, сказали: Как, де, те воровские люди в Царевской волости того крестьянина Васку Тарасова розбивали и мучили. И сын, де, ево Ондрюшка, боронясь от себя, тех воров ранил дву человек. И как, де, те воровские люди розбили того крестьянина Васку Тарасова, а сына ево Ондрюшку до смерти убили, и пограбя живот их с собою, поехали от тое их деревни.

И они, приставы с товарищи, тем их воровским следом за ними гнались, и дошли, де, тем следом до тое пустыни, ис которые тот старец Ферапонт взят и приведен с тое разбойничьей воровской рухлядью.

Да тем же воровским следом дошли до Вологоцкого уезду до Рубежские волости до деревни Нишмы во двор к столникову и спалникову к Борисову крестьянину, Васильева сына Бутурлина, к Тараску Шумилу, а того приводного старца Ферапонта брату родному. А та, де, государь деревня от тое пустыни всего в трех верстах. И у того у крестьянина Тараска Шумилова вынели они в избе в голбце в подполье схоронено того убитого крестьянина Андрюшки Васильева пограбленное платье, которое принесли с собою на Тотму. А разбойничьи, де, рухледи: рубашенко и платок с кровью, и травы, и коренья взяли они в той пустыне у того приводного старца Ферапонта, а того разбойника Тараска Шумилова брата родного в келье.

Да под тою, де, государь, пустынею нашли они ж приставы по конец поля в лесу два станы воровских людей. А разбойник, де, Тараско Шумилов, а ево старцов брат родной, из двора своего ушел и ухоронился в той же волости у иных соседей своих. И они ж приставы, Гришка с товарищи, приходили твоего великого государя столника и спалника Борисову приказному человеку, Васильева сына Бутурлина, к Василью Гладкому и ему твой великого государя указ объявили, и о тех разбойниках о Тараске

Шумилове и о всем говорили, чтоб он тех воров и разбойников велел сыскать и им выдать. И тот приказной человек тех воров и разбойников Тараска Шумилова и Еску утаил и тем приставам не отдал. А тот, де, Тарасков товарищ Еска на том разбое ранен.

А приводной старец Ферापонт перед мною, холопом твоим, в распросе сказал: Рубашенко, де, и платок, которые взяты у него в келье и принесены к нам в Тотму, не иво старцова, а пришлого человека // (л. 3) Тотемского уезду Молские волости крестьянина Сергушки, которой живет у него в пустыне, а чей сын, того не ведает. А ныне, де, он ушел ис пустыни от погонщиков в Вологоцкой уезд. И борода, де, ряженая не ево старцова, а травы, де, и коренья в семи узлах его старцовы, сказал, порознь держал, де, их для разных скорбей.

Приведенные ж мужики, Рафтенского улусца крестьяне, да два человека Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря крестьяне, в распросе и у пытки в том разбое запырались.

Да приводной же детина, твоего великого государя столника и спалника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянин, а того разбойника Тараса Шумилова и приводного старца Ферапонта брат родной, Онтропко Шумилов в распросе и у пытки сказал: Сказывал, де, ему, Онтропку, брат его родной Тараско Шумилов, что, де, он Тараска да товарищ ево, тое ж волости крестьянин Еска, ходили на разбой в нынешнем во 179 году мая в 19 день. И брат, де, их старец Ферапонт, которой ныне приведен на Тотму, с ними на разбое были, а кого розбивали и хто иных товарищей было, про то ему Онтропку он, Тараско, не сказал. Толко, де, сказал, что товарищ его на разбое ранен. А где ныне брат его Тараско и Еска, того он не ведает.

И я, холоп твой, велел того старца для подлинного розыску и распросу против речей брата его Онтропка взять к пытке, и у пытки его старца спрашивал с пристрастием. И он, старец, в том во всем запырался, а брат его, старцов, Онтропка, на очной ставке, не у пытки, с ним старцом говорил прежние речи, что, де, он брат ево, старец Ферапонт, з братом ево с Тараском и с Ескою на разбой к Васке Тарасову ходил, то он, Онтропка, у брата своего Тараска слышал.

И в том, государь, воровстве и в разбое, и в иных прежних разбоях, и в приносных травах и коренье, и в воровских разбойничьих станех, того старца пытать и в Вологоцкой уезд для воровских людей и разбойников и в татбах по оговорным делам к очной ставке и к уликам и к верному розысканию для поимки приставов посылать, без твоего великого государя указу я, холоп твой, не смею. И о том с Тотмы, великий государь, мне, холопу своему, укажешь.

(л. 1 об.) Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу.

Резолюция другим почерком:

Послать великого государя грамоту на Тотму, коей велено про разбой сыскивать и про старца писать на Вологду к архиепископу, а по

оговору для разбойников писма на Вологду к воеводе учинить по Соборному Уложению.

**1671 г. июня 30. – Указ царя Алексея Михайловича
тотемскому воеводе Андрею Яковлевичу Непейцыну**

(л. 4) От царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, на Тотму воеводе нашему Андрею Иаковлевичу Непейцыну⁹⁸⁶.

Писал ты нам, великому государю: В нынешнем 179 годе в мае месяце в розных числах в Тотемском, де, уезде в волостях объявились воры и разбойники и многих крестьян розбивают и жгут, и живот грабят, и мучат, и до смерти побивают. И мая в 17 день в Заозерской волости крестьянина Ивашку Дмитриева пришед, де, в деревню воровские люди разбили, и иво били, и мучили, и сожгли до смерти, и живот весь пограбили; да Федку Елисеева, да Мелешку Демидова розбивали ж и животы, де, их пограбили ж; да Вожбальские волости крестьянина Ивашка Машарина разбили и сноху ево, Ивашкову, били и мучили, и живот ево пограбили; да Режские волости // (л. 5) Леванидовы пустыни, что под Николским Угрешским монастырем, строителя старца Корнилия разбили ж и мучили, и огнем жгли, и монастырскую всякую денежную казну и платжную казну и монастырских крестьян всякую рухлядь, что было в том монастыре на збереженье оставлено, пограбили; да мая в 19 день, в ночи, Царевские волости крестьянина Васку Тарасова воровские, де, люди и разбойники били и мучили, и сына ево Андрюшку убили до смерти, и живот их пограбили. И по нашему, великого государя, указу посылал ты с Тотмы за теми ворами в погоню тотемских посадцких людей и приставов с волостными крестьяны. И мая в 25 день те погонщики привели к тебе на Тотму ис погони ис Тотемского уезду Царевские волости новые Тафтенские пустыни строителя старца Ферапонта, да дву тафтенских мужиков, да Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря деревни Ешутина крестьянина, да тое ж Рубежские волости столника и спалника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянина деревни Нишмы Онтропка Шумилова, да сноху ево Онтропка и // (л. 6) Ферапонтову сноху родную. А с ними принесли к тебе на Тотму в съезую избу Царевские волости крестьянина Васки Тарасова и убитого сына ево Ондрюшки пограбленной рухляди: полукафтанье кумачное, да шапку мужскую суконную красную, да женской сарафан крашенинной, да белья рубах и иныя разные рухледишки; да разбойничной рухледи: рубашка да платок в крови, да ряженую волосяную бороду, да разных трав и коренья в семи узлах. И в съезжей, де, избе приставы Гришка Зуев с товарищи перед тобою сказали: Как, де, воровские люди в Царевской волости того

⁹⁸⁶ Судя по помете на документе, челобитная от Тотемского воеводы А.Я. Непейцына была получена в Москве 24 июня 1671 г. – *Прим. авт.*

крестьянина Васку Тарасова розбивали и сын, де, ево Ондрюшка, борясь от себя, тех воров ранил дву человек, и как, де, те воровские люди, розбив того крестьянина Васку Тарасова, а сына ево Ондрюшку до смерти убив и пограбив животов их, побежали от тое их деревни, и они, де, приставы с товарищи тем их воровским следом за ними гнались и дошли до тое пустыни, ис которые тот старец Ферапонт взят и приведен с розбойничью воровскою рухлядью. Да тем же воровским следом дошли до Вологоцкого уезду до Рубежские волости до деревни Нишмы во двор к столнику и спалнику к Борисову крестьянину, Васильева сына Бутурлина, к Тарасу Шумилону, а тому приводному // (л. 7) старцу Ферапонту брату родному. А та, де, деревня от тое пустыни всего в трех верстах. И у того крестьянина, у Тараса Шумилова, выняли они из подполья убитого крестьянина Ондрюшки Васильева пограбленное платье, которое принесли на Тотму, а разбойничьей рухляди: рубашка и платок с кровью, и травы и коренья, взяли они в той пустыне у старца Ферапонта в келье. Да у тоя же, де, пустыни нашли они приставы по конец поля в лесу два стана воровских людей. А разбойник Тараско Шумилов из двора своего ушел и ухоронился в той же волости у иных соседей своих. И приставы Гришка с товарищи приходили к Борисову прикащику, Бутурлина, к Ивашке Гладкому, и ему о сыску наш указ объявили о тех разбойниках: о Тарасе Шумилоне и о Еске. Говорили, чтоб он тех воров и разбойников велел сыскать и отдать. И Ивашка Гладкой тех разбойников, Тараска Шумилова и Еску, утаил и приставам не отдал. А тот, де, Тарасков товарищ Еска ранен на том розбое. А приводной старец Ферапонт перед тобою в роспросе сказал: рубашка, де, и платок, которые взяты у него в келье и принесены на Тотму, не ево старцова, а пришлого человека Тотемского уезду Молские волости крестьянина Сергушки, которой жил у него в пустыне, а чей сын, того не ведает. А ныне, де, он ушел ис пустыни от погонщиков в Вологоцкой уезд, и борода, де, // (л. 8) ряженная не ево старцова, а травы, де, и коренье в семи узлах ево, старцовы, держал их для разных скорбей. Приводные ж мужики Тафтенского улусца крестьяне два человека, да Вологоцкого уезда Рубежские волости Евфимьева монастыря крестьянин, в роспросе ис пытки в том розбое запирались. Да приводной же детина, столника нашего Бориса Бутурлина крестьянин, Онтропка Шумилов в роспросе и у пытки сказывал: де, ему, Онтропку, брат ево родной Тараско Шумилов в роспросе сказал, что он, Тараско, да товарищ ево тое ж волости крестьянин Еска ходили на разбой в нынешнем во 179 году мая в 19 день, и старец Ферапонт, которой ныне на Тотму приведен, с ними на розбое был, а кого пограбили, про то ему, Онтропку, он, Тараско, не сказывал, толко, де, сказал, что товарищ ево Еска на розбое ранен, а где ныне брат ево Тараско и Еска, он не ведает. И ты велел того старца для подлинного розыску к роспросу против брата его ж Онтропка взять к пытке, и у пытки, де, старца роспрашивал с пристрастием, и он старец в том во всем запирался, а брат ево старцов Онтропка на очной ставке не у пытки с ним старцом говорил прежние речи, что он, старец Ферапонт,

с братом ево Тараском и Ескою на разбое у Ивашка Тарасова были; то он, Онтропко, де, от брата своего Тараска // (л. 9) слышал. И ты в том, де, воровстве и в розбое, и в иных прежних розбоях, и приносных травах и коренье, и в воровских разбойничьих станех, того старца пытати и в Вологодской уезд для воровских людей и разбойников и в татбах по оговорным делам к очным ставкам для поимки, приставов без нашего, великого государя, указу посылать не смеешь. И о том велел бы тебе великого государя указ учинить.

И как к тебе наша, великого государя, грамота придет, и ты б про разбой и про всякое воровство тех // (л. 10) воров и иных, которые в Тотме впредь объявятся, сыскивал, и по оговорным делам для подлинного разыскания на Вологду к воеводе и дьяку послал, и о том к ним писал, чтоб они тех оговорных людей к тебе на Тотму к языку для очных ставок присылали без молчанья, и тем разбойникам // (л. 11) и воровским людям указ чинил по нашему, великого государя, указу и по Соборному Уложению. А о старце Ферапонте писал бы ты на Вологду к архиепископу, за такое воровство по Правилу святых апостол и святых отец чернцом, что велено чинить.

Писано на Москве лета 7179 июня в 30 день. А в Вологду переписал грамоты Еска Грамонец.

(л. 9 об.) Великого государя грамоту Тотемской пристав Мишка Попов взял, по его веленью Куземка // (л. 10 об.) Кузнецов руку приложил.

1671 г. – Переписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына с архиепископом Вологодским Симоном по делу о строителе Казанской пустыни, в Вологодском уезде, старце Ферапонте, обвинённом вместе с его братьями, крестьянами Антропом и Тарасом Шумиловыми, в разбое и грабеже⁹⁸⁷

1671 г. августа 20. – Первая отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына Вологодскому архиепископу Симону

(л. 1) Господину преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Белозерскому великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца холоп Андрюшка Непейцын челом бьет.

В нынешнем во 179 году в мае месяце приведены ко мне на Тотму в съезжую избу в розбойном деле Вологодского уезду Рубежские волости столника Борисов крестьянин Васильева сына Бутурлина Онтропко Шумилов, да Тотемского уезду Тафтенского улусца пустыни Пресвятыя Богородицы Казанские строитель старец Ферапонт, а ему Онтропку

⁹⁸⁷ Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1–5 об.

Шумилову брат родной, что в нынешнем во 179 году мая на 19 число в Тотемском уезде в Царевской волости розбили крестьянина Васку Тарасова и сына его Ондрюшку убили до смерти, и живот их пограбили. И на Тотме в съезжей избе передо мною тот Борисков крестьянин Бутурлина Онтропка Шумилов в том розбое на очных ставках и у пытки говорил на братьей своих родных – на того старца Ферапонта, да на Тараска Шумиловых; и тот Тараско не сыскан. А у него старца в пустыни сыскано розбойничьи рухляди и ко мне на Тотму принесено: рубашенко да платок в крови, да ряженая волосяная борода, да разных трав и коренья в семи узлах. И тот старец Ферапонт против речей брата своего Онтропка в роспрое в том Васкине розбое Тарасова и в убийстве сына его Ондрюшки и в кровавой рубашке и в ряженой бороде, которая у него сыскана, во всем запирался, а про травы и про коренья сказал: те, де, травы и коренья его старцовы, держал их для разных скорбей. А накрепко он старец и с пристрастием у пытки не роспрашиван и не пытан. И о том о всем писал я великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу о указе.

Июля в 17 день против моей отписки прислана ко мне на Тотму его, великого государя, грамота – велено: розбойником и оговорным людям указ чинить по его великого государя указу и по Соборному Уложению, а о старце Ферапонте велено мне к тебе господину на Вологду отписать за такое воровство по Правилем святых апостол и святых отец чернцом, что велено чинить.

И тебе б господине, преосвященный Симон архиепископ Вологодский и Белозерский, по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Берья России самодержца и по грамоте отписать ко мне на Тотму за таковое воровство старцу Ферапонту по Правилем святых апостол и святых отец, что доведетца учинить.

(л. 1 об.) Господину преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Белозерскому.

На обороте листа видны следы печати чёрного воска.

Другим почерком:

179 году августа в 25 день подал сею отписку тотемской съезжей избы пристав Якушко Кашников.

1671 г. августа 20. – Подорожная память тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына на проезд к Вологодскому архиепископу Симону тотемского пристава Якушки Кашникова

(л. 2) Лета 7179 августа в 20 день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца указу от Тотмы по дороге до Шуйского яму и до Вологды по ямом ямщиком, а где ямов нет, всем людям без отмены чем хто ни будь, чтоб ести давали тотемскому съезжие избы пристава Якушку Кашникову

лодку, да кормщика, да дву человек гребцов везде, не издержав ничуть по указу великого государя без прогонов. Послан он пристав Якушко с Тотмы до Вологды к преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому для государева дела с отписками наскоро.

К сей подорожной воевода Андрей Яковлевич Непейцын печать свою приложил.

Внизу приложена печать чёрного воска.

1671 г. середина сентября. – Вторая отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына Вологодскому архиепископу Симону

(л. 3) Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца холоп Андрей Непейцын челом бьет.

В прошлом во 179 году августа в 20 день по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и по грамоте из Приказу Устюжские чети за приписью дьяка Аврама Кошечева, писал я к тебе великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому на Вологду с тотемским приставом с Якушком Кашниковым Тафтенские пустыни о приводном старце Ферапонте. И тот пристав Якушко на Тотме в съезжей избе в допросе передо мною сказал, что тою мою отписку ты преосвященный Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский изволил у него принять; а подорожную, которая по указу великого государя дана ему приставу с Тотмы до Вологды для подвод, ты же великий святитель у него пристава взял, а против указу великого государя и моей отписки никакова указу с ним не учинил. И тому приставу по указу великого государя на Тотме учинено наказанье за ево воровство, что не дождался твоего святительского указу с Вологды на Тотму пришед.

А ныне по указу великого государя для того ж дела послал я с сею отпискою к тебе великому святителю другово пристава Стенку Андреева нарочно. И тебе великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и по грамоте за приписью дьяка Аврама Кошечева, и по моей прежней и нынешней отпискам велеть по своему святительскому уставному рассмотреть, ко мне на Тотму отписать против Правил святых апостол и святых отец чернцом за такие дела, что чинить повелевает, что б в том великого государя делу задержания не было.

(л. 3 об.) Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому.

На обороте листа приложена печать чёрного воска.

Другим почерком:

180 году сентября в 23 день подал отписку тотемской пристав Стенка Андреев.

1671 г. конец сентября. – Отписка Вологодского архиепископа Симона тотемскому воеводе Андрею Яковлевичу Непейцину

(л. 4) Смиранный Симон архиепископ Вологодский, Андрею Яковлеви-чу во Христе Бозе радоватися.

В нынешнем во 180 году сентября в 23 день писал ты к нам тотемской съезжей избы с приставом с Стенкою Андреевым Тотемского уезду о чернце Ферапонте Тафтенские пустыни, что взят по оговору брата ево родного столника Борисова, крестьянина, Васильева сына Бутурлина, Онтропка Шумилова в розбойном деле, и нам велел к тебе отписать за такое воровство по Правилам святым что велено чинить. И тебе, господине, указ тому чернцу Ферапонту учинить по указу великого государя и по градским законам чево доведется, потому что причетников в воровских винах ятых воров царю и боляром судить повелено. А буде до нево дело не дойдет и ево освободить не задержав, да не будет чин монашества во уничтожениии.

А что о том же деле писал ты к нам тотемской съезжей избы с приставом Якушком Кашниковым, а против // *(л. 5)* твоей отписки от нас к тебе было неписано для того, что отписка запечатана печатью, а у тово пристава Якушки подорожная запечатана другою печатью, а имя в отписке и в подорожной написано твое. И то нам все явилося сумнительно, потому что у нас на Вологде воеводы приказные всякие дела печатают одною печатью, а иными печатми печатают отводные грамотки.

**Зенкова Ольга Борисовна,
Копытков Василий Викентьевич,
культурно-исторический центр «Светоч»,
г. Великий Устюг – г. Москва**

ТОТЕМСКАЯ ГОЛУБИНСКАЯ БОГОРОДИЦКАЯ ПУСТЫНЬ

Страницы истории православной обители

Тотемская Голубинская Богородице-Рождественская мужская пустынь, в настоящее время не существующая, находилась в 93 верстах к западу от Тотмы, *«при реке Сухоне по край берега»*, в урочище речки Голубица⁹⁸⁸.

⁹⁸⁸ На этом месте сейчас находится полузаброшенная деревня Голуби, которая входит в состав Туровецкого сельского поселения Междуреченского района Вологодской области. От райцентра – села Шуйского – до Голубей 47 км. – *Прим. авт.*

Это лишь одна из целого ряда православных обителей, стоявших на территории нынешней Вологодской области, чья история до наших дней дошла лишь в кратких описаниях, а то и просто в упоминаниях. Отсутствие научного интереса к подобным монастырям вполне объяснимо: там не случалось каких-то значимых событий, способных повлиять на окружающий мир. Такой подход, увы, создал странную ситуацию: большая часть просвещённых людей, как минимум, наслышана о том, что и как происходило в крупных центрах, но при этом не знает истории собственного края. Из этого незнания вытекает другая крайность – истина заменяется всякого рода легендами и домыслами, причём зачастую просто фантастическими.

В данной работе мы попытались проанализировать опубликованные, а также вновь открытые источники по Голубинской пустыни и изложить на их основе историю её недолгого существования.

Основной вопрос – когда, кем и по какому случаю была основана эта обитель, в исторической и краеведческой литературе до настоящего времени в полной мере никогда не рассматривался. Согласно «Истории российской иерархии» архимандрита Амвросия (Орнатского) отсчёт её существования начинается не позднее 1653 г.⁹⁸⁹. Основные сведения о Голубинской пустыни, изложенные в трудах преосвященного Амвросия, с некоторыми дополнениями повторяются в исторических изданиях ряда авторов XIX столетия: А. М. Ратшина, П. М. Строева, В. В. Зверинского и других⁹⁹⁰. Современные исследователи истории Русского Севера склонны считать, что монастырь появился несколько ранее обозначенной даты, а точнее до 1652 г.⁹⁹¹.

В ходе архивных изысканий нам также не удалось обнаружить достоверный источник, указывающий на точное время возникновения этой обители. Отметим, что в «Писцовой книге города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.» каких-либо сведений о Голубинской пустыни ещё нет⁹⁹². Данное обстоятельство приближает время её основания ближе к середине XVII столетия.

На сегодняшний день главное подтверждение тому, что в 1653 г. Голубинская пустынь уже существовала – это челобитная строителя

⁹⁸⁹ Архимандрит Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. – Т. 3. – М., 1811. С. 737; Т. 6. – М., 1815. С. 236–239.

⁹⁹⁰ Ратшин А. М. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. – М., 1852. С. 77; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. С. 775; Зверинский В. В. Монастыри в Российской империи. – СПб., 1887. С. 118.

⁹⁹¹ Пшеницын Д. А. Страницы истории Стрелицкой волости (XVII–XX вв.): Биряковское сельское поселение, Сокольский район Вологодской области. – Вологда, 2018. С. 69–70; Македонская Н. М. Голубинская Богородице-Рождественская мужская пустынь. // Православные приходы и монастыри Севера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=270>.

⁹⁹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 624–723.

Голубинская Казанская пустынь и её окрестности.
 Чертёж-реконструкция А. В. Кузнецова, 2018 г.

Сильвестра «с братией» о пожаловании им на оброк земель – «Шеюкова наволока и Реченской лопатки», которыми тогда «безоброчно» владели крестьяне деревни Кожухово⁹⁹³.

Легендарным обоснованием строительства монастыря послужила явленная Казанская икона Божией Матери, в связи с чем и сама пустынь поначалу именовалась «Казанской». Какого-либо исторического предания об этом происшествии не обнаружено: где явилась икона, при каких обстоятельствах и какие последовали за этим события – нам не известно. Заметим, что в относительной близости от Голубинской пустыни стояли ещё две одноимённых обители: Казанская, основанная легендарным старцем Капитоном⁹⁹⁴ в первой трети XVII в., она же Капитонова Княгинина Спасская; и возникшая примерно в начале или середине 1660-х гг. Тафтенская Казанская пустынь⁹⁹⁵.

⁹⁹³ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. Л. 1-7.

⁹⁹⁴ Капитон Даниловский – аскет, основатель секты капитонов или лесных старцев, расколоучитель, предтеча старообрядцев-беспоповцев. Его имя внесено в старообрядческий синодик «Виноград Российский». – Прим. авт.

⁹⁹⁵ Копытков В. В., Кузнецов А. В. Тафтенская Казанская пустынь Тотемского уезда в свете «разбойного дела» её строителя старца Ферапонта, 1671 г. // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» памяти Александра Васильевича Камкина. – 27 февраля – 3 марта 2019 г. С. 500–525.

В 1643 г. в Пензенском крае в одной версте от города Нижний Ломов у источника была найдена икона Божией Матери Казанской, которую начали почитать чудотворной после нескольких исцелений. Согласно «Сказанию...», царь Михаил Фёдорович, узнав о «многих и великих чудесах», происходивших от святыни, повелел на месте её обретения построить церковь и к ней «вдати книги, и ризы, и воск на свечи, и церковное вино, и монастырь мужеский устроить»⁹⁹⁶. Построенную на этом месте часовню в 1648 г., в царствование Алексея Михайловича (а возможно, при его участии), сменил полноценный храм. Чудесные события коснулись и самой царской семьи: во время Всенощной, 22 октября (4 ноября по н. ст.) 1648 г., в празднество Казанского образа Божией Матери, установленного в Москве в 1613 г. в память освобождения столицы от поляков и литовцев, родился царевич Димитрий Алексеевич. Такой Божий знак не остался без внимания: именно на этот день, в конце сентября 1649 г., согласно царской «окружной» грамоте, было установлено ежегодное празднование в честь Казанской иконы по всей православной России⁹⁹⁷.

Есть ли какая-либо связь между всеми этими событиями или здесь имеет место простое совпадение, скорее всего, установить никогда не удастся. Но, так или иначе, первые известия о Голубинской пустыни появляются после них. Возможно, как такового явления Казанского образа Божией Матери близ речки Голубицы, где возникла пустынь, и не было, а поводом к её основанию послужила либо московская, либо нижнеломовская икона.

Вызывает вопрос и второе, «географическое» название пустыни. По логике она должна именоваться «Голубицкой», а не «Голубинской». В пользу этого свидетельствует и самый ранний документальный источник – «Челобитная старца Селиверста 1653 г.», о которой уже упоминалось

⁹⁹⁶ Романова А. А. К истории списков иконы Казанской Богоматери VII в.: Сказание об иконе Богоматери Казанской Нижнеломовской. // Исследования по истории средневековой Руси. – М.; СПб., 2006. – С. 468–480.

⁹⁹⁷ «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, на Вологду, богомолцу нашему Маркеллу, архиепископу Вологодскому и Великопермскому. В прошлом во 121 году октября в 22 день, милостию Божиею и молитвами и заступлением Пречистыя Владычицы нашей Богородицы, явления чудотворныя иконы Казанския, на память святого Аверкия епискупа Ерополского чудотворца, Московское государство от Литовских людей очистилось, и сего ради Божия милосердия установили праздновать пречистой Богородице, явлению чудотворныя иконы Казанския, в царствующем граде Москве, при отце нашем, блаженныя памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси. А в прошлом во 157 году октября в 22 день, на праздник Пречистыя Богородицы, явления чудотворныя иконы Казанския, во время всенощного пения, Бог одаровал, родися нам сын, государь царевич князь Димитрей Алексеевич: и мы указали ныне в тот день, Октября в 22 день, праздновать Пречистой Богородице, явлению чудотворныя иконы Казанския, во всех городах, по вся годы». – См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 4. – СПб, 1836. – С. 61.

ранее. В ней мы впервые встречаем правильное написание названия обители – «Голубицына»: «Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом богомолец твой Тотемского уезду Голубицыны пустыни Пречистыя Богородицы Казанские новоявленные строитель старец Селиверст...»⁹⁹⁸. Очевидно, трансформация в именовании монастыря произошла довольно быстро, так как практически во всех последующих исторических документах она уже писалась как «Голубинская»⁹⁹⁹.

В «Переписной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1676–1678 гг.» сообщается: «Пустыня Голубинская на реке на Сухоне, а в ней церковь деревянная клетцы во имя Пречистыя Богородицы Казанские. Да в той же пустыне две кельи, а в них живут черной поп Иона да пять братьев иноков. Да дворец скотей, а живут в нем работные люди наемные Еремка Петров да Микифорко Григорьев. И всего две кельи да дворец, а в них черной поп, да пять братьев иноков, да два работника»¹⁰⁰⁰.

В «Писцовых книгах Тотьмы и уезда письма и меры Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицына 1675–1679 гг.» содержатся сведения и об угодьях, принадлежавших этому монастырю: «В Тотемском уезде в Ихалицкой волости пустыня Голубинская на реке на Сухоне. Пашни паханые худые земли до Ретченского наволока четыре четверти в поле, а в дву по тому же. Сена в полях и на реке Сухоне и на устье речки Ретчи сорок копен. Лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и болота от реки Ретчи до реки Голубицы три версты, поперег верста»¹⁰⁰¹. В целом по государеву указу братии было предоставлено «на прокормление» «земли от Ретчи реки вниз по Сухоне реке до речки Голубицы на пять верст со всеми угодья, а от Сухоны реки в гору до Осинового мысу на пять верст»¹⁰⁰².

В конце 1677 г. по грамоте из Посольского приказа строитель Голубинской пустыни старец Илья «з братиею» взяли в Ихалицкой волости на оброчное содержание сроком на два года (с 1678 по 1680 гг.) «впредь до перекупщика» запустевшую деревню Брюхово, а Малая тож: «А оброку им платить по рублю по дватцати по два алтына по четыре денги на год и с пошлинами, лес вопче з деревнями»¹⁰⁰³. В 1681 г. «перекупщиком» деревенских угодий стала сама пустынь – смысл проведения новых

⁹⁹⁸ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. Л. 1.

⁹⁹⁹ Из установленных архивных источников исключение составляет лишь «Опись Голубинской пустыни 1702 г.», в которой наравне употребляются оба «географических» названия обители. Примечательно, что «Голубицкой» пустынь называет описывавший монастырь царский стольник Андрей Михайлович Вешняков, то есть лицо стороннее; а игумен Иоасаф, скрепивший документ своей подписью, обозначает родную обитель «Голубинской». – Прим. авт. – См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 514, 515, 516, 521.

¹⁰⁰⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 624 об.–625.

¹⁰⁰¹ РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

¹⁰⁰² Там же. – Л. 2 об.

¹⁰⁰³ РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–5 об.; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12378. Л. 1–2.

торгов заключался в «наддаче», то есть земля отходила к тому, кто даст больше оброка. А уже в 1685 г. пустынники били челом о государевой милости: *«того, де, им оброку платить нечим, скудны и бедны, и хлеб, де, пашут своими трудами, и чтобы великим государем пожаловати их для их скудости: дать им тою пустошь Брюхово для прокормления безоброчно вове»*. И им пошли навстречу – пустошь перешла в собственность монастыря¹⁰⁰⁴.

В 1682 г. старцы получили у вологодского архиепископа Симона на оброк – по 20 алтын на год – *«Княгинино озеро Капитонову пустыню с пашенною землею и санными покосы, и с рыбною ловлею на десять лет»*¹⁰⁰⁵. Через несколько лет из-за этой оброчной статьи у монахов возникли трения с соседями – волостными крестьянами. Строитель Тимон жаловался устюжскому архиепископу Александру: *«В том, государь, нашем оброчном озере Ихалицкого улусца и деревни Кожуховские крестьяне Якимко Ларионов с товарищи въезжают и рыбу ловят своим насилством. И от того их насилственного владенья пустыня наша оскудела»*¹⁰⁰⁶.

В 1684 г. интересы голубинской братии впервые пересеклись с интересами одного из богатейших представителей московского купечества – гостя Ивана Даниловича Панкратьева. Крестьянин Ихалицкой волости деревни Кожуховской Фёдор Ермолин продал гостю участок земли *«от Ретчи реки до Верхняго ручья»*. В челобитной, поданной в январе 1685 г., монахи жаловались государям Иоанну и Петру Алексеевичам, что *«на оной, де, земле лес росчищали они, строитель з братиею»*, и просили их велеть владеть им землёй по-прежнему, *«по писцовым книгам Богдана Засецкого»*. В затребованной *«в Устюжской чети»* для выяснения всех обстоятельств дела *«скаске»* гость Иван Панкратьев не предъявил прав на монастырские угодья, на основании чего старцам выдали грамоту о владении *«тою землею и со всякими угодья к тому монастырю надлежащими по старым межам и по писцовым книгам»*¹⁰⁰⁷. Однако в 1688 г. Иван Данилович Панкратьев подал челобитье на отвод *«Голубинские пустыни на усть-Ретчи речки сенной покос и новинные посечи по купчим, что продали ему гостю деревни Кожуховы Федор Ермолин с товарищи пустошь»*

¹⁰⁰⁴ РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–5 об.

¹⁰⁰⁵ РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 459. Л. 1.

¹⁰⁰⁶ Голубинские монахи и кожуховские крестьяне пользовались «езовищем» и покосами гораздо раньше, по 10 алтын в год (те и другие). В 1654 г. братия Капитоновской пустыни, жалуясь на нищету, просили у государя отдать им угодья от Княгинина озера по речке Ихалице и её притокам *«безоброчно»*, *«для пропитания и для пустынного строения»*. В честь рождения царевича Алексея Алексеевича царь пожаловал капитоновцев просимой землёй, сенокосами и рыбными ловлями. В связи с чем вологодский архиерей отдал царское пожалование в пользование голубинских старцев – неизвестно. Видимо Капитоновская пустынь в это время совсем обезлюдела. – *Прим. авт.* – См.: РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 459. Л. 1; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. Л. 1–4.

¹⁰⁰⁷ РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 3–3 об.

Реченское Зглавье»¹⁰⁰⁸. «Окружную грамоту 1685 г.» гость оспорил, а других, подтверждающих владение, у монахов, по-видимому, не имелось. Братии оставалось лишь жаловаться на несправедливость устюжскому архиепископу Александру: «...и нам нищим с таковым богатым гостем тягачцо невозможно, твоя, государь, архиерейская воля»¹⁰⁰⁹.

Маловероятно, что гость Иван Панкратьев польстился на заливные луга. Как солепромышленника, его, наверняка, в первую очередь привлекали возможности тотемской земли в плане добычи соли и близость рынка сбыта ценного продукта. К примеру, ещё его отец, Данила Григорьевич, пробовал добывать соль в тотемских Посухонских слободах, но качество рассола оказалось низким и он, как и предыдущие владельцы, забросил промысел¹⁰¹⁰. Устюжанин Василий Иванович Грудцын – шурин Ивана Даниловича Панкратьева – в 1660-х гг. начал добывать соль на Леденге. В 1670-х гг. у него уже имелось там 4 трубы с рассолом, 9 действующих варниц и кроме того – земельные угодья и лес в окрестностях. Исследователь деятельности гостей Л. А. Тимошина склонна считать, что приобретения эти осуществились не только с подсказки И. Д. Панкратьева, но и, что очень вероятно, с его финансовой помощью¹⁰¹¹.

Не исключено также, что место в устье речки Ретчи могло понадобиться гостю для строительства барок и дощаников под его грузы, для чего имелись все ресурсы – как строительные материалы, так и рабочие руки.

Отказался ли боголюбивый Иван Данилович от притязаний на сенокосы и новины бедной обители, неизвестно. По «Лисцовой книге города Тотмы с посадом и уездом письма и меры Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Ивана Гордеева 1686–1688 гг.» за монастырём числились те же угодья, что указаны в книгах 1675–1679 гг.: «*Пашни паханые монастырские худые земли до Ретченского наволоку четыре четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях и по реке по Сухоне на усть речки Ретчи сорок копен. Лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и от болота от речки Ретчи до речки Голубицы три версты, поперег верста*»¹⁰¹². Хотя, вполне возможно, перепись была проведена раньше, чем

¹⁰⁰⁸ Согласно «Переписной книге города Тотмы с посадом и уездом 1676–1678 гг.» деревня «*Новой Починок Ретченское Зглавье на речке на Сухоне*» была взята «на льготу» сроком на 20 лет, с 1662 по 1682 гг., ихалицкими крестьянами «*Оской Афанасьевым с братом Ивашкой*» и «*Федкой Ермолиным*». На момент переписи в деревне стояло два двора, в которых жило шесть душ мужского пола. – *Прим. авт.* – См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 625–625 об.

¹⁰⁰⁹ РИБ. – Т. XII. – СПб., 1890. – Стлб. 914–916.

¹⁰¹⁰ Колесников П. А. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII веке. – Вологда, 1957. – С. 14; Кузнецов А. В. Посухонские слободки. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях. – Вып. 6. – Вологда, 2018. С. 104.

¹⁰¹¹ Тимошина Л. А. Гости Панкратьевы и Великий Устюг в XVII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда, 2000. С. 148–149.

¹⁰¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 286 об.–287.

случился конфликт между голубинскими монахами и гостем Иваном Панкратьевым.

Как свидетельствует указанная «Писцовая книга», в Голубинской пустыни в это время проживали: строитель иеромонах Иоасаф и «пять братьев иноков», обитавших в двух кельях; а также вкладчик Сёмка Черцов и работник Коземка Художил, и ещё двое «наемных работников людей» – Ларка и Якушка Пошехонцевы, жившие при скотном дворе за монастырём. За пустыней в Стрелицкой волости состояла бывшая деревня Брюхово¹⁰¹³, где братия поставила ещё один скотный двор, на котором работали «наемные люди», нанимавшиеся «погодно». Из земельных угодий в Брюхове имелось: «Пашни паханные худые земли десять четвертей, да перелогом и лесом поросло десять же четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях десять копен, отхоже ж сена на реке Сухоне на дикой стороне ниже деревни Кожуховицы тритцать копен»¹⁰¹⁴.

Земельные владения и «всякий завод» Голубинской пустыни в 1687 г. увеличились благодаря приписке к ней соседней Ретченской пустыни¹⁰¹⁵,

¹⁰¹³ Отметим, что в 1688 г. из-за указанной «пустоши» произошла ссора между монастырской братией и местными крестьянами, которые «насилно» секли лес и травили покосы на наволоче, входившем в границы Брюхова. Дело закончилось тем, что по государственной грамоте смежным владельцам «вступаться» в монастырские владения запретили. – Прим. авт. – См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12380. Л. 1–2.

¹⁰¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 287–287 об.

¹⁰¹⁵ Точное время основания Ретченской Введенской пустыни не установлено. В «Писцовой книге города Тотмы с посадом и уездом письма и меры московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.» она не упоминается. В материалах архивного дела 1685 г. «О выдаче новой ставленной грамоты чёрному попу Даниле», служившему в этой обители, Ретченская пустынь названа «новой», что свидетельствует об её относительно недавнем возникновении – около середины XVII столетия. Кроме того, в этом же источнике сообщается, что Данила был поставлен служить в Ретченскую обитель в феврале 1661 г. митрополитом Ростовским и Ярославским Ионой. В 1682 г. казённая келья, в коей хранилась его «благословенная грамота», вместе со всем монастырским архивом «погорела». В связи с чем Данила и обратился к архиепископу Александру с челобитьём о выдаче новой «ставленной грамоты», которую Устюжский владыка благословил ему в сентябре 1685 г. В материалах другого дела сообщается, что в октябре 1668 г. тот же чёрный поп Данила бил челом царю Алексею Михайловичу в Приказ Устюжской чети об отдаче монахам на оброк «из наддачи» пустоши Осташенской, располагавшейся в Тиксененской волости Тотемского уезда: «Нет, государь, у нас той <Ретченской> пустыни отходной пашни и сенных покосов. А в той пустыни пашни распхать негде, и кормиться нам богомолцам твоим нечем, и сенных покосов росчищать негде же, и скота кормить нечем, по тое, что та пустыня <стоит> меж борами и сограми». Поскольку просимые ретченской братией угодья оказались на оброке (20 алтын на год) за Спасо-Сумориным монастырём, старцев обеих обителей по царскому указу от 20 октября 1669 г. поставили в съезжей избе перед тотемским воеводой Максимом Григорьевичем Ртищевым «с очей на очи» и дали им торг «кто болши наддачи даст, тому ту пустошь на оброк и отдать». О том кому в итоге досталась Осташенская пустошь в материалах дела не сообщается. – Прим. авт. – См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 624–723; РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–3; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. Л. 24–32.

располагавшейся в семи верстах от неё: «Да к той же Голубинской пустыне в Стрелицкой волости пустошь, что была пустыня Ретченская на речке Ретче. А в ней двор скотей, а нем живет поселной старец да скотник Спирка Кипреянов. А ис тое пустыни всякая церковная утварь и колокола и братья по указу преосвященного Александра архиепископа Великоустюжского и Тотемского переведены в тою Голубинскую пустыню во 195 (1687) году¹⁰¹⁶. Пашни паханные худые земли по обе стороны реки Ретчи двадцать четвертей, да перелогом поросло и с припашью Полянкою три четверти, да лесом поросло и с починком Брянцовым пять четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. Лесу пашенного и непашенного тридцать десяти¹⁰¹⁷».

Причина слияния монастырей под «верховенством» голубинских старцев кроется, на наш взгляд, только в одном: в конфликте, разгравшемся в стенах Ретченской обители. В начале 1686 г. Александру, архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому, бил челом чёрный поп Данила, изгнанный своими собратьями из монастыря. Суть дела изложена в жалобе: «Жалоба, государь, мне тое ж Ретченские пустыни на строителя на старца Матфея с братиею и с вкладчики, живут в той пустыни и страху Божия не боятся, и по новоправленным книгам служб невосприемлют, и меня били и из пустыни вон выслали, а призывают ино-го черного попа к себе Софонтья. А тот черной поп Софонтей служит по старине, а по новоправленным службникам не служит. А тот строитель старец Матфей живет в той пустыне без росписки – прежнему строителю старцу Павлу росписки ни в каком церковном строенье и в хлебе и в скоте не дал, и ево ис пустыни вон выслал без твоего святителского ведома. И он строитель старец Матфей тое пустыни хлеб и скот изводит и денгами корыстуетца»¹⁰¹⁸.

Основное преступление помянутых Матфея, Софонтия и братии состояло, конечно, в исповедании ими старой веры. В период жесточайшей борьбы с расколом за это по закону могли не только «посадить в железа», но и сжечь, и подобные казни происходили. Так что своим письмом, по сути, доносом, иеромонах Даниил, желавший просто вернуться на своё место, прекратил самостоятельную деятельность Ретченской пустыни. 29 апреля архиепископ, выслушав «оное челобитье», велел до поры сослать Данилу «на Устюг в Телегов монастырь», а в Ретче произвести розыск. В мае дополнительно вышел указ о присылке в Устюжский разряд

¹⁰¹⁶ Похоже, перевезли даже церковь. Из челобитья старцев следует, что в Ретченской пустыни остался только скотный двор. «Писцовая книга» также не сообщает о храме в Ретче. Церковную дань, между тем, указом не объединили, и в 1688 г. братия просила устюжского архиепископа Александра пересмотреть «оклад», так как хлеб весь «позяб», и платить «против старых окладных книг» стало нечем. – Прим. авт. – См.: РИБ. – Т. XII. – СПб., 1890. – Стлб. 914–916.

¹⁰¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 287.

¹⁰¹⁸ РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 565. Л. 1.

духовных дел попа Софонтия вместе с его служебником. Итогового документа, как это обычно бывает, в материалах дела нет, но последствия говорят сами за себя: пустынь расформировали, братию, если верить «Писцовой книге города Тотьмы и уезда 1686–1688 гг.», перевели в Голубинскую пустынь (что сомнительно, так как количество инок, по сравнению с 1677 г., в ней не увеличилось)¹⁰¹⁹.

Последним земельным приобретением голубинских монахов стала деревня Ржаник в Мольской волости Тотемского уезда. В 1688 г. её владелец, крестьянин Владимир Савельев Леонтьев, принял постриг с именем Васьян и дал деревню «со всеми угодья» «закладом»¹⁰²⁰ за себя и 13-летнего сына Алексея с обязательством второй стороны «платить за него все государевы подати и ево старца Васьяна и сына ево Алексея от податей освободить»¹⁰²¹. В том же году инок Васьян умер. «Алексей Володимиров сын Левонтьев», оставшийся жить в Голубинской пустыни, «при вкладчике великие государыни царицы и великие княгини Наталии Кириловны уставщике Сергие Иванове сыне Суворове»¹⁰²², при строителе иеромонахе Иосафе и при всей братие» отдал в монастырскую казну ещё и родительское «благословение» – мельницу с толчейей на речке Вотча, рядом с деревней Ржаник – «отдал все на помин ево отца и матери»¹⁰²³.

Упомянувшиеся выше угодья по речке Ихалице в «Писцовой книге города Тотьмы и уезда 1686–1688 гг.» не значатся, скорее всего, их снова передали Капитоновской пустыни¹⁰²⁴.

По «Генеральному свидетельству 1722 г.» в Голубинской пустыни числилось: 2 иеромонаха, 9 монахов, вкладчиков мужского пола 41 душа. Пашни за пустыню на этот период имелось 19 четвертей, хлеба высевалось: ржи 22 четверти, ярового (пшеницы, ячменя или овса¹⁰²⁵) –

¹⁰¹⁹ РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 565. Л. 1. об.– 4; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 287.

¹⁰²⁰ Так в документе.– Прим. авт.

¹⁰²¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12382. Л. 1–3.

¹⁰²² Уставщик – «знаток церковного устава и в то же время регент», начальник крестовых дяков. Есть сведения, что С.И. Суворов руководил церковным строительством: в 1704 г. в Переславль-Залесском Фёдоровском монастыре подвергся перестройке собор Фёдора Стратилата XVI в. Царский уставщик С.И. Суворов окружил древний храм каменными папертьями с нарядными крыльцами в стиле нарышкинского барокко. При этом в соборе были заложены или наоборот растесаны первоначальные дверные и оконные проемы, что повлекло за собой ремонт интерьера. Можно предположить, что вкладчик такого высокого ранга наверняка способствовал Голубинской пустыни в её различных спорных делах.– Прим. авт.– См.: Свирилин А.И. Переславский Фёдоровский женский монастырь.– Владимир, 1903. С. 5.

¹⁰²³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12383. Л. 1; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12384. Л. 1; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12387. Л. 1–3.

¹⁰²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 288 об.–289.

¹⁰²⁵ В 1764 г., к примеру, сообщалось, что «пшеницы, ячмени, гороху, семени конопляного в посеве не всегда бывает за нерождением».– Прим. авт.– См.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 8 об.

69 четвертей 3 четверика («в приполоне» – за вычетом семян – на тот год значилось ржи 76 четвертей 3 четверика, ярового – 184 четверти 17 четвериков), сена ставилось 200 копен. За приписной Ретченской пустынью состояло 24 четверти пашни, на которую высевалось 8 четвертей ржи и 18 четвертей ярового («приплод» соответственно составил 25 и 55 четвертей); сена ставилось 50 копен. Крестьянских дворов ни в той, ни в другой пустыни не записано, следовательно, обрабатывали землю служители-вкладчики.

Неокладных доходов в приходе значилось 88 рублей 89 копеек (с остатком от предыдущего года – 92 рубля 65 копеек); на церковные и монастырские потребности община потратила 80 рублей 45 копеек деньгами и хлебом 16 четвертей 4 четверика. В отличие от большинства подобных монастырьков монашествующие здесь получали и хлебное, и денежное жалованье: денег 12 рублей 20 копеек, хлеба 55 четвертей на всех. Служителям в том году выдано хлеба 97 четвертей 7 четвериков¹⁰²⁶.

Проведение государством церковной реформы, значительно ограничившей монастыри в правах, очень сильно отразилось на их состоянии, и до этого немногочисленные общины начинают вымирать в прямом смысле слова в силу престарелого возраста монахов. В 1752 г. согласно реестру «Тотемского уезда обретающимся в мужских монастырях и пустынях настоятелям» в Голубинской пустыне подвизался единственный черноризец – строитель иеромонах Антоний, переведённый 17 января 1740 г. из «братства» Устюжского Михайло-Архангельского монастыря¹⁰²⁷.

В 1751 г., в рамках подготовительных работ по секуляризации церковных и монастырских имений, проводившихся Правительством Елизаветы Петровны, Голубинская пустынь получает «Жалованную грамоту» с подтверждением прав на пустошь Брюхово и иные земельные угодья в Тотемском уезде, о чём ещё пятью годами ранее братия била челом русской императрице: *«Того ради Мы, Наше Императорское Величество, Всемилостивейше указали: Той Рождественской пустыни строителю Антонию з братиею, и кто впредь по нем другия строители и братия в той пустыни будут, для владения объявленными в вышепомянутых в 7193-м году генваря 2 да 8 чисел грамотах в Тотемском уезде землю и пустошь, дать в подтверждение тех прежних грамот Нашего Императорского Величества грамоту, токмо ежели с той земли и пустоши положены в казну Нашу платить оброчные денги, оные от той пустыни платить по прежнему бездомочно. И для того сия... грамота за Нашею государственною печатью и за подписанием Нашего Правительствующаго Сената и дана в Санкт-Петербурге 1751 марта двадесять осмаго дня, государствования Нашего десятого года»*¹⁰²⁸.

¹⁰²⁶ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. Л. 23 об.-25.

¹⁰²⁷ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 770. Л. 273 об.

¹⁰²⁸ РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 7-7 об.

Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны настоятелю и братии Голубинской пустыни, 1751 г. РГАДА

В 1764 г., последнем в истории обители, была сделана тщательная опись всего монастырского хозяйства: церквей, утвари, жилых и хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, скота, хлеба и прочего; составлен «специальный» план территории.

Голубинская пустынь представляла собой комплекс из двух деревянных однопрестольных церквей – «тёплой» во имя Рождества Христова и «холодной» Рождества Богородицы, деревянной рубленой колокольни с шестью колоколами, настоятельской и хлебной келий, казённого погреба и двух хлебных амбаров. Постройки окружала деревянная, наполовину рубленая, наполовину «в заплотех», ограда длиной 50, шириной 25 сажен, с одними рублеными «Святыми воротами», с выходом к реке Сухоне¹⁰²⁹.

¹⁰²⁹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 2–4 об.

За монастырской стеной располагался «сад» для выращивания капусты, размером 10 на 7 сажень, и довольно внушительный скотный двор, на котором содержалось 14 лошадей, 32 головы крупного рогатого скота и 17 овец¹⁰³⁰.

«Деревенские владения» пустыни состояли из деревень Брюхово Стрелицкой волости и Ржаник Мольской волости. В обоих селениях также имелись жилые постройки и скотные дворы с немалым для бедной пустыни количеством скота, хлебные амбары, овины, гуменники. Ещё один «дворец» с жилой при нём избой стоял в приписной Ретченской пустыни¹⁰³¹.

Помимо этого братии принадлежали две мельницы: в Стрелицкой волости на речке Ретче в 1,5 верстах от монастыря и на расстоянии в 25 вёрст от него на речке Вотче в Мольской волости, на которых мололи не только монастырский, но и крестьянский хлеб, получая ежегодно за это до 25 рублей (что превышало доходы от продажи скота). При незначительных пахотных площадях монастырь обладал обширными сенокосами: «Всего сена ставится в год при оных пустынях и при вотчинных деревнях по 784 копны, больше и меньше»¹⁰³².

Крестьянскими «половничьими» дворами монастырь так и не обзавёлся. Как сказано в рапорте строителя иеромонаха Павла: «работа при оной пустыне отправляема бывает означенной Голубинской пустыни служителями и наемными людьми повсягодно»¹⁰³³.

По данным ревизии 1744 г.¹⁰³⁴ за пустынью числилось работников 17 душ мужского пола и 8 служителей из крестьян разных волостей Тотемского уезда. Последние несли разные послушания, жалованья не получали, подушные деньги платили «собою», довольствовались «пищей от братцкой трапезы и одеянием монастырским». Как и в начале 1750-х гг., в монашестве состоял только строитель – Павел, два церковных причетника, скорее всего, являлись «бельцами». Кроме перечисленных категорий насельников пустыни, можно упомянуть также двух отставных военных, определённых сюда «по разнарядке» для пожизненного пропитания. В рапорте настоятеля названы прапорщик «Емельян Данилов на денежном жалованье Тотемского Суморина монастыря и с протчими Тотемского заказа пустынями, которому вскладство выдается в год денег по четыре рубли по тридцати по три копейки с половиной», и рядовой солдат Фёдор Алексеев сын Котов, которому

¹⁰³⁰ Там же. – Л. 4 об., 7 об. – 8.

¹⁰³¹ Общее количество скота, принадлежащего Голубинской пустыни, составило: лошадей – 31 голова, крупного рогатого скота – 72 головы, овец – 57 голов, свиней – 9 голов. – Прим. авт. – См.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 6–7 об.

¹⁰³² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 7 об.–8 об.

¹⁰³³ Там же. – Л. 6 об.

¹⁰³⁴ В «Описи монастыря за 1764 г.» почему-то не приводятся данные ревизии 1762 г. – Прим. авт.

выдавалась только пища. Оба «за старостью лет» никаких работ не выполняли¹⁰³⁵.

Вследствие реформы 1764 г. Голубинская пустынь была упразднена, хозяйство (по аналогии с другими) отписано в казну и распродано. Бывшие вкладчики либо осели в окрестных деревнях на принадлежавших монастырю землях, либо разъехались¹⁰³⁶.

Тотемские корни Питирима Сорокина

В контексте рассматриваемой темы сделаем небольшое, но очень важное отступление, тесно связанное с историей Голубинской пустыни и, в частности, с некоторыми из её вкладчиков.

Голубинская пустынь оставила свой след в истории рода, наиболее ярким представителем которого стал Питирим Александрович Сорокин – русский революционер и учёный мирового масштаба¹⁰³⁷.

Сорокины, предположительно, – выходцы из верхней части Южской трети Устюжского уезда, с 1780 г. вошедшей в состав обособившегося Никольского уезда. Именно там мы находим максимальное количество носителей этой фамилии, тогда как в самых ранних «Исповедных книгах церквей Тотемского уезда» за 1774 г., находящихся в собрании Великоустюгского центрального архива, ни по Рождественско-Голубинскому приходу, ни по деревням уезда, ни по Тотемскому посаду людей с такой фамилией не обнаружено, за исключением диакона Богоявленского собора, двух вдов 31 и 76 лет в Тотье и семейства 33-летнего Сергея сына Данилова с сестрой Устиньей, женой Марфой Антоновой и сыном Иваном в деревне Кожуховице Ихалицкого улуса¹⁰³⁸.

¹⁰³⁵ «Солдат Новгородского гарнизонного полку» Фёдор Котов значился в Голубинской пустыне ещё в 1752 г. – *Прим. авт.* – См.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 5–5 об.; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 770. Л. 280 об.

¹⁰³⁶ Здесь, за неимением сведений о событиях в Голубинской пустыни, уместно вспомнить, как проводилась секуляризация, к примеру, в Устюжском Троице-Гледенском монастыре. В Летописце Льва Вологодина об этом сказано: «Паки те... вотчины все отобраны, скот... продаван акционным торгом, а хлеб обран, как приполонный, так и сямянной, и запечатан в казенных амбарах». – *Прим. авт.* – См.: ПСРЛ. – Т. 37. – Л. 1982. – С. 146–147.

¹⁰³⁷ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – российский и американский социолог. Родился в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии. В 1909 г. сдал экзамены за 8 классов гимназии в Великоустюгской мужской гимназии, в 1914 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1917 г. – член Учредительного собрания от Вологодской губернии по списку партии эсеров. С 1919 г. профессор Петроградского университета, читал лекции в других высших учебных заведениях. В 1922 г. эмигрировал из России, с 1923 г. жил в США, читал лекции в различных колледжах и университетах. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете и руководил им до 1942 г. В 1931–1959 гг. – профессор Гарвардского университета. В 1965 г. – президент Американской социологической ассоциации. Автор ряда научных работ по социологии. – *Прим. авт.*

¹⁰³⁸ См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2765. Л. 59–59 об., 245–245 об., 239–242 об.

Согласно изысканиям вологодского историка-архивиста, руководителя отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Светоч» Д. А. Пшеницына, проведённым в Российском государственном архиве древних актов, как минимум три поколения Сорокиных имели прямое отношение к деятельности Голубинского монастыря¹⁰³⁹. По «Генеральному свидетельству 1722 г.», на 30 сентября, в числе вкладчиков этой обители состоял «прописной Данила Иванов сын Сорокин, 30 лет»¹⁰⁴⁰. В «Ревизский сказках Тотемского уезда 1744 г.» Данила Иванов Сорокин числится с семьёй по деревне Кожухово Ихалицкой волости: «В прежнюю перепись написанной в Голубинской пустыне Данило Иванов сын Сорокин, 52 лет, у него дети рожденные после переписи: Сергей, 5 лет; Иван, 5 недель»¹⁰⁴¹. По «Ревизии Тотемского уезда 1762 г.» в деревне Кожухове отмечены: Акилина Иванова – жена Данилы Сорокина, его сын Сергей и дочь Мария. Сам глава семейства умер в 1751 г., годом раньше скончался его младший сын Иван¹⁰⁴². Таким образом, можно сделать вывод, что Данила Сорокин по каким-то причинам (вероятно, из-за женьитьбы на «старинной» крестьянке деревни Кожуховицы) стал обычным черносошным крестьянином. «Вкладную» он мог переписать на родного брата и племянника: так, в материалах второй ревизии, поданной 26 октября 1744 г., а затем и третьей – за 1762 г. – по Голубинской пустыни среди вкладчиков значатся: «Ермола Иванов сын Сорокин, 50 лет. У него сын рожденной после переписи Михайло, 15 лет»¹⁰⁴³.

О Михаиле Сорокине упоминается во входящих документах Великоустюжской духовной консистории за 1755 г.: «Месяц октябрь во 2-й день. № 698. Доношение Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни строителя иеромонаха Павла, коим представляет, что записного за той пустыней Михайла Сорокина принять желает»¹⁰⁴⁴.

«Ревизские сказки Тотемского уезда за 1762 г.» сообщают об изменениях в составе семьи: «Ермола Иванов сын Сорокин..., умре в 1750 г., у него сын Михайло..., умре в 1756 г., у Михайла сын рожденной после ревизии Дмитрей, 13 лет»¹⁰⁴⁵. Отсутствие в документе имён жён Ермолы и Михаила (тогда как у других вкладчиков жёны записаны) может означать только то, что их к 1762 г. также не было в живых.

¹⁰³⁹ Выражаем искреннюю признательность исследователю Д. А. Пшеницыну за предоставленные сведения по родословной Сорокиных из материалов 1-й (1719), 2-й (1744) и 3-й (1762) Ревизий населения Тотемского уезда. – Прим. авт.

¹⁰⁴⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. Л. 207 об.–208.

¹⁰⁴¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. Л. 276–276 об.

¹⁰⁴² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3644. Л. 647 об.

¹⁰⁴³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. Л. 681 об.–682; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. Л. 534–534 об.

¹⁰⁴⁴ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 948. Л. 68 об.

¹⁰⁴⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. Л. 534–534 об.

В «Исповедных ведомостях Голубинской Рождественской церкви» за 1777 и 1779 гг.¹⁰⁴⁶ имени младшего Сорокина нет. Возможно, Дмитрий Михайлов выехал оттуда гораздо раньше. В Великом Устюге в Петропавловской сотне (во второй части города) жила его тётка по отцу, Ирина Ермолаева, бывшая замужем за устюжским посадским человеком Егором Ивановым Манушкиным¹⁰⁴⁷, которая могла принять сироту. В «Ревизских сказках по городу Великому Устюгу 1782 г.» значится *«Дмитрей Михайлов сын Сорокин, 33 лет»*, записавшийся в устюжское мещанство в 1780 г., а до того числившийся по экономическому ведомству за упразднённой Тотемской Голубинской Богородской пустынью¹⁰⁴⁸.

Что побудило Ермолая Сорокина в своё время записаться именно за Голубинскую пустынь, что делал Михайло Сорокин в 1755 г. в Устюге – сказать трудно. Дмитрий Михайлов также не сидел на месте. В «Списке купцов и мещан первой части Устюга Великого за 1798 г.» имеется запись: *«Мещанин Дмитрей Михайлов Сорокин, 49 лет, женат на девице Катерине крестьянина Алексея Лопатина дочери 41 года. У них дети Иван – 21, Пётр – 11, Александра – 22, Марья – 18, Федора – 16, Параскева – 5 лет. Дом имеет на грацкой земле, теплых 2 покоя, во 2-м квартале под № 108. Живут в городе и в отлучках, обретаются в работах»*¹⁰⁴⁹.

Среди потомков Дмитрия Михайловича Сорокина в XIX – нач. XX вв. были ремесленники, занимавшиеся в Великом Устюге и в Яренском уезде серебряной работой. Серебряником был и отец Питирима Сорокина – Александр Прокопьевич¹⁰⁵⁰.

¹⁰⁴⁶ Источники взяты выборочно.– Прим. авт.– См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3728. Л. 240–243; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4368. Л. 162–165.

¹⁰⁴⁷ В материалах 3-й Ревизии по Устюгу значатся: *«Егор <Иванов сын Манушкин>, 48 лет. У него жена Ирина Ермолаева, 31 года, взятая Тотемскаго уезда Голубинской пустыни записнаго Ермолая Сорокина дочь»*.– Прим. авт. – См.: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.– М., 1883. С. 266.

¹⁰⁴⁸ ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 489 об.

¹⁰⁴⁹ В «Алфавитном списке» устюжан за 1786 г. указано, что дом Дмитрия Михайлова сына Сорокина построен на *«бывшей экономической земле»*, живёт он в городе, *«находится у здешних купцов во услужении»*.– Прим. авт.– См.: ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 75. Л. 23 об.; ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 66.

¹⁰⁵⁰ Родословное древо П.А. Сорокина (по прямой линии), составленное О.Б. Зенковой на основании архивных источников: I – *Ермолай Иванов сын Сорокин, 1694–1750*; Голубинская пустынь, вкладчик. II – *Михайло Ермолаев сын Сорокин, 1729–1756*; Голубинская пустынь, вкладчик. III – *Дмитрий Михайлов сын Сорокин, 1749–1803*; Голубинская пустынь, вкладчик, Великий Устюг, мещанин. IV – *Пётр Дмитриев сын Сорокин, 1787–до 1851*; Великий Устюг, мещанин. V – *Прокопий Петров сын Сорокин, 1831–после 1880*; Великий Устюг, мещанин. VI – *Александр Прокопьев сын Сорокин, 1856–1900(?)*; Великий Устюг, мещанин. VII – *Питирим Александрович Сорокин, 1889–1968*; Великий Устюг, мещанин, с 1922 г.– эмигрант, с 1930 г.– гражданин США.

Храмы Голубинской пустыни

Несмотря на то, что подавляющее число малых северных обителей представляло собой организацию, напоминающую либо артель, либо (на современный лад) – «сельскохозяйственное акционерное общество», состоящее из вкладчиков, не стоит забывать, что это были всё же религиозные учреждения, жизнь в которых регламентировалась православными канонами и уставами веры.

Деятельность общин проходила под контролем епархиального архиерея. Он же проводил над ними суд в рамках оговорённых законодательными актами (например, Соборным уложением 1649 г.). Настоятели не только отчитывались о количестве людей (монахов, монастырских служителей, вкладчиков, половников), размерах монастырского хозяйства, урожаях и прочем, но и делали отчисления на содержание церковного административного аппарата и учебных заведений, выполняли поручения, в том числе «мирские» в случаях государственной необходимости и, само собой, связанные с деятельностью епархии.

Так, например, в 1692 г. по распоряжению устюжского архиепископа Александра братии Голубинской пустыни надлежало оплатить провоз изготовленного в Москве домового архиерейского иконостаса до Векшеньги и предоставить подводы до Тотьмы¹⁰⁵¹, а в 1694 г. казначею монаху Андрею архиерей велел «ехать в Вологоцкой уезд в Нодимской улусец и велеть подрядить, чтоб сделать карбас длиною шти сажен трех аршын, поперег в дву сажен с четью»¹⁰⁵². Перемещением монахов из обители в обитель также ведал владыка. В той же «Памяти 1694 г.», к примеру, говорится: «Да послан к вам Телегова монастыря монах Макарий, и как он приедет и вы б ево в монастырь приняли и велели быть в братстве. А послан того ж монастыря со вкладчиком Ивашком с Панфиловым сыном Шмырдовым. А дано на подводу старцу денег полтина»¹⁰⁵³.

Монастырский храм, если поблизости не имелось другого, служил для крестьян и для служителей монастыря – «бельцов» в качестве приходского. Иеромонахи совершали требы и Таинства. «Посельские старцы» следили не только за рабочим порядком, но и за соблюдением работниками нравственных норм.

В Голубинской пустыни, не имевшей ни большого количества земель, ни доходов, с первых её упоминаний и до закрытия находились лишь деревянные храмы.

«Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом 1676–1678 гг.» скупко сообщает о наличии в пустыни «деревянной клетцки, во имя Пречистья Богородицы Казанские» церкви¹⁰⁵⁴. «Писцовая книга 1686–1688 гг.»

¹⁰⁵¹ РГАДА. Ф. 1206. Оп.1. Д. 1168. Л. 1.

¹⁰⁵² РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

¹⁰⁵³ Там же. – Л. 2.

¹⁰⁵⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 624 об.

содержит также весьма скромную информацию о культовых сооружениях, но при том говорит о другом типе постройки: «...церковь во имя Пречистыя Богородицы Казанские, деревяная, верх шатровой, колоколня рубленая над вороты, на колоколне одиннадцать колоколов...»¹⁰⁵⁵.

В насыщенном для обители событиями 1688 г. произошло ещё одно, особо примечательное, на сей раз касающееся храмоздательства. В начале февраля строитель Иоасаф подал прошение устюжскому архиепископу Александру о разрешении поставить «теплую» с трапезой церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, поскольку в Голубинской пустыни «церковь Пресвятыя Богородицы холодная, а теплыя трапезы нет». И «феврала в 26 день преосвященный архиепископ, слушав сего челобития, пожаловал и благословил на новую церковь лес ронить и церковь строить, и олттарь рубить круглой, а верх бы был нешатровой, отпустить против иных отпусков, а пошлин з грамоты имать не указал». В тексте благословенной грамоты условия повторены, и добавлено: «...а как построена будет и о освящении той церкви бить челом нам преосвященному архиепископу»¹⁰⁵⁶.

24 февраля 1697 г. «теплый» храм в Голубинской пустыни сгорел¹⁰⁵⁷, однако уже осенью того же года его возобновили. Об этом, в частности, сообщается в письме тотемского воеводы Фёдора Авраамовича Лопухина устюжскому архиепископу Александру, отправленном 24 сентября 1697 г. В своём послании воевода ходатайствует перед владыкой о переводе в Спасо-Суморин монастырь игумена Голубинской пустыни Ионы, а также извещает о скором окончании строительства нового храма: «Лобрел, государь, к тебе Голубинской пустыни игумен Иона просить милости, чтоб ты к нему милость показал и учинил ево свободна Голубинскаго монастыря. Пожалуй, государь мой, прикажи ему бедному быть во священстве или во братстве в Суморине монастыре, а зело б, государь, ему присвоено по ево старости у раки чудотворца Феодосия, а служить своего братьею чреда. А церковь, государь, теплая за твоим благословением строитца, а совершитца вскоре. Пожалуй, государь, прикажи прислать антиминос с ним Ионою»¹⁰⁵⁸.

Был ли переведён игумен Иона в Спасо-Суморин монастырь, неизвестно, так как ответного письма не сохранилось. На приведённом документе есть только пометка: «206 (1697 г.), сентября во 28 день, привез игумен Иона. Против сего (то есть в ответ) писано: с ним же Ионою и святей антиминос послан»¹⁰⁵⁹.

¹⁰⁵⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 286 об.

¹⁰⁵⁶ РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 792. Л. 1–2.

¹⁰⁵⁷ Об этом факте архиепископу Александру доложили «приказные» города Тотмы – архимандрит Спасо-Суморина монастыря Иона и священник Архангельской церкви Фёдор, которые осматривали по челобитью голубинского игумена Толшемскую Алексеевскую пустынь. В своём отчёте «приказные» сделали приписку о сгоревшей в Голубинской обители церкви, наименования её не уточнено. – Прим. авт. – См.: РИБ. – Т. XII. – СПб. 1890. – Стлб. 1368.

¹⁰⁵⁸ РИБ. – Т. XIV. – СПб, 1894. – Стлб. 1278–1279.

¹⁰⁵⁹ Там же. – Стлб. 1279.

Что случилось после – неизвестно, но из «Описи Голубинской пустыни 1702 г.», составленной государевым стольником Андреем Михайловичем Вешняковым, следует, что в этой обители снова одна церковь: «во имя Пресвятыя Богородицы Казанские деревянная холодная. Снизу рублена клецки, верх шатровой, об одной главе. Глава обита чешуею деревянною, крест деревянной обит белым железом. А в церковь с западную сторону лещица входная в паперть»¹⁰⁶⁰.

Наиболее примечательны в описании интерьера церкви три образа: храмовый Божией Матери Казанской; Прокопия и Иоанна Устюжских в молении Божией Матери Казанской; Господа Саваофа с житийными клеймами Прокопия и Иоанна, что свидетельствует о распространении почитания устюжских святых в границах епархии. Казанская икона Божией Матери («ца в вышину в аршин с четью, в ширину в аршин»), как наиболее чтимая, имела богатое украшение: «...на ней венец басемной серебряной на древе позолочен, цата серебряная резная незолочена, а в цате посреди врезано Благовещенье Пресвятыя Богородицы и вызолочено, а возглавии вышито золотом и серебром звезда по красному атласу, середина и поля обложены серебром басемным позолоченным»¹⁰⁶¹.

На надвратной шатровой колокольне с «чешуйчатой» главкой и крестом, обитым белым железом, находилось всего четыре колокола общим весом в три пуда¹⁰⁶².

В приписной к Голубинской обители Ретченской пустыни в «Описи 1702 г.» отмечена ветхая клетская Введенская церковь с весьма скромным внутренним убранством и немногочисленной утварью¹⁰⁶³.

Дальнейшую историю монастырских храмов проследить не удалось из-за отсутствия документов. Когда здесь снова появилась вторая, «теплая» церковь и когда Казанскую пустынь переименовали в Рождественскую, и что послужило тому причиной, на данный момент не установлено. Известно лишь, что уже в начале двадцатых годов XVIII столетия она имела новое название¹⁰⁶⁴.

¹⁰⁶⁰ Скорее всего, к моменту описания Голубинской пустыни в 1702 г. новый храм в ней в очередной раз сгорел. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что монастырские казна и архив, которые обычно хранились в «келарской» при «теплой» церкви, здесь находились вместе с различным сельскохозяйственным инвентарём в «казенном анбаре», оборудованном при «Святых воротах» под колокольнею. Между тем в документе примечательно описание архива обители. В нём указаны практически все «государевы грамоты», «данные» от вкладчиков и «памяти» от тотемских воевод, которые использованы нами при работе над этой статьёй и, кроме того, отмечено про «всякие старые письма..., платжные отписки, и с Устюга архиерейские указы, и старых годов приходные и расходные книги, и изветные челобитные».— Прим. авт.— См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 516, 518 об.— 519 об.

¹⁰⁶¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 516.

¹⁰⁶² Там же.— Л. 518 об.

¹⁰⁶³ Там же.— Л. 521.

¹⁰⁶⁴ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. Л. 23 об.

В 1764 г., после ликвидации обители, при Рождественских Голубинских и Введенской Ретчинской церквях на базе близлежащих деревень был образован единый приход. При этом богослужения в ветхом Ретченском храме проводились только *«по Двандесятым Господским и Богородичным праздникам означенной Голубинской пустыни священно- и церковнослужителями»*¹⁰⁶⁵.

В сентябре 1769 г. по распоряжению Иоанна, епископа Великоустюжского и Тотемского, всем трём храмам и находящему в них имуществу снова составили подробную опись¹⁰⁶⁶.

Последняя «Исповедная книга» по Голубинскому приходу, отложившаяся в фондах Великоустюжского центрального архива, датирована 1784 г.¹⁰⁶⁷.

В 1785 г. храмы Голубинской пустыни потеряли самостоятельное значение. По распоряжению епархиального начальства их приписали к Векшенской Предтеченской церкви, причём инициатором этого стал сам причт. Голубинские священно- и церковнослужители жаловались епископу, что после проведённого капитаном Заградским межевания церковная земля, вопреки его заявлению, что без пропитания они не останутся, почти целиком отошла к крестьянину Максиму Юшманову, у которого числилось только 9 душ. На эту землю Юшманов получил и план, и межевую книгу, и *«полевую записку»*. Причту же остался неудобный *«мокрый»* участок, непригодный ни для пахоты, ни для сенокоса, а кормить с него надо было 23 души. На доходы от церкви рассчитывать не приходилось, приход состоял всего из двадцати дворов, *«от коих подаяния в год приходило не более двух рублей»*. Кроме всего прочего, река Сухона ежегодно отрывала от берега по сажени, до церкви осталось не более двадцати сажен, да и сама церковь стала ветха. Лучшим выходом из создавшегося положения священник, пономарь и дьячок видели в упразднении Рождественского прихода вовсе и в их переводе на праздные места в соседние церкви. Поступившее 14 июня 1785 г. прошение было рассмотрено и 23 июня удовлетворено, в полном соответствии с указом Святейшего Синода от 20 декабря 1770 г.: в случаях, если в сельском приходе насчитывалось меньше 40 дворов, их следовало приписывать *«по способности к другим церквам»*¹⁰⁶⁸.

Векшенский Предтеченский храм оказался самым ближним – всего в 12 верстах от Голубинского погоста. Дворов в приходе, по сравнению с Мольским Троицким (389) и Стрелицким Преображенским (309) насчитывалось мало – всего 53, поэтому в соединении этих двух церковных образований действительно усматривалась польза и выгода. По указу из Устюжской духовной консистории передаче в Предтеченскую церковь

¹⁰⁶⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 6.

¹⁰⁶⁶ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1490. Л. 102-104.

¹⁰⁶⁷ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6423. Л. 229-232 об.

¹⁰⁶⁸ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6534. Л. 1-13.

подлежала вся церковная ризница и денежная казна. В сентябре предтеченский причт и прихожане подали прошение о перевозе в Векшенский улусец холодной Рождественской церкви с целью замены обветшавшего деревянного Георгиевского храма. И уже 25 сентября такое разрешение было дано вместе с указанием построить на месте Рождественского престола «*голубец с водружением на нем креста*», чтобы святое место не попирали ни человеческие, ни «*скотские*» ноги¹⁰⁶⁹.

Местные крестьяне и владельцы пытались не только сохранить Голубинский приход, но и выстроить там каменную церковь. К примеру, Максим Иванов сын Рыбников – вологодский купец и «*соляных заводов содержатель в Яренском уезде*», которому в бывших пустыньских владениях принадлежало шестнадцать дворов из двадцати, в 1783 г. ходатайствовал перед епископом о разрешении строительства небольшого каменного храма, и даже получил положительный ответ, причём даже было определено отделить недостающее количество дворов от соседних приходов. 27 сентября 1785 г. Рыбников просил о возобновлении данного ранее благословения¹⁰⁷⁰.

В октябре того же года другой ходатай, житель деревни Кожуховицы Гавриил Васильев Рычков, в поданном на имя Великоустюжского и Тотемского епископа Иоанна прошении, сообщал: «*В приходе оном <Николаевском> состоим мы с самого нашего рождения, однако по близости нашего жития более как я, так и все жители той деревни, хождение имели в воскресные и прочие праздничные дни на словословие Божие к бывшей Голубинской Рождественской церкви, что прежде была пустынею в четырех верстах с половиной, от приходской в семи верстах. Дворов при оной Голубинской Рождественской церкви состоит дватцать, в них мужеска семдесят две женска пятдесят пять, а обоего сто дватцать семь душ. На всех же священноцерковнослужителей высевается в поле ржи по восьми четвертей, а в дву по тому ж. Сенных покосов по сту по дватцати возов, да кроме удобных преждевладеемых священно- и церковнослужителей мест в посеве будет, на три четверти. Сенных покосов ежели надобность тем священнослужителям будет возов на десять*». Землю, утверждал Рычков, капитан Заградский церковникам отмежевал, и сам храм находится «*во всяком благополучии*». И 20 октября 1785 г. резолюцией епископа Голубинский приход, церкви и утварь при них оставлялись «*по прежнему, по елику бывшей поп прозбою своею якобы питаться нечим, оболгал*», нового священника туда предполагалось определить «*из праздных*»¹⁰⁷¹.

Однако вскоре последовало новое распоряжение владыки – никаких действий по резолюции не чинить, а провести полное расследование: есть ли земля при церкви, план на неё, если нет – согласны ли жители содержать причт и т. п. Тотемских «*приказных*» также обязали дать за-

¹⁰⁶⁹ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6556. Л. 1–6.

¹⁰⁷⁰ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6566. Л. 2–3 об.

¹⁰⁷¹ Там же. Л. 1–3.

ключение, можно ли использовать для службы «теплый» Голубинский храм, и обо всём немедленно «репортовать» в Консисторию. Этим же указом до окончательного вердикта приостанавливалось выданное ещё в июле разрешение Предтеченскому приходу на разборку и перевозку холодной Рождественской церкви и её имущества в Векшенский улусец¹⁰⁷².

Уже 6 ноября 1785 г. «приходские люди... показали», что земля вся отмежёвана живущему в пустыни крестьянину Максиму Юшманову, «чего ради» и он, и другие крестьяне готовы «за неимением при той церкви земли священника содержать». Христорождественская «теплая» церковь, по освидетельствованию, оказалась вполне пригодной, а вот «холодную» во имя Рождества Богородицы уже сломали и перевезли¹⁰⁷³.

Документальных источников о дальнейшей судьбе Христорождественской церкви нами не выявлено. По описанию архимандрита Амвросия (Орнатского), в начале XIX в. на месте «оной пустыни» стояла лишь часовня. О часовне в деревне «Голубинская пустынь» сообщал в конце XIX столетия составитель сборника «Монастыри в Российской империи» В. В. Зверинский. Современный исследователь Н. М. Македонская в справке об этом тотемском малом монастыре пишет: «В д. Голубинская Пустынь (д. Голуби) находилась часовня, построенная на месте упразднённой в 1764 г. Голубинской Рождественской мужской пустыни». С ней солидарен и автор труда по истории Ихалицкого Николаевского прихода Д. А. Пшеницын¹⁰⁷⁴.

Монастырскую колокольню, по-видимому, снесли чуть позже, чем Рождественскую церковь. Колокола достались Ихалицкому храму, к которому, судя по всему, в конечном итоге перешли приходские дворы. В июле 1842 г. один из старинных голубинских колоколов был обнаружен известным вологодским историком-краеведом П. И. Савваитовым именно в Ихалице: «В полдень пристали к Никольскому погосту. Я зашел в обе церкви и на колокольню. На одном колоколе заметил надпись: «194 года марта 8 дня приложил сей колокол великой государыни, царицы и великой княгини Натальи Кирилловны уставщик Сергей Иванов сын Суворов в Голубинскую пустыню в монастырь Казанской Богородицы на Сухоне реке»¹⁰⁷⁵.

¹⁰⁷² ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6566. Л. 4–5.

¹⁰⁷³ Там же. Л. 7 об.

¹⁰⁷⁴ По данным историка Д. А. Пшеницына в «Клировой ведомости Ихалицкой Николаевской церкви за 1916 г.» эта часовня уже не упоминается. – Прим. авт. – См.: Архимандрит Амвросий (Орнатский). Указ. соч. – Т. 3. – С. 737; Зверинский В. В. Указ. соч. С. 118; Македонская Н. М. Ихалицкая Николаевская церковь. // Православные приходы и монастыри Севера. [Электронные ресурс]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=711; Пшеницын Д. А. Страницы истории Стрелицкой волости... – С. 69–70; Пшеницын Д. А. «Из истории Николаевского Ихалицкого прихода Тотемского уезда Вологодской епархии XVII–XXI вв. (Туровецкое сельское поселение). – Вологда, 2014. С. 8–12.

¹⁰⁷⁵ Распоряжения о приписке Голубинской пустыни к Ихалицкому приходу нами не найдено. – Прим. авт. – См.: Савваитов П. И. Дорожные заметки от Вологды до Устюга. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях. – Вып. 6. – Вологда, 2018. С. 36–37.

Память о чудотворной Казанской иконе и пустыни в честь неё сохранялась в здешней местности весьма своеобразно. По словам архимандрита Амвросия (Орнатского), ежегодно в канун празднования явления иконы в граде Казани¹⁰⁷⁶ и в сам праздник на этом месте проводилась многолюдная ярмарка: *«Здесь бывает июля 7-го дня ежегодной торговой съезды; на которой Вологодские, Тотемские и Солигалицкие купцы привозят разные шелковые и другие мелочные товары, а крестьяне свои домашние изделия и продолжается оной торг от одного до трех дней; стечение же народа бывает от 1000 до 4000 человек»*¹⁰⁷⁷.

* * *

В заключение приведём список имён настоятелей Голубинской пустыни, составленный нами на основании всех использованных в работе архивных источников, а также учитывающий прежние сведения о строителях и игуменах этого монастыря, собранные П. М. Строевым¹⁰⁷⁸.

Отметим, что приведённый ниже список настоятелей обители не является исчерпывающим и требует дальнейших уточнений и дополнений.

Сильвестр (1652–1653), Иоасаф (1654), Иона (1676), Илья (1677–1681), Тимон (1682), Илия (1683–1685), Иоасаф (1686–1692), Ефрем (1694), Иона (1697), Иоасаф (1701–1702), Иона (1703–1704), Иоасаф (1711), Антоний (1740–1751), Павел (1755–1764).

Список принятых сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

ВУЦА – Великоустюгский центральный архив (г. Великий Устюг).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РИБ – Русская историческая библиотека.

Архивные источники

ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. – Алфавитный список жителей Великого Устюга с указанием семейного и имущественного положения и данных о службе на 1786 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. – Ревизские сказки купцов и мещан города Великого Устюга 1782 г.

¹⁰⁷⁶ Канун праздника – 7/20 июля.– *Прим авт.*

¹⁰⁷⁷ Архимандрит Амвросий (Орнатский). Указ соч.– Т. 3.– С. 737.

¹⁰⁷⁸ Строев П. М. Указ соч.– С. 775.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 75. – Список купцов и мещан первой части города Великого Устюга 1798 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. – Ведомости о численности обывателей, приходе и расходе денежных и хлебных доходов Дома епископа, монастырях и пустынях Устюжской епархии, 1722–1726 гг.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 770. – Ведомости о числе дворов в приходах, селения, монашествующих в монастырях, экстракты из метрических ведомостей Устюжской епархии, 1752 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 948. – Журнал входящих документов Устюжской духовной консистории, 1755 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1490. – Опись церквей и церковного имущества Голубинского Рождественского прихода 1769 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2765. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1774 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3728. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1777 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4368. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1779 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6423. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1784 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6534. – Дело об упразднении Голубинской Рождественской церкви Тотемской округи по малоприходству, за неимением земли и сенокосов и приписании её к Векшенской Предтеченской церкви, 1785 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6556. – Дело по прошению дьячка Векшенской Предтеченской церкви Тотемской округи С.Е. Архипова о перевозе здания Голубинской Рождественской Богородицкой церкви, 1785 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6566. – Дело по прошению крестьянина деревни Кожуховица прихода Николаевской церкви Ихалицкого улусца Тотемской округи Г.В. Рычкова о сохранении Голубинской Рождественской церкви в качестве действующей, 1785 г. РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. – Дело по челобитным строителя Голубицыной пустыни новоявленной иконы Пресвятой Богородицы Казанской, Тотемского уезда, старца Сильвестра с братиею об отдаче им на оброк Шеюкова наволока и Реченской лопатки, по реке Сухоне, которыми безобразно владеют крестьяне и мирской дьячек деревни Кожуховы, 1653 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. – Дело об отдаче на оброк без перекупу Тотемского уезда Староретченской Введенской пустыни пашни и сенокосов и о прочем, 1669 г.

РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. – Жалованная грамота Императрицы Елизаветы Петровны Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда 1751 г.

РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. – Переписная книга монастырей Устюга Великого и Устюжского уезда 1702 г.

РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. – Опись Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда 1764 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. – Грамота царя Алексея Михайловича игумену Капитоновской пустыни Вологодского уезда Даниле с братией на угодья по реке Ихалице, 1654 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12378. – Грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича строителю Голубинской Богородской пустыни Илье на владение пустошью Брюхово в Тотемском уезде 1685 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12380. – Память тотемскому земскому судейке Ивану Васильеву с указанием, чтобы он принадлежащую Голубинской Богородской пустыне соседним владельцам пустошью Брюхово не велел пользоваться, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12382. – Память строителя Голубинской Богородской пустыни Иоасафа с братиею монаху Васьяну и его сыну Алексею Владимирову сыну Леонтьеву о вкладной деревне Ржаник в Мольской волости, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12383. – Вкладная запись Алексея Владимиров сына Леонтьева в дом Голубинской пустыни на мельницу на реке Вотча, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12384. – Вкладная запись Алексея Владимиров сына Леонтьева строителю Голубинской Богородской пустыни на мельницу на реке Вотча, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12387. – Память земскому судейке Тотемского уезда Мольской волости об освобождении строителя Голубинской Богородской пустыни иеромонаха Иоасафа с братией от платежа стрелецких денег с вкладной деревни Ржаник, 1689 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. – Книга переписная государственных черносошных и монастырских крестьян, церковнослужителей, работников соляных заводов разных волостей Тотемского уезда 1719–1738 гг.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. – Книга переписная купцов и дворовых г. Тотьмы, помещичьих, монастырских, государственных, приписанных к соляному и железному заводам крестьян разных волостей Тотемского уезда 1744–1748 гг.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3644. – Сказки о купцах г. Тотьмы и о черносошных крестьянах разных волостей Тотемского уезда 1762 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. – Сказки о приписанных к соляному заводу государственных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян разных волостей Тотемского уезда 1762–1764 гг.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 391. – Дело о выдаче новой благословенной грамоты черному попу Введенской церкви Новоретченской пустыни Тотемского уезда вместо сгоревшей, 1685 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 459. – Челобитная строителя Голубинской Богородской пустыни Тотемского уезда Тимона о незаконном пользовании крестьянами деревни Кожуховской рыбными ловлями на Княгинино озеро, взятом на оброк монахами данной пустыни, 1685–1693 гг.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 565. – Дело о разрешении нести службу по прежнему черному попу Ретченской Введенской пустыни Даниле, изгнанному старцем той же пустыни Матфеем, 1686 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 792. – Дело о разрешении строительства новой Петропавловской церкви в Голубинской Богородской пустыни Тотемского уезда, 1688 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп.1. Д. 1168. – Память строителю Голубинской Богородской пустыни Иоасафу о перевозе архиепископского иконостаса из Тотьмы в Великий Устюг, 1692 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 3. – Память устюжского архиепископа Александра игумену Голубинской Богородской пустыни Ефрему о заключении подряда на изготовление карбаса, 1694 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 514. – Книга сбора зерна Голубинской Богородской пустыни 1708–1712 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. – Писцовая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Ивана Гордеева 1686–1688 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. – Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом переписи писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицына 1676–1678 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

1751 г. марта 28. – Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда¹⁰⁷⁹

(л. 1) БОЖИЕЮ ПОСПЕШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, ЕЛИСАВЕТ ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая

¹⁰⁷⁹ РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–7. Грамота оформлена в твёрдом переплётё, состоит из десяти листов размером 33,5 на 39 см. Текст документа занимает три с половиной листа с оборотами (семь страниц), между заполненными листами проложены пустые. К переплёту на плетёном чёрно-жёлто-красном шнуре прикреплена круглая печать красного сургуча в деревянной колодке диаметром 11 см и толщиной 4 см. На печати двуглавый орёл и надпись: «*Божиею Милостию Императрица и Самодержица Всероссийская Елисавет I*». На обороте колодки надпись чернилами: «*Тотемскаго уезда*». По периметру на всех листах грамоты растительный орнамент, выполненный красными и зелёными красками. На первом листе герб России – чёрный двуглавый орел на золотом фоне – в орнаментированном картуше, украшенном цветочной гирляндой. Ранее документ публиковался в сокращённом варианте в «*Полном собрании законов Российской Империи*». – Т. XIII. – СПб, 1830. – № 9828. – С. 396–398. Здесь приводится его полная версия. – *Прим. авт.*

Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карелская, Тверская, Югорская, // (л. 1 об.) Пермская, Вятская, Болгарская и иных; Государыня и Великая Княгиня Новагорода, Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и вся Северныя страны, Повелительница и Государыня Иверския Земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския Земли, Черкасских и Горских князей и иных, наследная Государыня и обладательница.

В 1746 году марта 4 дня НАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в Правителствующем Сенате Великоустюжской епархии Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни трудник Алексей Ефтин бил челом:

В прошлом, де, 7193-м году генваря 2 да 8 чисел при жизни вседражайшаго родителя НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Блаженная и вечной славы достойная памяти Государя Императора Петра Великаго и дяди НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Блаженная памяти Великого Государя Царя и Великаго Князя Иоанна Алексеевича всея России, пожаловано в оную Голубинскую пустыню строителю з братиею на пропитание, в Тотемском уезде земли от Ретчи реки вниз по Сухоне реке до речки Голубицы на пять верст, а от Сухоны реки в гору до Осинового мысу на пять же верст; да в Стрелицкой волости пустошь, что была деревня Брюхово Малая, с пашнею и со всеми угоды во все безоброчно, на которые, де, землю и пустошь с принадлежащими угоды той Голубинской пустыни бывшему строителю Илие з братиею // (л. 3) и жалованные грамоты даны, с которых при том челобитье приложил копии, по котрым, де, грамотам оная земля и пустошь со всеми принадлежащими угоды и по ныне при той пустыни состоит безспорно; токмо, де, Высочайшим НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА титулом жалованной грамоты не дано. И просил чтоб по силе оных прежних грамот для владения и ползования объявленными землею и пустошью с принадлежащими угоды пожаловать вновь Высочайшим НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА титулом грамоту.

А в вышеобъявленных данных в 7193-м году грамотах написано:

В 1-й. Генваря 2 дня в приказе, де, Устюжские четверти в Тотемских писцовых книгах писма и меры Богдана Засецкого да подьячего Емельяна Телицына 184, 185, 186 и 187 годов написано: В Тотемском уезде в Ихалицкой волости пустыня Голубинская на реке на Сухоне. Пашни паханые худые земли до Ретченского наволока четыре четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях и на реке Сухоне и на устье речки Ретчи сорок копен. Лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и болота от реки Ретчи до реки Голубицы три версты, поперег верста.

И во 193 году били челом Тотемского уезду Голубинские пустыни, что на Сухоне реке строитель Илия з братиею; по Указу, де, Великих Государей дано им на прокормление земли от Ретчи реки вниз по Сухоне реке до речки Голубицы на пять верст со всеми угоды, а от Сухоны реки в

гору до Осинового мысу на пять верст. И во 192-м году Тотемского уезду Ихалицкой волости крестьянин деревни Кожуховы Федор Ермолин той их монастырской земли продал гостю Ивану Панкратьеву от Ретчи реки до Верхняго ручья. А на оной, де, земле лес росчищали они строитель з братиею. И Великим Государем пожаловать бы их велеть тою землею владеть им строителю по прежнему по старым межам и по писцовым книгам писца Богдана Засецкого // (л. 3 об.) и о том дать им их Великих Государей грамоту.

А у выписки гость Иван Панкратьев сказал: Тотемского, де, уезду Голубинские пустыни что на Сухоне реке их монастырскою землею ничем не владеет и до монастырской земли дела нет. И по оной грамоте велено того монастыря строителю з братиею владеть тою землею и со всякими угоды к тому монастырю надлежащими по старым межам и по писцовым книгам, потому что гость Иван Панкратьев в скаске своей написал, что он монастырскою их землею не владеет и дела ему до их монастырской земли нет.

Во 2-й. Генваря ж 8 дня, в Тотемских писцовых книгах писма и меры писца Богдана Засецкого да подьячего Емельяна Телицына 185, 186 и 187 годов написано: В Тотемском уезде в Стрелицкой волости пустошь, что была деревня Брюхово, Малая тож. Пашни паханные худые земли десять четвертей, да перелогом и лесом поросло тож в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях десять копен, отхожих сен на реке Сухоне на дикой стороне и деревни Кожуховицы // (л. 5) тритцать копен. Жилцы тое деревни померли. В пуге выть с четью. Отдана тоя пустошь на оброк на два года со 187 года по 189 год и впредь до перекупщика Голубинские пустыни строителю старцу Илье з братиею. А оброку им платить по рублю по дватцати по два алтына *<по четыре денги>* на год и с пошлинами, лес вопче з деревьями.

И генваря в 1 день били челом Великим Государем Тотемского уезду Голубинские пустыни старец строитель Илия з братиею: В прошлом, де, во 190-м году отдано им из Государственного Посолского приказу на оброк пустошь Брюхово, а оброку им велено платить с той пустоши по рублю по дватцати по два алтына по четыре денги на год, и о том дана им Великих Государей даная, что владеть им тою пустошью и сенными покосы и со всеми угоды. И того, де, им оброку платить нечим, скудны и бедны, и хлеб, де, пашут своими трудами, и чтобы Великим Государем пожаловати их для их скудости: дать им тое пустошь Брюхово для прокормления безоброчно вовсе, и о том дать // (л. 5 об.) Великих Государей грамоту.

И Великие Государи пожаловали Голубинские пустыни строителя старца Илью з братиею, велели им ту пустошь Брюхово, которая за ними на оброке буде, жилцов никаких нет, отдать в монастырь для прокормления безоброчно по писцовым книгам со всеми угоды, буде спору нет, и из оброку выложить и в приходной книге под тою статьею очистить и дать им о том Великих Государей грамоту с прочетом.

Того ради МЫ, НАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивейше указали: Той Рождественской пустыни строителю Антонию з братиею, и кто впредь по нем другия строители и братия в той пустыни будут, для владения объявленными в вышепомянутых в 7193-м году генваря 2 да 8 чисел грамотах в Тотемском уезде земле и пустошью, дать в подтверждение тех прежних грамот НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА грамоту, токмо ежели с той земли и пустоши положены в казну НАШУ платить оброчные денги, оные от той пустыни платить по прежнему бездоимоно. И для того // (л. 7) сия НАША ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА грамота за НАШЕЮ государственною печатью и за подписанием НАШЕГО Правительствующаго Сената и дана в Санкт-Петербурге 1751 марта двадесять осмаго дня, государствования НАШЕГО десятого года.

Сенатор, Генерал и Генерал-Адъютант, Лейб-Гвардии подполковник, Камергер и Кавалер Александр Бутурлин¹⁰⁸⁰.

Сенатор, Действительной Тайной Советник, Действительной Камергер, Шляхетного кадетского корпуса и Ладожского канала главной директор и Кавалер Борис Юсупов¹⁰⁸¹.

Сенатор, Адмирал, Тайной Действительной Советник и Кавалер, Князь Михайла Голицын¹⁰⁸².

Сенатор, Генерал-Лейтенант и Кавалер Иван Бахметев¹⁰⁸³.

Сенатор, Генерал-Лейтенант, Генерал-Адъютант, Действительной Камергер, Лейб-Гвардии подпоручик и Кавалер граф Петр Шувалов¹⁰⁸⁴.

Сенатор, Тайной Советник и Кавалер, Князь Иван Щербатов¹⁰⁸⁵.

Сенатор, Тайной Советник и Кавалер, Князь Алексей Голицын¹⁰⁸⁶.

Сенатор, Тайной Советник и Кавалер, Князь Иван Адоевской¹⁰⁸⁷.

Обер-Секретарь Дмитрий Невежин¹⁰⁸⁸.

¹⁰⁸⁰ Бутурлин Александр Борисович (1694–1767) – граф, русский военачальник, генерал-фельдмаршал, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸¹ Юсупов Борис Григорьевич (1695–1759) – князь, действительный тайный советник, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸² Голицын-младший Михаил Михайлович (1684–1764) – князь, русский государственный и военный деятель, дипломат, президент Адмиралтейств-коллегии, действительный тайный советник, генерал-адмирал, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸³ Бахметев Иван Иванович (1683–1760) – государственный деятель, обер-прокурор Сената, действительный тайный советник, генерал-лейтенант, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸⁴ Шувалов Пётр Иванович (1711–1762) – граф, генерал-фельдмаршал, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸⁵ Щербатов Иван Андреевич (1696–1761) – князь, дипломат, действительный тайный советник, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸⁶ Голицын Алексей Дмитриевич (1697–1768) – князь, действительный тайный советник, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸⁷ Одоевский Иван Васильевич (1710–1768) – князь, действительный тайный советник, президент Вотчинной коллегии, сенатор.– *Прим. авт.*

¹⁰⁸⁸ Невежин Дмитрий Иванович – обер-секретарь Сената.– *Прим. авт.*

Секретарь Дмитрий Хвостов¹⁰⁸⁹.
В Сенат записана под № 1.

II

1764 г. февраль. – *Опись Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда*¹⁰⁹⁰

(л. 1). В Консисторию Преосвященного Феодосия Великоустюжского и Тотемского, Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни от строителя иеромонаха Павла, репорт о действительном исполнении по присланному указу.

По присланному Ея Императорскаго Величества из Тотемского Его Преосвященства Духовного правления заказного двора ко мне нижеименованному декабря от 29 дня прошлого 1763 года указу, велено о имеющих оной пустыни, по силе прежней печатной формы и с приполнением к оной и состоявшихся указов, ни в чем и сведения в учрежденной при Коллегии экономии шестой экспедиции недостатку быть не могло, как о церковной ризнице, так и о пустыньских владениях и к... и о вотчинных крестьянх сочинить опись, и по сочинении оной для пересылки в оную учрежденную при Коллегии экономии шестую экспедицию прислать в вышереченную Его Преосвященства Консисторию в немедленном времени. // (л. 1 об.)

И по тому Ея Императорскаго Величества указу в здешней Рождественской Голубинской пустыни против вышеписанной печатной формы с приполнением ко оной со стольших указов как о церковной ризнице так и о пустыньских владениях и имениях и служителях и о прочем опись учинена, которая во оную Его Преосвященства Консисторию и посылается при сем репорте.

Февраля __ дня 1764 года.

Строитель иеромонах Павел подписуюсь. // (л. 2)

Ведомость Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни о нижеследующем.

1. Объявленная Рождественская Голубинская пустыня в Тотемском уезде при реке Сухоне по край берега оной реки состоит разстоянием от города Тотмы в девяносто в трех верстах.

2. В той пустыне деревянных две церкви. Первая во имя Рождества Христова теплая об одном престоле. Вторая холодная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы об одном престоле.

В означенной Рождественской теплой церкви святых образов: Царския двери гладевыя, писаны на красках.

Подле оныя двери на десной стране образ храмовой Рождества Христова с праздники, на нем венец, цата серебрянная с позолотою, на оной

¹⁰⁸⁹ Хвостов Дмитрий – секретарь Сената. – Прим. авт.

¹⁰⁹⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 1–8 об.

же цке на протчих праздниках Собор Пресвятыя Богородицы, Введения Пресвятыя Богородицы и Успения Пресвятыя Богородицы, венцы и цаты серебрянные с позолотой. Во углу церковном против правого крилоса образ Святителя Христова Петра митрополита Московскаго и всея России Чудотворца. // (л. 2 об.)

На левой стране образ между Царских врат Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины, венец и цата на нем серебрянные с позолотою, на оной же цке дванадесять Господских праздников.

На пономарских дверях образ святого пророка Даниила.

Против левого крилоса образ Знамени Пресвятыя Богородицы и в молении преподобных отец Изосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Над Царскими дверми Деисус со Апостолы.

Во Святом Олtare на горнем месте образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии, венец резной с позолотою.

За Престолом образ Пресвятыя Богородицы Казанской.

На Святом Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми парчевыя.

Евангелиев напрестольных два дестевых, обложены бархатом, один красным, второй черным, евангелисты серебрянные.

Священные сосуды, ковчег и дароносица оловяныя. Крест напрестольной благословящей деревяны, писан на красках. // (л. 3) Два кадила медных, подсвешник оловянный, лампад жестяных неболших пять.

В означенной Рождественской Богородской холодной церкви Царския двери гладевыя, писаны на красках. Над оными дверми дванадесять Господских и Богородичных праздников. В верхнем ставу Деисус со Апостолы.

На правой стране оных врат образ Нерукотворенный. Второй храмовый Рождества Пресвятыя Богородицы.

Третий на левой стране между врат Пресвятыя Богородицы Казанской, на нем венец, гривна и поля серебрянныя.

На пономарских дверях образ святого первомученика и архидиакона Стефана.

Против левого крилоса образ Пресвятыя Богородицы Казанской и при ней в молении святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев, на них венцы один серебрянной, второй оловянной.

Лампад медных одна, четыре жестяных, паникадило медное в один пуд.

Во Святом Олtare на горнем месте образ Спасителей Нерукотворенный.

За Престолом образ Богоматере Казанской.

На Святом Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми кумачная. // (л. 3 об.)

Крест напрестольной благословящей деревянный, обложенный серебром.

Две хоругви Спасителевых образов.

Священные сосуды одни, оловянные; покровов бумажных два; воздухов один шелковой, второй бумажной; укропников два: один медной, второй оловяной; чаша водоосвященная деревянная; крапил два; блюд оловянных неболших два; ковшичков оловянных два.

Книг: Евангелие учителное; Апостол; Октоих; Триоди постная и цветная; Минеи месячные весь год; Псалтырей три, в том числе две четвертных, третья со последованием; Прологов весь год; две Минеи праздничная и общая, десттвевые; Служебников два; Часословов два; Требник дестевой, второй осминой; Ирмолог; Катихизис; Букварь; Житие святителя Николая Чудотворца; Служба святителю Дмитрию митрополиту Ростовскому, новому Чудотворцу. // (л. 4) И оные вышеписанные книги все новоисправные.

Священных одежд: Риз шелковых разных цветов четыре, бумажных трои, крашенинных двои, полотняных белых двои, стихаря диаконских два: шелковой да бумажной, один оларь шелковой, епитрахилей бумажных шесть, поручей четыре бумажных, два пояса нитянных.

Колоколня деревянная рубленая на ней шесть колоколов. Первой восемь, второй, третий и четвертой по пуду, пятой тридцать, шестой пятнадцать фунтов.

Кельи: Настоятельская, об одном апартаменте с сенми, в длину четырех, поперег на трех саженьях. В ней святых образов: первой Воскресения Христова, второй святителя Николая Чудотворца, третий святого великомученика Георгия Победоносца, четвертой святых великомученицы Параскови нареченной Пятницы, все пяднишные. При оной келье деревянной посуды ставцов и чашек пятнатцать, блюд четыре; медной посуды одна яндова неболшая, три стакана оловянных.

Да хлебная келья, в ней один Спасителев образ. При ней посуды медной два котла, да чаша неболшие. // (л. 4 об.) Деревянных чашок и ставцов дватцать пять, блюд пятнатцать.

Святые ворота полдненныя одне к реке Сухоне, деревянные рубленые. На них на одной стране Деисус со Апостолы, на второй стране образ Богоматере Казанской, оба пяднишные.

Погреб казенной один, а в нем припасов кроме ставленного квасу и прочих съесных потребных припасов никаких не имеется.

В ограде два хлебных анбара. В них хлеба на лицо три четверти, муки ржаной одна четверть, овсяной четыре четвертика, овса пять четвертей, пшеницы шесть четвериков, ячмени, гороху, семени конопляного не имеется.

Положения места пустыни длины на пятьдесят, поперег на двадцать на пять сажен. Ограды рубленные половина от Сухоны реки, а другая в заплотех.

За оградой имеется для сажения капусты один сад, которой в длину на десяти, поперег на семи саженьях. А более сего садов нигде не имеется.

Оной пустыни не в каких городех и уездех домов, и подворей школ, и в них учителей и учеников, и богаделен, как прежде сего небывало, так и ныне не имеется. // (л. 5)

3. В той пустыне против древнего установления надлежит быть настоятель, а ныне налицо строитель иеромонах Павел. Жалования два рубля в год. А других иеромонахов и монахов и иеродиаконов не имеется.

4. При той пустыне церковных причетников двое, которым денежного и хлебного жалованья не определено, а довольствуются они пищей и одеянием казенным. Приказных служителей при той пустыне не имеется.

При оной же пустыне записных по последней в 744 году бывшей ревизии 17 душ, да протчих служителей пустынных разных волостей крестьян Тотемского уезду 8 человек, которые подушные денги платят собой, и оным служителям никакого жалованья не определено, которыхья находятся в разных пустынных послушаниях и довольствуются они пищей от братцкой трапезы и одеянием монастырским.

Отставных двое человек, ис которых прапорщик Емельян Данилов на денежном жалованье Тотемского Суморина монастыря и с протчими Тотемского заказа пустынями, которому в складство выдается в год денег по четыре рубли по тридцати по три копейки с половиной, // (л. 5 об.) которой никаких вотчин, деревень и за старостию ево лет никакого ремесла не имеет. Второй солдат рядовой Федор Алексеев сын Котов, которому никакого жалованья не определено, кроме одной пищи и никаких вотчин деревень и ремесла за старостию ево не имеет. Итого всем оным в год производится денег 6 рублей 33 копейки с половиной.

5. К той пустыне приписная Богороцкая Ретченская пустыня в Тотемском уезде при реке Ретче по писцовым книгам в разстоянии от Голубинской пустыни в седми верстах. При ней церковь теплая ветхая во имя Введенья Пресвятыя Богородицы, деревянная об одном престоле.

В ней святых образов: Царские двери гладевые, писаны на красках. Над ними в верхнем ставе Деисус со Апостолы.

Подле Царския двери на правой стране образ Вседержителей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Подле оной образ храмовой Введения Пресвятыя Богородицы.

На левой стране между врат образ Богоматере Казанской.

Во Святом Олtare на горнем месте образ Спасителей.

За Престолом образ Богоматере Владимирской. // (л. 6)

На Святом Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми парчевые, бумажные.

Крест напрестолный благословящей деревянный, писан на красках.

Евангелие напрестолное, дестевое, новоправленное; Евангелисты оловяные, обложено голью красной.

А во оной церкви служенье бывает по Дванадесятым Господским и Богородичным праздникам означенной Голубинской пустыни священно-и церковнослужителями.

С церковным благолепием ризами и протчими потребными вещами, яко то есть свечами ладаном и церковным вином доволствуется от оной же Голубинской пустыни.

При оной же Ретченской пустыни скотцкой один двор. При оном дворе одна изба. При дворе скота: коней рабочих меринов и кобылиц пятеро, а неработных не имеется, коров дойных и недойных семь, бычков и телиц больших и малых одиннадцать, один порос. Итого двенадцать. Овец больших и малых одиннадцать.

Онбаров хлебных два. В них хлеба налицо: ржи три четверти, овса пшеницы и ячмени не имеется.

Гумно и два овина покрыты еловым жолобьем на столбах. // (л. 6 об.)

При означенной пустыне по Жалованым Блаженные и вечной славы достойная памяти государя императора Петра Великого самодержца Всероссийского и благочестивейшаго государя, царя и великого князя Иоанна Алексеевича всея России и по писцовым дачам земли, на которую сеется ржи по шти, овса по шестнадцати четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сенного покосу на сто на пятьдесят копен.

Приписных ко оной пустыне по последней в 744 году бывшей ревизии душ не написано и крестьян не имеется. А работа при оной пустыне отправляема бывает означенной Голубинской пустыни служителями и наемными людьми повсягодно.

6. За той Голубинской пустыней по Жалованым вышеписанных государей, царей и великих князей грамотам и по писцовым дачам вотчина в Тотемском уезде в Стрелицкой волости деревня Брюхово, в разстоянии от оной пустыни в 14 верстах.

При ней двор скоцкой и одна изба. При оном дворе скота: коней рабочих меринов и кобылиц пятеро неработных, один малой жеребчик. Итого шестеро. // (л. 7) Коров дойных и недойных шестеро, малых быков и телиц четверо. Итого десять. Овец больших и малых пятнадцать, свиней шесть.

Гумно и два овина некрытые.

А при оной деревне по последней 744 году ревизии душ не написано, а работают в той деревне наемныя люди повсягодно.

При оной деревне пахотной земли на которую сеется ржи по пяти, овса по пятнадцати четвертей в поле в в дву по тому ж. Сена ставится по сту по штидесяти копен.

При оной деревне хлебной онбар, в нем хлеба налицо ржи две, овса пять четвертей.

Во оном же Тотемском уезде в Молской волости в Завотченской трети деревня Ржаник, в расстоянии от оной Голубинской пустыни в 25 верстах. В ней монастырской двор и при нем одна изба. При оном дворе скота: коней меринов и кобыл рабочих пятеро, а неработных одна сегодняшняя кобылочка. Итого шестеро. Коров дойных и недойных десять, телиц и бычков больших и малых семь, один порос. Итого восемнадцать. Овец больших и малых четырнадцать, свиней трое больших. // (л. 7 об.)

Хлебной онбар, в нем хлеба налицо ржи три четверти четыре четверика, овса шесть четвертей. Гумно непокрыто, и при нем два овина покрыты еловым жолобьем.

Земли пахотные по писцовым 196 году дачам, на которую сеется ржи емь, овса четырнатцать четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке Вотче и по протчим местам всего ставитца по двести копен.

При оной деревне по последней 744 годе бывшей ревизии душ не написано, а работа бывает наемными людьми.

Из вышписанной пашенной земли в деревнях в тягле осмаков по сколку быть надлежит, яко по здешнему за необыкновением разчисленья издревле не имелось, и никакого иного расположения и ныне не имеется.

На речке Ретче мукомолная мельница о двух поставах, в том числе одна толчеха, со всеми мельнишными железными и древянными струменты, находу, которая в разстоянии от Голубинской пустыни в полуторе версте.

Вторая мельница в Тотемском уезде в Молской волости на реке Вотче на одной плотине о двух поставах, на ходу, в разстоянии от пустыни Голубинской в 25 верстах. При оной мельнице изба для приезжих помолцов.

При оной ж Голубинской пустыни за оградой скотцкий двор новой, в разстоянии // (л. 8) от ограды 60 саженьх, для пустынной надобности ради содержания скота коней коров и овец, которой прежде сего имелся, длиною на 15 шириною на 5 саженьх.

При том дворе скота: коней работных меринов и кобыл шестеро, неработных восмеро. Итого четырнатцать. Коров дойных и недойных двенатцать, малых телиц и быков дватцать. Итого тритцать две. Овец малых и болших семнатцать.

При той пустыне пашенной земли по писцовым дачам, на которую сеется ржи по семи, овса по четырнатцать четвертей в поле, а в в дву по тому ж. Сенных покосов на двести копен.

Гумно и при нем два овина, да соломенник на столбах, покрыты еловым жолобьем.

А рыбных ловель, поверстных лесов и заповедных рощей, как при оных пустынях и при вышписанных деревнях, так и при других местех, и в тех деревнях управителей и писцов не имеется.

В наличности казенного хлеба в означенной Ретченской пустыне ржи три четверти, пшеницы, ячмени и овса не имеется. В деревне Брюхове ржи две, овса пять четвертей. В деревне Ржанике ржи три четверти четыре четверика, овса шесть четвертей. // (л. 8 об.)

7. С тех вотчинных деревень во оную пустыню неокладных хлебных доходов в зборе бывает в год ржи по тритцать овса по пятьдесят четвертей, болше и менше.

Неокладного доходу бывает в год за проданной скот коней коров и овец по 20 рублей. Да в проездные архиерейские подводы збирается вспоможение с церквей по 5 рублей. С мельниц помолных денег в год по 25 рублей. Выводных денег за баб и девок не бывает.

Хлеба при оной пустыне зростающего в полях приплодного ржи по дватцать девять, овса по шестьдесят четвертей больше и меньше. Пшеницы, ячмени, гороху, семени конопляного в посеве не всегда бывает за нерождением.

Сенных покосов при той Голубинской пустыне в лугах и по реке Сухоне по двести пятьдесят пять копен. Всего сена ставится в год при оных пустынях и при вотчинных деревнях по семсот осемдесят четыре копны, больше и меньше.

При оных пустынях лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и болота от речки Ретчи до речки Голубицы три версты, поперег верста.

Столовых припасов, яко то есть семени конопляного, сыров, масла всякого, яиц, ягод, грибов, орехов и конюшенных припасов, телег, саней хомутов, дуг, оглобель, оброт, вожжей, веревок, мешков, рогож, ведер, лубков, дров взборе никогда не бывает, да и собирать не с кого, понеже при оных пустынях крестьян записных никого не имеется, а работают в пустынях и деревнях служители и наемные люди.

Скрепя по листам 2-8 об.:

К сей ведомосте / Тотемского / заказу / и уезду / Рождественской / Голубинской / пустыни / строитель иеромонах Павел подписуюсь.

III

1769 г. сентября 10. – Описание церквей и церковного имущества Голубинского Рождественского прихода¹⁰⁹¹

(л. 102) 1769 года сентября 10 дня опись учиненная в силу присланнаго Ея Императорскаго Величества из Духовной Преосвященнаго Иоанна епископа Великоустюжского и Тотемского Консистории в Тотемское духовное правление минувшаго июня 21 дня указу онаго Духовнаго правления присутствующим протопопом Иаковом Богословским коликое число имеется Тотемского уезду в упраздненной Голубинской пустыне, а ныне Рождественском приходе святых церквей, в них святых икон с приклады и всякаго церковнаго благолепия, священническаго облачения и протчаго всякаго казенного имущества, а чего имянно значится ниже сего.

В означенной Рождественской деревянной <холодной> церкви во Святем Олтаре на Престоле и на Жертвеннике одежды бумажные. Антиминс новый, литон полотняной чистой.

Священные сосуды оловянные двои ковчег и Дароносица оловянные.

Евангелиев напрестолных два, из коих один обложен бархатом черным, второе обложено бархатом красным, Евангелисты на обоих серебряные.

¹⁰⁹¹ ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1490. Л. 102-104.

Крест благословящий деревянный, обложен серебром.
Завесы и пелены на Престоле и на жертвеннике бумажные.
Воздухов и покровов тафтяных одни, бумажные одни ж.
Кадил два, медные. Укропник, чаша водоосвящальная, медные крушка
и два блюда все оловянные, крапило <...>.

Святых образов на горнем месте: 1-й Отечество, 2-й над жертвенником Богоматере Одигитрие, 3-й Архангела Михаила, 4-й святая великомученицы Екатерины.

Царские Двери резные посеребрены, на них писаны Благовещение с Евангелистами на красках.

Подле оные образ Нерукотворенный.

Образ Богоматере Казанской, на нем венец и цата серебряные, поля серебряные, убрис жемчужный. // (л. 102 об.)

Образ храмовой Рожества Пресвятыя Богородицы.

Против правого крылоса образ Богоматере Казанския и в молении святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев на Проконии венец серебрянный, на Иоанне медный.

Между врат образ Богоматере Одигитрие, венец деревянный с резью под золотом.

Против левого крылоса образ Богоматере Казанской, на нем венец и цата медные с позолотою.

На пономарских дверех образ святого первомученика и архидьякона Стефана.

Над Царскими дверми Деисус с дванадесятыми празниками, над оными Господь Бог Саваоф со Апостолами и Пророками.

Две хоругви.

За правым крылосом образ святителя Николая Чудотворца.

За левым крылосом образ Богоматере Казанской, на нем венец деревянной, резной, позолоченной.

Подле оного образ Спасителей и в молении святителей Модеста и Власия.

Образ святая великомученицы Параскевы нареченная Пятницы с житием, да образ по стене поставлен Успения Богоматере, в киоте резной, посеребренной.

Паникадило медное, небольшое.

В теплой второй деревянной же во имя Рожества Христова церкви во Святом Олтаре на Престоле и на Жертвеннике и завеса над Царскими дверми бумажная. Антиминс новый, литон чистый.

На означенном Престоле крест благословящий деревянный, писан на красках. Покров парчевой бумажной.

Во оном Олтаре святых образов 1-й Собор и суд изр<аильс>кия на Господа нашего Иисуса Христа, 2-й Преображения Господа Иисуса <и> прочих святых, на них венчиков пять, все серебряные с позолотою. // (л. 103)

На горнем месте образ Отечество, Апостола и Святители, пятичной.

В церкви Царские двери гладевыя, Евангелисты писаны на красках.

Протчих святых образов подле оные: 1-й храмовой Рождества Христова, на нем венец и цапа серебряные с позолотою, на той же цке в лицах святых шесть венцов маленьких серебряных с позолотою, 2-й Собор Пресвятыя Богородицы, 3-й Введения Пресвятыя Богоматере, 4-й Успения Богоматере.

Против правого крылоса образ святителя Петра митрополита Московскаго.

По леву руку Царских врат образ Богоматере Неопалимыя Купины, на ней венец и цапа серебряные с позолотою, на оной же цке дванадесятые праздники.

На пономарских дверех образ святого пророка Даниила.

Против левого крылоса образ Знамения Богоматере и при ней в молении преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Над Царскими дверми Деисус со Апостолы.

На аналое положенный образ Богоматери Знамения, пятичной, венец и риза серебрянные без позолоты, да при оном же на створах писаны лики святых.

В трапезе образ Спасителей и в молении преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Образ же святыя великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы.

Вместо паникадила лампадка жестяная. Протчих лампад во обоих церквах: медных три; жестяных шесть, в том числе у двух кисти шелковые; подсвешник жестяной; второй малой, который поставляется на столе при отправлении панихид.

Книг дестевых: Евангелие учительное толковое; Апостол; Триоди постная и цветная; Псалтирь следованная; Охтаев гнездо; Минеи две – общая святым и праздничная; Минеи месячных весь год; Прологов весь год; Требник болшей; Межевая инструкция. // (л. 103 об.) В полдесть: Службеников три; Ирмолог; Требник; Канонник; Катихизисов два; Известие учительное; Евфрем <...>; Молебное пение о бездождии и ведре. В четверть: Букварь; Чин исповедания; Ектении и молитвы о победе на супостатов. И оные книги имеются все новоисправные, а старопечатных книг не имеется.

Священнических одежд: Подризников три, в том числе один китайной, второй крашенной, третий холщевой печатной. Епитрахилей шесть, в том числе первая отласная, на ней пугвиц серебряных девять, вторая парчевая, пугвицы медные и бумажных четыре. Поясов нитяных два, поручей бумажных четверы. Риз: шелковых разных цветов четверы, бумажных трои, крашенных двои, полотняных двои. Стихарей диаконских два, в том числе один шелковой, другой бумажной, оплечье камчатое. Орарь шелковой. Церковнической стихарь полотняной <...>.

Церковной денежной казны в наличии ныне два рубли.

Колоколя деревянная ветхая, на ней колоколов шесть, ис коих болшей девять пуд с половиною, а прочим пяти весу не показано.

В приписной ко оной бывой пустыне Ретченской в церкви Введения Пресвятыя Богородицы во Святом Олтаре на Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми бумажные. Антиминс и литон новые.

Евангелие на престолное дестевоe, одето голью красной, на нем Евангелисты оловянные.

Крест благословящий деревянный, писан на красках.

Сосуды оловянные одни.

Воздухов и покровов бумажных одни.

Пелены на Престол и на Жертвенник кумашные.

Святыx образов: 1-й Богоматере Казанской с ручкой, 2-й Крест болшей, на нем писано Распятие Господне.

Кадило медное. *//(л. 104)*

В церкви Царские двери, гладевые, Евангелисты писаны на красках.

Подле оные святыx образов: 1-й Спасителей, 2-й храмовой Введения Богоматере Казанской, и на пономарских дверех святого первоученика и архидьякона Стефана.

Над Царскими дверми Деисус со Апостолы.

Вместо лампад подсвешники деревянные, крашенные, старинные.

Когда во оной церкви священнослужение бывает, тогда принадлежащие к священнослужению нужнопотребности приносятся бывают из вышереченной упразненной пустыни.

Сие вышеозначенное по сей описи церковное благолепие и казенное имущество должны хранить во всяком бережении оной церкви священник с пономарем в том они при сем подписуются.

Скрепя по листам 102-104:

К сей описи / вышеписанной церкви / священник Гаврил руку приложил.

Вместо приложения КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ СЕВЕР»: ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ

Более 80 исследователей со всей страны собрал в Тотьме Первая межрегиональная научная конференция «Русский Север».

В праздничные выходные февраля в Тотьме состоялась первая межрегиональная конференция «Русский Север-2017. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия». В город на Сухоне съехалось более 80 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Челябинска, Архангельска, Северодвинска, Сыктывкара и ряда других городов страны, в том числе – представители МГУ им. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Российской национальной библиотеки, библиотеки Академии наук Санкт-Петербурга.

Организатором конференции выступило Тотемское музейное объединение при поддержке Департамента культуры и туризма Вологодской области и Администрации Тотемского района.

Директор ТМО Алексей Новосёлов рассказывает: *«Наша конференция не ставит перед собой глобальной цели объединить разобщённые границами регионов, социальным положением, законами страны и повседневными хлопотами научное сообщество. Однако она способна привлечь внимание исследователей – историков, культурологов, социологов – на хотя бы один конкретно взятый район Русского Севера, так называемое Среднее Посухонье. И прежде всего, безусловно, на Тотьму. Этот город нуждается не только во внимании к его существующим достопримечательностям и музейным коллекциям; он нуждается во внимании к своему прошлому и к систематическому изучению сохранившихся пластов историко-культурного наследия. Так сложилось, что Тотьма как исторический город Русского Севера изучена всё-таки меньше, нежели её «собратья» по «Серебряному ожерелью России»: Каргополь, Великий Устюг, Кириллов, Сольвычегодск».*

В рамках пленарного заседания и восьми секций конференции обсуждались различные аспекты историко-культурного и природного наследия Русского Севера: архитектура, этнография и фольклор, архивные письменные источники, содержание музейных фондовых коллекций. Был затронут широкий спектр вопросов, включающих сохранение как памятников, так и средовой застройки современной Тотьмы. Помимо того, участники конференции смогли посетить все музеи города,

пообщаться с автором макетов деревянных храмов Валентином Покладом, своими руками изготовить тотемские сувениры в Петровской детской художественной школе, посетить места, связанные с «тотемским барокко»: Матвеево, Вожбал, Усть-Печеньгу.

На конференции состоялась презентация новых книжных изданий о Тотьме. Профессор МГИК Николай Решетников представил книгу «Русский Север. Тотьма. Путевые встречи». В ней в увлекательной и доступной форме рассказывается о прошлом и настоящем Тотьмы через призму личных впечатлений автора и через взятые им у музейных сотрудников интервью. Примечателен тот факт, что книжку Николай Решетников издал на собственные средства и весь тираж (1000 экземпляров) подарил музейному объединению. Известный вологодский писатель-краевед Александр Быков рассказал собравшимся о своей новой приключенческой повести «Агдика», в которой рассказывается о тотемских мореходах и строительстве храмов города. Презентацию сопровождали музыкальные композиции в исполнении Ольги Зайцевой.

Сборник материалов конференции был издан до начала мероприятия. В ближайшее время все интересующиеся историей и культурой Русского Севера смогут ознакомиться с ним в областной библиотеке имени Бабушкина, также сборник можно приобрести в музеях Тотьмы. А само мероприятие решено сделать ежегодным.

Начальник отдела туризма и общественных проектов администрации Тотемского района Артём Чернега отмечает: *«Стимулирование процессов внимания к наследию города, привлечение в наш край учёных, краеведов-исследователей и просто энтузиастов, которые восторженно открывают для себя Север – вот одна из главных целей той конференции, что мы собрали впервые в феврале 2017 года. Мы надеемся, что благодаря объединению думающих и неравнодушных людей Тотьма станет одной из тех точек притяжения научного сообщества страны, которые станут актуальными на долгие годы».*

Портал «Культура в Вологодской области» cultinfo.ru

5 дней, 93 участника, 70 докладов: в Тотьме завершилась научная конференция «Русский Север-2018».

В течение пяти дней в Вологде и Тотьме проходили мероприятия второй Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север-2018: проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия». Участие в ней приняло более 90 человек из целого ряда регионов России: Архангельской, Вологодской, Ярославской областей, Республик Коми и Карелия и других; наибольшее количество выступающих прибыло из Москвы и Санкт-Петербурга.

В числе участников были представлены учёные, сотрудники вузов, музеев, картинных галерей, специалисты администраций, краеведы,

эксперты из МГУ, СПбГУ, РГГУ, ЦНИИП Минстроя РФ и ряда других организаций. Почётным гостем мероприятия стал Михаил Исаевич Мильчик – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, автор множества книг и статей, посвящённых наследию Русского Севера.

Первый день конференции, предвещающий основную научную программу, состоялся в Вологде. Впервые соорганизатором конференции выступил Вологодский государственный университет в лице кафедры теории, истории культуры и этнологии. Выступая с приветственным докладом перед собравшимися, заведующий кафедрой Роман Красильников выделил некоторые особенности традиционного образа Русского Севера в контексте современной культуры, а также поставил вопрос о двух направлениях в сохранении наследия данного региона – музеефикации и брендинговании.

Пленарное заседание, открывшееся в Тотьме, приветствовала заместитель начальника управления туризма и музейной деятельности Департамента культуры и туризма Вологодской области Ирина Велиева, отметившая всё более выдающуюся роль музеев региона в сохранении историко-культурного и природного наследия.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады, касающиеся города Тотьмы и его роли в контексте культуры Русского Севера. Поскольку конференция была посвящена памяти недавно скончавшегося художника Георгия Попова, состоялось также сообщение на тему тотемских мотивов в его творчестве, которое подготовила сотрудница Тотемского музейного объединения Вера Галушкина. В рамках мероприятия участники смогли ознакомиться с выставкой работ выдающегося вологжанина, мастера наивной живописи.

В рамках конференции состоялись заседания 11 секций. Рассказывает директор ТМО Алексей Новосёлов: *«Поскольку наш проект культурологичен, а культурология – междисциплинарная область, отрадно видеть, что были представлены секции по различным направлениям изучения Русского Севера. Это и литературоведение, и история, и география, и реставрация, и музеология, и туризм. Отдельная секция была посвящена проекту РГГУ «Северный шелковый путь», который вызвал бурное обсуждение среди участников мероприятия».*

На третий день мероприятия состоялось восемь дискуссионных сессий, из которых самую острую полемику вызвала сессия, проведённая Михаилом Мильчиком и касающаяся сохранения исторической застройки в малых городах. Участниками дискуссии стали мэр Тотьмы Анатолий Скорюков, сотрудник ЦНИИП Минстроя РФ Любовь Кубецкая, председатель комитета по сохранению объектов культурного наследия Вологодской области Елена Кукушкина, директор ТМО Алексей Новосёлов, градозащитник Елена Смиренникова.

Для гостей была подготовлена обширная культурная программа. С музыкальной гостиной «Русский Север» в рамках открытия конфе-

ренции выступил коллектив Тотемской ДМШ. В заречном бору за рекой Сухоней состоялся «Рубцовский костёр», в рамках которого исполнялись песни и читались стихи Николая Рубцова. Участники посетили музеи Тотмы и Вологды, стали зрителями открытия выставочного проекта Александра Пестерева и Леты Югай «Имена». В завершающий день гости совершили поездку в вологодско-костромское пограничье, посетив село Никольское, недавно ставшее выявленным объектом культурного наследия «Духовная родина Николая Рубцова», а также город Солигалич и музейно-туристский комплекс «Терем в Асташово».

В резолюцию конференции были включены пункты о необходимости разработки отдельных подзаконных нормативных актов, утверждающих понятие «историческое здание» на уровне региона, о необходимости продолжения книжной серии фотоальбомов «Осколки времени», о создании памятника Николаю Рубцову в селе Никольском.

Доклады, включённые в программу конференции, опубликованы в сборнике материалов «Русский Север-2018», который вышел в свет 1 марта. Приобрести сборник можно в музеях Тотмы, а ознакомиться с его содержанием – в Вологодской областной научной библиотеке. Организаторы планируют, что научные встречи на тотемской земле, посвящённые Русскому Северу, продолжатся в будущем году.

Портал «Культура в Вологодской области» cultinfo.ru

НЕКОТОРЫЕ ОТЗЫВЫ УЧАСТНИКОВ

«Тотьмой я грезил давно. Как путешественнику, хотелось посмотреть на старинный городок Русского Севера. Как музейщику, познакомиться с опытом работы Тотемского музейного объединения, который в последнее время стал в профессиональной среде (по крайней мере, европейского севера страны) примером яркого динамичного развития, дающего огромный потенциал для туристического продвижения всей территории.

Случай для посещения выдался очень подходящий. От участия в программе «Музейный десант» счастливым образом остались средства (спасибо «Аэрофлоту», который к моменту покупки билетов организовал спецпредложения!). И активно проводящий в последние годы конференции Тотемский музей организовал тематически широкую конференцию – «Русский Север – 2017». С учетом небольшого количества накопленного материала по архитектуре Полярного 30-годов прошлого века решила, что участие в мероприятии – неплохой повод эту информацию представить и узнать мнение экспертов по тематике доклада.

В Тотме провела 4 дня общероссийских выходных в феврале. Не буду останавливаться на достопримечательностях места. Хотя понимаю, что обилие проводимых в Тотме конференций – это в первую очередь рас-

крытие и пропаганда туристического потенциала территории. Об этом напишу на другом ресурсе.

Что по итогам дало участие в конференции? Во-первых, в Тотьме собралось большое количество ученых-историков, краеведов, искусствоведов, специализирующихся на тематике Русского Севера. Безусловно, профессиональное общение дало множество интересных тем для обсуждения и наработок на будущие исследования. По результатам моего выступления, посвященного конструктивизму в архитектуре Полярного, мне удалось получить ряд советов и рекомендаций по дальнейшему исследованию данной темы. Знакомство с искусствоведом из Санкт-Петербурга Юлией Львовной Колосовой дало старт к решению проблемы реставрации некоторых наших музейных предметов. Общение с архитектором-реставратором Евгением Павловичем Варакиным позволило определить поисковые направления в исследовательской работе по конструктивизму.

Пожалуй, самые интересные моменты в посещении иногородних музеев – поиск «точек соприкосновения», которые могут сыграть важную роль в возникновении межмузейного сотрудничества. Как житель морского гарнизона такую взаимосвязь между Тотьмой и Полярным я нашла, естественно, в Музее мореходов. Еварест Александрович Баландин, житель Тотьмы, во время Великой Отечественной войны служил на Северном флоте и имел разрешение на фотосъемку военно-морской базы, кораблей, частей и моряков. А значит, он жил в Полярном, который на тот момент был главной флотской базой! Наряду с Робертом Диаментом, Евгением Халдеем он стал фотолетописцем Победы, а популяризация имени Баландина, а через его фотоработы – истории Северного флота возможно станет нашим совместным с Тотемским музейным объединением проектом.

Поездка удалась даже более полезной, чем я изначально себе представляла. Огромная благодарность всем организаторам мероприятия (не буду перечислять, дабы никого не обидеть) за отличную подготовку. Не смотря на мороз, в Тотьме было уютно и комфортно. А профессиональный кураж и дерзновения молодых руководителей вызывают огромное уважение».

*Анастасия Князева,
заместитель директора музея г. Полярный ЗАТО «Александровск»,
Мурманская область.*

«Огромное спасибо организаторам научной конференции «Русский Север-2017» за комплекс положительных эмоций и новых знаний! Поездка впечатлила! На центральной площади Тотьмы нас встретил глава города Николай Ярославцев. На улице морозило. Несмотря на это, глава читал нам стихи собственного сочинения – причем стихи замечательные, душевные. Проникновенность прочтения мигом согрела и самих

участников. Творческий дух сразу охватил настроение научной конференции.

Для нас провели ознакомительную экскурсию, которую многие отмечали в словах благодарности. Город действительно завораживает уютом и колоритом Русского Севера. А деятельность организаторов дополнила мои впечатления своей интерактивностью. Особенно мне запомнился Музей мореходов и командные соревнования. Это сплотило участников и дало возможность познакомиться поближе. Вечерний колокольный перезвон окунул нас в особую атмосферу. Нечто возвышенное наполнило наши сердца.

В таком возвышенном настроении прошли пленарные заседания. Были представлены весьма интересные и необычные исследования с глубоким историческим анализом. Официальная часть мероприятия прошла на высшем уровне. Однако вновь хочется вернуться к неформальной части. Самое интересное начиналось по вечерам. Мы собирались в холле гостиницы и общались. Там образовывались новые творческие связи, знакомства и происходило обсуждение ещё не реализованных проектов. Такие встречи дорогого стоят. Ну, и чай с северными ягодами по расписанию тоже показался чем-то новым в научной среде. Весьма оригинальное организаторское решение. Да и, в целом, уровень организации мероприятия очень высокий. Спасибо!»

*Василий Копытков,
историк, заместитель директора историко-культурного центра
«Светочъ», Москва.*

«Хочу выразить Вам огромную благодарность за возможность участия в Вашей конференции, возможность познакомиться с Вашим удивительным городом! Он оставил цельное, яркое и глубокое впечатление – и от ландшафта, и от музеев, и от самих тотьмичей. Думаю, что эта цельность – во многом заслуга деятельности, которая объединяет и отдельные филиалы, и образовательные учреждения, и отдельных творческих личностей, и всех жителей города. Город очень вдохновляет! Дошла до Троицкого храма, рассмотрела все дымники, все картуши, пообщалась с местными жителями, которые спокойны, добры, гостеприимны».

*Наталья Денисова,
заместитель заведующего Музейно-просветительским центром
Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства,
Москва.*

«Большое спасибо за высокий уровень всех мероприятий конференции. Все эти дни мы были окружены заботой и вниманием. Научная программа конференции была столь насыщенная, что каждый из участников смог получить большое количество профессиональной информации, обменяться взглядами на проблемы. Велика зависть наших коллег,

которые не смогли по разным причинам поехать, и теперь вместе с нами уже с сегодняшнего дня мечтают о следующей конференции и новых встречах с Тотьмой и всем чудесным коллективом сотрудников музея. Низкий поклон Вам за самоотверженный труд и профессионализм. Желаю Вам новых успехов».

С уважением, Т. Н. Ознобишина. Санкт-Петербург.

«Добрый день, дорогие, уважаемые коллеги!

Только вернулись домой и вспоминаем эти дни конференции. Большое всем спасибо за внимание, гостеприимство, искреннее радение о сохранении нашей культуры.

Кто был в первый раз в Тотьме, полюбил этот город. В разное время суток случайно встречались с участниками конференции в разных уголках города, все были вооружены фотоаппаратами и заворуженно смотрели на окружающую красоту.

Очень радостно было видеть весь ваш коллектив единомышленников.

Хотя понятно, что трудностей хватает, но тем более ценен ваш энтузиазм.

Всего самого доброго!»

С уважением, Екатерина Перова, доцент МГЛУ, Москва.

«Конференция в Тотьме оставила незабываемые и самые приятные воспоминания, которыми с удовольствием поделилась со своим коллегами. Организация, проведение, отношение к участникам и сама атмосфера заслуживают самой высокой оценки. Спасибо большое! Успехов в вашей культурно-образовательной работе!».

С уважением, М. М. Лоевская (МГУ).

«Уважаемые музейщики Тотьмы!

Большое спасибо за прекрасную организацию и все заботы об участниках – было очень интересно у вас побывать!

Особенная благодарность за оперативное издание сборника трудов и список участников с контактами – так быстро вы все сумели сделать, что сердце радуется за вашу замечательно ответственную и профессиональную работу.

С праздником и до новых встреч!».

С уважением, Тамара Юрьевна Семенова, Москва.

«За этот год посетил много конференций, редко какая выдаётся настолько колоритной, как получился «Русский Север»! Конференция в Тотьме – уникальное явление для культурной и научной среды. Немногие мероприятия, проводимые представителями гуманитарных учреждений, могут похвастаться той планкой профессионализма

и организации, что установили сотрудники Тотемского музейного объединения, начиная с первой же конференции в 2017 году.

«Русский Север» объединяет исследователей из самых разных уголков страны. Возможно, сейчас – это одна из немногих площадок, эффективных как для профессионалов, так и для начинающих деятелей науки. Доступность участия и ориентация организаторов на качественные результаты привели к созданию маленького центра научного притяжения, известного, в то же время, далеко за пределами северных широт. Центра, которого, возможно, давно не хватало.

Желаю вам дальнейших успехов, не останавливаться на достигнутом и оставаться верными своим благим идеям».

Иван Николаев, Москва.

Выступает Иван Николаев (Москва)

Выступает Ирина Савкова (Тотьма)

Мастер-классы в Петровской детской художественной школе

Николай Решетников презентует книжку «Русский Север. Тотьма»

Пленарное заседание. А. М. Новосёлов, Н. И. Решетников

Посещение творческого пространства АнтреСОЛЬ

Участники конференции 2017 года на открытии

Межрегиональная научная конференция
"РУССКИЙ СЕВЕР - 2017"

Шотьма

23-26 февраля

Участники конференции 2017 года

Участники музейно-фондовой секции

Участники пленарного заседания

Участники экскурсии с главой города Н. Н. Ярославцевым

Выступление Ирины Велиевой из областного Департамента культуры и туризма

Гости пленарного заседания

Заседание филологической секции

*Композиция в исполнении педагогов Тотемской детской музыкальной школы
и оркестра народных инструментов*

На выставке Валентина Поклада

Открытие выставки Александра Пестерева и Леты Югай в краеведческом музее

Поездка в Асташово. Перед теремом Мартьяна Сазонова

Поход по заснеженной Сухоне на Рубцовский костёр

Участники конференции 2018 года

Участники конференции на экскурсии в краеведческом музее

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Красильников Роман Леонидович, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», доктор филологических наук, профессор</i> Вместо предисловия. ФЕНОМЕНЫ РУССКОГО СЕВЕРА	3
<i>Всеволодов Антон Владимирович, Череповецкий государственный университет, г. Череповец</i> АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КАМКИН: ВРЕМЕНА И ТЕМЫ (ПАМЯТИ ИСТОРИКА)	8
Раздел первый	
ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА	22
<i>Черкасова Марина Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i> ТОТЕМСКИЕ АКТЫ XVII ВЕКА	22
<i>Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг – г. Москва</i> <i>Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, г. Тотьма</i> ТОТЕМСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1674 г. ПО МАТЕРИАЛАМ «ОТПИСКИ» ВОЕВОДЫ ИВАНА ВОЛКОНСКОГО «О КАЗНЕНИИ ЖОНКИ ФЕДОСЬИ»	30
<i>Головизнин Марк Васильевич, Институт глобализации и социальных движений, г. Москва</i> ХРАМОВОЕ БАРОККО ТОТЬМЫ, ВЯТКИ И ЗАПАДНОГО ЗАУРАЛЬЯ. ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА И КЯХТИНСКИЙ ТОРГ КАК СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ	39
<i>Притчина Валентина Алексеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> ИКОНОСТАСЫ В ЦЕРКВЯХ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА, МАСТЕРА И РЕЗЧИКИ ПО ДЕРЕВУ (XVI – НАЧ. XX ВВ.)	50
<i>Ромашкина Светлана Николаевна, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг</i> ЦЕРКОВНЫЕ МАСТЕРА ТОТЬМЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)	65
<i>Пшеницын Дмитрий Александрович, культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда</i> ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ НОВОКУНОЖСКОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.	75

<i>Полоцкая Ольга Владимировна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ В ТОТЬМЕ ИЗ-РАЗЦОВОГО ПРОИЗВОДСТВА	90
<i>Гладких Сергей Александрович, Котласский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Котлас, Архангельская область</i> ТОТЕМСКИЕ МОРЯКИ – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.	96
<i>Коренева Наталья Ивановна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> ПО ТУ СТОРОНУ ПРАВДЫ: ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛКОВ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА (НА ОСНОВЕ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ШАМУРИНЫХ – МАЛЫШЕВЫХ)	105
<i>Коренева Наталья Ивановна, МБУК «Тотемское музейное объединение», Рычкова Александра, МБОУ «Тотемская СОШ № 3», г. Тотьма</i> СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКОДВОРСКОГО СЕЛЬСОВЕТА ТОТЕМСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	112
<i>Кузнецова Светлана Васильевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ САНАТОРИЯ «ЗЕЛЁНЫЙ БОР» В ТОТЕМСКОМ РАЙОНЕ	116
<i>Пахнин Анатолий Владимирович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПОСЕЛЕНИИ РУССКОГО СЕВЕРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ СЕРЕДСКАЯ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА)....	125
<i>Новосёлов Алексей Михайлович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> ГОРОД ТОТЬМА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА	132
<i>Лу Вэнья, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, КНР</i> «ОСЕННЯЯ» ЭЛЕГИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ	163
<i>Савкова Ирина Сергеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i> СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ «ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ» ИЗ СОБРАНИЯ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ	168

<i>Правдина Мария Борисовна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАРФОРА И ФАЯНСА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ ПОСТУПЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ	180
<i>Макарова Ольга Николаевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i>	
КОЛЛЕКЦИЯ УТЮГОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ	188
<i>Филиппова Елена Валериевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i>	
КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОМАТЕРИАЛОВ Е. А. БАЛАНДИНА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ	197
<i>Фирсова Наталья Игоревна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма</i>	
НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1941–1945)	204
<i>Андреева Елена Павловна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i>	
ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «КРЕСТЬЯНСКАЯ УСАДЬБА» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА: НА МАТЕРИАЛЕ ТОТЕМСКИХ ГОВОРОВ	222
<i>Варникова Евгения Николаевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i>	
ЦАРЕВА – ОСТРОВНАЯ РЕКА (К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА)	231
Раздел второй	
РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ЛЮДИ	234
<i>Андрианова Лариса Сергеевна, АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей», г. Вологда</i>	
ИЗУЧЕНИЕ ВЛАЖНОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В ГРАНИЦАХ КРЕПОСТИ ИВАНА ГРОЗНОГО В ВОЛОГДЕ	234
<i>Адаменко Ольга Николаевна, ООО «Старый город», г. Вологда</i>	
РАЗОРЕНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В ВОТЧИНЕ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ: ПРОБЛЕМА «БЕЗВЕСТНО УШЕДШИХ» КРЕСТЬЯН	246
<i>Пугач Иван Васильевич, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i>	
ГОСУДАРЕВА РУГА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМЕТНЫХ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.)	257

<i>Порохина Светлана Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i> ВОЛОГОДСКИЕ ПОДЪЯЧИЕ В XVII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СМЕТНЫХ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТИ)	267
<i>Белогой Оксана Ивановна, Корицова Надежда Николаевна, БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск</i> РУССКОЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГРЫ: САМАРОВСКИЙ ЯМ.....	275
<i>Столбова Валентина Петровна, культурно-исторический центр «Светоч», г. Санкт-Петербург</i> ВКЛАД КАМЕНОТЁСА САМСОНА СУХАНОВА В ЦЕРКОВНУЮ АРХИТЕКТУРУ	283
<i>Ульянова Елена Софична, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i> СЕМИОТИКА АРХИЕРЕЙСКОГО БЫТА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО АРХИЕРЕЯ КОНЦА XIX ВЕКА	294
<i>Даен Мира Евсеевна, независимый исследователь, г. Вологда</i> «МЕЖ ПОРТРЕТОМ И ИКОНОЙ». ДВА ЦАРСКИХ ПОРТРЕТА XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ	302
<i>Лескова Ольга Владимировна, ВОО «Клуб делового общения», г. Вологда</i> ХРОНОТОП ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕМУАРАХ П. В. ЗАСОДИМСКОГО	309
<i>Дубровская Елена Юрьевна, Институт языка, литературы и истории Карельского научно центра РАН, г. Петрозаводск, Республика Карелия</i> РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В ВОСПРИЯТИИ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ СОБЫТИЙ	315
<i>Синицына Дженни Петровна, МБУК «Бабушкинский районный исторический музей», село им. Бабушкина, Вологодская область</i> СКВОЗЬ ВЕКА: ОТ ЗЕМСКОЙ К СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЛЕДЕНГСКОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ)	324
<i>Якушева Людмила Алентиновна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ВОЛОГДЫ И ЯРОСЛАВЛЯ	336
<i>Ванеева Светлана Михайловна, Иванова Ольга Александровна, ГПОУ «Сыктывкарский политехнический техникум», г. Сыктывкар</i> САМОРОДОК ЗЕМЛИ КОМИ В. А. САВИН	341
<i>Слепцова (Кызласова) Ирина Семёновна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва</i> СИМВОЛИКА И СЕМАНТИКА МАСЛЕНИЧНЫХ КОСТРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	346

<i>Воронина Татьяна Александровна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва</i>	
ВОЛОГОДСКИЕ КРАЕВЕДЫ О ТРАДИЦИОННОМ ПИТАНИИ КРЕСТЬЯН (XIX – НАЧАЛО XX В.)	356
<i>Фролова Александра Викторовна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА)	367
<i>Югай Елена Федоровна, Liberal Arts College Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва</i>	
ПОСЛЕДНИЕ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ	376
<i>Кортович Андрей Владимирович, Московский институт бизнеса и дизайна, г. Москва</i>	
О ДВУХ ПРОСТРАНСТВАХ ОРНАМЕНТИКИ СЕВЕРОРУССКОГО ТЕКСТИЛЯ И ИХ КОРРЕЛЯЦИИ С ПРОСТРАНСТВОМ ПРЕДМЕТНОГО МИРА	385
<i>Буковецкая Оксана Александровна, лаборатория естествознания КЦ ЗИЛ, г. Москва</i>	
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО КРАШЕНИЯ ТКАНЕЙ МЕСТНЫМИ ПРИРОДНЫМИ КРАСИТЕЛЯМИ	392
<i>Меккюсярова Ия Александровна, Музей музыки и фольклора народов Якутии, г. Якутск Республика Саха (Якутия)</i>	
ИГРА НА ХОМУСЕ – ИСКУССТВО И ТРАДИЦИОННАЯ ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	399
Раздел третий	
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА	408
<i>Решетников Николай Иванович, ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва</i>	
«ВОЛОГОДСКАЯ ПРОГРАММА» И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	408
<i>Терюков Александр Иванович, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург</i>	
МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ СЕВЕРУ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН	420
<i>Назанян Карина Георгиевна, ФБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»,</i>	
<i>Одинцов Алексей Михайлович, ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург</i>	
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	429

<i>Николаев Иван Романович, Институт современных исследований морского наследия, Горлов Иван Олегович, ООО «ЦМИ МГУ», г. Москва</i>	
АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ	434
<i>Чайка Елена Андреевна, Московский архитектурный институт (Государственная академия), г. Москва</i>	
РУССКИЙ СЕВЕР. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ ...	439
<i>Сорочинский Глеб Романович, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург</i>	
СВЯТО-ТРОИЦКАЯ ФИЛИППО-ИРАПСКАЯ ПУСТЫНЬ – ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	444
<i>Исаченко Григорий Анатольевич, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург</i>	
ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В XX–XXI ВВ.	452
<i>Голядкина Ангелина Игоревна, Ковалёва Юлия Владимировна, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург</i>	
ДЕРЕВЯННЫЙ ХРАМ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НЕЛАЗСКОЕ КАК ЧАСТЬ СРЕДОВОГО АНСАМБЛЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА, ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ	462
<i>Митюшева Татьяна Павловна, ИГ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми</i>	
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «СЕРЕГОВСКИЙ СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД» (РЕСПУБЛИКА КОМИ)	470
<i>Кильдюшова Наталья Алексеевна, Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Вологда</i>	
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ «НОЧЛЕЖНЫЙ ПРИЮТ» В «ДОМЕ ХРАПОВА» АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «СЕМЁНКОВО»	476
<i>Луцковская Елена Фёдоровна, МБУК «Северодвинский городской краеведческий музей», г. Северодвинск, Архангельская область</i>	
КОЛЛЕКЦИЯ БУТЫЛЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ АМБУРСКОЙ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ, АТРИБУЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ	484
<i>Александрова Анна Юрьевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Цапук Дмитрий Анатольевич, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль</i>	
МУЗЕИ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОМ ТУРИЗМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В г. ВОЛОГДЕ)	494

Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ 500

Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светоч», г. Москва

Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, г. Тотьма

**ТАФТЕНСКАЯ КАЗАНСКАЯ ПУСТЫНЬ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В СВЕТЕ
«РАЗБОЙНОГО ДЕЛА» ЕЁ СТРОИТЕЛЯ СТАРЦА ФЕРАПОНТА, 1671 г.** 500

Зенкова Ольга Борисовна, Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг – г. Москва

ТОТЕМСКАЯ ГОЛУБИНСКАЯ БОГОРОДИЦКАЯ ПУСТЫНЬ 525

Вместо приложения

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ СЕВЕР»: ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ 564

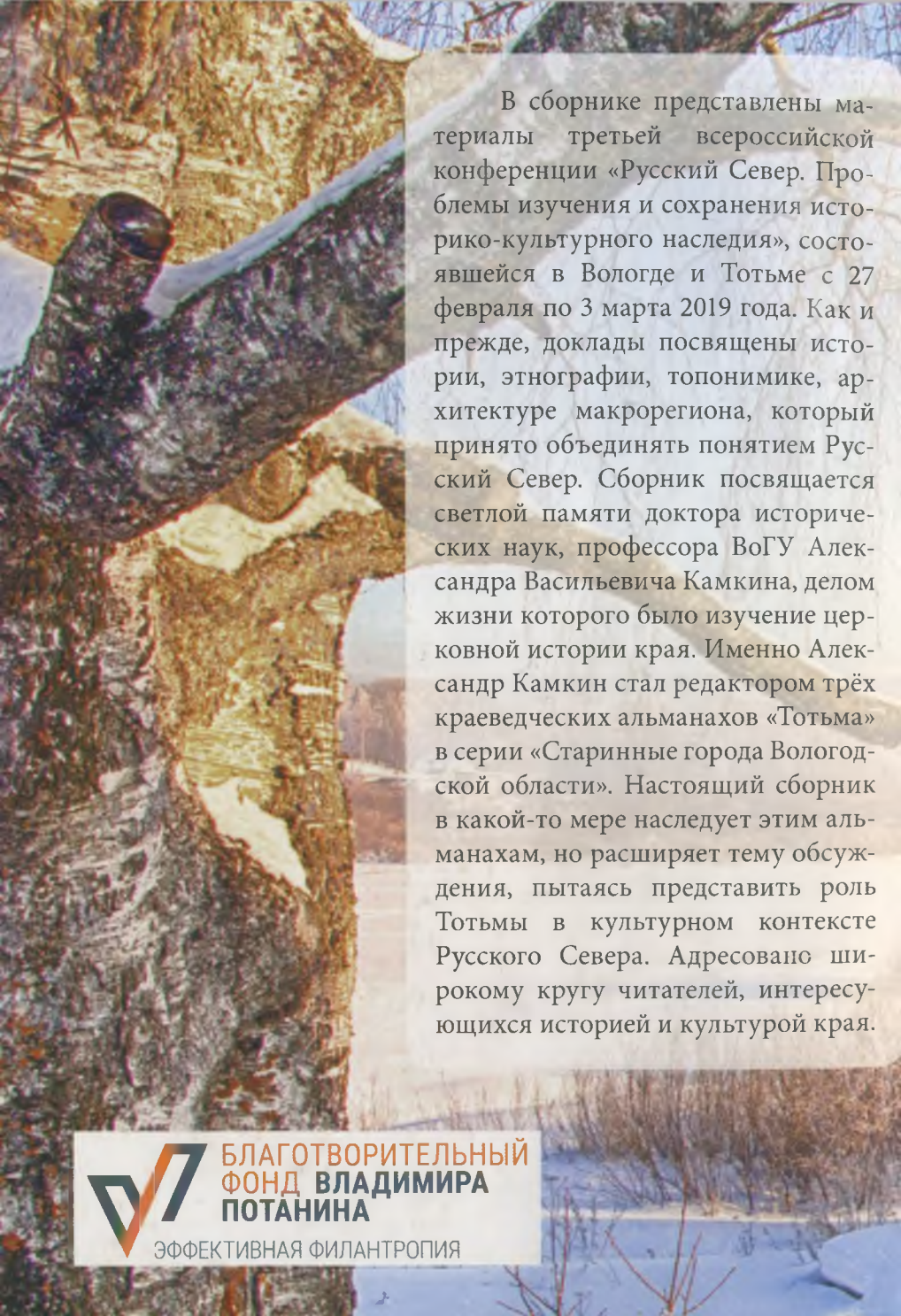
Научное издание

**РУССКИЙ СЕВЕР-2019:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

*Сборник работ III Всероссийской научной конференции
с международным участием*

Подписано в печать 25.02.2019. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,41.
Тираж 300. Заказ 1066.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com

В сборнике представлены материалы третьей всероссийской конференции «Русский Север. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», состоявшейся в Вологде и Тотьме с 27 февраля по 3 марта 2019 года. Как и прежде, доклады посвящены истории, этнографии, топонимике, архитектуре макрорегиона, который принято объединять понятием Русский Север. Сборник посвящается светлой памяти доктора исторических наук, профессора ВоГУ Александра Васильевича Камкина, делом жизни которого было изучение церковной истории края. Именно Александр Камкин стал редактором трёх краеведческих альманахов «Тотьма» в серии «Старинные города Вологодской области». Настоящий сборник в какой-то мере наследует этим альманахам, но расширяет тему обсуждения, пытаясь представить роль Тотьмы в культурном контексте Русского Севера. Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой края.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ФОНД ВЛАДИМИРА
ПОТАНИНА**

ЭФФЕКТИВНАЯ ФИЛАНТРОПИЯ